ISSN 0869-6063

Номер 1

Январь – Февраль – Март
2019

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

https://ras.jes.su

Российская Академия Наук

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 2019

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор
чл.-корр. РАН Л.А. Беляев

Редакционный совет:

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев (председатель),
акад. РАН А.П. Деревянко, акад. РАН Н.А. Макаров, акад. РАН В.И. Молодин,
д.и.н. М.Г. Мошкова, чл.-корр. РАН Е.Н. Носов, д.и.н. А.А. Тишкин, акад. РАН В.Л. Янин,
проф. А. Буко (Польша), докт. М. Вемхофф (Германия), проф. Т. Дарвилл (Великобритания),
проф. Ж.-П. Демуль (Франция), проф. Ф. Кол (США),
Я. Чехановец (Израиль)

Редакционная коллегия:

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, акад. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, к.и.н. А.Н. Гей, д.и.н. В.И. Гуляев,
д.и.н. Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
д.и.н. Н.А. Кренке, д.и.н. В.Д. Кузнецов, д.и.н. А.В. Чернецов

Заведующая редакцией
Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон (499)124-34-42
E-mail: ra@iaran.ru

Москва

© Российская академия наук, 2019
© Составление: Редколлегия журнала
"Российская археология", 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1, 2019

Гороховская культура в системе древностей раннего железного века Зауралья
Матвеева Н.П. 4

Скарабеоид из погребения 1 кургана 1/2015 могильника Чеботарев V на Нижнем Дону (о ближневосточных печатях в погребениях среднесарматского времени)
Трейстер М.Ю. 20

Археологическая культура позднеримского времени в предгорном Крыму
Храпунов И.Н. 32

О стакановидных керамических предметах из Центрального Предкавказья первой половины I тыс. н.э.
Березин Я.Б. 50

Планиграфический и хронологический анализ форм глиняных сосудов Подболотьевского могильника
Холошин П.Р. 60

"Новая история" "идола" из кургана Черная могила (X в.)
Мурашева В.В., Орфинская О.В., Лобода А.Ю. 73

Очаги-алтари из раскопок городища Джанкент в Южном Казахстане
Зиливинская Э.Д. 87

Публикации

Стратиграфия поселения эпохи бронзы Мочище в Южном Зауралье
Григорьев С.А. 101

Погребения раннесарматского времени из курганов у с. Ореховка Ставропольского края
Андреева М.В., Очир-Горяева М.А. 115

"Домовладение Тишфарна" на городище Пенджикент
Смирнова Л.О. 133

Полые зооморфные привески средневекового Новгорода
Покровская Л.В., Тянина Е.А. 146

Новые находки энколпионов XI – первой четверти XIII в. в Великом Новгороде
Олейников О.М. 161

История науки

Алексей Степанович Башкиров в Ярославле
Данилов Е.С. 177

Критика и библиография

С.И. Кочкуркина. Археология средневековой Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2017.
Хвощинская Н.В. 187

Хроника

К 90-летию В.Л. Янина
Редколлегия 191

Правила для авторов Author Standards 193

Content

Number 1, 2019

The Gorokhovo culture in the system of the Trans-Ural antiquities of the Early Iron Age
Matveyeva N.P. 4

A scaraboid from burial 1 of burial-mound 1/2015 of the Chebotarev V cemetery in the Lower Don area (about the Near Eastern seals in the nomadic burials of the Middle Sarmatian period)
Treister M.Yu. 20

Archaeological culture of the Late Roman period in the piedmont Crimea
Khrapunov I.N. 32

About cylinder ceramic objects from central Ciscaucasia of the first half of the 1st mill. AD
Berezin Ya.B. 50

Planigraphic and chronological analysis of the shapes of clay vessels from the Podbolotyevsky burial ground
Kholoshin P.R. 60

"New history" of the "idol" from the mound Chernaya Mogila (10th c.)
Murasheva V.V., Orfinskaya O.V., Loboda A.Yu. 73

Hearth altars from the excavations of the ancient settlement of Jankent in Southern Kazakhstan
Zilivinskaya E.D. 87

Publications

Stratigraphy of the Bronze Age settlement of Mochishche in the Southern Trans-Urals
Grigoryev S.A. 101

Burials of the early Sarmatian period from the mound at the village Orekhovka in Stavropol Territory
Andreyeva M.V., Ochir-Goryaeva M.A. 115

The "Household Of Tishfarn" in the settlement of Penjikent
Smirnova L.O. 133

Hollow zoomorphic pendants from medieval Novgorod
Pokrovskaya L.V., Tyanina E.A. 146

New finds of encolpios of the 11th – the first quarter of the 13th century in Veliky Novgorod
Oleynikov O.M. 161

History of Science

Alexey Stepanovich Bashkirov in Yaroslavl
Danilov E.S. 177

Review of Books

S.I. Kochkurkina. Archaeology of Medieval Karelia. Petrozavodsk: Karelian Research Centre RAS, 2017.
Khvoshchinskaya N.V. 187

Chronicle

To the 90th anniversary of V.L. Yanin
Editorial 191

Author Standards 193

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2019, № 1, с. 4–19

ГОРОХОВСКАЯ КУЛЬТУРА В СИСТЕМЕ ДРЕВНОСТЕЙ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЗАУРАЛЬЯ

© 2019 г. Н.П. Матвеева

Тюменский государственный университет, Россия

E-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru

Поступила в редакцию 29.01.2018 г.

Рассматривается место гороховской культуры в схеме историко-культурных таксонов Зауралья. Автор обосновывает функциональное различие двух ранее выделенных типов посуды: воробьевского как кухонного и тарного, гороховского – как столового. Совместное залегание их на всех поселениях позволяет объединять памятники в одну гороховскую культуру. Оригинальность архитектуры жилищ и городищ, способов лепки сосудов, культовых предметов и погребальных памятников не разрешает рассматривать гороховскую культуру ни как этап, ни как локальный вариант саргатской. Не совпадают ни их ареалы, ни хронология их существования, ни основные характеристики материальной сферы. Население гороховской культуры занимало северо-восточную периферию мира уральских кочевников в конце VI–III в. до н.э. и посредничало в обмене с лесостепными группами, а также конкурировало с ними за пастбищные угодья и торговые пути. Исчезновение гороховской культуры интерпретируется как миграция ее населения на Южный Урал в IV–III вв. до н.э. под давлением носителей саргатской культуры.

Ключевые слова: Зауралье, лесостепь, номады, гороховская культура.

DOI: 10.31857/S086960630004109-8

Зауральское население, расселявшееся на реках восточных склонов Среднего Урала в раннем железном веке, оставило памятники гороховской культуры. Они были выделены К.В. Сальниковым и датированы им второй половиной I тыс. до н.э. (Сальников, 1962. С. 23). Тогда саргатская культура не была еще определена как самостоятельная, и все древности рассматривались совместно. В 1969–70-х годах В.Е. Стоянов по материалам разведок и раскопок Уральской археологической экспедиции очертил нынешний ареал гороховской культуры, и датировал ее в пределах V–II вв. до н.э. На той же территории он локализовал более ранние памятники воробьевского типа, определив их хронологию VI–IV вв. до н.э. (Стоянов, 1969. С. 245; 1970. С. 60), и включал их в исетскую культуру вместе с иткульскими, против чего аргументированно возражала Г.В. Бельтикова (1977. С. 119, 120), характеризуя особым образом структурированное общество, участвовавшее в региональном разделении труда в качестве горняков и металлургов. Оценка иткульской культуры как специфической в инвентаре, постройках и хозяйстве в дальнейшем была поддержана В.А. Борзуновым (1992. С. 100), А.Д. Таировым (2000. С. 60), В.А. Захом и О.Ю. Зиминой (2001) и др. Точку зрения В.Е. Стоянова модифицировала С.Е. Пантелеева, усматривая в совместном залегании керамики воробьевского и гороховского типов на поселениях взаимодействие населения, проживавшего на одной территории, но изготавливавшего посуду по разным канонам, отражающее дуально-фратриальное деление (Пантелеева, 2010. С. 94).

Л.Н. Корякова вслед за В.Е. Стояновым продолжает рассматривать воробьевский тип памятников в рамках “исетской ассоциации”, объединяя их с иткульской культурой горнолесного Урала (Корякова, 1991. С. 30). Гороховские памятники на той же территории она интерпретировала как результат влияния южно-уральских кочевников на местную среду (там же) и как следы жизни гороховского племенного союза, сложившегося практически одновременно с саргатским (Корякова, 1988. С. 165). Мною в 1987 г. по материалам собственных раскопок и сравнительному анализу коллекций шести изученных к тому времени поселений была показана преемственность воробьевского и гороховского типов, они были

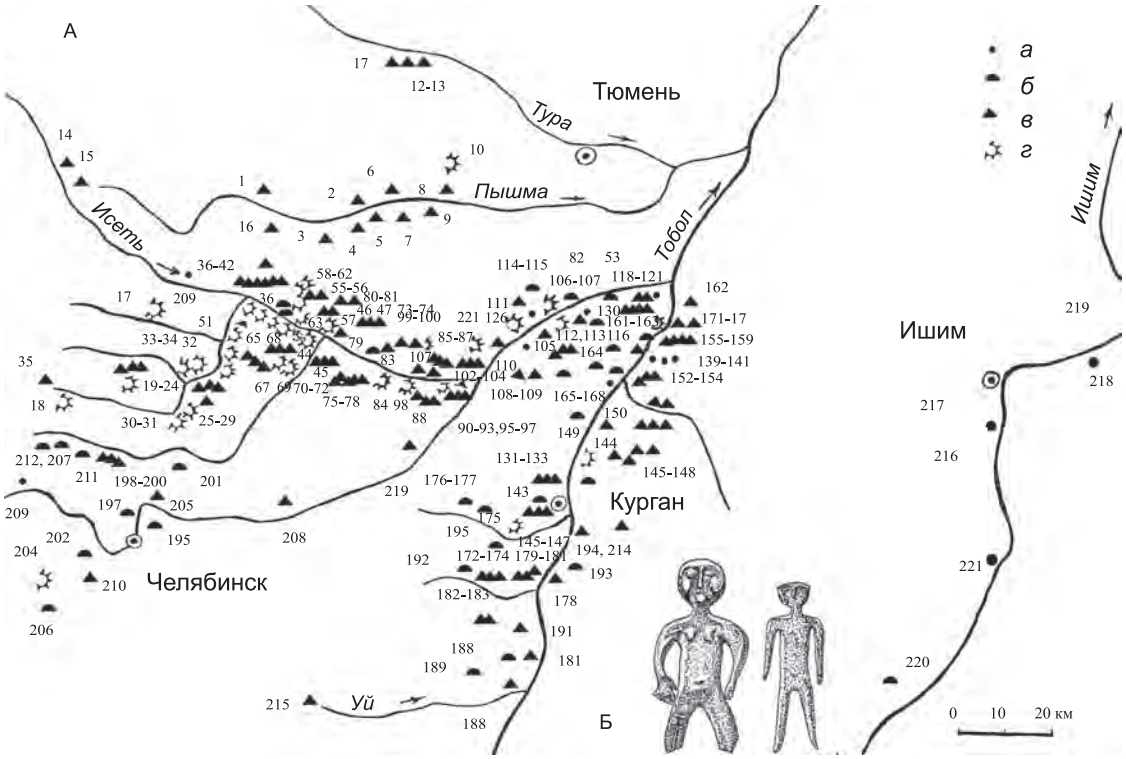


Рис. 1. Схема локализации памятников гороховской культуры (А) и фигурки Сапоговского клада (Б): 1 – Сухоложское; 2 – Коровяковское-1; 3 – Раздольное; 4 – Духовое; 5 – Усть-Дернейское; 6 – Чупинское; 7 – Маяк; 8 – Балаирское; 9 – Гляденовское; 10 – В. Зотинское; 11 – Шушанское-1; 12 – Бекановское; 13 – Куртугуз-1; 14 – Юртино; 15 – Малахово; 16 – Коровяковское-2; 17 – Пузановское-4; 18 – Иртяшское; 19 – Юшковское; 20 – Сигрякское 1,2; 21 – Б. Сигрякское; 22 – Казахбаевское; 23, 24 – Гусиное-6 и 8; 25 – оз. Маяк; 26 – Чеснокова Пашня; 27 – Кривой язык; 28 – Зубчатое; 29 – Солянобродское; 30 – М. Казахбаевское; 31 – Б. Казахбаевское; 32 – Матайкул; 33 – Д. Багарякское; 34 – Б. Каменогорское; 35 – Исток; 36, 37 – Лужковское 1 и 2; 38 – Ипатьевское; 39 – Воротниковское; 40, 41 – Ушаковское-1 и 2; 42 – Катайское; 43 – Никитинское; 44, 45 – Катайское-2 и 3; 46, 47 – Верхнеярское 1 и 2; 48 – Усть-Синарское; 49 – Никитинская стоянка; 50 – Катайское-1; 51 – Зыряновское; 52 – Дегтяревское; 53 – Марьино Ущелье-5; 54 – Катайский; 55, 56 – Вырское-3 и 4; 57 – Верхнеярское; 58, 59 – Ясеневское-1 и 2; 60 – Максимовское; 61, 62 – Сухринское-1 и 2; 63 – Красномыльское; 64 – Носиловское; 65 – Черноярка; 66 – Савина; 67, 68 – Б. и М. Ильинские; 69 – Далматова; 70 – Затечинское; 71 – Борки; 72 – Синицкое-1; 73 – Воробьевское; 74 – Мыльниковское; 75 – Воронинское-1; 76 – Деулинское-3; 77 – Н. Ярское-3; 78 – Воронинское-2 и 4; 79 – Боровое; 80 – Бл. Ольховка; 81 – Суварыш; 82 – Исетский; 83 – Замараево; 84 – Полевское; 85 – Бабарыкинское; 86 – Ильтяшские дюны; 87 – Пирожки; 88 – Квашнинские дюны; 89 – Прыговское; 90 – Татарский бор; 91 – Мишагинские; 92 – Мурзинское; 93 – Мурзинское городище; 94 – Мурзинский; 95 – Ташково; 96 – Гречаево-4; 97 – Нечунаево-2; 98 – Б. Мыльниковское; 99 – Носиловское-2; 100 – Квашнинское-2; 101 – р. Исеть; 102 – Погорелка; 103, 104 – Погорелка 1 и 2; 105 – Бархатовское; 106 – Ирюмское городище; 107 – Архангельское; 108, 109 – Боярка-1 и 2; 110 – Барино-3; 111 – Павлиново; 112 – Рафайловское; 113 – Рафайлово-2; 114 – Ключевское; 115 – Гаевский-2; 116 – Ботниковское-1б; 117 – городище Марьино ущелье; 118, 119, 122 – Ингалинка-1,2 и 3; 120 – Нифаки; 121 – Сл. Бешкильское; 123 – Онуфриевский борок; 124 – Лебяжий борок; 125 – Онуфриевский; 126 – Турушово; 127, 128 – Ботники-2 и 3; 129 – Путилово; 130 – Красногорский-1; 131 – Кошкинское; 132, 133 – Речкино-1 и 2; 134 – оз. Песчаное; 135 – Гладунинское; 136–138 – Коркинское-1, 2 и 6; 139 – Ст. Шадрина; 140 – Поспелово-2; 141 – Скородум-4; 142 – Царев курган; 143 – Мавринский Увал; 144–147 – Баитовское-1, 2, 3 и 4; 148 – Исетское-3; 149 – Шмаково; 150 – Калмацкое; 151 – Воробьевский; 152 – Увал-1; 153 – Бочанцево-1; 154 – Высокая Грива; 155, 156 – Коркино-5 и 8; 157 – Бызовское; 158 – Одино; 159 – Боровушка; 160 – М. Зырянка; 161 – Савиново; 162 – Калининское; 163 – Тютрино; 164 – Губинское; 165 – Белый Яр-12; 166 – Остров; 167 – Скаты; 168 – Гагарье; 169 – Ачикуль; 170 – Крутиха; 171 – Вагина; 172, 173 – Язевское-1 и 2; 174 – Закоуловское; 175 – Чудаки; 176 – Разбегаево; 177 – Елесина Яма; 178 – Темляковское; 179 – Язево-3; 180 – Белое-1; 181 – Калининское-1; 182, 183 – Лебедевка-1 и 2; 184 – Редуть-2; 185, 186 – Козлово-2 и 8; 187 – Белоярское-13; 188 – Таловка; 189 – Угловое; 190 – Труд и знание; 191 – Лебяжье; 192 – Куртамыш; 193 – Раскатиха; 194 – Камышное-2; 195 – Ерохино; 196 – 11 верста Миасского тракта; 197 – Исаковский; 198–200 – Березки 5а, б и д; 201 – Шатрово; 202 – Синеглазово; 203 – г. Крутая; 204 – Бердинское; 205 – Чебаркуль; 206 – Сухомесово; 207 – Черняки; 208 – Чесноковка-1; 209 – Красный Камень; 210 – Еманжелинск; 211 – Исток; 212 – Березки; 213 – Усть-Миасское; 214 – Арлагуль; 215 – Биткуево; 216 – Баландино; 217 – Клепиковское; 218 – Узловское; 219 – Логиновское; 220 – Кенес; 221 – Соколовка; 222 – Юлдус; 223 – Косулино-1. Условные обозначения: *а* – находки керамики, *б* – курганы, *в* – поселения, *г* – городища.

Fig. 1. A localization scheme for the Gorokhovo culture sites (A) and the figurines of the Sapogovo hoard (Б)

объединены в одну культуру с прежним названием, чему посвящена специальная статья (Матвеева, 1987; 1991). Л.Н. Корякова и ее соавторы стали рассматривать часть обсуждаемых древностей в рамках "саргатско-гороховского этапа саргатской общности", датируемого V–III вв. до н.э. (Корякова, 1991. С. 34; Культура..., 1997. С. 141, 142), возвращаясь периодически к понятию "исетского стиля" (Шарапова, 2004). В настоящее время С.Г. Боталовым предложен "саргатско-гороховский историко-культурный горизонт" (2016. С. 473). В.А. Могильников (1992), а вслед за ним А.Д. Таиров (2000; 2016) в своих работах дали обзор аргументации разных точек зрения, не формулируя своей позиции.

Предметом источниковедческого анализа гороховская культура за последние двадцать лет была только в диссертации В.А. Булдашева, сосредоточившегося на оригинальных чертах погребальной обрядности в рамках V–II вв. до н.э. (Булдашев, 1998. С. 5), а историографического и палеосоциологического – в работах автора (Матвеева, 2000; 2010. С. 109–111), так что следует констатировать недостаточную изученность данной проблематики. Не претендуя на разрешение всех спорных вопросов таксономической схемы историко-культурных понятий зауральской археологии раннего железного века, рассмотрим, почему дискуссия затянулась почти на полвека, насколько оригинальны памятники гороховской культуры, какие отличительные черты они имеют, как можно трактовать их сходство и различие с саргатскими.

Памятники гороховской культуры занимают часть лесостепи и степную зону долины Тобола с притоками, текущими с Урала, от р. Исети на севере до р. Уй на юге (рис. 1). Их насчитывается около 230, но раскопками исследовано не более 40, среди которых преобладают курганы. Материалы не полно опубликованы, общее впечатление о данном круге памятников у многих специалистов по-прежнему складывается по эпонимному городищу Чудаки, оно же Гороховское (Сальников, 1947).

Хронология культурного образования определялась как VII–III вв. до н.э. на основе вещей сакского и сарматского круга (Матвеева, 1991. С. 159; Могильников, 1992. С. 280), Л.Н. Коряковой – как VI–III вв. до н.э. (Корякова, 1991. С. 34–53). Основание ранней даты виделось в перекрывании воробьевскими материалами баитовского слоя Носиловского городища с находками VII–VI вв. до н.э., а также в датах формы для отливки бронзовых пластинчатых ножей с петелькой, железной булавки с гроздевидной головкой, гривны из Шадринского могильника, имеющей раннеананьинские и раннескифские аналогии (Стоянов, 1969. С. 129). Основанием поздней даты является отсутствие в регионе гороховских памятников II в. до н.э., хотя в объектах III в. до н.э. ряда поселений на Тоболе и ряда курганов содержалась гороховская керамика наряду с саргатской: Тютринский, курганы 7, 8 и 10; Прыговское, Рафайловское (Матвеева, 1993), Павлиново (Среда..., 2009) городища. К сожалению, радиоуглеродных датировок не имеется.

Гороховская культура восходит к межовской культуре бронзового века (Матвеева, 1987. С. 14; 1998, С. 15; Шорин, 1988; Корякова, 1991. С. 30; Обыденнов, 1996. С. 60), но носит следы явного влияния кочевников. Специфичными памятниками ее являются маленькие городища (вероятно, разновременные), расположенные гнездами, служившие недолговременными убежищами. Интервалы между ними составляют 48–55 км (Матвеева, 2000. С. 102). Они окружены стенами с системой башен и совпадают по функциям, размерам и форме с некоторыми чирик-рабатскими крепостями (рис. 2, *1, 4, 5*). Известны только сезонные поселения, с тонким и слабо окрашенным культурным слоем, незначительно насыщенном находками (Чудаки – 2.85, Ботниковское-1б – 2.43 находки на 1 м^2), среди которых известны кости верблюда (Матвеева, 2000. Табл.10). Данные обстоятельства указывают на участие среднеазиатских групп в формировании зауральского населения, и даже на вероятность их зимовок в Приаралье. Отличали их от соседей планировка двухкамерных жилищ, состоявших из передней хозяйственной зоны и жилого помещения, сочлененных по одной оси; отопительные устройства с двумя симметричными Г-образными канавками, образующими земляной стол (рис. 2, *1*). Характерна концентрическая застройка городищ.

Наиболее ярким признаком гороховской культуры является керамика с блестящей за счет обильной примеси талька поверхностью, мыльная на ощупь[1] (рис. 3), изготовленная выбивкой по форме-модели на основе горлового начина с подлепом дополнительной ленты на шейку (Матвеева, 1991. С. 163) Идея применения талька, который сообщает

[1] Глины с тальком уральское население называло "земляное мыло".

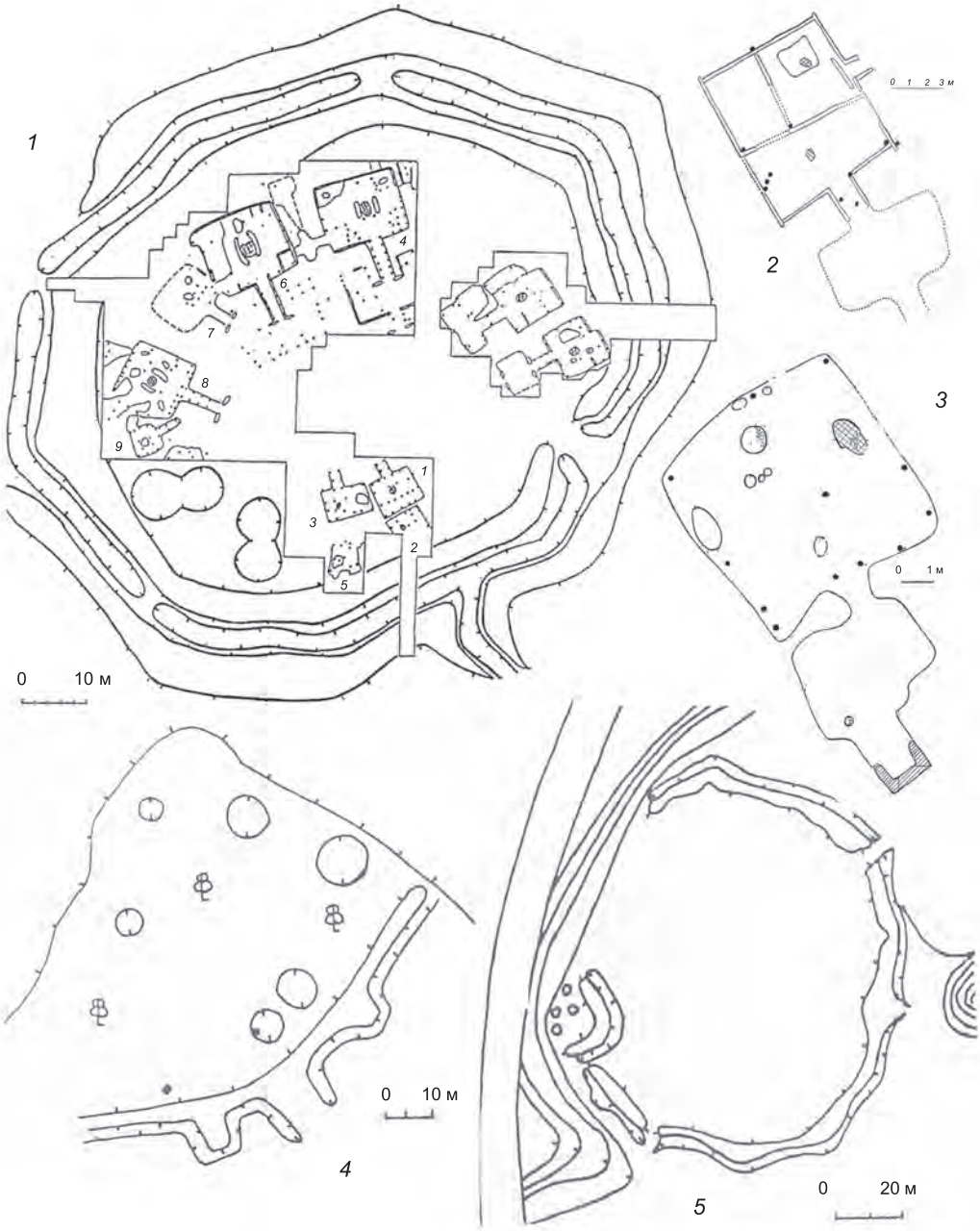


Рис. 2. Планы городищ (*1, 4, 5*) и жилищ (*2, 3*) гороховской культуры: *1* – Гороховское, *2* – Воробьевское, *3* – Ботники-1б, *4* – Матайкул, *5* – Мурзинское.

Fig. 2. Plans of fortified settlements and dwellings of the Gorokhovo culture

стойкость к высоким температурам и препятствует растрескиванию емкостей при обжиге, как установлено в эксперименте (Корякова, Федоров, 1993. С. 84), видимо, заимствована от уральских металлургов.

Разделение керамики на два типа обусловлено различием морфологических признаков и декора. Воробьевская посуда отличается большими размерами, прямыми и более высокими, утолщенными за счет подлепа дополнительной ленты, шейками, плоскими венчиками. Декор нанесен гребенчатым штампом в виде крупных отпечатков зубцов или размашистых нарезов, цвет серый или серо-коричневый, внешняя поверхность часто закопчена (рис. 3, *4–10*; 5, *1*). Гороховская посуда характеризуется разреженными узорами в виде резных елочки, зигзага, фестонов, а также поясков наколов или защипов. Часть нарезов выполнена

также гребенчатым штампом, поскольку в глубине отпечатка видны смазанные поперечные линии орнаментира. Горшки – круглодонные, плавно профилированные, с округлыми венчиками, цвет поверхности – ярко-коричневый, реже серый (рис. 4, *7–10*; 5, *2, 3, 4, 5*).

Полагаю, что В.Е. Стояновым была недостаточно аргументирована более поздняя хронологическая позиция гороховского типа относительно воробьевского. Он располагал только стратиграфией Борового селища, где не датированное гороховское погребение было впущено в поселенческий слой с воробьевской и гороховской керамикой, а также фактом двух эпизодов обитания на Воробьевском городище (Стоянов, 1969. С. 60), имеющим те и другие сосуды, хронологические позиции которых установить не удалось. На всех поселениях та и другая керамика встречаются совместно, но в разных пропорциях, в том числе и по данным современных раскопок с детальной фиксацией массового материала. Исследователи городища Павлиново помещают воробьевские черепки на одни таблицы с гороховскими и сосудами синкретического облика, подписывая их “керамика гороховской культуры” (Среда..., 2009. Рис. 5.8, *1–3, 7, 12*; 5.9, *1, 12*; 5.10, *6, 8, 9*; 5.11, *9–11*). На рисунки 5.14 и 5.15 под названием “керамика воробьевского типа” вынесены более крупные обломки таких же сосудов с гребенчатым штампом, что и на предшествующие, причем, если сравнить, то обе разновидности керамики происходят из вторичного заполнения одних и тех же разновременных построек 4 и 5, а также из межжилищного пространства. Авторы отмечают периодическую встречаемость “среди керамики гороховского типа фрагментов массивных шеек, характерных для воробьевских сосудов, и наличие в керамике гороховского типа значительного процента шеек орнаментированных гребенчатым штампом” (Среда..., 2009. С. 125). Обратим внимание на выводы о распределении в слое: гороховская керамика занимает нижнюю стратиграфическую позицию на площадках вблизи оборонительной линии, а воробьевская – в постройке 10 в центральной части крепости; на межжилищном пространстве та и другая соответствуют уровню древней поверхности (С. 128), т.е. хронологических различий между ними не установлено.

Как видим, отнесение памятников к воробьевской или гороховской группе делалось по преобладанию в раскопе черепков одного вида над другими, что могло иметь случайный характер. За прошедшие 40 лет с момента выделения воробьевского типа памятников не было открыто никаких поселений и могильников, относимых к этому таксону, хотя корпус источников по раннему железному веку вырос втрое. Ареалы распространения керамических типов полностью совпадают, что уже аргументировалось (Матвеева, 1991. Рис. 1; Могильников, 1992. Карты 18, 19), а погребения имеют только гороховскую посуду, воробьевской в них нет, или она встречается единично за пределами могил: например, могильники Скаты (рис. 4, *4–6*) и Шадринский. Это отмечали и другие исследователи (Могильников, 1992. С. 282; Пантелеева, 2010. С. 93), но не давали объяснения. Считаю, что разнокультурность данных керамических форм сомнительна. Налицо их функциональное различие, поскольку высота шейки и декор коррелируют с диаметром сосуда. Воробьевская посуда – кухонная, по моей выборке из могильников и поселений, она имеет диаметр от 20 до 40 см, а гороховская – столовая (диаметром 6–16 см). По измерениям С.Е. Пантелеевой коллекции Павлинова городища для первой средние величины составляют 29–36 см, для второй – 22–23 см (рис. 6). Всегда присутствует группа керамики, сочетающая и те, и другие черты, о чем писал и В.Е. Стоянов (1969. С. 60). В материалах из наших раскопок однослойного поселения Ботники-1б керамики мало в целом, но она сочетает высокие толстые шейки воробьевских сосудов, декорированные размашистыми нарезками гребенки, с гороховскими тонкостенными маленькими горшочками, украшенными наколами (рис. 4, 7–10).

Приведем здесь статистику керамики гороховской культуры с шести изученных раскопками поселений[2] (таблица). Многомерная классификация по данным таблицы в программе Statistica.6 позволила сгруппировать все объекты в два кластера (рис. 7): в первый вошли Речкино-2, Воробьево и Носиловское, во второй – Чудаки, Речкино-1 и Рафайлово. Вес такого признака, как высокая доля гребенчатой техники орнаментации у носиловской и речкинской-1 коллекции, оказался снивелированным другими показателями морфологического характера, техники и элементов декора, имеющими значительно меньший размах

[2] С Рафайловского городища и селища посуда собрана в общую коллекцию типологически; см. Матвеева, 1991.

Характеристика керамики гороховских поселений, %

Characteristics of the pottery from the Gorokhovo settlements, %

Признаки	Памятники					
	Носиловское	Воробьевское	Речкино-1	Речкино-2	Чудаки	Рафайлово
Горшок: с вертикальной шейкой	67.7	47.6	59.3	32.7	79.9	11.1
с отогнутой шейкой	17.1	10.3	2.0	30.6	11.5	72.5
с наклонной вовнутрь шейкой	–	14.3	16.3	–	–	–
с вогнутой шейкой	9.5	27.8	16.3	36.7	9.5	5.5
с дугообразно выгнутой шейкой	3.8	–	–	–	–	11.1
Чаша	1.9	–	6.1	–	–	–
Бортик прямой	31.0	35.5	32.6	36.6	1.9	30.0
скошенный	20.0	25.2	34.7	19.7	17.6	5.0
округлый	11.0	13.3	3.8	15.1	27.9	25.0
заостренный	–	8.1	5.8	3.0	11.1	5.0
отогнутый	7.0	5.9	15.4	7.6	24.1	10.0
с карнизиком	15.0	–	7.7	9.1	7.4	25.0
прямой со скосом	–	4.4	–	3.0	–	–
скошенный с подлепом-наплывом	4.0	7.4	–	3.0	–	–
утолщенный плоский	12.0	–	–	3.0	–	–
Резной узор	14.0	44.4	17.3	51.7	46.9	66.7
Гребенка	95.0	22.2	76.8	39.5	4.5	33.3
Протащенная гребенка	11.0	3.0	19.2	19.8	–	–
Уголковый штамп	6.0	0.7	–	6.1	–	–
Ямки	6.0	0.7	–	3.0	–	–
Защипы	–	3.7	–	4.6	–	–
Наколы	5.0	10.4	–	6.1	17.7	–
Горизонтальные линии	23.0	15.5	3.9	15.2	5.3	14.5
Наклонные	78.0	85.1	86.7	56.2	56.3	38.1
Вертикальные	7.0	9.6	1.9	4.5	–	–
Зигзаги	4.0	5.2	3.9	3.0	17.6	–
Фестоны	3.0	7.4	–	7.6	1.8	14.3
Елочка горизонтальная	2.0	3.0	–	4.5	–	28.6
Елочка вертикальная	1.0	–	–	–	2.6	4.8
Решетка	2.0	5.9	5.9	4.5	0.9	4.8
Трилистники (птичьи следы)	–	2.2	2.2	1.5	0.9	–
Группированные отрезки	27.0	3.0	3.0	1.5	–	–
Качалка	16.0	0.7	0.7	–	–	9.5

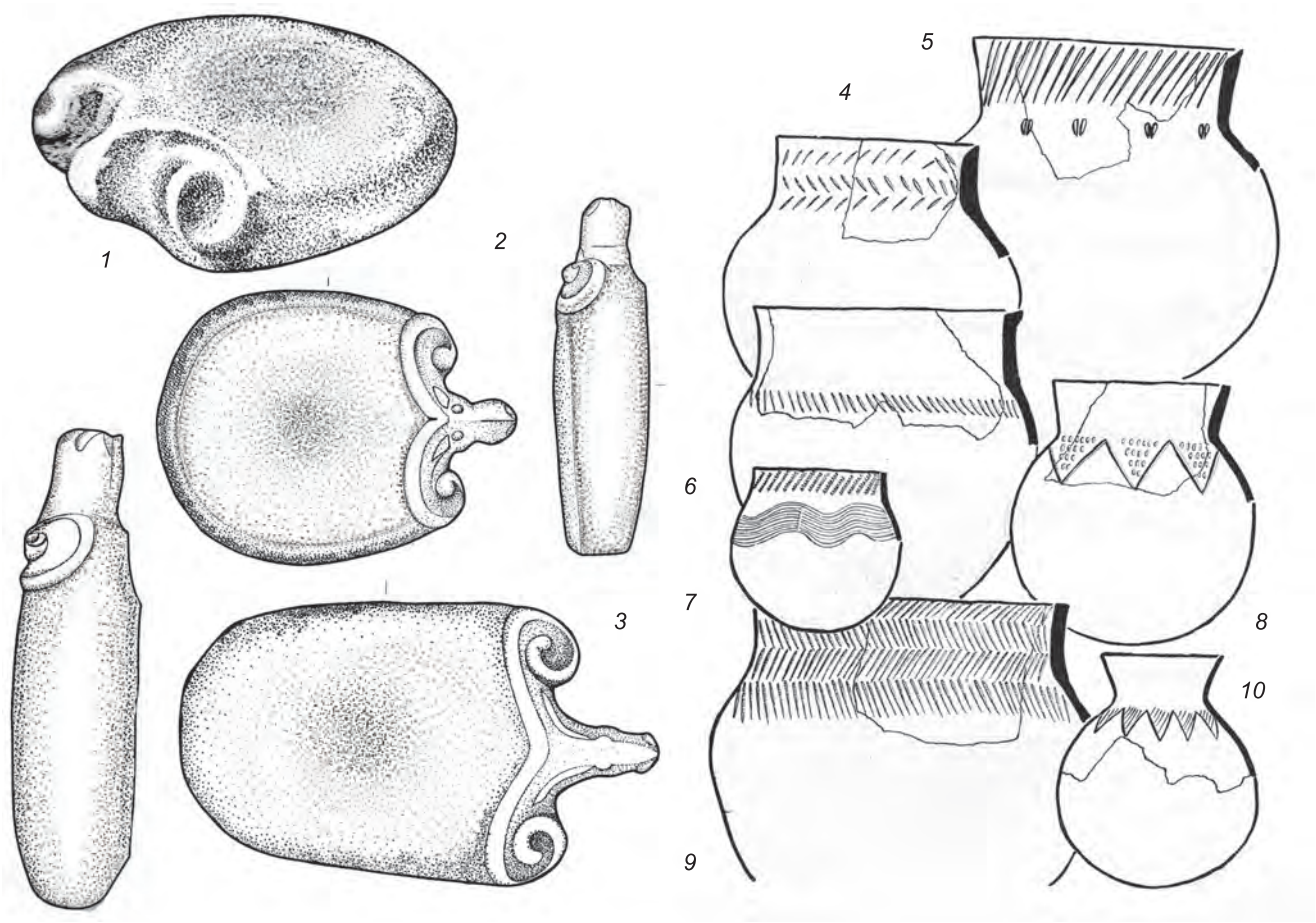


Рис. 3. Каменные жертвенники (*1–3*) и керамика (*4–10*) гороховской культуры с Носиловского городища.

Fig. 3. Stone altars (*1–3*) and pottery (*4–10*) of the Gorokhovo culture from the Nosilovo fortified settlement

вариации, т.е. других существенных различий в формах и узорах посуды отдельных памятников не прослежено.

Элитные курганы гороховской культуры представляют собой площадки со следами огненного ритуала, окруженные рвом, перекрытые многослойной насыпью, создававшейся в несколько приемов. Они одномогильные или двухмогильные с параллельным размещением ям, с обожженными перекрытиями и облицовкой могил деревом, каркасными “домами мертвых”, как, например, Царев курган. Зафиксирована такая оригинальная деталь, как оформление дна могилы в виде приподнятой площадки для установки гроба (рис. 8, *12*). Из новых раскопок выразителен своими масштабами и сложностью конструкций могильник Скаты, изучавшийся российско-французской экспедицией (Habitats ..., 2002. P. 67–74. Fig. 33, 38), там есть керамика гороховского и воробьевского типов (рис. 4, *1–5*), а также сочетающая те и другие черты, встреченная в одних сооружениях (Habitats ..., 2002. P. 69; Fig. 44–46). Отличие от саргатской культуры заключается в преимущественной одномогильности и малых размерах рядовых курганов, расположении следов тризны и поминок под восточными полами насыпей (Могильников, 1992. С. 287). Известны могильники Куртугуз-1, Березки-V (Корякова, 1991. С. 35; Стефанов, 1998. С. 115) с каменными набросками над захоронениями, которые локализуются собственно на Урале и отражают какой-то автохтонный компонент – с обертыванием тела в бересту, жертвенной пищей из мяса диких животных. Любопытно совпадение традиций гороховских общин, таких как расплющивание зеркал, срезание с одежды колокольчиков (Мавринский Увал), с традициями, зафиксированными у обских угров. Кроме того, К.В. Сальников обращал внимание на использование костей зайца и гуся в кургане

Разбегаево как религиозно-тотемических символов, что находит аналогии в культуре хантов и манси (Сальников, 1966. С. 122).

Для ареала гороховской культуры характерны находки на поверхности распаханных курганов каменных плит в виде лежащего барана (Могильников, 1992. С. 290; Таиров, 2000. С. 79, 83; Ченченкова, 2004) как отличительной черты обрядов (рис. 3, *1–3*), что соответствует высокой доле мелкого рогатого скота в стаде и особой важности его при жертвоприношении (Сальников, 1966. С. 121); например, известна находка бляхи с выгравированной головой барана. С гороховской культурой В.А. Могильников и А.Д. Таиров связывают бронзовые литые фигурки воинов из Сапоговского клада (Могильников, 1992. С. 288; Таиров, 2000. С. 80).

Гороховское население принадлежало к европеоидной расе, типу, сходному с савроматским, но имело небольшие монголоидные признаки в виде уплощенного в горизонтальной плоскости лица, было близко сарматам Оренбуржья и саргатским племенам Притоболья (Багашев, 1996. С. 24, 27), а также носителям южнотаежной кашинской культуры, локализуемой в Тоболо-Ишимье. Причем особенности оренбургской группы сарматов, по мнению А.Н. Багашева, состоят именно во включении расового компонента, наиболее четко представленного в гороховской культуре (Багашев, 1997. С. 74), что, на мой взгляд, является антропологическим подтверждением последующей миграции ее носителей на Южный Урал. Кроме того, высокая величина индекса ISC, индикатора финно-угорских народов, у населения могильника Алтынасар-4, формировавшегося с участием групп Приуральско-западносибирского региона (Рыкушина, 1995. С. 248, 294), а также специфические находки в виде литых подвесок с изображением медведя, сосудов с ручками в виде медведей в слоях ряда городищ и некрополей периода Джетыасар-1, кувшинов и горшков ручной лепки с пропорциями, характерными для Зауралья, в курганах Косасар-2 (Левина, 1996. С. 195, 246. Рис. 165, 166] могут подтверждать брачные и хозяйственные контакты гороховцев с населением Нижней Сыр-Дарьи.

Как видим, оригинальность во всех сферах быта и религиозных верований была присуща гороховскому населению на протяжении как минимум четырех веков. Более многочисленное, расселявшееся восточнее в лесостепи

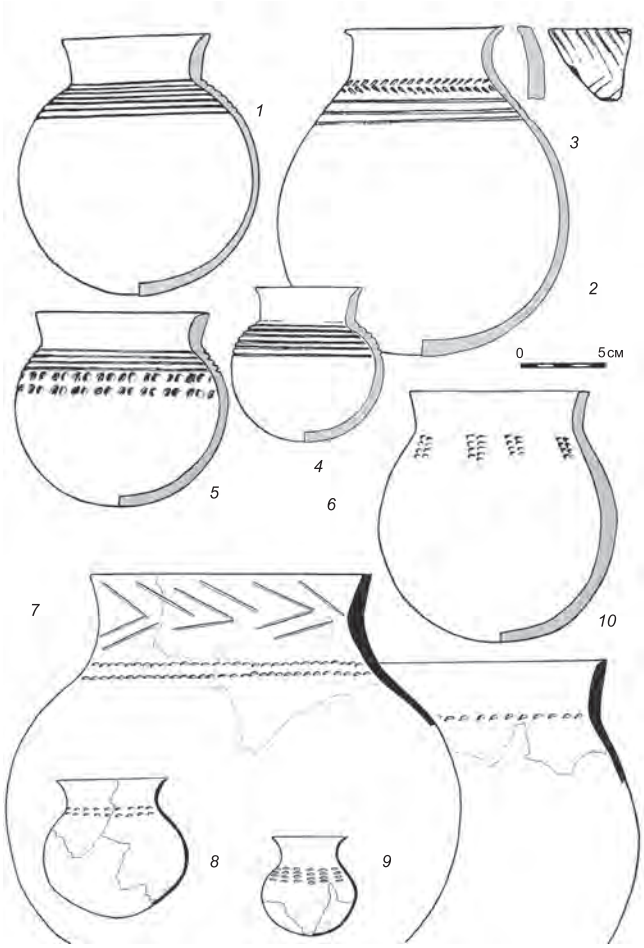


Рис. 4. Керамика могильника Скаты (*1–6*) и поселения Ботники-1б (*7–10*).

Fig. 4. Pottery of the Skaty burial ground (*1–6*) and the settlement of Botniki-1b (*7–10*)

Западной Сибири саргатское население, отличается от него по основным характеристикам источников: саргатские городища – мысовые треугольные и береговые прямоугольные с простыми линиями обороны, жилища – полуземляночные многокамерные, усадебные, состоящие из 3-4 строений, соединенных углубленными коридорами; поселения – с насыщенным находками слоем и следами перестроек сооружений. Саргатская керамика – круглодонная шамотная с небольшими долями других примесей (песка, органики), колеблющимися по локальным районам (отдельные блестки талька встречаются в формовочных массах только в Среднем Притоболье). Она емкостно-донного способа конструирования, плоскодонные сосуды единичны, с резным и накольчатым декором, гребенчатый штамп в ней отсутствует, со временем наблюдается

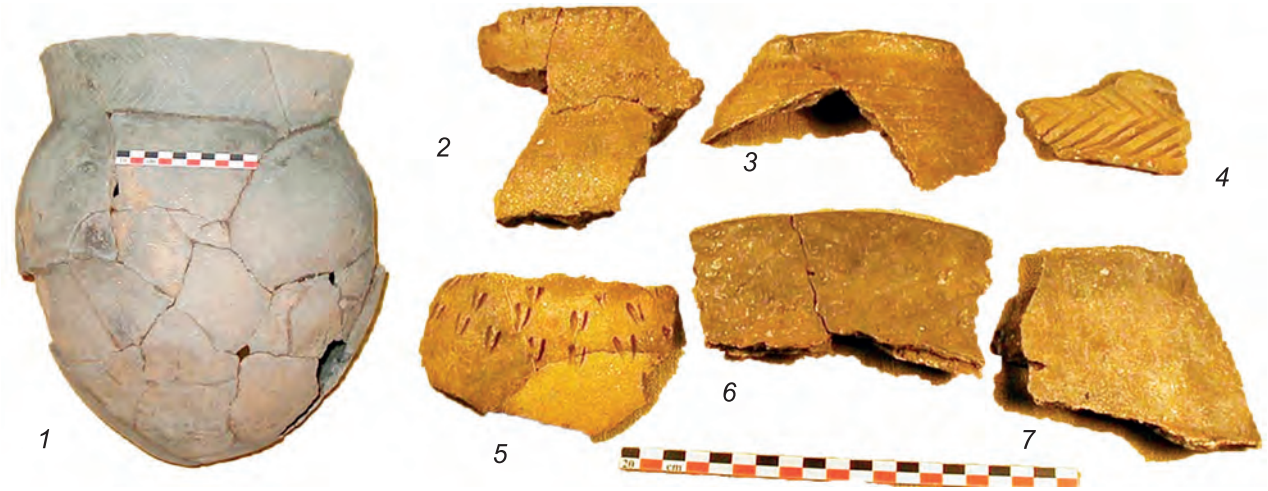


Рис. 5. Керамика городища Павлиново. Воробьевский тип посуды (*1*) и гороховский тип посуды (*2–7*) (по: Среда..., 2009).

Fig. 5. Pottery of the Pavlinovo fortified settlement: Vorobyevo type of ware (*1*) and Gorokhovo type of ware (*2–7*).

стандартизация производства (Кобелева, 2009. С. 14, 25). Погребальные памятники саргатской культуры отличаются многомогильностью и расположением захоронений вокруг центра по кругу, обязательным наличием рва вокруг насыпи. При вводе новых захоронений ров углубляли или расширяли, либо выкапывали еще один. Жертвенников с головой барана в саргатском ареале нет.

Сходными с гороховскими являются наборы инвентаря сарматского облика, особенно близки наконечники стрел, поступавшие, как установлено, в ходе торговых контактов от иткульских металлургов, курильницы, бронзовые котлы, бусы и металлические украшения как отражение престижного потребления, наступательное оружие ближнего боя. Об интенсивном взаимодействии этих групп населения говорит одинаковый состав бронз, а также факт находки гороховских сосудов со следами медеплавления на Рафайловском городище, указывающий на гороховское участие в транзите сырья и изделий (Матвеева, 1993. С. 122). На проникновение гороховских групп непосредственно в иткульские производственные очаги указывают их захоронения рядом с металлургическими площадками на Малом Вишневом острове озера Аргази (Бельтикова, 1988. С. 107). Как и В.Ю. Зуев (1996. С. 28), полагаем, что сеть гороховских городищ указывает на систему защиты кочевий и экономических связей с оседлым иткульским и саргатским населением.

Остановимся на вопросе о “саргатско-гороховском этапе” саргатской общности. Термин я считаю неудачным (как и “горизонт” по С.Г. Боталову), так как в других районах – в Приишимье, Прииртышье, Барабе – гороховских материалов нет. Поэтому распространять на весь ареал специфику взаимодействия притобольских групп саргатского населения с западными соседями неверно. На других территориях более весомыми были связи с кулайскими, богочановскими, большереченскими, а на севере Притоболья – с кашинскими этнокультурными группами.

Рассматривать гороховские памятники как локальный, притобольский вариант саргатской культуры (Полосьмак, 1986. С. 33) также неправомерно. Ареалы этих культур совпадают только наполовину, на территории челябинской группы памятников, в лесостепи ближе к Уралу, западнее Шадринска, в рассматриваемый период саргатских древностей нет (см. схему: Матвеева, 2000. Рис. 1). Хронологические позиции данных культур также различны, обе группы древностей сосуществовали только в IV–III вв. до н.э., позднее саргатская культура продолжает существовать до рубежа III–IV вв. н.э., а гороховская исчезает.

Конфронтация гороховского и саргатского населения повлекла за собой строительство городищ по Исети и Тоболу и стремление занять господствующие увалы под курганные могильники, определенную конкуренцию за пастбищные ресурсы и значимые в военном отношении высоты. Полагаем, она выразилась и в том, что часть курганов содержит захоронения той и другой культуры (Матвеева, 1991. С. 161; Среда..., 2009. С. 244; 267, 268),

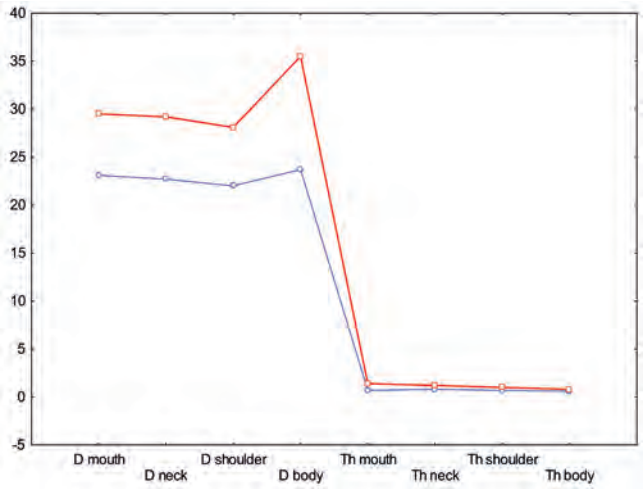


Рис. 6. График соотношения средних диаметров сосудов и толщины стенок у посуды гороховского и воробьевского типа на городище Павлиново (D – диаметр, Th – толщина (в см); по: Среда..., 2009).

Fig. 6. Graph of the ratio of the average vessel diameters and the wall thickness of the Gorokhovo and Vorobyevo types of ware in the Pavlinovo fortified settlement

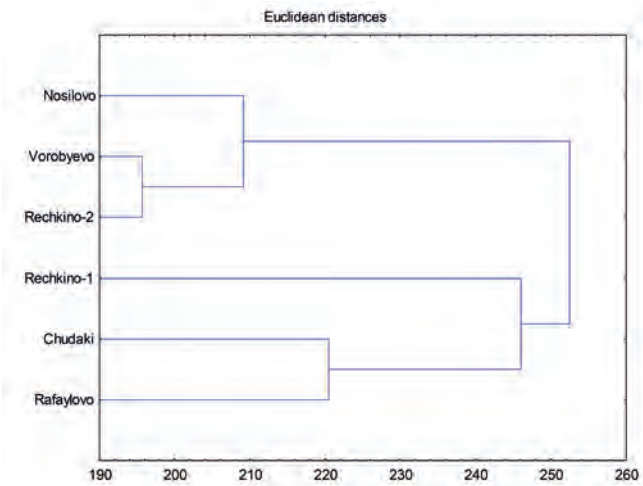


Рис. 7. Дендрограмма керамических комплексов памятников гороховской культуры.

Fig. 7. Dendrogram of pottery complexes of the Gorokhovo culture sites

например, малый курган без рва Марьино Ущелье-5 рядом с одноименным гороховским городищем IV–III вв. до н.э. В нем центральное саргатское погребение трех человек (рис. 8, *4, 8–10*) было перекрыто мощным прокалом и одиночным гороховским захоронением под ним (рис. 8, *1, 5–7*), причем кости погребенного в яме спеклись, но бронзовый инвентарь не разрушился. На тех памятниках, где было детально изучено пространственное и стратиграфическое залегание разнотипных материалов, было установлено предшествование воробьевских и гороховских материалов саргатским, или компактное отложение их в отдельных постройках. Например, на Павлиновом городище обсуждаемая керамика переотложена из котлованов, вырытых в саргатское время, и измельчена (Пантелеева, 2006. С. 13), т.е. имело место последовательное заселение местности.

Этническое развитие, по-видимому, определялось взаимодействием пришлых и автохтонных лесостепных этнических групп. Прослежено несколько волн миграций из сакской и сарматской среды, затем из приаральского региона (Матвеева, 2000. С. 160–190; Koryakova, Yepimakhov, 2007. P. 296). К.Ф. Смирнов считал, что в V в. до н.э. группы савроматов продвинулись в Зауралье и вошли в состав гороховской культуры, население которой было одной из групп лесостепных угро-язычных этносов, подвергшихся сильному иранскому влиянию (Смирнов, 1964. С. 273–275), с чем согласился и В.А. Могильников, объяснявший этими событиями перемещение гороховцев на север и северо-восток до среднего течения р. Исети (Могильников, 1992. С. 309). Затем, уже с IV в. до н.э. началось движение гороховских объединений на запад и юго-запад (Мошкова, 1974. С. 36, 47). Эпизодически их группы проникали в Приаралье, Оренбургский край и Приуралье (Мошкова, 1989. С. 162; Левина, 1996; Савельев, 2007. С. 190), по-видимому, большей частью они вошли в политический союз сарматов (Смирнов, 1964. С. 287), а частично проникли на р. Белую и в Месягутовскую лесостепь, оставив древности гафурийского и айского типа (Генинг, 1971; Савельев, 2007. С. 181).

Новые доказательства продвижению зауральского населения с тальковой керамикой в Южное Приуралье привела Л.А. Краева в ходе изучения сарматского гончарства, указавшая на появление в IV в. до н.э. специфичной группы посуды, выполненной из массы “глина-тальк-органика” лоскутным налепом по модели-форме, с круглым и уплощенным неустойчивым дном, особенностями конструирования и нанесением узоров гребенчатым штампом. Эту посуду Л.А. Краева трактует как продукцию пришлых мастеров и констатирует процесс культурной интеграции неоднородного населения, отразившийся в IV–III вв. до н.э. в разнообразных сочетаниях старых и новых приемов изготовления посуды (Краева, 2010. С. 63, 64).

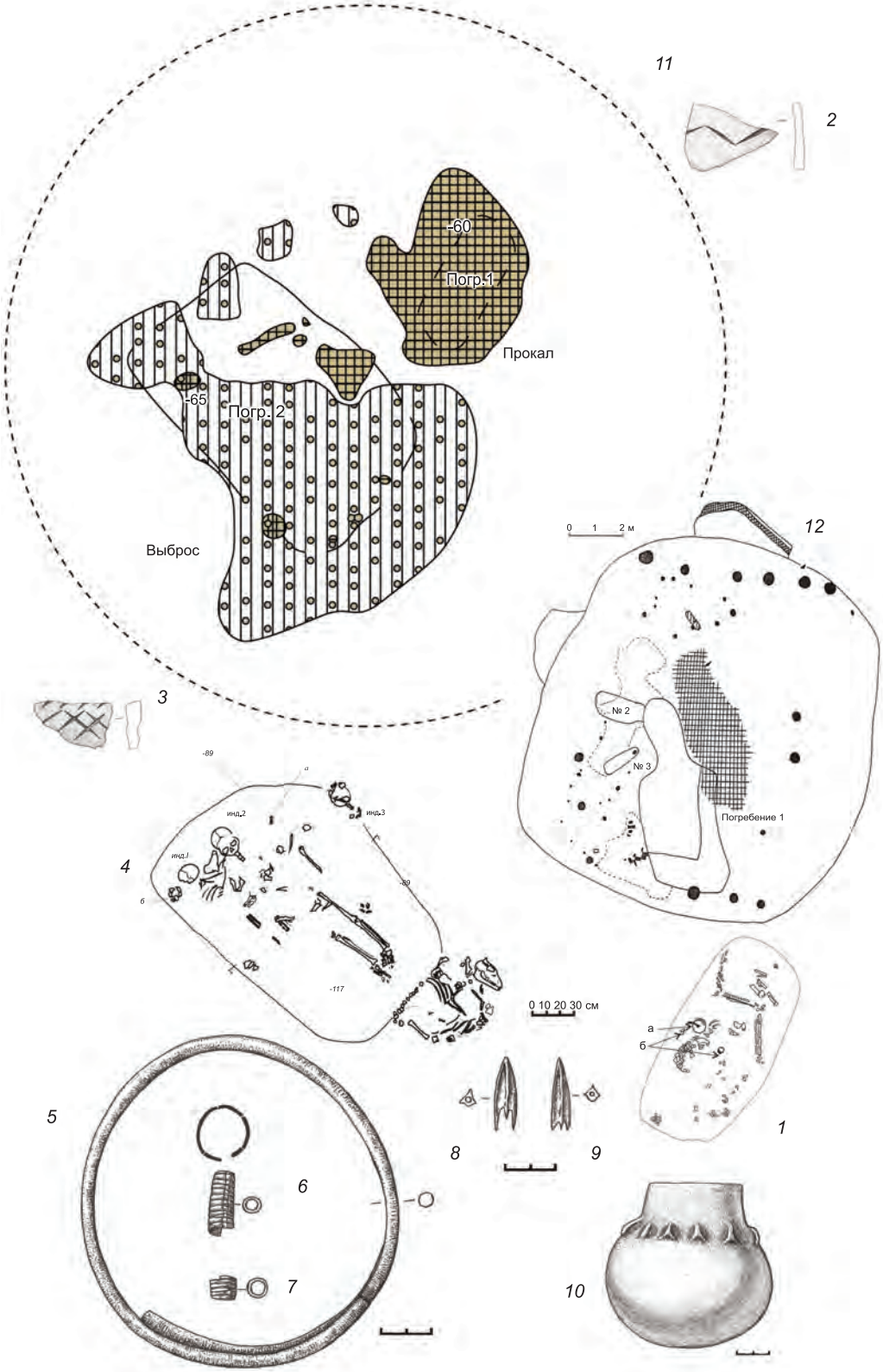


Рис. 8. Погребения в кургане Марьино Ущелье-5 (*1–11*), план могилы Царева кургана (*12*); *2, 3, 10* – керамика; *6–9* – бронза.

Fig. 8. Burials in the mound Maryino Ushchelye-5 (*1–11*) and the plan view of the grave of Tsarev kurgan (*12*)

Некоторые исследователи, начиная с К.Ф. Смирнова и К.В. Сальникова, Д.А. Мачинского, В.П. Шилова, Л.С. Клейна, рассматривают гороховскую культуру как геродотовских исседонов (Мошкова, 1989. С. 161), другие, не отождествляя с известными народами, – как западную часть "саргатской общности", оформившуюся вследствие двухвекового взаимодействия разного населения в Притоболье (Корякова, 1991; Могильников, 1992. С. 311; Савельев, 2007. С. 186), а автор – как часть угроязычных кочевников (Матвеева, 1998).

Типологические группы керамики, обозначенные как воробьевская и гороховская, технологически, морфологически и орнаментально имеют существенное сходство в основных признаках, распространены в одном ареале, различаются функционально (как кухонная и столовая). Так называемые памятники воробьевского типа не имеют специфики в других сферах материальной культуры, поэтому должны быть включены в гороховскую культуру. Однако внутренняя динамика развития культуры продолжает оставаться малоизученной.

Носители гороховской культуры занимали северо-восточную периферию мира уральских кочевников в конце VI–III вв. до н.э. и посредничали в обмене с населением лесостепи, а также конкурировали с ним за пастбищные угодья и торговые пути. Они вели полукочевое хозяйство, имели оригинальные приемы гончарства, крепости-убежища сложной архитектуры, свой тип жилища, каменные жертвенники, преимущественно одномогильные курганы, европеоидный облик с некоторыми чертами уральской малой расы, своеобразное искусство. Элементы сходства в погребальном обряде и ритуальном инвентаре с кочевниками Южного Урала и Приаралья указывают на формирование гороховской культуры на местной основе под влиянием аккультурации со стороны номадов. В длительном сохранении своей культурной специфики населением Зауралья видим существование особого этноса, мигрировавшего на запад под давлением более сильных восточных соседей – саргатских насельников Притоболья в IV–III вв. до н. э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Багашев А.Н. Материалы по краниологии населения гороховской культуры // Тюменский исторический сборник: материалы конф. Тюмень: ТюмГУ, 1996. С. 20–28.

Багашев А.Н. Этногенетические связи саргатских племен // Второй международный конгресс этнографов и антропологов. Ч. 1. Уфа: Восточный ун-т, 1997. С. 63, 64.

Бельтикова Г.В. Памятник металлургии на острове Малый Вишневый // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 103–116.

Бельтикова Г.В. Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1977. С. 119–133.

Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков. Екатеринбург: УрГУ, 1992. 188 с.

Боталов С.Г. Историко-культурные горизонты в эпоху раннего железного века и средневековья лесостепного Зауралья // Археология Южного Урала. Лес. Лесостепь. Челябинск: ООО ЦИКР "Рифей", 2016. С. 468–541.

Булдашев В.А. Погребальная обрядность гороховской культуры: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1998. 27 с.

Генинг В.Ф. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение // Археология и этнография Башкирии. Т. IV. Уфа, 1971. С. 44–54.

Зах В.А., Зимина О.Ю. Памятники Нижнего Притоболья рубежа бронзового и железного веков // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. № 3. С. 138–149.

Зуев В.Ю. Укрепленные городища лесостепной Евразии и номады скифо-сарматской эпохи: по материалам городища Чудаки в Южном Зауралье // Фортификация в древности и средневековье. СПб.: ИИМК РАН, 1996. С. 23–28.

Кобелева Л.С. Технология изготовления керамики саргатской культуры (восточный ареал): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009. 26 с.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Урала и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. 240 с.

Корякова Л.Н. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века): препринт. Екатеринбург, 1991. 53 с.

Корякова Л.Н., *Федоров Р.О.* Гончарные навыки зауральского населения в раннем железном веке // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург: УрГУ, 1993. С. 76–96.

Краева Л.А. К вопросу о примеси талька в сарматской керамике Южного Приуралья // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М.: ИА РАН, 2010. С. 58–65.

Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование / Ред. Л.Н. Корякова. Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. 180 с.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М.: Восточная литература, 1996. 396 с.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Среднего Притоболья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1987. 21 с.

Матвеева Н.П. О соотношении гороховских и воробьевских памятников в Среднем Притоболье // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: ТюмГУ, 1991. С. 148–164.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 175 с.

Матвеева Н.П. Еще раз о проблеме прародины венгров // Интеграция археологических и этнографических исследований. Материалы междунар. семинара, посвящ. 155-летию Д.Н. Анучина. Ч. 2. Омск; СПб., 1998. С. 13–15.

Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск: Наука, 2000. 399 с.

Матвеева Н.П. Заметки об изучении раннего железного века западносибирской лесостепи // Археологические изыскания в Западной Сибири (к юбилею проф. Т.Н. Троицкой). Новосибирск: НГПУ, 2010. С. 109–117.

Могильников В.А. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992 (Археология СССР). С. 274–311.

Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: Наука, 1974. 52 с.

Мошкова М.Г. История изучения савромато-сарматских племен // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989 (Археология СССР.). С. 158–164.

Обыденнов М.Ф. Вопросы угорского этногенеза по археологическим источникам // XIII Уральское археологическое совещание: тез. докл. Ч. 2. Уфа: Уфим. НУ РАН, 1996. С. 56–60.

Пантелеева С.Е. Хроно-стратиграфия Павлинова городища по результатам анализа керамики: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006. 22 с.

Пантелеева С.Е. Гороховская культура: формирование и динамика развития (по материалам керамических коллекций) // Уральский исторический вестник. Вып. 2 (27). Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2010. С. 87–95.

Полосьмак Н.В. Культурная принадлежность гороховской группы памятников // КСИА. 1986. Вып. 186. С. 29–33.

Рыкушина Г.В. Одонтологическая характеристика населения джетыасарского времени // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 2: Джетыасарская культура. Ч. 5. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1995. С. 290–303.

Савельев Н.С. Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. Уфа: Гилем, 2007. 260 с.

Сальников К.В. Городище Чудаки Челябинской области // СА. 1947. № 9. С. 221–238.

Сальников К.В. Иткульская культура // Ученые записки Челябинского областного музея. Вып. 1. Челябинск, 1962. С. 13–26.

Сальников К.В. Состав населения лесостепного Зауралья в сарматское время // Советская этнография. 1966. № 5. С. 118–124.

Смирнов К.Ф. Савроматы. М.: Наука, 1964. 397 с.

Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э. / Л.Н. Корякова, М.И. Дэйр, А.А. Ковригин, С.В. Шарапова, Н.А. Берсенева, С.Е. Пантелеева, Д.И. Ражев, П. Курто, Б. Хэнкс, Е.Г. Ефимова, А.А. Каздым, О.В. Микрюкова, А.О. Сахарова. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2009. 298 с.

Стефанов В.И. Куртугуз-1 – могильник раннего железного века Среднего Зауралья // Урал в прошлом и настоящем: материалы конф. Ч. 1. Екатеринбург: Екатеринбург, 1998. С. 112–116.

Стоянов В.Е. Зауральские лесостепные поселения раннего железного века // КСИА. 1969. Вып. 119. С. 52–61.

Стоянов В.Е. Классификация и периодизация западносибирских памятников раннего железного века // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири / Отв. ред. В.И. Матющенко. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1970. С. 238–253.

Таиров А.Д. Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. Т. 2. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. С. 3–206.

Таиров А.Д. Взаимодействия населения лесостепи и степи Южного Зауралья в VII–II вв. до н.э. // Археология Южного Урала. Лес. Лесостепь. Челябинск: ООО ЦИКР “Рифей”, 2016. С. 443–467.

Ченченкова О.П. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III–I тыс. до н.э. Екатеринбург: Тезис, 2004. 336 с.

Шарапова С.В. Традиции изготовления керамики и орнаментальные стили населения Зауралья в раннем железном веке // АЭАЕ. 2004. № 4. С. 123–134.

Шорин А.Ф. Среднее Зауралье в эпоху развитой и поздней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1988. 25 с.

Habitats et nécropoles de l’Âge du Fer au carrefour de l’Eurasie, Fouilles 1993–1997. Paris: De Boccard, 2002 (Memoires de la mission archeologique francaise en asie centrale; T. XI). 292 p.

Koryakova L., Epimakhov A. The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages. Cambridge: Cambridge university press, 2007. 360 p.

THE GOROKHOVO CULTURE IN THE SYSTEM OF THE TRANS-URAL ANTIQUITIES OF THE EARLY IRON AGE

Nataliya P. Matveyeva

Tyumen State University, Russia

E-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru

The paper analyzes the discussion on the place of the Gorokhovo culture in the system of the early Iron Age antiquities in the Trans-Urals. The author proves functional diversity of the two types of ware: Vorobyevo type is interpreted as kitchen utensils and package, while Gorokhovo type is tableware. They are found together in all settlements that makes it possible to unite them in one single Gorokhovo culture. Originality of the dwelling structures, fortified settlements, pottery techniques, cult objects, and burial sites prevent us from treating the Gorokhovo culture as a period or a local variant of the Sargat culture. Their areas, chronological intervals, and main features of the material sphere differ. The population of the Gorokhovo culture occupied the northern and eastern parts of periphery of Ural nomads' lands in the 6th – 3rd centuries BC. They were mediators in trade and competitors in the struggle for control over caravan routes and pastures against forest-steppe groups. It is assumed that the cause of disappearance of Gorokhovo culture was its carriers' migration in the 4th – 3rd centuries BC to the Southern Urals under the pressure of their eastern neighbours, the population of the Sargat culture.

Keywords: Trans-Urals, forest-steppe, nomads, the Gorokhovo culture.

REFERENCES

Bagashev A.N., 1996. Materials on the craniology of the population of the Gorokhovo culture. *Tyumenskiy istoricheskiy sbornik: materialy konferentsii* [*Tyumen collection of articles on history: Conference proceedings*]. Tyumen': Tyumenskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 20–28. (In Russ.)

Bagashev A.N., 1997. Ethnogenetic connections of the Sargat tribes. *Vtoroy mezhdunarodnyy kongress etnografov i antropologov* [*The Second International Congress of Ethnographers and Anthropologists*], 1. Ufa: Vostochnyy universitet, pp. 63–64. (In Russ.)

Bel'tikova G.V., 1977. The Itkul settlements. *Arkheologicheskiye issledovaniya na Urale i v Zapadnoy Sibiri* [*Archaeological research in the Urals and in Western Siberia*]. Sverdlovsk: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 119–133. (In Russ.)

Bel'tikova G.V., 1988. A site of metal production on the island of Maly Vishnevy. *Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Urala i Zapadnoy Sibiri* [*Material culture of the ancient inhabitants of the Urals and Western Siberia*]. Sverdlovsk: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 103–116. (In Russ.)

Borzunov V.A., 1992. Zaural'ye na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov [The Trans-Urals at the turn of the Bronze and Iron ages]. Ekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet. 188 p.

Botalov S.G., 2016. Historical and cultural horizons in the Early Iron Age and the Middle Ages of the steppe Trans-Urals. *Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Les. Lesostep'* [*Archaeology of the Southern Urals. Forest. Forest-steppe*]. Chelyabinsk: Rifey, pp. 468–541. (In Russ.)

Buldashev V.A., 1998. Pogrebal'naya obryadnost' gorokhovskoy kul'tury: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Funeral ritualism of the Gorokhovo culture: the author's abstract of a thisis for the Doctoral Degree in History]. Novosibirsk. 27 p.

Chenchenkova O.P., 2004. Kamennaya skul'ptura lesostepnoy Azii epokhi paleometalla III–I tys. do n.e. [Stone sculpture of the forest-steppe Asia of the Early Metal Age in the 3rd – 1st millennia BC]. Ekaterinburg: Tezis. 336 p.

Gening V.F., 1971. Ethnic substrate in the composition of the Bashkirs and its origin. *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii* [*Archaeology and ethnography of Bashkiria*], IV. Ufa, pp. 44–54. (In Russ.)

Habitats et nécropoles de l'Âge du Fer au carrefour de l'Eurasie, Fouilles 1993–1997. Paris: De Boccard, 2002. 292 p. (Memoires de la mission archeologique francaise en asie centrale, XI).

Kobeleva L.S., 2009. Tekhnologiya izgotovleniya keramiki sargatskoy kul'tury (vostochnyy areal): avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [The pottery technology of the Sargat culture (eastern area): the author's abstract of a thesis for the Doctoral Degree in History]. Novosibirsk. 26 p.

Koryakova L., *Epimakhov A.*, 2007. The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages. Cambridge: Cambridge university press. 360 p.

Koryakova L.N., 1988. Ranniy zheleznyy vek Urala i Zapadnoy Sibiri [The Early Iron Age of the Urals and Western Siberia]. Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 240 p.

Koryakova L.N., 1991. Kul'turno-istoricheskiye obshchnosti Urala i Zapadnoy Sibiri (Tobolo-Irtyshskaya provintsiya v nachale zheleznogo veka): preprint [The cultural and historical communities of the Urals and Western Siberia (the Tobol-Irtysh province in the early Iron Age): preprint]. Ekaterinburg. 53 p.

Koryakova L.N., *Fedorov R.O.*, 1993. Pottery skills of the Trans-Ural population in the early Iron Age. *Znaniya i navyki ural'skogo naseleniya v drevnosti i srednevekov'ye* [*Knowledge and skills of the Ural population in the Antiquity and Middle Ages*]. Ekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 76–96. (In Russ.)

Krayeva L.A., 2010. On the talc admixture in the Sarmatian ceramics of the Southern Cis-Urals. *Drevneye goncharstvo: itogi i perspektivy izucheniya* [*Ancient pottery: results and perspectives of study*]. Moscow: IA RAN, pp. 58–65. (In Russ.)

Kul'tura zaural'skikh skotovodov na rubezhe er. Gayevskiy mogil'nik sargatskoy obshchnosti: antropologicheskoye issledovaniye [Culture of the Trans-Ural pastoralists at the turn of the periods. The Gaevsky burial ground of the Sargat community: an anthropological study]. L.N. Koryakova, ed. Ekaterinburg: Ekaterinburg, 1997. 180 p.

Levina L.M., 1996. Etnokul'turnaya istoriya Vostochnogo Priaral'ya [Ethnocultural History of the Eastern Aral littoral region]. Moscow: Vostochnaya literatura. 396 p.

Matveyeva N.P., 1987. Ranniy zheleznyy vek Srednego Pritobol'ya: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Early Iron Age of the Middle Tobol region: a thesis for the Doctoral Degree in History]. Novosibirsk. 21 p.

Matveyeva N.P., 1991. On the correlation between the Gorokhovo and Vorobyevo sites in the Middle Tobol region. *Istochniki etnokul'turnoy istorii Zapadnoy Sibiri* [*Sources of the ethnocultural history of Western Siberia*]. Tyumen': Tyumenskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 148–164. (In Russ.)

Matveyeva N.P., 1993. Sargatskaya kul'tura na Srednem Tobole [The Sargat culture in the Middle Tobol region]. Novosibirsk: Nauka. 175 p.

Matveyeva N.P., 1998. Once again on the proto-homeland of the Hungarians. *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy. Materialy mezhdunarodnogo seminara, posvyashchennogo 155-letiyu D.N. Anuchina* [*Integration of Archaeological and Ethnographic Research. Proceedings of the International Seminar devoted to the 155th anniversary of D.N. Anuchin*], 2. Omsk; St.Petersburg, pp. 13–15. (In Russ.)

Matveyeva N.P., 2000. Sotsial'no-ekonomicheskiye struktury naseleniya Zapadnoy Sibiri v rannem zheleznom veke [Social and economic structures of Western Siberian population in the Early Iron Age]. Novosibirsk: Nauka. 399 p.

Matveyeva N.P., 2010. Notes on studying the Early Iron Age of the West Siberian forest-steppe. *Arkheologicheskiye izyskaniya v Zapadnoy Sibiri* (*k yubileyu professora T.N. Troitskoy*) [*Archaeological research in Western Siberia* (*to the anniversary of Prof. T.N. Troitskaya*)]. Novosibirsk: Novosibirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 109–117. (In Russ.)

Mogil'nikov V.A., 1992. Forest-steppe of the Trans-Urals and Western Siberia. *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya* [*Steppe belt of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian period*]. Moscow: Nauka, pp. 274–311. (In Russ.)

Moshkova M.G., 1974. Proiskhozhdeniye rannesarmatskoy (prokhorovskoy) kul'tury [The origin of the early Sarmatian (Prokhorovka) culture]. Moscow: Nauka. 52 p.

Moshkova M.G., 1989. The history of studying Savromat-Sarmatian tribes. *Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya* [*Steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian period*]. Moscow: Nauka, pp. 158–164. (Arkheologiya SSSR.). (In Russ.)

Obydennov M.F., 1996. Issues of the Ugric ethnogenesis based on archaeological sources. *XIII Ural'skoye arkheologicheskoye soveshchaniye: tezisy dokladov* [*XIII Ural Archaeological panel meeting: abstracts*], 2. Ufa: Ufimskiy nauchnyy tsentr RAN, pp. 56–60. (In Russ.)

Panteleyeva S.E., 2006. Khrono-stratigrafiya Pavlinova gorodishcha po rezul'tatam analiza keramiki: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Chrono-stratigraphy of the Pavlinovo settlement based on the analysis of pottery: a thesis for the Doctoral Degree in History]. Ekaterinburg. 22 p.

Panteleyeva S.E., 2010. The Gorokhovo culture: the formation and dynamics of development (based on pottery collections). *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [*Ural Historical Journal*], 2(27). Ekaterinburg: Institut istorii i arkheologii Ural'skogo otdeleniya RAN, pp. 87–95. (In Russ.)

Polos'mak N.V., 1986. Cultural attribution of the Gorokhovo group of sites. KSIA [*Brief Communications of the Institute of Archaeology*], 186, pp. 29–33. (In Russ.)

Rykushina G.V., 1995. Odontological characteristics of the population of the Jetyasar period. *Nizov'ya Syrdar'i v drevnosti* [*The Lower Syrdarya in antiquity*], *2. Dzhetyasarskaya kul'tura* [*The Jetyasar culture*], 5. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, pp. 290–303. (In Russ.)

Sal'nikov K.V., 1947. The fortified settlement of Chudaky in Chelyabinsk Region. *Sovet. Arkheol.,* 9, pp. 221–238. (In Russ.)

Sal'nikov K.V., 1962. The Itkul culture. *Uchenyye zapiski Chelyabinskogo oblastnogo muzeya* [*Transactions of the Chelyabinsk Regional Museum*], 1. Chelyabinsk, pp. 13–26. (In Russ.)

Sal'nikov K.V., 1966. Composition of the forest-steppe Trans-Ural inhabitants in the Sarmatian period. Sovet. Etnograf., 5, pp. 118–124. (In Russ.)

Savel'yev N.S., 2007. Mesyagutovskaya lesostep' v epokhu rannego zheleza [Mesyagutovo forest steppe in the Early Iron Age]. Ufa: Gilem. 260 p.

Sharapova S.V., 2004. Traditions of pottery making and ornamentation styles of the Trans-Ural population in the Early Iron Age. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [*Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*], 4, pp. 123–134. (In Russ.)

Shorin A.F., 1988. Sredneye Zaural'ye v epokhu razvitoy i pozdney bronzy: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [The Middle Trans-Urals in the developed and Late Bronze Age: a thesis for the Doctoral Degree in History]. Novosibirsk. 25 p.

Smirnov K.F., 1964. Savromaty [The Savromats]. Moscow: Nauka. 397 p.

Sreda, kul'tura i obshchestvo lesostepnogo Zaural'ya vo vtoroy polovine I tys. do n.e. [Environment, culture and society of the forest-steppe Trans-Urals in the second half of the 1st millennium BC]. L.N. Koryakova et al. Ekaterinburg; Surgut: Magellan, 2009. 298 p.

Stefanov V.I., 1998. Kurtuguz-1 – an Early Iron Age cemetery of the Middle Trans-Urals. *Ural v proshlom i nastoyashchem: materialy konferentsii* [*The Urals in the Past and Present: Conference proceedings*], 1. Ekaterinburg: Ekaterinburg, pp. 112–116. (In Russ.)

Stoyanov V.E., 1969. Trans-Ural forest-steppe settlements of the Early Iron Age. KSIA [*Brief Communications of the Institute of Archeology*], 119, pp. 52–61. (In Russ.)

Stoyanov V.E., 1970. Classification and periodization of West Siberian sites of the Early Iron Age. *Problemy khronologii i kul'turnoy prinadlezhnosti arkheologicheskikh pamyatnikov Zapadnoy Sibiri* [*Issues of chronology and cultural attribution of West Siberian archaeological sites*]. V.I. Matyushchenko, ed. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, pp. 238–253. (In Russ.)

Stoyanov V.E., *Shiryayev A.G.*, 1964. The settlement of Rechkino-1. *Voprosy arkheologii Urala* [*Ural archaeology issues*], 6. Sverdlovsk: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 72–85. (In Russ.)

Tairov A.D., 2000. The Early Iron Age. *Drevnyaya istoriya Yuzhnogo Zaural'ya* [*Ancient history of the Southern Trans-Urals*], 2. Chelyabinsk: Izdatel'stvo Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 3–206. (In Russ.)

Tairov A.D., 2016. Interactions of the forest-steppe and steppe inhabitants of the Southern Trans-Urals in the 7th – 2nd centuries BC. *Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Les. Lesostep'* [*Archaeology of the Southern Urals. Forest. Forest-steppe*]. Chelyabinsk: Rifey, pp. 443–467. (In Russ.)

Zakh V.A., *Zimina O.Yu.*, 2001. The Lower Tobol sites of the Bronze and Iron Ages. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [*Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*], 3, pp. 138–149. (In Russ.)

Zuyev V.Yu., 1996. Fortified settlements of forest-steppe Eurasia and nomads of the Scythian-Sarmatian period: based on the materials of the fortified settlement Chudaki in the Southern Trans-Urals. *Fortifikatsiya v drevnosti i srednevekov'ye* [*Fortification in antiquity and the Middle Ages*]. St.Petersburg: IIMK RAN, pp. 23–28. (In Russ.)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2019, № 1, с. 20–31

СКАРАБЕОИД ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ 1 КУРГАНА 1/2015 МОГИЛЬНИКА ЧЕБОТАРЕВ V НА НИЖНЕМ ДОНУ
(о ближневосточных печатях в погребениях среднесарматского времени)

© 2019 г. М.Ю. Трейстер

Германский археологический институт, Берлин

E-mail: mikhailtreister@yahoo.de

Поступила в редакцию 29.01.2018 г.

В статье рассматривается печать-скарабеоид с древнееврейской надписью, найденная в сарматском погребении могильника Чеботарев V на Нижнем Дону и опубликованная на страницах журнала. Вопреки мнению издателей, автор на основании подробного анализа формы, материала и обрамляющего надпись декора печати приходит к выводу, что атрибуция печати как принадлежащей коменданту крепости Арад не доказана, так же как неубедительны и гипотезы о том, каким образом печать через 600 лет после того, как ее вырезали, оказалась в кочевническом погребении. Предлагается другой подход к решению вопроса о появлении печати – анализ находок антикварных на момент погребения древневосточных печатей в погребальных комплексах среднесарматского времени (Косика, Соколова Могила, Тбилисская; с учетом рассматриваемой находки их 6 экз.). Есть основания предполагать, что древневосточные печати (цилиндрические, коноиды, скарабеоид) могли попасть в погребения элиты кочевников в результате ограбления святилищ в Закавказье, где они хранились в качестве вотивов.

Ключевые слова: среднесарматская культура, печати-скарабеоиды, древневосточные печати, святилища, вотивные приношения, Иудея, Нижний Дон, Закавказье.

DOI: 10.31857/S086960630004111-1

В 2015 г. в не ограбленном погребении среднесарматского времени могильника Чеботарев V вблизи г. Новочеркасск при раскопках Сочинской экспедиции Института археологии РАН под руководством Р.А. Мимохода среди прочих предметов был найден скарабеоид из сердолика (рис. 1, *1*), который автор имел возможность благодаря любезности Р.А. Мимохода и П.С. Успенского осмотреть вскоре после находки. На плоской стороне скарабеоида по краю проходит ряд точечного декора в обрамлении двух концентрических линий, в центре – надпись древнееврейским письмом: (*Собственность*) *Эльяшива*.

Недавно печать была опубликована в совместной статье А.С. Балахванцева и авторов раскопок Р.А. Мимохода и П.С. Успенского. Авторы приходят к выводу, что иконография и орфография печати свидетельствуют о том, что она древнееврейская, а что из трех известных носителей имени Элиашиба печать могла принадлежать коменданту крепости Арад в конце VII – начале VI в. до н.э. По палеографическим данным надпись датируется VII в. до н.э. В пользу этого выдвигаются следующие аргументы помимо декларированного сходства шрифта печати из могильника Чеботарев VII и трех печатей из Арада: 1) Печати из Арада были обнаружены в слое VII, предшествовавшем египетскому завоеванию Иудеи 609 г. до н.э. “Только около 604 г. до н.э. ... иудеи смогли вернуться и заново отстроить крепость (слой VI), комендантом которой стал Элиашиб. Разумеется, что ему должна была понадобиться новая печать”. 2) Арадские печати Элиашиба отличаются друг от друга материалом, иконографией, а также написанием имени и патронимика владельца. Такое многообразие создает впечатление, что заказчик любил экспериментировать и постоянно искал наилучший вариант. Именно этим объясняется появление четвертой печати с бордюром, внутри которого осталось место только для одного имени. 3) Одна из арадских печатей Элиашиба – как и донская находка – сделана из сердолика,

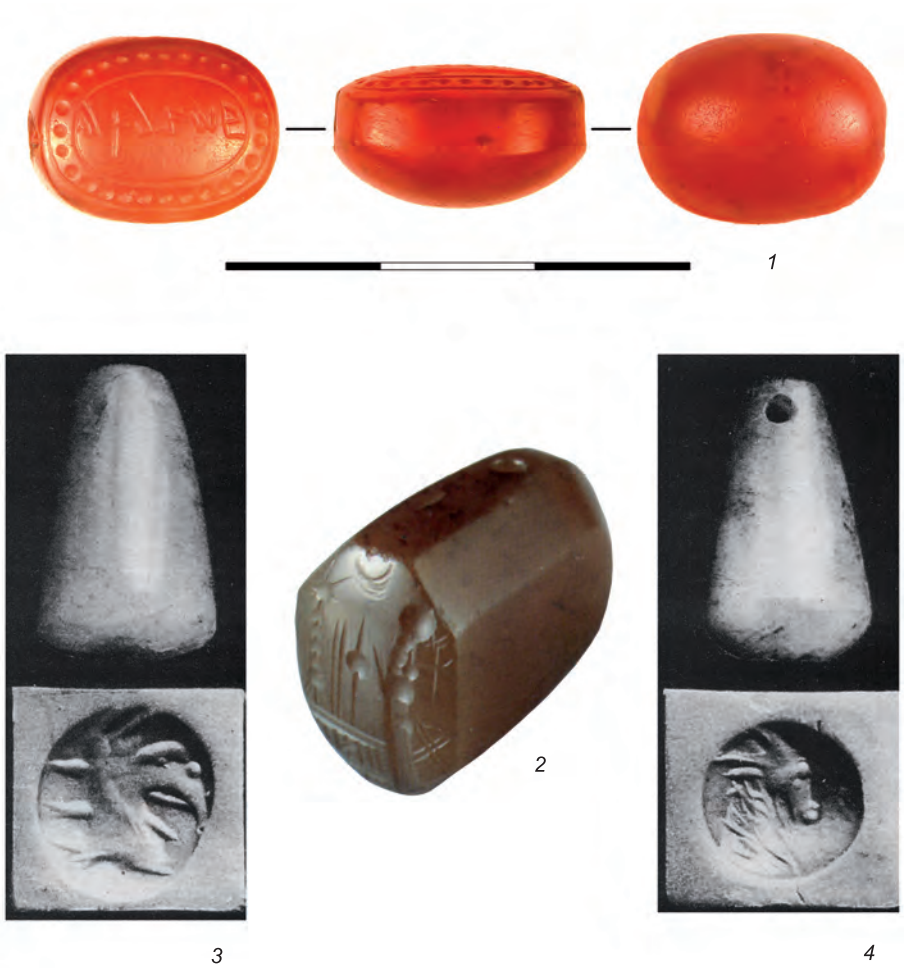


Рис. 1. Древневосточные печати из сарматских погребений Северного Причерноморья. *1* – Чеботарев V (фото П.С. Успенского); *2, 4* – Соколова могила (по: Ковпаненко, 1986); *3* – Тбилисская (по: The Treasures..., 1991).

Fig. 1. Near Eastern seals from the Sarmatian burials of the North Pontic area

"минерала, весьма необычного для Израиля" (Балахванцев и др., 2017. С. 157, 158).

Не будучи специалистом в области эпиграфики и древнееврейского языка, я не собираюсь комментировать вопросы палеографии и связанной с ней датировки надписи. По остальным же проблемам позволю себе высказаться, тем более, что анализ формы, декора и материала печати был выполнен очень бегло и уместился в короткий абзац, в котором говорится о том, что "оформление печати по краю бордюром из ряда точек между двумя линиями используется только в древнееврейской глиптике в период, предшествующий вавилонскому завоеванию", а "аниконизм донской находки также полностью соответствует тенденции к отказу от помещения изображений на печатях Иудеи VII–начала VI в. до н.э." (Балахванцев и др., 2017. С. 156).

Из примерно 1150 западно-семитских печатей с надписями эпохи раннего железного века, известных к 1990-м годам, почти 700 экз. (как печатей, так и оттисков печатей) содержали древнееврейские надписи, при этом около 500 из них – только надписи без каких-либо дополнительных изображений и около 390 из них – двустрочные надписи (Sass, 1993. P. 197; Uehlinger, 1993. P. 278–281; Avigad, Sass, 1997. P. 49–166). Таким образом, скарабеоид из могильника Чеботарев, который по форме принадлежит к типу IV § 138, по классификации О. Кееля (Keel, 1995. S. 64, 290), относится к относительно редкой группе печатей-скарабеоидов с однострочной надписью и без изображений (Avigad, Sass, 1997. P. 71, 125, 126, 146, 147. № 62 (сердолик), 255 (кость), 258 (малахит), 332 (серпентин), 337 (стекло)).

Оформление надписи на скарабеоиде из могильника Чеботарев V бордюром из ряда точек между двух линий находит параллели менее, чем на 20 печатях, будучи сравнительно редким обрамляющим надпись (или изображение) элементом (Sass, 1993. P. 201, 202, 207, 209, 233, 241. Fig. 13, 23, 49, 50, 95, 101, 132, 151; Pl. I, *1*; Avigad, Sass, 1997. P. 92, 100, 104, 114, 135, 137, 152, 160, 163, 203, 204, 208. № 137 (известняк), 175 (халцедон), 176 (яшма), 211 (лазурит), 291 (известняк), 298 (сердолик), 352 (известняк), 380 (камень красного цвета), 390 (красная яшма), 517, 535 (буллы в Музее Израиля в Иерусалиме)), среди них известны и скарабеоиды с однострочной надписью (Avigad, Sass, 1997. P. 126. № 258). Укажем, что все приведенные в качестве аналогий печати не имеют точного происхождения или представляют собой покупки на рынке древностей. Датируются такие печати в рамках второй половины VIII–VII в. до н.э. (Sass, 1993. P. 198, 199), причем аниконические (Avigad, Sass, 1997. P. 45, 46) и происходящие из датированных контекстов печати – преимущественно VII в. до н.э. (Reich, Sess, 2006; Ornan et al., 2008; van der Veen, 2014. P. 265–271).

Перейдем к печатям, найденным в Араде, известным авторам статьи по публикации А. Ахарони в 1981 г., которые, однако, с тех пор неоднократно рассматривались в литературе. Оттиски печати Элиашиба, сына Эшияху, были найдены в одном из помещений у южной стены слоя VII Арада (Herzog, 2002. P. 41–49; Lipschits, 2005. P. 225. Note 150). Здесь были найдены три печати в форме скарабеоида (из агата, сердолика и из черной пасты), все с двустрочными надписями, которые датируют в пределах второй половины VII в. до н.э., вероятно около 630–620 гг. до н.э. (Avigad, Sass, 1997. P. 73, 74. № 70–72; Rollston, 2009. P. 142; van der Veen, 2014. P. 56–62, 123. Fig. 7, *a–c*; 21 (справа)). Эти печати отличаются не только содержанием надписи (наличием патронимика), но и оформлением (они двустрочные и без точечного бордюра).

Конечно, можно предполагать, что владелец печатей был любителем инноваций в глиптике, однако, в таком случае эти инновации сводились к использованию разных материалов, что никоим образом не может объяснить, почему в предполагаемой “четвертой” печати Элиашиба вдруг был пропущен патронимик и использован довольно редкий прием обрамления надписи бордюром из точек между двумя линиями. Предположение, что после того как был нанесен бордюр не осталось места для второй строчки лишено всякого основания. Как показано выше, среди печатей с таким бордюром известны образцы как с однострочными, так и двустрочными надписями, так что ничто не мешало резчику учитывать необходимость резьбы одной или двух строчек. Более того, печати с таким бордюром и однострочной надписью – значительно более редкие. Очевидно, что оформление текста печати и ее декора согласовывалось будущим владельцем с резчиком, а резчики, начиная работу, представляли себе композицию печати, как правило, вначале делая разметку, что хорошо известно по неоконченным печатям[1], поэтому наивно предполагать, что резчик печати второпях сначала сделал бордюр, потом понял, что места мало и решил, что обойдется без патронимика.

Также не работает и аргумент о том, что поскольку одна из трех печатей, найденных в Араде, и печать из могильника Чеботарев V сердоликовые, то, следовательно, между ними существует какая-то связь. Об этом можно было бы задуматься, если бы из 1150 западносемитских печатей лишь одна из печатей, найденных в Араде, была вырезана из сердолика, но это абсолютно не так! Достаточно обратиться к оставшимся без внимания авторов публикации своду западно-семитских печатей (Avigad, Sass, 1997) или хотя бы одному из томов корпуса печатей из Палестины-Израиля (Keel, 1995; 2010a, b; 2013), чтобы убедиться в этом, да и среди приведенных мною выше примеров западно-семитских печатей с надписями и (или) бордюром из точек и линий приводились ссылки на печати из сердолика.

Таким образом, если найденные в Араде печати действительно относятся к коменданту этой крепости, известному по письменным источникам, то вероятнее всего печать,

[1] Есть примеры неоконченных цилиндрических печатей III–II тыс. до н.э. как неизвестного происхождения (Møller, 1992. P. 31, 32, 37, 38. № 53, 61) (в том числе с непросверленным отверстием), так и происходящих (в том числе, из раскопок) в Сирии (Тель-Брак (Matthews, 1997. P. 108, 273, 293. № 365, 530); Телль Мардих-Эбла (Ascalone, Peyronel, 2001. P. 5)) и Месопотамии (Телль-Асмар (Frankfort, 1955. P. 41, 208, 209. № 611. Pl. 58; Porada, 2014. P. 211, 216)). В ряде случае высказывались такие соображения и по поводу ахеменидских печатей, в частности, найденной в Пасаргадах (Stronach, 1978. P. 178, 179. Pl. 162, *a, b*; Root, 1999. P. 184–187). О вторичном использовании и переделке печатей см. Collon, 1987. P. 120–122.

Рис. 2. Ахеменидская печать из погребения 1/1984 в Косике. Астрахань, Гос. объед. историко-архитект. музей-заповедник, инв. № 35558. *1–7* – общие виды; *8* – прокатка (фото М.Ю. Трейстера); *9* – прорисовка (по: I Tesori della steppa..., 2005).

Fig. 2. Achaemenid seal from burial no. 1/1984 in Kosika. Astrakhan, State Unite. Historocal-Architec. Museum-reserve, inv. № 35558

найденная в могильнике Чеботарев V, могла принадлежать другому человеку с таким же именем. Тем не менее, материал форма печати, надпись и бордюр свидетельствуют о том, что это печать западно-семитского типа с древнееврейской надписью, весьма вероятно, происходит из Иудеи и может датироваться в широких рамках второй половины VIII–VII вв. до н.э.

Помимо атрибуции печати важен и вопрос, каким образом она через более чем 600 лет после того, как ее вырезали, оказалась в кочевническом погребении на Дону. Авторы публикации предлагают следующие опции: 1) греческие наемники, присутствовавшие в Араде, в царившей панике незадолго до разрушения крепости украли у коменданта печать, а затем через множество рук и столетий печать попала в Северное Причерноморье; 2) печать долго находилась на Ближнем Востоке, пока ее не привез на Боспор один из еврейских переселенцев в I в. н.э. (Балахванцев и др., 2017. С. 158).

Поскольку, как показано выше, вероятность того, что печать принадлежала коменданту Арада, не обоснована, то опция 1 не комментируется. Что касается опции 2, то она теоретически возможна, однако никак не объясняет,

каким образом печать оказалась не просто на Боспоре, а в кочевническом погребении, пусть и в кургане, расположенном недалеко от границ Боспора.

Для решения вопроса о путях миграций артефактов в древности необходим системный подход, а в данном случае самый очевидный логический ход заключается в том, чтобы выяснить, были ли в каких-либо других кочевнических погребениях рассматриваемого региона находки антикварных (на момент погребения) древневосточных печатей. Действительно, известна серия древневосточных печатей из погребений кочевнической элиты среднесарматского времени.

1, 2. В погребении, открытом в 1984 г. в Косике на Нижней Волге, обнаружены две цилиндрические печати: а) ахеменидская (Klochkov, 1996. P. 38–43. Fig. 1; I Tesori della steppa..., 2005. P. 135. № 90; ср.: Boardman, 2000. P. 242. Note 73), которая датируется V в. до н.э., скорее, его первой половиной (рис. 2), и касситская (неоконченная!), датированная И.С. Клочковым XVI–XIV вв. до н.э. (Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993. С. 177, 178. Рис. 21, *8*; Klochkov, 1996. P. 43–48. Fig. 2, 3; I Tesori della steppa..., 2005, P. 135. № 91) (рис 3).

3, 4. В погребении кургана Соколова Могила в бассейне р. Южный Буг были найдены две конические печати из халцедона (рис. 1, *2, 4*) с изображениями головы козла и головы грифона (Ковпаненко, 1986. С. 103. Рис. 108).

Конические печати (*conoids*), которые появились на Ближнем Востоке (Палестина, Северная Сирия) не позднее XI в. до н.э. (Meyer, 2008, S. 66–69; см. также: Keel-Leu, 1991. S. 81, 101–104, 113, 120, 121. № 95, 117–124, 131, 143–145, etc.), получили распространение с VIII в. до н.э. в Ассирии, Урарту и Вавилоне (форма: Buchanan, Moorey, 1988. P. XIII, XIV. Fig. 1, 8; Meyer, 2008. S. 37. Abb. 16, 1.1), встречаются также в ахеменидскую эпоху (например: Dusinberre, 2005. P. 58, 59. № 38).

Вытянутая форма печатей, расположение отверстия близко к вершине, а также выпуклая нижняя поверхность, на которой вырезано изображение, позволяют сопоставлять ее с печатью из хлорита из погребения второй половины VIII–VII в. до н.э. в Хасанлу, Иране; в это время памятник относился к урартской культуре. По мнению М. Маркус, печать урартская и находит аналогии среди печатей из Топрак-кале и Кармир-Блура (Marcus, 1996. P. 147, 148. № D1. Fig. 117. Pl. 48). В то же время говорить о близости образов на этой печати, а уж тем более о стилистическом сходстве изображений на печатях из Соколовой Могилы и из Урарту не приходится. Не только по своей форме, выпуклой нижней части, но и по материалу (халцедон) печати из Соколовой Могилы обнаруживают близость к печати из Вавилона с изображением крылатого сфинкса (Jakob-Rost, 1997. S. 86, 87. № 336). Несмотря на отсутствие близких параллелей, сомнений в том, что конические печати из Соколовой Могилы происходят с Переднего Востока и датируются с наибольшей вероятностью в рамках VIII–VI вв. до н.э., нет.

5. В ограбленном погребении 4 кургана 3/1978 у ст. Тбилисской на Кубани, датируемом первой половиной II в. н.э., найдена коническая печать (рис. 1, *3*) ново-вавилонского стиля с восьмигранным основанием (Ждановский, 1984. С. 73, 78. Рис. 1, *28*; Gold und..., 1989. S. 142. № 160; The Treasures..., 1991. P. 53. № 23; Marčenko, Limberis, 2008. S. 353, № 64. Taf. 92, *2*). Печать неоднократно упоминалась[2], но по-настоящему атрибутирована не была. Такие конические восьмигранные печати (*octogonal pyramids*) (форма: Buchanan, Moorey, 1988. P. XIII, XIV. Fig. 1, *9*; Meyer, 2008. S. 37. Abb. 16, *1, 7*) с подобными изображениями поклоняющегося, стоящего перед символами Мардука (Spade) и Набу (Stylus), стоящими на пьедестале, над которыми изображался полу месяц Син, датируют основным периодом Ново-Вавилонской династии, начиная с правления Навуходоносора II (604–562 гг. до н.э.), т.е. VI в. до н.э., когда они становятся массовым изделием, однако, они продолжали использоваться и в ахеменидское время, и не только в эпоху Дария I, но и позднее на протяжении V в. до н.э., судя по оттискам на табличках из архивов в Ниппуре и Борсиппе (Zettler, 1979; Keel-Leu, 1991. S. 123; Collon, 2007. P. 119. Fig. 7.35; 120; van der Veen, 2014. P. 180). Известны многочисленные находки печатей такой формы с таким сюжетом (например: Keel-Leu, 1991, S. 128, № 153, 154; Jakob-Rost, 1997, S. 72–83, № 239–241, 251–255,

[2] Ждановский, 1984. С. 78 (вавилонская печать VI в. до н.э.; “вероятно, она была военным трофеем и исполняла функции амулета”); Мордвинцева и др., 2010. С. 338: “каменная подвеска-амулет в виде призмы с резной печатью (Ассирия?)”; Яценко, 2014. С. 258 (вавилонская печать-подвеска VI в. до н.э., “похищенная, видимо, из древнего храма далеко на юге”; с ошибочным указанием на раскопки кургана в 1977 г.).

Рис. 3. Касситская печать из погребения 1/1984 в Косике. Астрахань, Гос. объед. историко-архитект. музей-заповедник, инв. № 35586. *1–7* – общие виды (фото М.Ю. Трейстера); *8* – прорисовка (по: I Tesori della steppa..., 2005); *9* – прокатка (по: Klochkov, 1996).

Fig. 3. Kassite seal from burial № 1/1984 in Kosika. Astrakhan, State Unite. Historocal-Architec. Museum-reserve, inv. № 35558

258, 261–265, 268, 269, 271–275, 299–302, 305–312; Kühne, Salje, 1996. S. 108–110, № 57. Abb. 16, Taf. 13; Keel, 2010a. S. 562–565. № 6, 9; 2013. S. 96, 97. № 8).

Подобная по форме и с близким изображением печать VI в. до н.э. происходит из погребения 24 (IV в. до н.э.) в Вани (Kacharava, Kvirkvelia, 2008. P. 293, 295. Fig. 49). Еще одна печать их халцедона аналогичной формы, но с другим изображением, уже ахеменидского времени, датируемая концом VI – началом V в. до н.э., была найдена в Мцхете в богатом погребении II в. н.э., возможно, членов иберийской царской семьи) (Apakidze, Nikolaishvili, 1994. P. 50, 51. № 53. Fig. 33, 34; Dzhavakhishvili, 2007. P. 120, 121. № 3. Fig. 3). Отметим, что отсюда же происходит и цилиндрическая печать первой половины I тыс. до н.э. (Apakidze, Nikolaishvili, 1994. P. 46, 50, 51. № 52. Fig. 33, 34). Для территории Иберии в целом характерное явление – находки в погребениях антикварных печатей. Из шести ахеменидских печатей три происходят из погребальных контекстов первых веков н.э. (Dzhavakhishvili, 2007).

Таким образом, печать с древнееврейской надписью из богатого женского погребения I в. н.э. в могильнике Чеботарев V прекрасно вписывается в обозначенный выше круг памятников. И если считать, что это не случайность (а для

этого есть, как показано выше, все основания), то нет необходимости реконструировать “боспорский след” в истории печати.

Очевидно, что кочевники использовали переднеазиатские печати как амулеты и рассматривали как предметы престижа. Впрочем, подобным образом к печатям относились и на Древнем Востоке, где зачастую они выполняли функции талисмана, о чем, в том числе, писалось на самой печати (Radner, 2012. P. 247. Fig. 17.02), они передавались из поколения в поколение (Winter, 2010. P. 123. Note 9). Есть основания считать, что во II тыс. до н.э. эламские печати использовались спустя несколько столетий в Северной Месопотамии (Amiet, 1973. P. 19, 20. Pl. XII; Muscarella, 2013. P. 444). На табличках, содержащих вассальные договора царя Асархаддона ново-ассирийского времени, встречены оттиски древнеассирийской печати с надписью “принадлежит Ашшуру, храму города”. На этих договорах имеются и оттиски печати среднеассирийского периода, а также печати отца Асархаддона, Сеннахериба (Collon, 1987. P. 131–133. № 559, 560; Winter, 2010. P. 121–124). Для царя использование старых царских печатей являлось подтверждением легитимности его власти (Cassin, 1987. P. 267–279; Auerbach, 1991).

Практика хранения в святилищах печатей в качестве вотивов засвидетельствована как для Ближнего Востока (Teissier, 1984. P. XXIII–XXIV; Keel, 1995. S. 275; Frevel, 2008. P. 29, 30), так и для Месопотамии и Ирана (Muscarella, 2013. P. 440. Note 130 с лит.). В святилище VIII–VII вв. до н.э. в Сурх Дам в Северном Луристане была найдена аккадская цилиндрическая печать III тыс. до н.э. Интересно, что из девяти, найденных там же, хранящихся в Музее Метрополитен, печатей, по крайней мере, четыре являются значительно более древними (Muscarella, 2013. P. 440, 441), при этом среди других печатей из этого святилища отмечались митаннийские и касситские (Muscarella, 2013. P. 440. Note 129 с лит.). Заслуживает внимания находка неоконченной цилиндрической печати в целле храма II тыс. до н.э. в Телль Мардих-Эбла в Сирии (Ascalone, Peyronel, 2001. P. 5).

При раскопках датирующегося XI–IX вв. до н.э. монументального святилища на поселении в Граклиани (Грузия) в Центральном Закавказье в сосуде были найдены две месопотамские печати начала III тыс. до н.э.: цилиндрическая и коническая (Личели, Самсония, 2010; Licheli, 2011. P. 72, 74 (ill.)). Эти находки, а также уже отмеченная выше необычная частота находок ранних печатей в погребениях первых веков на территории Кавказской Иберии вполне могут объяснить, где именно кочевники могли получить возможность стать владельцами таких печатей.

Автор выражает искреннюю признательность Р.А. Мимоходу и П.С. Успенскому за возможность использования фотографий печати из Чеботарева; заведующей отделом фондов Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника Э.Р. Чиняковой за возможность работать с материалами из Косики в фондах музея.

Публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РГНФ «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н.э. – III в. н.э.” (FL-334/15-1). Партнер проекта с российской стороны – Б.А. Раев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балахванцев А.С., *Мимоход Р.А.*, *Успенский П.С.* Древнееврейская печать из сарматского погребения на Нижнем Дону // РА. 2017. № 4. С. 155–159.

Дворниченко В.В., *Федоров-Давыдов Г.А.* Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области // Вестник древней истории. 1993. № 3. С. 141–179.

Ждановский А.М. Подкурганные катакомбы Среднего Прикубанья первых веков н.э. // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа / Ред. Н.И. Кирей. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1984. С. 72–94.

Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. Киев: Наук. думка, 1986. 145 с.

Личели В., *Самсония Н.* Месопотамские печати из поселения Граклиани // Археология, этнология, фольклористика Кавказа. Тбилиси: Меридиан, 2010. С. 182–184.

Мордвинцева В.И., *Хачатурова Е.А.*, *Юрченко Т.В.* Сокровища древней Кубани. Симферополь, Краснодар: Универсум, 2010. 448 с.

Яценко С.А. О некоторых формах контактов сарматов с внешним миром // Сарматы и внешний мир / Ред.: Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев Уфа: Центр “Наследие”, 2014 (Уфимский археологический вестник; № 14). С. 257–262.

Amiet P. Glyptique Élamite, a propos de nouveaux documents // Arts asiatiques. 1973. V. 26. P. 3–65.

Apakidze A., *Nikolaishvili V.* An Aristocratic Tomb of the Roman Period from Mtskheta // Antiquaries Journal. 1994. V. 74. P. 16–54.

Ascalone E., *Peyronel L.* Two Weights from Temple N at Tell Masrdikh-Ebla, Syria: A Link between Metrology and Cultic Activities in the Second Millennium B.C.? // Journal of Cuneiform Studies. 2001. V. 53. P. 1–12.

Auerbach E. Heirloom Seals and Ppolitical Legitimacy in Late Bronze Age Syria // Akkadica. 1991. V. 74–75. P. 19–36.

Avigad N., *Sass B.* Corpus of West Semitic Stamp Seals. Jerusalem: The Hebrew Univ. of Jerusalem, 1997. 640 p.

Boardman J. Persia and the West. L.: Thames and Hudson, 2000. 255 p.

Buchanan B., *Moorey P.R.* Catalogue of Ancient Near Eastern Seals in the Ashmolean Museum. III: The Iron Age Stamp Seals (c. 1200–350 B.C.). Oxford: Clarendon Press, 1988. 140 p.

Cassin E. Le semblable et le différent. Symbolismes du pouvoir dans le Proche-Orient ancien. Paris: La Découverte, 1987. 376 p.

Collon D. First Impressions. Cylinder Seals in the Ancient Near East. L.; Chicago: British Museum, 1987. 208 p.

Collon D. Babylonian Seals // The Babylonian World / Ed. G. Leick. N. Y.: Routledge, 2007. P. 95–123.

Dusinberre E.R. Gordion Seals and Sealings: Individuals and Society. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2005. 208 p.

Dzhavakhishvili K. Achaemenian Seals found in Georgia // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia (ACSS). 2007. V. 13, iss. 1–2. P. 117–128.

Edith Porada: zum 100. Geburtstag / Hrsg.: E. Bleibtreu, H.U. Steymans. Fribourg: Academic Press; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2014 (Orbis Biblicus et Orientalis (OBO); 268). 666 S.

Frankfort H. Stratified Cylinder Seals from the Diyala Region. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1955 (Oriental Institute Publications (OIP); 72). 78 p.

Frevel C. Gifts to the Gods? Votives as Communication Markers in Sanctuaries and other Places in the Bronze and Iron Ages in Palestine / Israel // "From Ebla to Stellenbosch". Syro-Palestinian Religions and the Hebrew Bible / Eds.: I. Cornelius, L. Jonker. Wiesbaden: Harrassowitz in Kommission, 2008. P. 25–48.

Gold und Kunsthandwerk vom antiken Kuban / Hrsg.: A.M. Leskow, W.L. Lapuschnjan. Stuttgart: Konrad Theiss, 1989. 189 S.

Herzog Z. The Fortress Mound at Tel Arad: An Interim Report // Tel Aviv. 2002. V. 29, № 1. P. 3–109.

Jakob-Rost L. Die Stempelsiegel im Vorderasiatischen Museum Berlin. Mainz: Philipp von Zabern, 1997. 118 S.

Kacharava D., *Kvirkvelia G.* Recent Archaeological Finds on the Upper Terrace of the Vani Site // ACSS. 2008. V. 14, iss. 3–4. P. 237–315.

Keel O. Corpus der Stempelsiegel-Amulette aus Palästina/Israel. Von den Anfängen bis zur Perserzeit: Einleitung. Freiburg: Universitätsverlag; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1995 (OBO. Series Archaeologica; 10). 366 S.

Keel O. Corpus der Stempelsiegel-Amulette aus Palästina/Israel: von den Anfängen bis zur Perserzeit. Bd. II: Katalog. Von Bahan bis Tel Eton. Freiburg: Universitätsverlag; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010a (OBO. Series Archaeologica; 29). 649 S.

Keel O. Corpus der Stempelsiegel-Amulette aus Palästina/Israel: von den Anfängen bis zur Perserzeit. Bd. III: Katalog. Von Tell el-Farʿa Nord bis Tell el-Fir. Freiburg: Universitätsverlag; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010b (OBO. Series Archaeologica; 31). 466 S.

Keel O. Corpus der Stempelsiegel-Amulette aus Palästina/Israel: von den Anfängen bis zur Perserzeit: Band IV. Katalog. Von Tel Gamma bis Chirbet Husche. Fribourg: Academic Press; Göettingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2013. (OBO. Series Archaeologica; 33). 736 S.

Keel-Leu H. Vorderasiatische Stempelsiegel. Die Sammlung des Biblischen Instituts der Universität Freiburg Schweiz. Freiburg: Universitätsverlag; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1991 (OBO; 110). 168 S.

Klochkov I.S. Two cylinder Seals from a Sarmatian Grave near Kosika // ACSS. 1996. V. 3, iss. 1. P. 38–48.

Kühne H., *Salje B.* Kāmid el-Lōz. 15. Die Glyptik. Bonn: Habelt, 1996. 192 S.

Licheli V. Cultural Relations in Central Transcaucasia // The Caucasus: Georgia on the Crossroads. Cultural exchanges across the Europe and Beyond / Eds.: P. Skinner, D. Tumanishvili, A. Shanshiashivili. Tbilisi: Georgian Arts and Culture Center, 2011. P. 72–75.

Lipschits O. The Fall and Rise Jerusalem. Judah under Babylonian Rule. Winona Lake: Eisenbrauns, 2005. 400 p.

Marčenko I.I., *Limberis N.J.* Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // Simonenko A., Marčenko I.I., Limberis N.J. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern. Mainz: Philipp von Zabern, 2008 (Archäeologie in Eurasien; Bd. 25). S. 267–400.

Marcus M. Emblems of Identity and Prestige: The Seals and Sealings from Hasanlu, Iran. Commentary

and Catalog. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Museum of Archaeology, 1996. 171 p.

Matthews D. The Early Glyptic of Tell Brak. Fribourg: University Press; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1997 (OBO. Series Archaeologica; 15). 311 p.

Meyer J.-W. Die eisenzeitlichen Stempelsiegel aus dem ʻAmuq-Gebiet. Fribourg: Acad. Press; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2008. (OBO. Series Archaeologica; 28). 665 S.

Møller E. Ancient Near Eastern Seals in a Danish Collection. Copenhagen: Museum Tusculanum Press, 1992. 94 p.

Muscarella O.W. Archaeology, Artifacts and Antiquities of the Ancient Near East. Sites, Cultures, and Proveniences. Leiden, Boston: Brill, 2013. 1088 p.

Ornan T., *Weksler-Bdolah S.*, *Greenhut Z.*, *Sass B.*, *Goren Y.* Four Hebrew Seals, One Depicting an Assyrian-like Archer, from the Western Wall Plaza Excavations, Jerusalem // ʻAtiqot. 2008. V. 60. P. 115–129.

Radner K. Between a Rock and a Hard Place: Muṣaṣir, Kumme, Ukku and Šubria – the Buffer States between Assyria and Urarṭu // Biainili-Urartu. The Proceedings of the Symposium held in Munich, 12–14 October 2007 / Eds.: S. Kroll, C. Gruber, U. Hellwag, M. Roaf, P. Zimansky. Leuven: Peeters, 2012. P. 243–264.

Reich R., *Sess B.* Three Hebrew Seals from the Iron Age Tombs at Mamillah, Jerusalem // Essays on Ancient Israel in its Near Eastern Context. A Tribute to Nadav Na'aman / Eds.: Y. Amit, E. Ben Zvi, I. Finkelstein, O. Lipschits. Winona Lake: Eisenbrauns, 2006. P. 313–320.

Rollston C. Seals and Scarabs // The New Interpreters Dictionary of the Bible. V. 5. Nashville: Abingdon Press, 2009. P. 141–146.

Root M.C. The Cylinder Seal from Pasargadae: of Wheels and Wings, Date and Fate // Iranica Antiqua. 1999. XXXIV. P. 157–190.

Sass B. The Pre-Exilic Hebrew Seals: Iconism vs. Aniconism // Studies in the Iconography of Northwest Semitic Inscribed Seals / Eds.: B. Sass, C. Uehlinger. Fribourg: University Press; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1993 (OBO; 125). P. 194–255.

Stronach D. Pasargadae: A Report on the Excavations conducted by the British Institute of Persian Studies from 1961 to 1963. Oxford: Oxford Univ. Press, 1978. 343 p.

Teissier B. Ancient Near Eastern Cylinder Seals from the Marcopoli Collection. Berkeley; Los Angeles; L.: Univ. of California Press, 1984. 420 p.

I Tesori della steppa di Astrakhan / Eds.: L. Anisimova, G.L. Bonora, C. Franchi, L. Karavaeva, V.V. Plakhov. Milano: Mondadori Electa, 2005. 183 p.

The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia. Tokyo: Ancient Orient Museum, 1991. 178 p.

Uehlinger C. Northwest Semitic Inscribed Seals, Iconography and Syro-Palaestinian Religions of Iron Age II // Studies in the Iconography of Northwest Semitic Inscribed Seals / Eds.: B. Sass, C. Uehlinger. Fribourg: University Press; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1993 (OBO; 125). P. 257–288.

Van der Veen P.G. The Final Phase of Iron Age II in Judah, Ammon, and Edom: a Study of Provenanced Official Seals and Bullae as Chronological Markers. Münster: Ugarit-Verlag, 2014. 320 p.

Winter I.J. On Art in the Ancient Near East. V. 1. Of the First Millennium B.C.E. Leiden, Boston: Brill, 2010. 640 p.

Zettler R.L. On the Chronological Range of Neo-Babylonian and Achaemenid Seals // Journal of Near Eastern Studies. 1979. V. 38, № 3. P. 257–270.

A SCARABOID FROM BURIAL 1 OF BURIAL-MOUND 1/2015 OF THE CHEBOTAREV V CEMETERY IN THE LOWER DON AREA (about the Near Eastern seals in the nomadic burials of the Middle Sarmatian period)

Mikhail Yu. Treister

German Archaeological Institute, Berlin

E-mail: mikhailtreister@yahoo.de

The article deals with a scaraboid-seal with the Hebrew inscription found in the Sarmatian burial of the Chebotarev V burial ground in the Lower Don area and published in this journal. Contrary to the opinion of the publishers, on the basis of a detailed analysis of the form, material and framing decoration of the seal, the author comes to the conclusion that the attribution of the seal as belonging to the governor of the Arad fortress is not proved, as well as the hypotheses about the way by which the seal, 600 years after it had been cut, appeared in a nomadic burial. The article

suggests a different approach to the solution of the problem how the seal appeared there: the analysis of the ancient Near Eastern seals found in the burials of the Middle Sarmatian period (Kosika, Sokolova Mogila, Tbilisskaya; the total of 6 specimens including the find discussed here), which were antiquarian objects at the time of burials. There are reasons to assume that Near Eastern seals (cylinders, conoids, a scaraboid) could find their way into the burials of the nomadic elite as a result of looting the sanctuaries in the Transcaucasia, where they were kept as votives.

Keywords: the Middle Sarmatian culture, scaraboids, Near Eastern seals, sanctuaries, votives, Judah, the Lower Don region, the Transcaucasia.

REFERENCES

Amiet P., 1973. Glyptique Élamite, à propos de nouveaux documents. *Arts asiatiques*, 26, pp. 3–65.

Apakidze A., *Nikolaishvili V.*, 1994. An Aristocratic Tomb of the Roman Period from Mtskheta. *Antiquaries Journal*, 74, pp. 16–54.

Ascalone E., *Peyronel L.*, 2001. Two Weights from Temple N at Tell Masrdikh-Ebla, Syria: A Link between Metrology and Cultic Activities in the Second Millennium B.C.? *Journal of Cuneiform Studies*, 53, pp. 1–12.

Auerbach E., 1991. Heirloom Seals and Political Legitimacy in Late Bronze Age Syria. *Akkadica*, 74–75, pp. 19–36.

Avigad N., *Sass B.*, 1997. Corpus of West Semitic Stamp Seals. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem. 640 p.

Balakhvantsev A.S., *Mimokhod R.A.*, *Uspenskiy P.S.*, 2017. A Hebrew seal from the Sarmatian burial on the Lower Don. *RA* [*Rus. Archaeology*], 4, pp. 155–159. (In Russ.)

Boardman J., 2000. Persia and the West. London: Thames and Hudson. 255 p.

Buchanan B., *Moorey P.R.*, 1988. Catalogue of Ancient Near Eastern Seals in the Ashmolean Museum, III. The Iron Age Stamp Seals (c. 1200–350 B.C.). Oxford: Clarendon Press. 140 p.

Cassin E., 1987. Le semblable et le différent. Symbolismes du pouvoir dans le Proche-Orient ancien. Paris: La Découverte. 376 p.

Collon D., 1987. First Impressions. Cylinder Seals in the Ancient Near East. London, Chicago; British Museum. 208 p.

Collon D., 2007. Babylonian Seals. *The Babylonian World*. G. Leick, ed. New York: Routledge, pp. 95–123.

Dusinberre E.R., 2005. Gordion Seals and Sealings: Individuals and Society. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology. 208 p.

Dvornichenko V.V., *Fedorov-Davydov G.A.*, 1993. A Sarmatian skeptuch's burial of the 1st century AD near the village of Kosika in Astrakhan Region. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*], 3, pp. 141–179. (In Russ.)

Dzhavakhishvili K., 2007. Achaemenian Seals found in Georgia. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, v. 13, iss. 1–2, pp. 117–128.

Edith Porada: zum 100. Geburtstag. E. Bleibtreu, H.U. Steymans, eds. Fribourg: Academic Press; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2014. 666 p. (Orbis Biblicus et Orientalis, 268).

Frankfort H., 1955. Stratified Cylinder Seals from the Diyala Region. Chicago: The University of Chicago Press. 78 p. (Oriental Institute Publications, 72).

Frevel C., 2008. Gifts to the Gods? Votives as Communication Markers in Sanctuaries and other Places in the Bronze and Iron Ages in Palestine/Israel. *"From Ebla to Stellenbosch". Syro-Palestinian Religions and the Hebrew Bible*. I. Cornelius, L. Jonker, eds. Wiesbaden: Harrassowitz in Kommission, pp. 25–48.

Gold und Kunsthandwerk vom antiken Kuban. A.M. Leskow, W.L. Lapuschnjan, eds. Stuttgart: Konrad Theiss, 1989. 189 p.

Herzog Z., 2002. The Fortress Mound at Tel Arad: An Interim Report. *Tel Aviv*, vol. 29, no. 1, pp. 3–109.

I Tesori della steppa di Astrakhan. L. Anisimova, ed. Milano: Mondadori Electa, 2005. 183 p.

Jakob-Rost L., 1997. Die Stempelsiegel im Vorderasiatischen Museum Berlin. Mainz: Philipp von Zabern. 118 p.

Kacharava D., *Kvirkvelia G.*, 2008. Recent Archaeological Finds on the Upper Terrace of the Vani Site. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, v. 14, iss. 3–4, pp. 237–315.

Keel O., 1995. Corpus der Stempelsiegel-Amulette aus Palästina/Israel. Von den Anfängen bis zur Perserzeit: Einleitung. Freiburg: Universitätsverlag; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 366 p. (Orbis Biblicus et Orientalis. Series Archaeologica, 10).

Keel O., 2010a. Corpus der Stempelsiegel-Amulette aus Palästina/Israel: von den Anfängen bis zur Perserzeit, II. Katalog. Von Bahan bis Tel Eton. Freiburg: Universitätsverlag; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 649 p. (Orbis Biblicus et Orientalis. Series Archaeologica, 29).

Keel O., 2010b. Corpus der Stempelsiegel-Amulette aus Palästina/Israel: von den Anfängen bis zur Perserzeit, III. Katalog. Von Tell el-Farʿa Nord bis Tell el-Fir. Freiburg: Universitätsverlag; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 466 p. (Orbis Biblicus et Orientalis. Series Archaeologica, 31).

Keel O., 2013. Corpus der Stempelsiegel-Amulette aus Palästina/Israel: von den Anfängen bis zur Perserzeit, IV. Katalog. Von Tel Gamma bis Chirbet Husche. Fribourg: Academic Press; Göettingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 736 p. (Orbis Biblicus et Orientalis. Series Archaeologica, 33).

Keel-Leu H., 1991. Vorderasiatische Stempelsiegel. Die Sammlung des Biblischen Instituts der Universität Freiburg Schweiz. Freiburg: Universitätsverlag; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 168 p. (Orbis Biblicus et Orientalis, 110).

Klochkov I.S., 1996. Two cylinder seals from a Sarmatian grave near Kosika. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, v. 3, iss. 1, pp. 38–48.

Kovpanenko G.T., 1986. Sarmatskoye pogrebeniye I v. n.e. na Yuzhnom Buge [A Sarmatian burial of the 1st century AD on the Southern Bug]. Kiyev: Nauk. dumka. 145 p.

Kühne H., *Salje B.*, 1996. Kāmid el-Lōz. 15. Die Glyptik. Bonn: Habelt. 192 p.

Licheli V., 2011. Cultural Relations in Central Transcaucasia. *The Caucasus: Georgia on the Crossroads. Cultural exchanges across the Europe and Beyond*. P. Skinner, D. Tumanishvili, A. Shanshiashivili, eds. Tbilisi: Georgian Arts and Culture Center, pp. 72–75.

Licheli V., *Samsoniya N.*, 2010. Mesopotamian seals from the settlement of Gracliani. *Arkheologiya, etnologiya, fol'kloristika Kavkaza* [*Archaeology, Ethnology, Folklore Studies of the Caucasus*]. Tbilisi: Meridian, pp. 182–184. (In Russ.)

Lipschits O., 2005. The Fall and Rise of Jerusalem. Judah under Babylonian Rule. Winona Lake: Eisenbrauns. 400 p.

Marčenko I.I., *Limberis, N.J.*, 2008. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. *Simonenko A., Marčenko I.I., Limberis N.J. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern*. Mainz: Philipp von Zabern, pp. 267–400 (Archäeologie in Eurasien, 25).

Marcus M., 1996. Emblems of Identity and Prestige: The Seals and Sealings from Hasanlu, Iran. Commentary and Catalog. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Museum of Archaeology. 171 p.

Matthews D., 1997. The Early Glyptic of Tell Brak. Fribourg: University press; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 311 p. (Orbis Biblicus et Orientalis. Series Archaeologica, 15).

Meyer J.-W., 2008. Die eisenzeitlichen Stempelsiegel aus dem ʻAmuq-Gebiet. Fribourg: Acad. Press; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 665 p. (Orbis Biblicus et Orientalis. Series Archaeologica, 28).

Møller E., 1992. Ancient Near Eastern Seals in a Danish Collection. Copenhagen: Museum Tusculanum Press. 94 p.

Mordvintseva V.I., *Khachaturova E.A.*, *Yurchenko T.V.*, 2010. Sokrovishcha drevney Kubani [Treasures of the ancient Kuban]. Simferopol', Krasnodar: Universum. 448 p.

Muscarella O.W., 2013. Archaeology, Artifacts and Antiquities of the Ancient Near East. Sites, Cultures, and Proveniences. Leiden, Boston: Brill. 1088 p.

Ornan T., *Weksler-Bdolah S.*, *Greenhut Z.*, *Sass B.*, *Goren Y.*, 2008. Four Hebrew Seals, One Depicting an Assyrian-like Archer, from the Western Wall Plaza Excavations, Jerusalem. *ʻAtiqot*, 60, pp. 115–129.

Radner K., 2012. Between a Rock and a Hard Place: Muṣaṣir, Kumme, Ukku and Šubria – the Buffer States between Assyria and Urarṭu. *Biainili-Urartu. The Proceed. of the Symposium held in Munich*, 12–14 October 2007. S. Kroll, ed. Leuven: Peeters, pp. 243–264.

Reich R., *Sess B.*, 2006. Three Hebrew Seals from the Iron Age Tombs at Mamillah, Jerusalem. *Essays on Ancient Israel in its Near Eastern Context. A Tribute to Nadav Na'aman*. Y. Amit, ed. Winona Lake: Eisenbrauns, pp. 313–320.

Rollston C., 2009. Seals and Scarabs. *The New Interpreter's Dictionary of the Bible*, 5. Nashville: Abingdon Press, pp. 141–146.

Root M.C., 1999. The Cylinder Seal from Pasargadae: of Wheels and Wings, Date and Fate. *Iranica Antiqua*, XXXIV, pp. 157–190.

Sass B., 1993. The Pre-Exilic Hebrew Seals: Iconism vs. Aniconism. *Studies in the Iconography of Northwest Semitic Inscribed Seals*. B. Sass, C. Uehlinger, eds. Fribourg: University Press; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, pp. 194–255 (Orbis Biblicus et Orientalis, 125).

Stronach D., 1978. Pasargadae: A Report on the Excavations conducted by the British Institute of Persian Studies from 1961 to 1963. Oxford: Oxford Univ. Press. 343 p.

Teissier B., 1984. Ancient Near Eastern Cylinder Seals from the Marcopoli Collection. Berkeley; Los Angeles; London: Univ. of California Press. 420 p.

The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia. Tokyo: Ancient Orient Museum, 1991. 178 p.

Uehlinger C., 1993. Northwest Semitic Inscribed Seals, Iconography and Syro-Palaestinian Religions of Iron Age II. *Studies in the Iconography of Northwest Semitic Inscribed Seals*. B. Sass, C. Uehlinger, eds. Fribourg: University Press; Göttingen:

Vandenhoeck & Ruprecht, pp. 257–288. (Orbis Biblicus et Orientalis, 125).

Van der Veen P.G., 2014. The Final Phase of Iron Age II in Judah, Ammon, and Edom: a Study of Provenanced Official Seals and Bullae as Chronological Markers. Münster: Ugarit-Verlag. 320 p.

Winter I.J., 2010. On Art in the Ancient Near East, 1. Of the First Millennium B.C.E. Leiden, Boston: Brill. 640 p.

Yatsenko S.A., 2014. About some forms of contact of the Sarmatians with the external world. *Sarmaty i vneshniy mir* [*Sarmatians and the external world*]. L.T. Yablonskiy, N.S. Savel'yev, eds. Ufa: Naslediye, pp. 257–262. (Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik, 14). (In Russ.)

Zettler R.L., 1979. On the Chronological Range of Neo-Babylonian and Achaemenid Seals. *Journal of Near Eastern Studies*, vol. 38, no. 3, pp. 257–270.

Zhdanovskiy A.M., 1984. Barrow catacombs of the Middle Kuban region of the first centuries AD. *Arkheologo-etnograficheskiye issledovaniya Severnogo Kavkaza* [*Archaeological and ethnographic studies of the North Caucasus*]. N.I. Kirey, ed. Krasnodar: KGU, pp. 72–94. (In Russ.)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2019, № 1, с. 32–49

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ В ПРЕДГОРНОМ КРЫМУ

© 2019 г. И.Н. Храпунов

Крымский федеральный университет, Симферополь, Россия

E-mail: igorkhrapunov@mail.ru

Поступила в редакцию 07.12.2017 г.

После доработки 05.06.2018 г.

В Крыму открыта и частично исследована группа памятников, представляющих собой могильники. Они находятся в предгорной зоне полуострова, датируются II–IV вв. н.э., сходны между собой и в то же время отличаются по важнейшим характеристикам от всех иных археологических памятников. Могильники составляют в совокупности единую археологическую культуру. Ее можно назвать по наиболее полно исследованному памятнику – могильнику Нейзац – нейзацкой археологической культурой. Она во многом эклектична, отличается признаками, имеющими разное происхождение. Яркое своеобразие ей придают лепные сосуды. Несмотря на некоторые заимствования, комплекс лепной керамики не сводится ни к одной из известных керамических традиций, ни к сумме каких-либо традиций. Еще одна особенность культуры – отсутствие поселений. Ни один из могильников не связан с поселенческой структурой. Большинство некрополей перестали использовать в конце IV – начале V в., в то время, когда в Северном Причерноморье, судя по письменным источникам, появились гунны.

Ключевые слова: Крым, позднеримское время, могильники, археологическая культура, нейзацкая культура, скифы, сарматы, аланы, германцы.

DOI: 10.31857/S086960630004115-5

В предгорном Крыму открыты могильники, вероятно, относящиеся к одной археологической культуре. Речь идет о следующих памятниках: Курское (Труфанов, Колтухов, 2001–2002; Труфанов, 2004, 2012), Нейзац (Храпунов, 2011а; 2016а), Дружное (Храпунов, 2002), Опушки (Стоянова, 2012; Храпунов, Мульд, 2005; Храпунов, Стоянова, 2013), Заречное (Масякин, 2010), Перевальное (Пуздровский, 1994), Озерное III (Лобода, 1977), Красная Заря (Белый, Неневоля, 1994. С. 254, 255; Пуздровский и др., 2001. С. 32; Неневоля, Волошинов, 2001), Тас-Тепе (Пуздровский и др., 2001. С. 32, 33), Вишневое (Пуздровский и др., 2001. С. 33, 34), Суворово (Зайцев, 1997; Зайцев, Мордвинцева, 2003; Юрочкин, Труфанов, 2003), Бельбек III (Гущина, 1970; 1974. С. 33, 52-54; Филиппенко и др., 2016), Красный Мак (Лобода, 2005), Алмалык-Дере (Mączyńska et al., 2016), СувлуКая (Masyakin et al., 2013), Инкерманский (Веймарн, 1963), Чернореченский (Бабенчиков, 1963; Храпунов, Стоянова, 2016а), Килен-Балка (Нессель, 2003; Контны, Савеля, 2006).

Сходство перечисленных выше некрополей по многим показателям очевидно. Поэтому исследователи, несмотря на многочисленные разночтения в интерпретациях, принадлежность крымских предгорных могильников позднеримского времени к единой археологической культуре принимают как факт “по умолчанию”. Представляется важным и актуальным определить хронологические и территориальные границы, выделить особенности погребальных сооружений, обрядов и инвентаря, которые, с одной стороны, позволят констатировать культурное сходство группы некрополей, а с другой – отличить их от всех других известных памятников.

Все перечисленные могильники находятся в пределах предгорной провинции Горного Крыма. С юга их ареал ограничен Главной грядой Крымских гор, с севера – степью (рис. 1).

Хронология. Могильники исследованы не равномерно, поэтому о многих нюансах их хронологии судить приходится предположительно. Полнее других раскопан некрополь

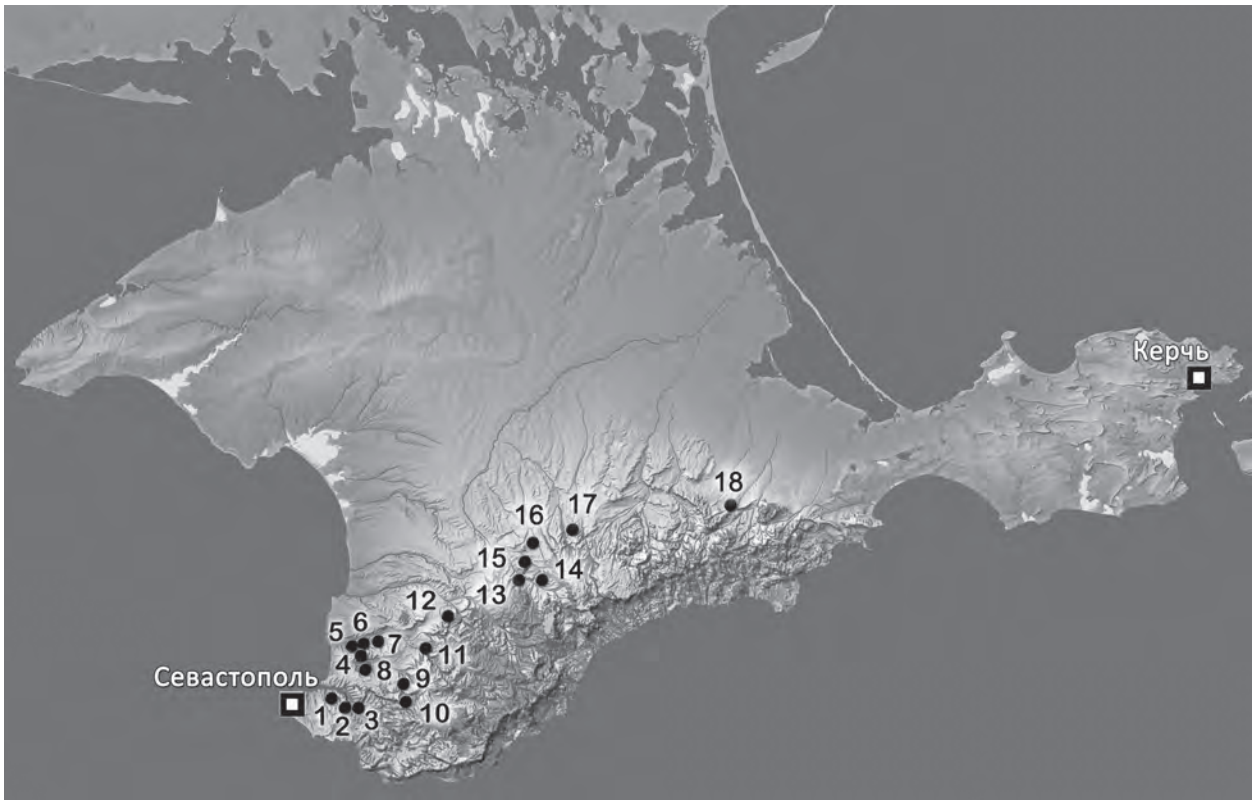


Рис. 1. Могильники позднеримского времени на карте Крыма. 1 – Килен-Балка; 2 – Чернореченский; 3 – Инкерманский; 4 – Тас-Тепе; 5 – Вишневое; 6 – Суворово; 7 – Красная Заря; 8 – Бельбек III; 9 – Красный Мак; 10 – Алмалык-Дере; 11 – Сувлу-Кая; 12 – Озерное III; 13 – Заречное; 14 – Перевальное; 15 – Дружное; 16 – Опушки; 17 – Нейзац; 18 – Курское.

Fig. 1. Late Roman necropolises on the map of Crimea

Нейзац. На его территории непрерывно хоронили с рубежа I–II до конца IV – начала V в. н.э. Большинство памятников – Курское, Дружное, Озерное III, Вишневое, Суворово, Чернореченский – датируются III–IV вв. Расположенные неподалеку друг от друга, а также вблизи Херсонеса, Инкерманский и Чернореченский могильники не были заброшены, как все остальные некрополи, на рубеже позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов, в них хоронили и в раннем средневековье. Алмалык-Дере и Красный Мак возникли гораздо позже остальных могильников, в середине или второй половине IV в. и продолжали использоваться в V в. (Алмалык-Дере и много позднее).

Погребальные сооружения. Обсуждаемые могильники состоят из земляных склепов, подбойных и грунтовых могил. В качестве редкого исключения встречаются плитовые могилы (Стоянова, 2013). Каждый склеп состоял из входной ямы, короткого дромоса и погребальной камеры. Прямоугольные в плане входные ямы, как правило, имели в длину 2.5–3 м. В длинной стене входной ямы иногда устраивали подбой и там совершали захоронение. Дромос выкапывали между короткой стеной входной ямы и погребальной камерой. Расстояние между стеной входной ямы и погребальной камерой составляло 0.3–0.8 м, между стенами дромоса – 0.5–1. Вход в дромос делался в виде арки высотой 0.6–0.7 м. Он закрывался каменными плитами.

Погребальные камеры в плане прямоугольные или трапециевидные. Их размеры обычно составляли 2.5–3 × 2.8–4 м. Длинная ось входной ямы перпендикулярна длинной оси погребальной камеры. Пол погребальной камеры находился на 0.1–0.5 м ниже пола дромоса, они разделялись ступенькой. Потолки плоские высотой 1.2–1.3 м. В стене, противоположной входу, под потолком часто делали нишу, высотой и глубиной по 0.15–0.2 м. Иногда ниш было две или три (рис. 2, *1*).

В склепах большинство погребений совершено в IV в. Однако открыто несколько

погребальных сооружений этого типа, датирующихся первой половиной III в. (Храпунов, Мульд, 2004).

Подбойные могилы состояли из прямоугольных в плане входных ям размерами 2.2–2.8 × 0.5–0.8м и овальных или прямоугольных в плане подбоев, выкопанных в одной или в обеих длинных стенах входных ям. По длине подбои приблизительно равны входным ямам. Их ширина составляла 0.4–1 м, высота свода – 0.4–0.6. Пол подбоя, как правило, располагался на 0.1–0.3 м ниже дна входной ямы. В подавляющем большинстве случаев, подбой отделялся от входной ямы закладом из плит (рис. 2, *3*). В самых ранних могилах в качестве заклада использовалась кладка из мелких камней.

По размерам и форме грунтовые могилы соответствуют входным ямам подбойных могил (рис. 2, *2*). Детские могилы, конечно, меньших размеров. Только в могильнике Нейзац раскопано несколько десятков грунтовых могил, в стенах которых сделаны пазы, служившие, вероятно, для фиксации концов перекрытий (Мульд, 2016. С. 52).

Погребальные обряды. Все обсуждаемые могильники располагались на склонах невысоких гор или холмов. Могилы выкапывались поперек склонов, иначе подбойную могилу или склеп сделать не удастся. Поэтому можно сказать, что ориентация могил, а следовательно, и погребенных, определялась условиями местности, а не традициями.

Господствующая поза погребенных – на спине с вытянутыми руками и ногами. Отклонения в положении рук не редки. Кисти зачастую расположены на тазовых костях или под ними. В склепах погребенные обычно лежали головами в сторону, противоположную входу. Однако известны погребальные сооружения с противоположной ориентацией захороненных или такие, где погребенные лежали параллельно стене, в которой находился вход в погребальную камеру. Зафиксированы случаи, когда в одной погребальной камере сочеталось два или все три варианта ориентации.

Грунтовые и подбойные могилы в большинстве случаев предназначались для индивидуальных погребений. Однако немало и исключений. Парные погребения обычно располагались непосредственно друг на друге, головами в одну или в противоположные стороны. Реже погребенных укладывали рядом друг с другом. Так же поступали, когда в подбое хоронили трех человек. В единственной в своем роде могиле 307 из могильника Нейзац совершили восемь погребений, расположив их в шесть ярусов (Храпунов, 2014).

В склепах совершали по 4–8 захоронений на полу погребальной камеры. В исключительных случаях, как, например, в склепе 306 могильника Нейзац (Храпунов, 2011б), погребения совершали в два яруса. Крайне редко, но такие случаи зафиксированы, кости ранее погребенных сдвигались.

Во всех типах погребальных сооружений иногда хоронили в деревянных гробах. Под некоторыми погребенными и в грунтовых, и в подбойных могилах, и в склепах прослеживалась угольная подсыпка.

Размещение погребального инвентаря в могилах, в общих чертах, может быть охарактеризовано следующим образом. Сосуды ставили чаще всего в головах, реже в ногах, иногда в других частях могилы. В головах в сосуде или рядом с ним лежали кость животного и нож. В могилах IV в. в качестве заупокойной пищи использовались куриные яйца, в более ранних могилах их нет. В могилах IV в. с одним погребенным ставили, как правило, 4-5 сосудов, в более ранних могилах – 1-2 сосуда или не ставили вообще. В склепах IV в. лепные, краснолаковые, а также менее многочисленные стеклянные сосуды, иногда амфоры ставили у стены, противоположной входу, иными словами, за головами погребенных. В одном склепе, как правило, находится несколько десятков, до 50, сосудов. В могилах IV в. примерно ¾ всех керамических сосудов составляют лепные, ¼ – краснолаковые. В более ранних погребальных сооружениях, где сосудов вообще немного, подавляющее большинство из них краснолаковые.

Разнообразные украшения и детали одежды находят, естественно, на костях погребенных. Женщины и дети носили ожерелья из бус с добавлением разных подвесок. Бусинами расшивали одежду, поэтому во многих могилах обнаруживаются сотни, а иногда и тысячи бусин. Широко был распространен обычай украшать бусинами подолы платьев, а также штаны. К IV в. обычай обшивать женскую одежду бусами исчезает, остаются только ожерелья.

Длинные мечи клали рядом с умершими, но не подвешивали к поясу. Короткие мечи с вырезами у пяты клинка, типа 5

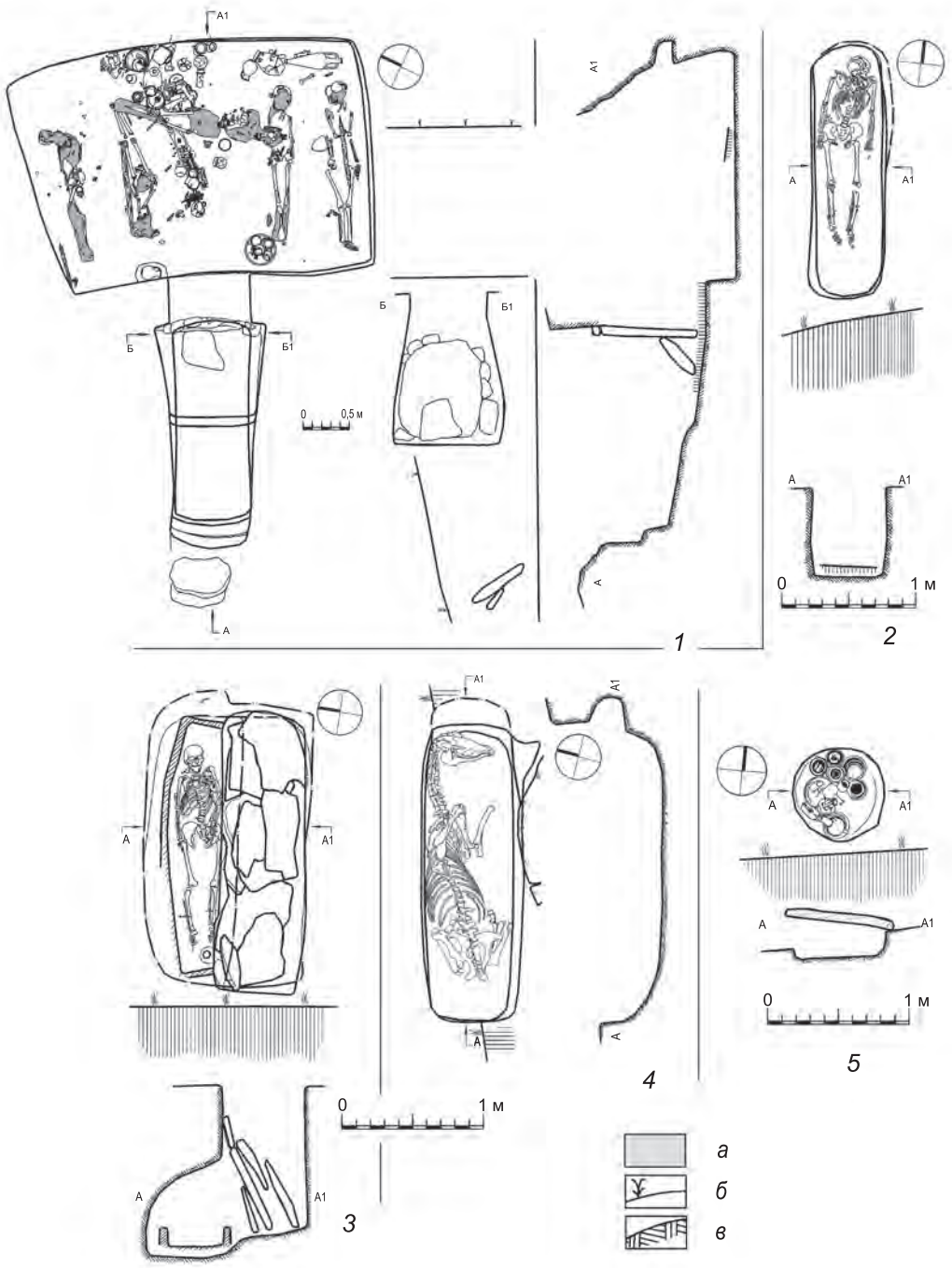


Рис. 2. Могильник Нейзац. Планы и разрезы погребальных сооружений (*1–4*) и ямы 2 с сосудами (*5*). *1* – мог. 498; *2* – мог. 275; *3* – мог. 103; *4* – мог. 214. Условные обозначения: *а* – костный тлен; *б* – дерн; *в* – материк.

Fig. 2. The Neyzats necropolis. Plans and sections of burial structures (*1–4*) and pit 2 with vessels (*5*)

по классификации А.М. Хазанова (1971. С. 17), всегда лежат на головах или плечах погребенных.

Погребения лошадей в подавляющем большинстве открыты при раскопках могильника Нейзац. Их хоронили в специальных грунтовых могилах, во входных ямах склепов и подбойных могил, в подбоях, выкопанных в стенах входных ям склепов. В разных некрополях открыты грунтовые могилы II–III вв., в одной из коротких сторон которых вырезана ступенька-подставка для головы лошади (рис. 2, *4*).

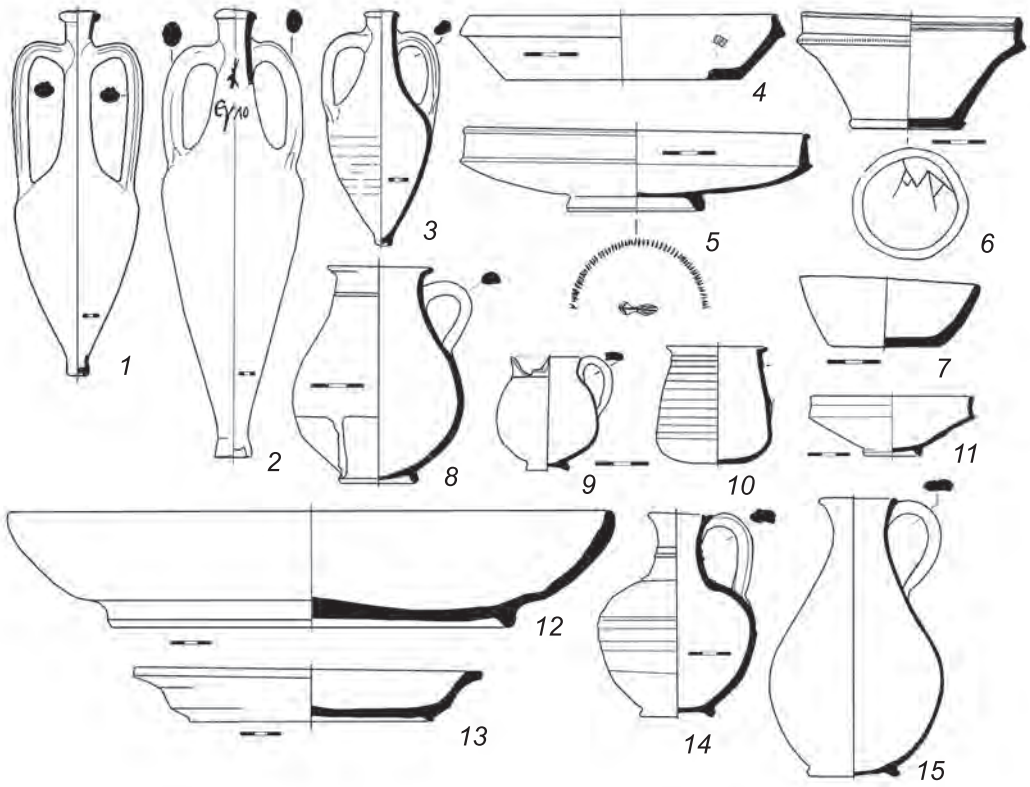


Рис. 3. Могильник Нейзац. Амфоры (*1–3*) и краснолаковые сосуды (*4–15*). *1* – мог. 355; *2* – мог. 294; *3, 8* – мог. 33; *4* – мог. 355; *5* – мог. 208; *6, 7* – мог. 577; *9, 14, 15* – мог. 510; *10* – мог. 511; *11* – мог. 300; *12, 13* – мог. 306.

Fig. 3. The Neyzats necropolis. Amphorae (*1–3*) and red slip vessels (*4–15*).

В некоторых случаях погребения лошадей сочетались в могиле с захоронением 1-2 собак. Погребения лошадей не сопровождались инвентарем. В то же время многочисленные и разнообразные детали конской сбруи – одна из самых распространенных категорий находок в погребениях людей.

Особенностью могильника Нейзац является наличие заполненных сосудами ям, выкопанных среди могил. Открыто 43 ямы с сосудами, все они датируются IV в. В одной яме находилось от 5 до 35 лепных, краснолаковых и стеклянных сосудов. Многие из них с костями животных и яичной скорлупой (рис. 2, *5*).

Погребальный инвентарь. Ниже предлагается краткий обзор наиболее типичных категорий погребального инвентаря. Многие находки, в том числе уникальные, и даже их категории остались за пределами этого обзора. В качестве погребального инвентаря в редких случаях использовались амфоры. Все они узкогорлые светлоглиняные типов “C”, “D” и “F” по классификации Д.Б. Шелова (1978). Амфоры типа “C” (рис. 3, *1*) соответствуют сосудам типа CIVC по С.Ю. Внукову с датой – вторая четверть–конец II в. (2006. С. 166; 2016. С. 41, 43). Такие амфоры встречены только в могильнике Нейзац (Храпунов, 2015. С. 223, 236). Амфоры типа “D” (рис. 3, *3*) представлены и классическими “танаисскими”, и поздними их вариантами. Они попадали в могилы в течение всего III в. (Иванова, 2013. С. 124–129). Наиболее многочисленны амфоры типа “F” (рис. 3, *2*), датирующиеся IV в. (Иванова, 2013. С. 129–140).

Самые ранние краснолаковые сосуды представлены различными типами ESB2, в частности, формами 60 (рис. 3, *4*), 70 (рис. 3, *6*), 71 (рис. 3, *7*) Дж. Хэйса (Hayes, 1972. P. 61, 64, 66, 67), а также Понтийской сигиллатой (рис. 3, *5*) и сосудами, вероятно, произведенными где-то в Крыму (рис. 3, *8*). Все эти формы перестали изготавливать в начале II в., наиболее поздние экземпляры использовались до середины столетия (Журавлев, 2010. С. 26, 27, 29, 31, 84, 129).

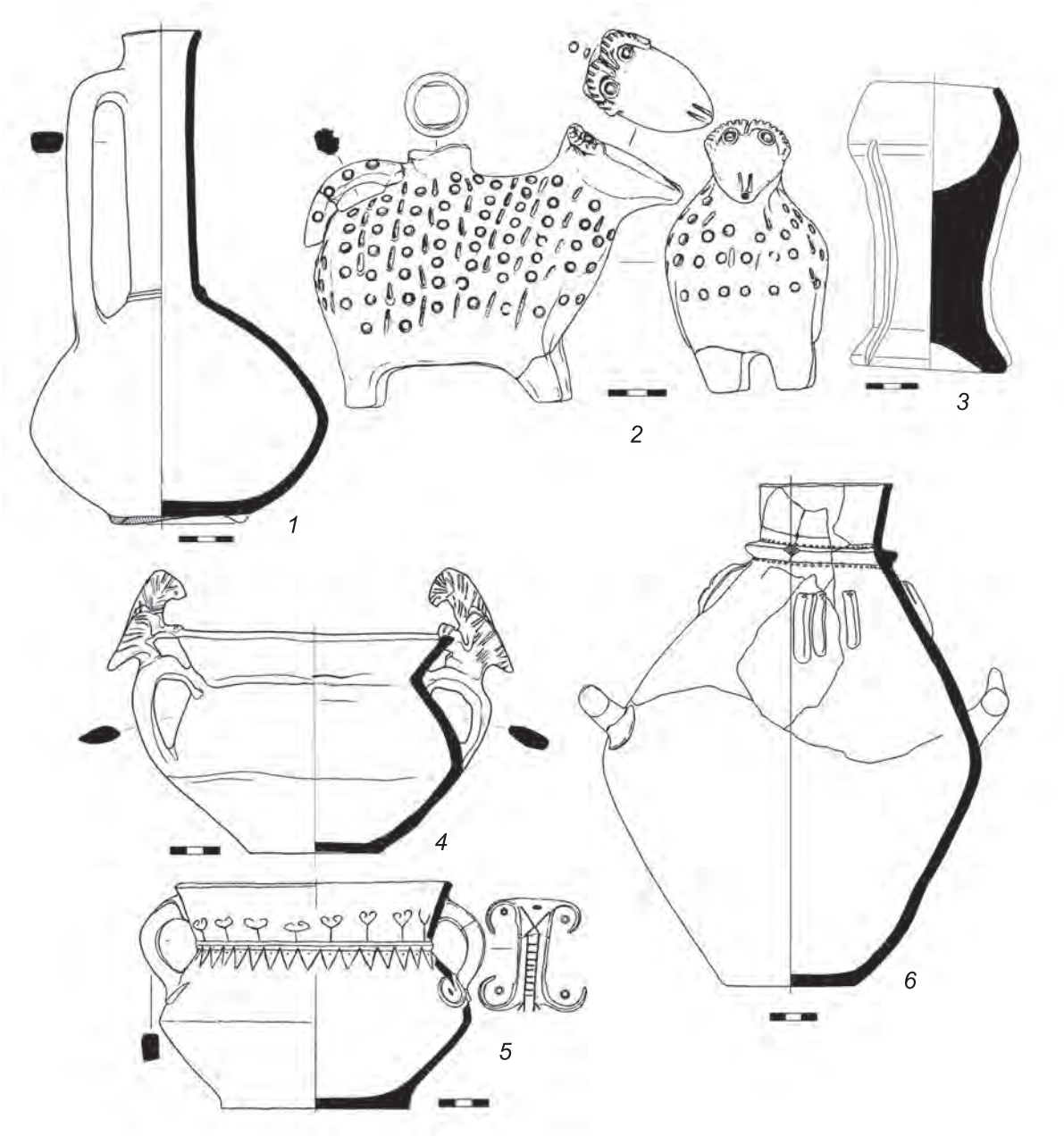


Рис. 4. Могильник Нейзац. Лепные сосуды. *1* – мог. 2; *2, 5* – яма 2 с сосудами; *3* – мог. 355; *4* – мог. 301; *6* – мог. 275.
Fig. 4. The Neyzats necropolis. Handmade pottery

Во второй половине II–III в. в могилы опускали краснолаковые сосуды преимущественно Понтийского производства, а также изготовленные в каких-то местных центрах по Понтийским образцам (рис. 3, *9–11, 14, 15*). Большие наборы краснолаковой посуды обнаружены в склепах IV в. Это главным образом сосуды Понтийского производства (PRS), а также отличающиеся от них глиной, но не формой, изделия, изготовленные, судя по их большому количеству в могилах, где-то неподалеку от предгорного Крыма, возможно, в Херсонесе (рис. 3, *12, 13*).

Разнообразие форм лепных сосудов чрезвычайно велико (рис. 4). Нет никакой возможности охарактеризовать лепную посуду в кратком очерке. Следует все же отметить, что морфологически, по составу примесей к глине и по характеру обработки поверхности лепная керамика из крымских предгорных могильников составляет совершенно особый комплекс,

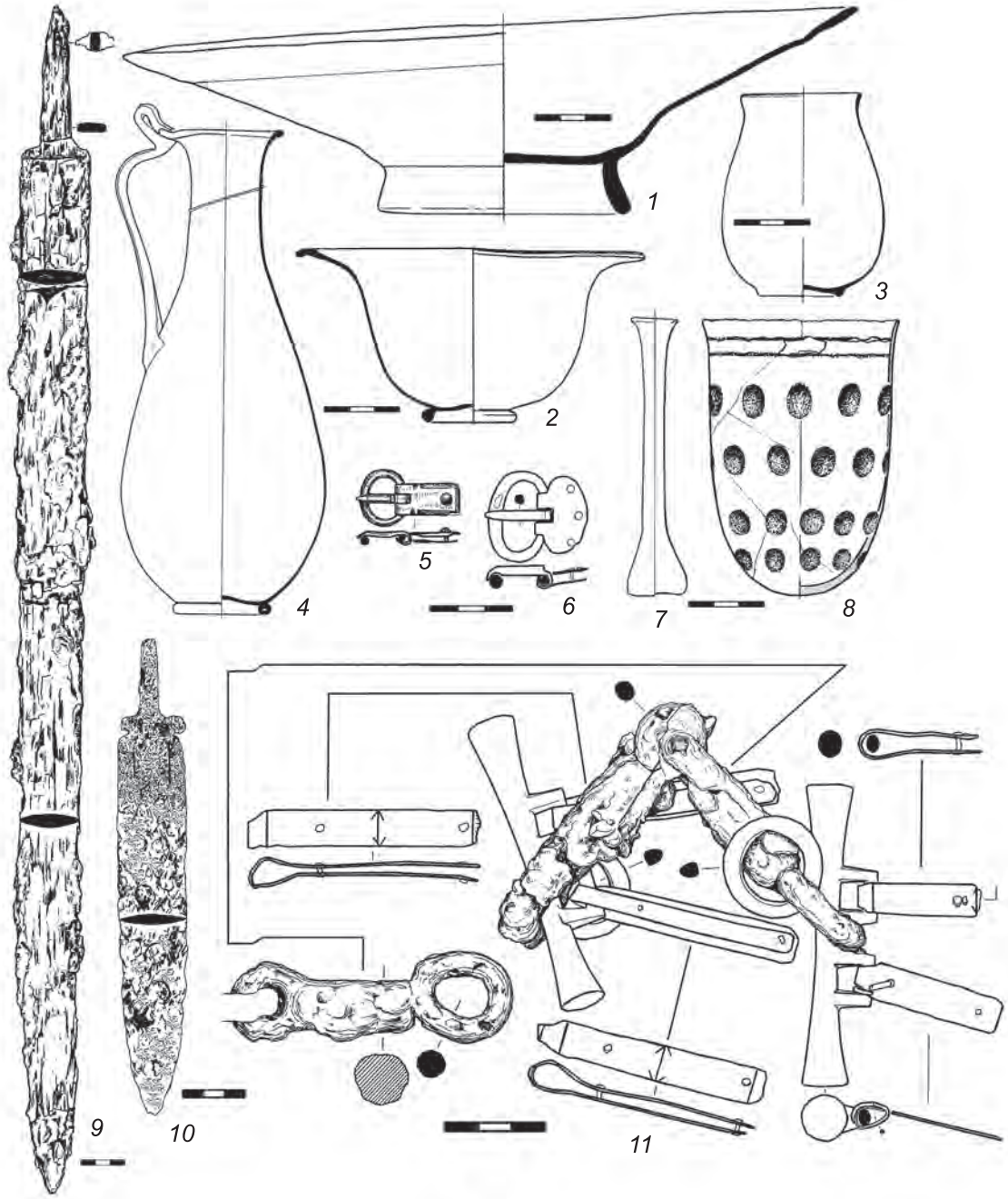


Рис. 5. Могильник Нейзац. Сосуды (*1–4, 7, 8*), пряжки (*5, 6*), мечи (*9, 10*), удила с псалиями (*11*). *1, 3, 6* – мог. 4; *2* – мог. 148; *4* – мог. 301; *5* – мог. 169; *7* – мог. 368; *8, 9* – мог. 275; *10* – мог. 358; *11* – мог. 183. *1–4, 7, 8* – стекло; *5* – серебро и бронза; *6* – бронза; *9, 10* – железо; *11* – бронза и железо.

Fig. 5. The Neyzats necropolis. Vessels (*1–4, 7, 8*), buckles (*5, 6*), swords (*9, 10*), horse-bits with cheek pieces (*11*)

один из самых ярких признаков культуры (Власов, 1999, 2003; Храпунов, 2002. С. 61–66; 2007; 2011а. С. 23, 24).

Почти все предметы вооружения найдены в могилах IV в. Чаще всего в качестве погребального инвентаря использовались длинные мечи типа 3 (рис. 5, *9*) и короткие мечи типа 5 (рис. 5, *10*) по А.М. Хазанову (1971. С. 17). Остальные виды оружия – копья, боевые топоры, стрелы с железными черешковыми наконечниками – опускали в могилы редко, а германские щиты с металлическими

умбонами (рис. 6, *1*) и рукоятями – в единичных случаях.

Во многих могилах обнаружены стеклянные сосуды. Их можно разделить на две группы. Первая, бо́льшая, – это сосуды сиро-палестинского, египетского, италийского, а также северопричерноморского производства, которые привозили к варварам из античных городов Северного Причерноморья в течение всего времени использования могильников (рис. 5, *1–4, 7*). Вторая, меньшая, – это сосуды, попадавшие в Крым во второй половине III–IV в. с территорий, населенных германцами (рис. 5, *8*). Речь идет главным образом об изделиях с прошлифованным орнаментом (Шабанов, 2011).

В состав погребального инвентаря во многих случаях входила конская сбруя, от которой сохранились металлические детали (рис. 5, *11*). Эти изделия вполне соответствуют сарматским образцам, широко распространенным в Северном Причерноморье и за его пределами в римское время (Симоненко, 2010; Антипенко, 2015).

К наиболее ранним фибулам относятся застежки с кнопкой или S-видным завитком на конце сплошного пластинчатого приемника (рис. 7, *1–3*), лучковые подвязные “лебяжьинской” серии (рис. 7, *4*) (Амброз, 1966. С. 43, 45, 46, 56; Кропотов, 2010. С. 161, 182–185, 212). Все эти фибулы обнаружены в единичных экземплярах, они происходят их могильника Нейзац, датируются в пределах I – начала II в. (Храпунов, Стоянова, 2016б). Ко II в. относятся довольно многочисленные сильнопрофилированные фибулы причерноморского типа (рис. 7, *7*) и изредка встречаемые лучковые подвязные варианта 3 А.К. Амброза (рис. 7, *6*) (1966. С. 40, 41, 49; Кропотов, 2010. С. 74, 75, 226, 227). Во второй половине II – первой половине III в. массово используются лучковые подвязные фибулы вариантов 4 и 5 Амброза (рис. 7, *8*), застежки “инкерманской” серии (рис. 7, *10*), а также “смычковые” (рис. 7, *5*) (Амброз, 1966. С. 47, 49–52; Кропотов, 2010. С. 77–80, 131, 169, 170). Во второй половине III в. используются двучленные лучковые подвязные фибулы (рис. 7, *13*) (Амброз, 1966. С. 52, 53; Кропотов, 2010. С. 150, 151), а также наиболее ранние из прогнутых подвязных застежек. В IV в. жители крымских предгорий пользовались железными двучленными фибулами с узкой ножкой (рис. 7, *12*) (Храпунов, 2011а. С. 28) и прогнутыми подвязными вариантов 2 и 3 Амброза (рис. 7, *9, 11*) (1966. С. 63, 64).

Многочисленные пряжки не отличаются от пряжек, распространенных на всех территориях, заселенных сарматами или испытывавших их культурное влияние (Малашев, 2000). Они использовались для застегивания поясных ремней, обуви, портупеи, для крепления мечей к портупее, а также для соединения ремней, из которых состояла конская сбруя (рис. 5, *5, 6*).

Наконечники ремней в точности или, по крайней мере, стилистически повторяют сарматские образцы (Малашев, 2000). В IV в. наконечники ремней использовались очень редко. Примерно 90% обнаруженных наконечников датируются более ранним временем (Храпунов, 2008). В могильнике Нейзац найдена серия наконечников, не имеющих аналогий. Они представляют собой своеобразную реплику украшений, выполненных в так называемом догуннском полихромном стиле (рис. 7, *14, 15*) (Храпунов, 2008. С. 204).

Своеобразны бронзовые детали головных уборов. Это пластины с пуансонным орнаментом, крепившиеся к кожаным ремешкам с помощью загнутых краев (рис. 7, *16*) (Храпунов, 2011а. С. 37).

Зеркала относятся к типам IX и X по А.М. Хазанову (1963. С. 66–68). Изделия с боковой петлей гораздо более многочисленны. Они делятся на два варианта: с валикообразным утолщением по краю и конусовидным выступом в центре оборотной стороны (рис. 7, *25*), а также, самые распространенные, с орнаментом на оборотной стороне (рис. 7, *24*). Зеркала типа Хазанов X, с петлей на оборотной стороне (рис. 7, *26*), найдены исключительно в комплексах IV в., зеркала типа Хазанов IX в этом столетии не использовались (Труфанов, 2007).

Во многие женские погребения III в. ставили деревянные шкатулки (рис. 7, *27*). От них сохраняются детали, сделанные из железа и бронзы, а также ключи (Храпунов, 2002. С. 55, 56).

Браслеты надевались только на руки. К IV в. их количество в могилах заметно уменьшается (рис. 8, *9, 10*). Многочисленны кольца и перстни (до пяти на пальцах одной руки). Некоторые из них украшались геммами, приклеенными стеклами или сердоликами (рис. 8, *1, 2*) (Храпунов, 2011а. С. 43). Самым распространенным типом серег были проволочные изделия с замком в виде петли и крючка (рис. 7, *23*) (Храпунов, 2011а. С. 44). Найдено несколько гривен из гладкой и ложновитой проволоки, один конец которых сделан в виде крючка, а

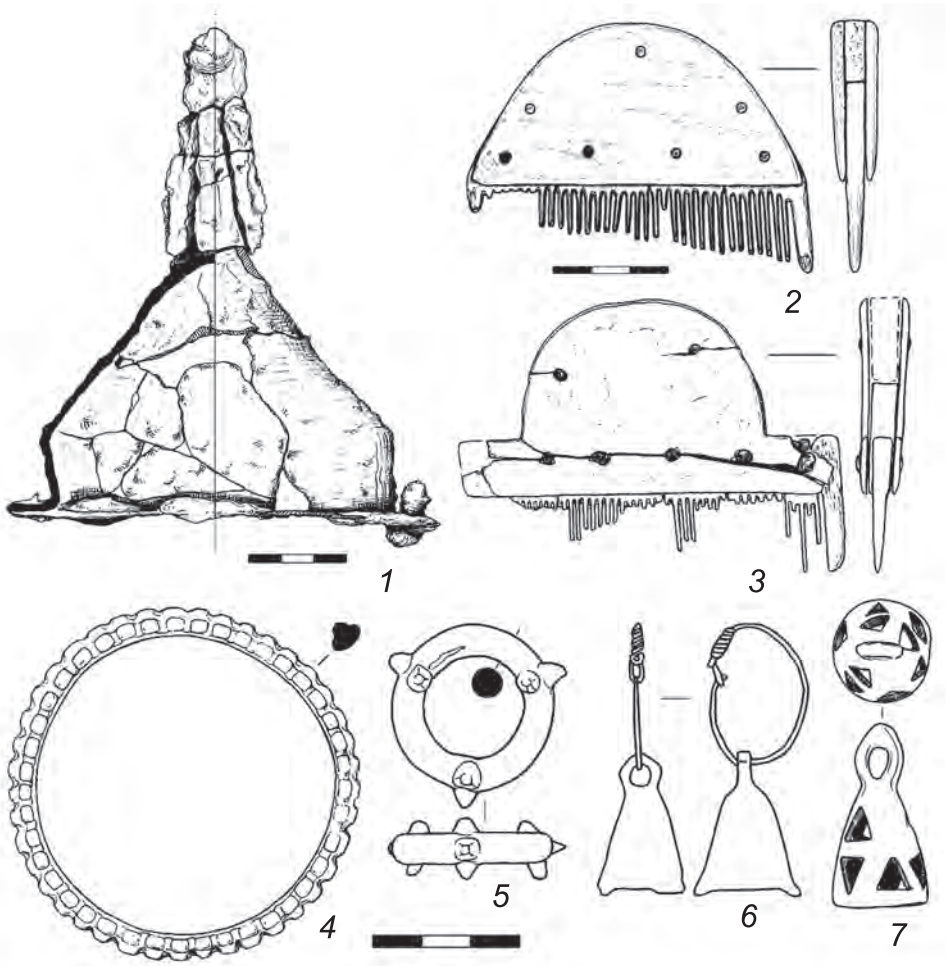


Рис. 6. Могильник Нейзац. Умбон щита (*1*), гребни (*2, 3*), кольца (*4, 5*), колокольчики (*6, 7*). *1* – мог. 306; *2* – мог. 156; *3* – мог. 312; *4* – мог. 258; *5* – мог. 4; *6* – мог. 359; *7* – мог. 174. *1* – железо; *2, 3* – кость; *4–7* – бронза.

Fig. 6. The Neyzats necropolis. Shield boss (*1*), combs (*2, 3*), rings (*4, 5*), bells (*6, 7*)

второй образует петельку (рис. 8, *3*). В IV в. гривны почти не использовались (Стоянова, 2011а).

Особую группу составляют украшения, выполненные в так называемом догуннском полихромном стиле (Яценко, Малашев, 2000). Это серьги (рис. 8, *7, 8*), браслеты (рис. 8, *4, 5*), лунница (рис. 8, *6*) и некоторые другие вещи. В предгорном Крыму найдены только украшения, в других ареалах изделий этого стиля обнаружены детали амуниции, конской сбруи, оружия, а украшений нет. Датируются такие изделия второй половиной III – частью IV в. Литые бронзовые изделия, украшенные рельефными выступами, напаянными “шишечками” или расчлененные рубчиками, найдены во многих женских погребениях (рис. 6, *4, 5*). В некоторых женских погребениях обнаружены золотые бляшки (рис. 7, *17–21*). Ими расшивали не всю одежду, а, по-видимому, только ворот платья (Храпунов, Стоянова, 2014. С. 183–187).

Вряд ли имеется археологическая культура, которая может сравниться по количеству и разнообразию бусин с крымскими предгорными могильниками. В одном только могильнике Нейзац их найдено более 50 тыс. Бусины использовали не только и не столько в ожерельях, сколько для расшивки одежды женщин и детей, похороненных во II–III вв. Наборы бус отличались яркой полихромией. В IV в. бусы применялись только в коротких ожерельях. В них преобладали янтарные украшения, стеклянные синего цвета, сердоликовые 14-гранные и фиолетовые стеклянные пронизи (Стоянова, 2004, 2010, 2011б).

Все время существования могильников использовались разнообразные и довольно

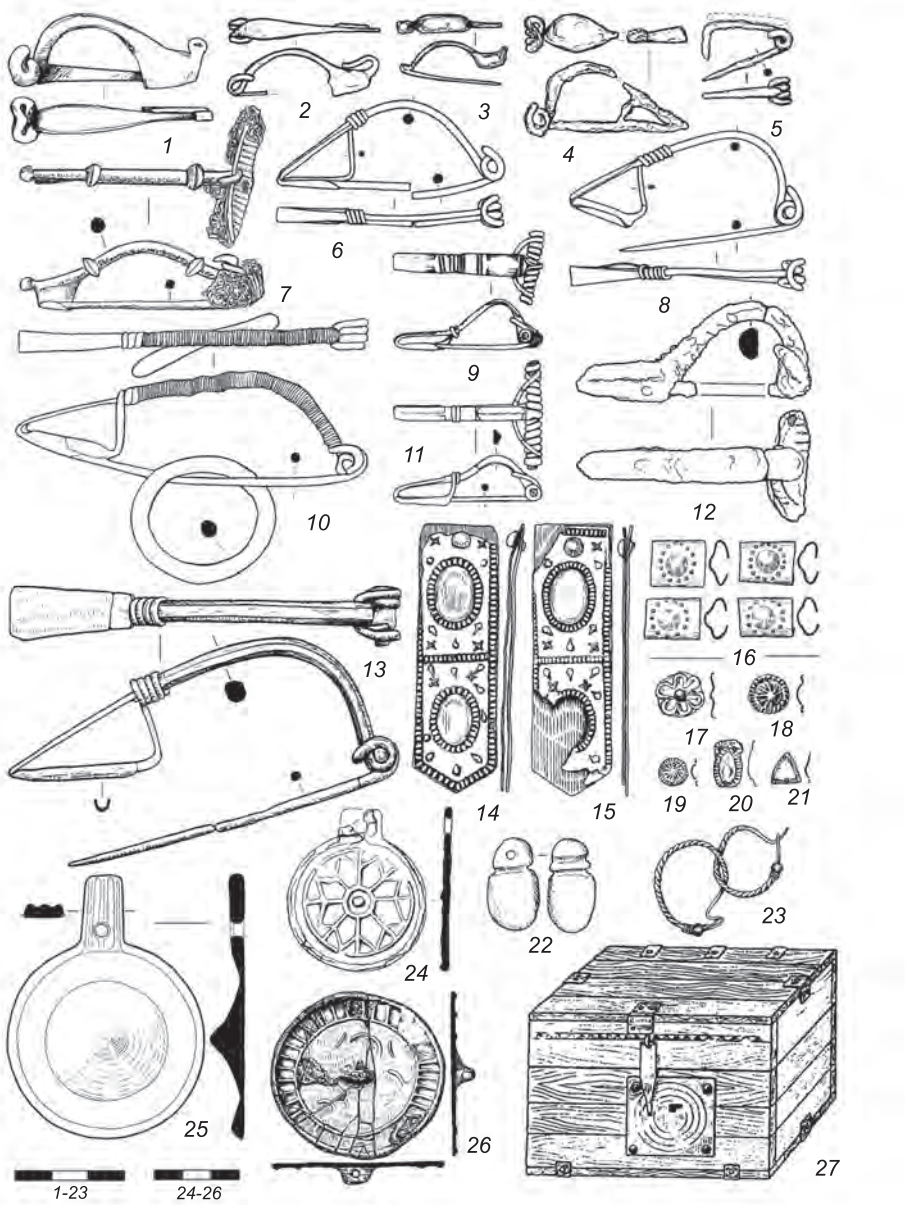


Рис. 7. Погребальный инвентарь из могильников Нейзац (*1–25*) и Дружное (*26, 27*). *1–13* – фибулы; *14, 15* – наконечники ремней; *16* – детали головного убора; *17–21* – бляшки; *22* – подвеска; *23* – серьги; *24–26* – зеркала; *27* – шкатулка (реконструкция С.А. Мульда). *1* – мог. 416; *2, 4* – мог. 441; *3* – мог. 577; *5* – мог. 103; *6* – мог. 32; *7* – мог. 414; *8* – мог. 20; *9* – мог. 281; *10* – мог. 300; *11* – мог. 115; *12* – мог. 4; *13* – мог. 152; *14, 15* – мог. 306; *16* – мог. 174; *17* – мог. 374; *18* – мог. 377; *19, 21* – мог. 250; *20* – мог. 110; *22* – мог. 220; *23, 25* – мог. 178; *24* – мог. 293; *26* – мог. 47; *27* – мог. 24. *1–8, 10–13, 16, 24–26* – бронза; *9* – серебро; *14, 15* – серебро и бронза; *17–21, 23* – золото; *22* – янтарь; *27* – дерево, бронза, кость.

Fig. 7. Burial inventory from the necropolises of Neyzats (*1–25*) and Druzhnoye (*26, 27*)

многочисленные подвески. Все они сосредоточены в женских и детских погребениях. Чаще всего в качестве подвесок использовались бронзовые колокольчики (рис. 6, *6, 7*), а также 8-видные изделия из янтаря (рис. 7, *22*) и стекла. Восьмерковидные подвески найдены почти исключительно в погребениях IV в. (Стоянова, 2016).

В разных могильниках в 5–10% могил найдены монеты. Больше всего римских, меньше боспорских; херсонесские и других центров встречаются единично. Наиболее интенсивно монеты поступали к крымским варварам в конце III – 20-х годах IV в. (Храпунов Н., 2009, 2013; Труфанов, 2010).

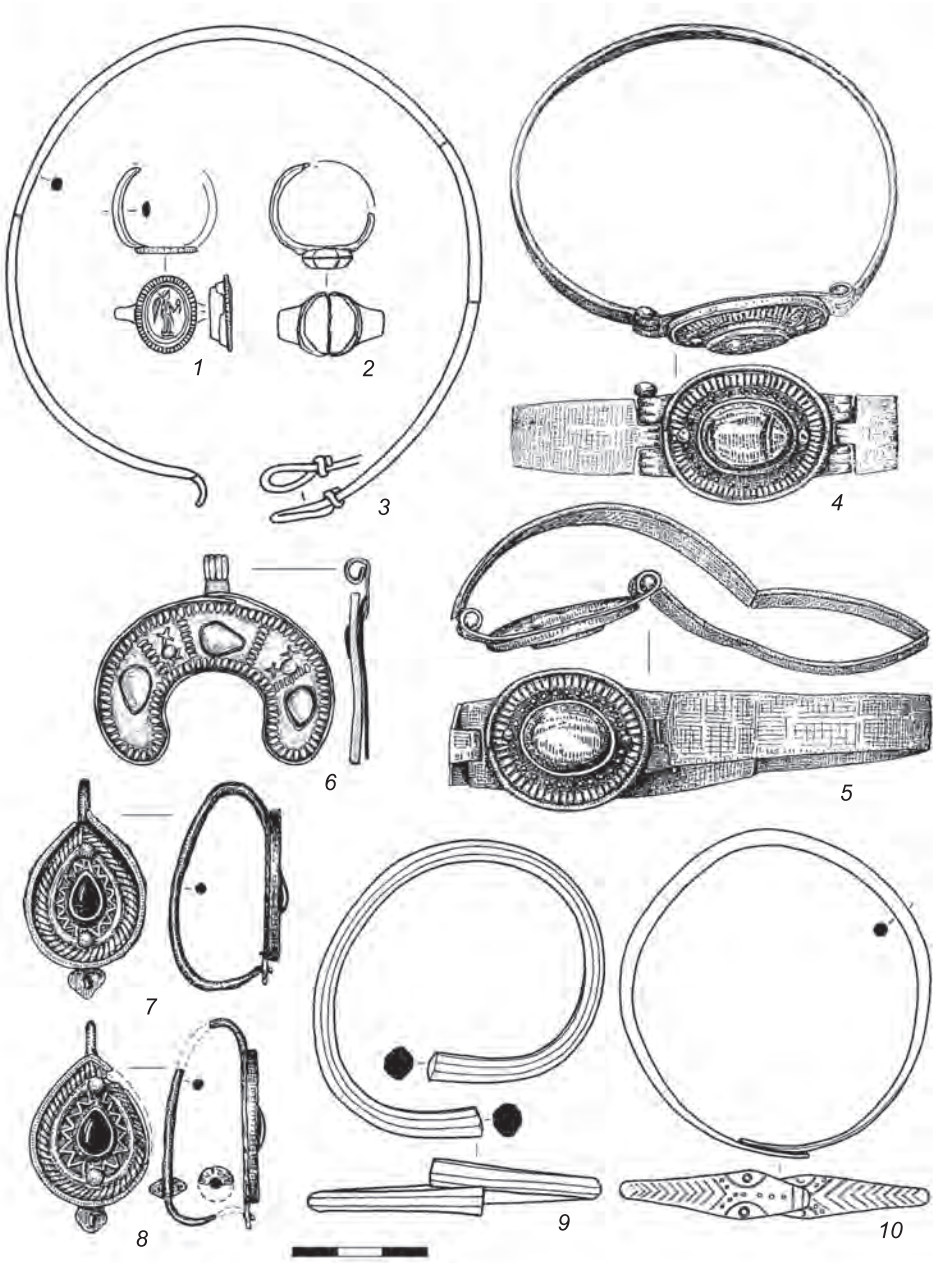


Рис. 8. Погребальный инвентарь из могильников Нейзац (*1–3, 9, 10*), Дружное (*4, 5, 7, 8*) и Опушки (*6*). *1, 2* – перстни; *3* – гривна; *4, 5, 9, 10* – браслеты; *6* – лунница; *7, 8* – серьги. *1* – мог. 193; *2* – мог. 275; *3* – мог. 96; *4, 5* – мог. 24; *6* – мог. 124; *7, 8* – мог. 21; *9* – мог. 50; *10* – мог. 59. *1* – серебро и сердолик; *2* – бронза и стекло; *3, 9, 10* – бронза; *4, 5* – серебро, позолота сердолик; *6* – серебро, позолота, сердолик, стекло; *7, 8* – серебро, позолота, стекло.

Fig. 8. Burial inventory from the necropolises of Neyzats (*1–3, 9, 10*), Druzhnoye (*4, 5, 7, 8*) and Opushki (*6*)

Источники формирования археологической культуры. Особенности погребальных сооружений, обрядов и инвентаря позволяют выделить несколько археологических культур и регионов, оказавших влияние на культуру населения крымских предгорий. Влияние позднескифской культуры может быть прослежено по наличию заполнения из камней входных ям некоторых склепов и подбойных могил, в изредка фиксируемом обряде сдвижения костей погребенных при подзахоронениях, в некоторых типах лепных сосудов. Античное влияние очевидно по множеству предметов погребального инвентаря (амфоры, краснолаковые и стеклянные сосуды, стеклянные бусы, монеты, украшения в догуннском полихромном стиле

и пр.). В некоторые могилы попадали вещи, привезенные из ареала германских (черняховской и пшеворской) культур. Это умбоны и рукояти щитов (рис. 6, *1*), сероглиняная гончарная посуда, костяные гребни (рис. 6, *2, 3*), стеклянные сосуды, фибулы, некоторые типы подвесок. Однако отсутствуют захоронения, совершенные по обряду какого-либо из германских племен. Германские вещи рассеяны по одной-две в могиле, нигде не образуют комплексов (Khrapunov, 2013).

Дискуссионна проблема северокавказских влияний на население крымских предгорий. В первую очередь речь идет о склепах с короткими дромосами, в которых в IV в. совершалось большинство погребений. Они не имеют прототипов в Крыму, но есть аналогии на Северном Кавказе. На этом основании многие исследователи реконструируют миграцию северокавказского населения в Крым. Есть и противники такой гипотезы (подробнее см. Храпунов, 2004. С. 138, 139; 2016б. С. 124). Предгорный Крым и Северный Кавказ – основные ареалы мечей типа Хазанов 5. Причем почти во всех случаях мечи лежали на головах или плечах погребенных (Левада, 2013). Северокавказское происхождение предполагается для разных форм лепной керамики, найденной в Крыму (Власов, 2003).

Самые близкие соответствия крымские предгорные могильники обнаруживают со степными сарматскими. Подбойные и грунтовые могилы, погребальные обряды и большинство погребального инвентаря (все виды вооружения, амуниции, конской сбруи, зеркала, курильницы, многие украшения и т.д.) неотличимы от сарматских. Не менее важно то, что одновременно с сарматскими менялась и стилистика изделий. В первые три четверти II в. использовались железные, плакированные золотом или серебром вещи, а в конце II в. появляется и до середины III в. широчайшим образом применяется фасетирование серебряных и бронзовых изделий.

Между крымскими предгорными и сарматскими степными могильниками имеются и различия. В крымских предгорьях нет курганов, вместо них появились большие грунтовые могильники. В отличие от господствующей в степи меридиональной ориентации погребенных, в Крыму хоронили умерших головами на восток или запад. Первое отличие появилось, вероятно, вследствие седентаризации населения, а второе – из-за ориентации склонов гор или холмов, о чем уже говорилось выше.

Сочетание имеющих разное происхождение признаков составляет особую, во многом эклектичную, культуру крымских предгорий. Яркое своеобразие культуре придают лепные сосуды. Комплекс лепной керамики сложился в IV в. Несмотря на некоторые заимствования, он не сводим ни к одной из известных керамических традиций, ни к сумме каких-либо традиций. Лепные сосуды изготавливались на месте, местными мастерами. Еще одна особенность культуры – отсутствие поселений. Ни один могильник не связан с поселенческой структурой.

Итак, в Крыму открыта и частично исследована группа памятников, представляющих собой могильники. Они находятся в предгорной зоне полуострова, датируются II–IV вв. (ранняя дата, вполне возможно, будет удревнена в ходе продолжающихся исследований), сходны между собой и в то же время отличаются по важнейшим характеристикам от всех иных археологических памятников. Могильники составляют в совокупности единую археологическую культуру. Ее можно назвать, по наиболее полно исследованному памятнику – могильнику Нейзац – нейзацкой археологической культурой[1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР. М.: Наука, 1966 (САИ; вып. Д1-30). 111 с.

Антипенко А.В. Реконструкция снаряжения верхового коня III в. н. э. из могильника Нейзац // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. Вып. 2 (48). С. 109–120.

Бабенчиков В.П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. XIII. Київ:

[1] Очевидное сходство предгорных могильников друг с другом привело к попыткам обозначить их единым термином. Предложены следующие варианты: памятники группы Озерное–Инкерман, памятники типа Инкерман, инкерманская культура (Юрочкин, Труфанов, 2007. С. 360. Прим. 21). Ни один из них не представляется удачным. Дело в том, что ни в Инкерманском могильнике, ни в могильнике Озерное III, по разным причинам, не обнаружены погребения более ранние, чем датирующиеся второй половиной III–IV в. В могильнике Нейзац представлен весь хронологический спектр погребений, в том числе и многочисленные захоронения II–III вв., важнейшая составляющая обсуждаемой культуры.

Видавництво Академії наук Української РСР, 1963. С. 94–141.

Белый О.Б., Неневоля И.И. Охранные работы на территории Бахчисарайского района в 1993 г. // Проблемы истории и археологии Крыма / Ред. Ю.М. Могаричев. Симферополь: Таврия, 1994. С. 251–255.

Веймарн Є.В. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. XIII. Київ: Видавництво Академії наук Української РСР, 1963. С. 15–42.

Власов В.П. Лепная керамика из некрополя III–IV вв. н.э. Дружное в Крыму // Сто лет черняховской культуре / Ред. М.И. Гладких. Киев: Видання Тов. археол. та антроп., 1999. С. 322–371.

Власов В.П. Северокавказские параллели в лепной керамике Крыма римского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). Вып. X. Симферополь: Таврия, 2003. С. 98–124.

Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Ч. II: Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб.: Алетейя, 2006. 320 с.

Внуков С.Ю. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // РА. 2016. № 2. С. 36–47.

Гущина И.И. Могильник Бельбек III в Крыму // КСИА. 1970. Вып. 124. С. 39–47.

Гущина И.И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.: ГИМ, 1974. С. 33–64.

Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н.э. (По материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь: Крымское отделение Ин-та востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины, 2010. 320 с.

Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год / Ред. В.А. Кутайсов. Симферополь: СОНАТ, 1997. С. 102–116.

Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Исследование могильника у с. Суворово // МАИЭТ. Вып. X. Симферополь: Таврия, 2003. С. 57–77.

Иванова О.С. Амфоры позднеримского времени из раскопок Мангупа // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). I / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь; Бахчисарай: Доля, 2013. С. 93–154.

Контны Б., Савеля Д.Ю. Вооружение из могильника в Килен-Балке // МАИЭТ. Вып. XII, ч. 1. Симферополь: Таврия, 2006. С. 129–160.

Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 384 с.

Левада М.Е. О влиянии аланских военных традиций на восточногерманские народы // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). I / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь; Бахчисарай: Доля, 2013. С.171–187.

Лобода И.И. Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. // СА. 1977. № 4. С. 236–252.

Лобода И.И. Раскопки красномакского могильника в 1983–1984 гг. // МАИЭТ. Вып. XI. Симферополь: Таврия, 2005. С. 192–251.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232.

Масякин В.В. Склеп позднеримского времени у с. Заречное в Центральном Крыму // Археологический альманах; № 22: Древняя и средневековая Таврика / Ред. А.В. Колесник. Донецк: Донбасс, 2010. С. 278–283.

Мульд С.А. Погребальные сооружения могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). II: 20 лет исследований могильника Нейзац / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 37–75.

Неневоля И.И., Волошинов А.А. Два комплекса IV в. н.э. на могильнике Краснозорье // Поздние скифы Крыма / Ред.: И.И. Гущина, Д.В. Журавлев. М.: ГИМ, 2001 (Труды ГИМ; вып. 118). С. 141–146.

Нессель В.А. Краснолаковая керамика из могильника Килен-Балка // Херсонесский сборник. Вып. XII / Ред. М.И. Золотарев. Севастополь: Дизайн-студия "Каламо", 2003. С. 107–123.

Пуздровский А.Е. Могильник III–IV вв. н.э. у с. Перевальное в Крыму // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.): тез. докл. Симферополь, 1994. С. 55–56.

Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Неневоля И.И. Новые памятники III–IV вв. н.э. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. Вып. VIII. Симферополь: Таврия, 2001. С. 32–50.

Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.: Фак. филол. и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2010. 328 с.

Стоянова А.А. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2001 гг.) // Боспорские исследования. Вып. V / Ред. А.И. Айбабин. Симферополь; Керчь: Деметра, 2004. С. 263–319.

Стоянова А.А. Наборы бус в костюме населения предгорного Крыма во II в. до н. э. – IV в. н. э. // Боспорские исследования. Вып. XXIV / Ред.

А.И. Айбабин. Симферополь; Керчь: Деметра, 2010. С. 401–410.

Стоянова А.А. Гривны из памятников Крыма сарматского времени // МАИЭТ. Вып. XVII. Симферополь: Таврия, 2011а. С. 116–140.

Стоянова А.А. Аксессуары женского костюма II – первой половины III в. н.э. из могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Доля, 2011б. С. 115–151.

Стоянова А.А. Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003–2009 гг.). Симферополь: Доля, 2012. 100 с.

Стоянова А.А. Плитовые могилы из некрополя Нейзац // Крым в сарматскую эпоху. I / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь; Бахчисарай: Доля, 2013. С. 77–92.

Стоянова А.А. Подвески из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху. II: 20 лет исследований могильника Нейзац / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 122–165.

Труфанов А.А. Подбойные могилы III в. н.э. некрополя у с. Курское (по материалам раскопок 2001 г.) // Сугдейский сборник / Ред. Н.М. Куковальская. Киев; Судак: Академпериодика, 2004. С. 495–521.

Труфанов А.А. Зеркала-подвески первых веков н.э. из могильников Крымской Скифии // Древняя Таврика / Ред. Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 173–186.

Труфанов А.А. Монеты из погребений варварского населения Крыма первых веков н.э. // Археологический альманах. № 22: Древняя и средневековая Таврика / Ред. А.В. Колесник. Донецк: Донбасс, 2010. С. 235–250.

Труфанов А.А. Склеп IV в. н.э. из некрополя у с. Курское в Крыму // РА. 2012. № 2. С. 34–41.

Труфанов А.А., Колтухов С.Г. Исследование позднеантичного некрополя у с. Курское в Юго-Восточном Крыму // Stratum plus. 2001–2002. № 4. С. 278–295.

Филиппенко А.А., Тюрин М.И., Ушаков С.В. О могильнике ВИР (Бельбек III) в Юго-Западном Крыму: новые данные // Stratum plus. 2016. № 4. С. 139–151.

Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4. С. 58–71.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 169 с.

Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002. 313 с.

Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке. Симферополь; Керчь: Деметра, 2004 (Боспорские исследования; вып. VI). 240 с.

Храпунов И.Н. Керамические сосуды в виде баранов из могильника Нейзац // РА. 2007. № 1. С. 167–175.

Храпунов И.Н. Наконечники ремней из могильника Нейзац // МАИЭТ. Вып. XIV. Симферополь: Таврия, 2008. С. 61–79.

Храпунов И.Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Доля, 2011а. С. 13–113.

Храпунов И.Н. Склеп с погребениями III–IV вв. н.э. из могильника Нейзац. Симферополь: Доля, 2011б. 72 с.

Храпунов І.М. Підбійна могила з похованнями III–IV ст. з могильника Нейзац // Археологія. 2014. Вип. 2. С. 80–90.

Храпунов И.Н. Погребения II в. н.э. из могильника Нейзац // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. Вып. 1 (47). С. 216–240.

Храпунов И.Н. Исследования могильника Нейзац в 2011–2015 гг. // Крым в сарматскую эпоху. II: 20 лет исследований могильника Нейзац / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016а. С. 11–36.

Храпунов И.Н. Население горного Крыма в позднеримское время // Вестник древней истории. 2016б. Т. 76, № 1. С. 118–134.

Храпунов И.Н., Мульд С.А. Склепы с погребениями III в. н.э. из могильника Нейзац // Боспорские исследования. Вып. VII / Ред. А.И. Айбабин. Симферополь; Керчь: Деметра, 2004. С. 299–326.

Храпунов И.Н., Мульд С.А. Трупосожжение римского времени из могильника Опушки // Херсонесский сборник. Вып. XIV / Ред. С.Д. Крыжицкий. Севастополь: Максим, 2005. С. 341–345.

Храпунов И.Н., Стоянова А.А. Три подбойные могилы из некрополя Опушки в Крыму // Варварский мир Северопонтийских земель в сарматскую эпоху / Ред. Е.В. Смынтына. Киев: Видавець Олег Філюк, 2013. С. 184–207.

Храпунов И.Н., Стоянова А.А. Об имущественной и социальной дифференциации населения предгорного Крыма позднеримского времени // КСИА. 2014. Вып. 234. С. 176–199.

Храпунов И.Н., Стоянова А.А. Могила № 9 (35) из Чернореченского могильника в Крыму // КСИА. 2016а. Вып. 244. С. 166–194.

Храпунов И.Н., Стоянова А.А. Ранние погребения в могильнике Нейзац // История и археология Крыма. Вып. III / Ред. В.В. Майко. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016б. С. 200–234.

Храпунов Н.И. Монеты из могильника Нейзац (находки 1996–2008 гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 3. С. 55–82.

Храпунов Н.И. Находки монет в могильниках крымских варваров позднеримского времени: некоторые перспективы анализа и исторические интерпретации // Боспорские чтения. Вып. XIV / Ред. А.И. Айбабин. Керчь, 2013. С. 484–490.

Шабанов С.Б. Стеклянные сосуды из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2011гг.) // МАИЭТ. Вып. XVII. Симферополь: Таврия, 2011. С. 141–191.

Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 16–21.

Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А. Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи // Херсонесский сборник. Вып. XII / Ред. М.И. Золотарев. Севастополь, 2003. С. 199–225.

Юрочкин В.Ю., *Труфанов А.А.* Хронология могильников Центрального и Юго-Западного Крыма в 3–4 вв. н. э. // Древняя Таврика / Ред. Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 359–382.

Яценко С.А., *Малашев В.Ю.* О полихромном стиле позднеримского времени на территории Сарматии // Stratum plus. 2000. № 4. С. 226–250.

Hays J.W. Late Roman Pottery. L.: British School at Rome, 1972. 477 p.

Khrapunov I. Germanic Artefacts in the Cemetery of Neyzats // Inter Ambo Maria: Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea / Eds. I. Khrapunov, F.-A. Stylegar. Kristiansand; Simferopol: Dolya Publishing House, 2013. P. 177–195.

Mączyńska M., *Gercen A.*, *Ivanova O.*, *Černyš S.*, *Lukin S.*, *Urbaniak A.*, *Bemmann J.*, *Schneider K.*, *Jakubczyk I.* Das Frűhmittelalterlichte Gräberfeld Almalyk-Dere am Fusse des Mangup auf der Sűdwestkrim. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2016. 205 S.

Masyakin V., *Voloshinov A.*, *Nenevolja I.* Die Nekropole von Suvlu-Kaja // Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Bonn, 2013. S. 372–379.

ARCHAEOLOGICAL CULTURE OF THE LATE ROMAN PERIOD IN THE PIEDMONT CRIMEA

Igor N. Khrapunov

Crimean Federal University, Simferopol, Russia

E-mail: igorkhrapunov@mail.ru

In Crimea, a group of sites representing necropolises has been discovered and partially explored. They are located in the piedmont areas of the peninsula, dating back to the 2nd – 4th centuries BC. The sites share certain similarity, while differing in the most significant characteristics from all other archaeological sites. The necropolises together form a single archaeological culture. It can be called the Neyzats archaeological culture after its most comprehensively studied site – the necropolis of Neyzats. This culture is eclectic in many respects, distinguished by signs of different origins. Handmade vessels provide a striking originality to it. Despite some borrowings, the handmade pottery complex is not reduced to any of the well-known pottery traditions, nor to the sum of any traditions. Another feature of the culture is the lack of settlements. None of the necropolises is associated with a dwelling structure. Most of the necropolises ceased to be used at the late 4th – early 5th century, at the time when, according to written sources, the Huns appeared in the Northern Black Sea region.

Keywords: Crimea, the Late Roman period, necropolises, archaeological culture, the Neyzats culture, Scythians, Sarmatians, Alans, Germans.

REFERENCES

Ambroz A.K., 1966. Fibuly yuga Evropeyskoy chasti SSSR [Fibulae of the south of the USSR's European part]. Moscow: Nauka. 111 p. (SAI, D1-30).

Antipenko A.V., 2015. Reconstruction of riding horse equipment of the 3rd century AD from the Neyzats necropolis. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*], 2 (48), pp. 109–120. (In Russ.)

Babenchikov V.P., 1963. Chernorechensky cemetery. *Arkheologichni pam'yatki URSR* [*Archaeological sites of the Ukrainian SSR*], XIII. Kiïv: Vid. AN URSR, pp. 94–141. (In Ukrainian.)

Belyy O.B., Nenevolya I.I., 1994. Salvage works on the territory of Bakhchsarai district in 1993. *Problemy istorii i arkheologii Kryma* [*Issues of the Crimean history and archaeology*]. Yu.M. Mogarichev, ed. Simferopol': Tavriya, pp. 251–255. (In Russ.)

Filippenko A.A., Tyurin M.I., Ushakov S.V., 2016. On the VIR necropolis (Belbek III) in the South-Western Crimea: new data. *Stratum plus*, 4, pp. 139–151. (In Russ.)

Gushchina I.I., 1970. The Belbek III necropolis in the Crimea. KSIA [*Brief Communications of the Institute of Archaeology*], 124, pp. 39–47. (In Russ.)

Gushchina I.I., 1974. Population of the Sarmatian time in the Belbek valley in the Crimea (based on the data from necropolises). *Arkheologicheskiye issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy* [*Archaeological research in the south of Eastern Europe*]. Moscow: GIM, pp. 33–64. (In Russ.)

Hays J.W., 1972. Late Roman Pottery. London: British School at Rome. 477 p.

Ivanova O.S., 2013. Late Roman amphorae from excavations of Mangup. *Krym v sarmatskuyu epokhu* (*II v. do n.e. – IV v. n.e.*) [*The Crimea in the Sarmatian period (the 2nd century BC – 4th century AD*)], I. I.N. Khrapunov, ed. Simferopol'; Bakhchisaray: Dolya, pp. 93–154. (In Russ.)

Khazanov A.M., 1963. Genesis of Sarmatian bronze mirrors. *SA* [*Sov. Archaeology*], 4, pp. 58–71. (In Russ.)

Khazanov A.M., 1971. Ocherki voyennogo dela sarmatov. Studies on the Sarmatian warfare. Moscow: Nauka. 169 p.

Khrapunov I., 2013. Germanic Artefacts in the Cemetery of Neyzats. *Inter Ambo Maria: Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea*, I. Khrapunov, F.-A. Stylegar, eds. Kristiansand; Simferopol: Dolya Publ. House, pp. 177–195.

Khrapunov I.N., 2002. Mogil'nik Druzhnoye (III–IV vv. nashey ery). [The Druzhnoye necropolis (the 3rd–4th centuries AD)] Lublin: Wydawnictwo Uniw. Marii Curie-Skłodowskiej. 313 p.

Khrapunov I.N., 2004. Ethnic history of the Crimea in the early Iron Age. Simferopol'; Kerch': Demetra. 240 p. (Bosporskiye issledovaniya, VI).

Khrapunov I.N., 2007. Ram-shaped ceramic vessels from the Neyzats necropolis. *RA* [*Rus. Archaeology*], 1, pp. 167–175. (In Russ.)

Khrapunov I.N., 2008. Belt tips from the Neyzats necropolis. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Material in archeology, history and ethnography of Tavria], XIV. Simferopol': Tavriya, pp. 61–79. (In Russ.)

Khrapunov I.N., 2011a. Some results of the research on the Neyzats necropolis. *Issledovaniya mogil'nika Neyzats* [*Studies of the Neyzats necropolis*]. I.N. Khrapunov, ed. Simferopol': Dolya, pp. 13–113. (In Russ.)

Khrapunov I.N., 2011b. Sklep s pogrebeniyami III–IV vv. n.e. iz mogil'nika Neyzats [Crypt with burials of the 3rd–4th centuries AD from the Neyzats necropolis]. Simferopol': Dolya. 72 p.

Khrapunov I.N., 2015. Burials of the 2nd century AD from the Neyzats necropolis. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological, Cultural Studies*], 1 (47), pp. 216–240. (In Russ.)

Khrapunov I.N., 2016a. Studies of the Neyzats necropolis in 2011–2015. *Krym v sarmatskuyu epokhu* [*The Crimea in the Sarmatian period*]. *II. 20 let issledovaniy mogil'nika Neyzats* [*20 years of studying the Neyzats necropolis*]. I.N. Khrapunov, ed. Simferopol': Naslediye tysyacheletiy, pp. 11–36. (In Russ.)

Khrapunov I.N., 2016b. Population of the mountain Crimea in the late Roman period. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*], vol. 76, no. 1, pp. 118–134. (In Russ.)

Khrapunov I.N., *Mul'd S.A.*, 2004. Crypts with burials of the 3rd c. AD from the Neyzats necropolis. *Bosporskiye issledovaniya* [*Bosporan Studies*], VII. A.I. Aybabin, ed. Simferopol'; Kerch': Demetra, pp. 299–326. (In Russ.)

Khrapunov I.N., *Mul'd S.A.*, 2005. Cremations of the late Roman period from the Opushki necropolis. *Khersonesskiy sbornik* [*Chersonese Collection*], XIV. S.D. Kryzhitskiy, ed. Sevastopol': Maksim, pp. 341–345. (In Russ.)

Khrapunov I.N., *Stoyanova A.A.*, 2013. Three undercut graves from the Opushki necropolis in the Crimea. *Varvarskiy mir Severopontiyskikh zemel' v sarmatskuyu epokhu* [*The barbaric world of the Northern Pontic lands in the Sarmatian period*]. E.V. Smyntyna, ed. Kiyev: Vidavets' Oleg Filyuk, pp. 184–207. (In Russ.)

Khrapunov I.N., *Stoyanova A.A.*, 2014. On the property-based and social differentiation within the population in the piedmont zone of the Crimea of the Late Roman period. *KSIA* [*Brief Communications of the Institute of Archaeology*], 234, pp. 176–199. (In Russ.)

Khrapunov I.N., *Stoyanova A.A.*, 2016a. Grave 9 (35) from the Chernorechensky cemetery in the Crimea. *KSIA* [*Brief Communications of the Institute of Archaeology*], 244, pp. 166–194. (In Russ.)

Khrapunov I.N., *Stoyanova A.A.*, 2016b. Early burials in the Neyzats necropolis. *Istoriya i arkheologiya Kryma* [*The Crimean history and archaeology*], III. V.V. Mayko, ed. Simferopol': Naslediye tysyacheletiy, pp. 200–234. (In Russ.)

Khrapunov N.I., 2009. Coins from the Neyzats necropolis (finds of 1996–2008). *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological, Cultural Studies*], 3, pp. 55–82. (In Russ.)

Khrapunov N.I., 2013. Coin finds in the cemeteries of the Crimean barbarians of the Late Roman period: some perspectives of analysis and historical interpretations. *Bosporskiye chteniya* [*Bosporan Readings*], XIV. A.I. Aybabin, ed. Kerch', pp. 484–490. (In Russ.)

Khrapunov I.M., 2014. Undercut grave with burials of the 3rd–4th centuries AD from the Neyzats necropolis. *Arkheologiya* [*Archaeology*], 2, pp. 80–90. (In Ukrainian.)

Kontny B., *Savelya D.Yu.*, 2006. Armaments from the cemetery in Kilen-Balka. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Material in archaeology, history and ethnography of Tavria*], iss. XII, part 1. Simferopol': Tavriya, pp. 129–160. (In Russ.)

Kropotov V.V., 2010. Fibuly sarmatskoy epokhi [Fibulae of the Sarmatian period]. Kiyev: ADEF-Ukraina. 384 p.

Levada M.E., 2013. The influence of the Alan military traditions on the East Germanic peoples. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.) [The Crimea in the Sarmatian period* (*the 2nd century BC – the 4th century AD*)], I. I.N. Khrapunov, ed. Simferopol'; Bakhchisaray: Dolya, pp. 171–187. (In Russ.)

Loboda I.I., 1977. Excavations of the Ozernoye III cemetery in 1963–1965. *SA* [*Sov. Archaeology*], 4, pp. 236–252. (In Russ.)

Loboda I.I., 2005. Excavations of the Krasny Mak necropolis in 1983–1984. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Material in archaeology, history and ethnography of Tavria*], XI. Simferopol': Tavriya, pp. 192–251. (In Russ.)

Mączyńska M., *Gercen A.*, *Ivanova O.*, *Černyš S.*, *Lukin S.*, *Urbaniak A.*, *Bemmann J.*, *Schneider K.*, *Jakubczyk I.*, 2016. Das Frűhmittelalterlichte Gräberfeld Almalyk-Dere am Fusse des Mangup auf der Sűdwestkrim. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 205 p.

Malashev V.Yu., 2000. Periodization of belt sets of the Late Sarmatian period. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* [*Sarmatians and their neighbours on the Don*]. Yu.K. Guguyev, ed. Rostov-na-Donu: Terra, pp. 194–232. (In Russ.)

Masyakin V., *Voloshinov A.*, *Nenevolja I.*, 2013. Die Nekropole von Suvlu-Kaja. *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten*. Bonn, pp. 372–379.

Masyakin V.V., 2010. A Late Roman crypt near Zarechnoye in the Central Crimea. *Arkheologicheskiy al'manakh* [*Archaeological Almanac*], *22. Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika* [*Ancient and Medieval Tauris*]. A.V. Kolesnik, ed. Donetsk: Donbass, pp. 278–283. (In Russ.)

Mul'd S.A., 2016. The funerary structures of the Neyzats necropolis. *Krym v sarmatskuyu epokhu* (*II v. do n. e. – IV v. n. e.*) [*The Crimea in the Sarmatian period (the 2nd century BC – the 4th century AD*)], *II. 20 let issledovaniy mogil'nika Neyzats* [*20 years of research on the Neyzats necropolis*]. I.N. Khrapunov, ed. Simferopol': Naslediye tysyacheletiy, pp. 37–75. (In Russ.)

Nenevolya I.I., *Voloshinov A.A.*, 2001. Two complexes of the 4th c. AD on the Krasnozorye necropolis. *Pozdniye skify Kryma* [*Late Scythians of the Crimea*]. I.I. Gushchina, D.V. Zhuravlev, eds. Moscow: GIM, pp. 141–146. (Trudy GIM, 118). (In Russ.)

Nessel' V.A., 2003. Red slip pottery from the Kilen-Balka necropolis. *Khersonesskiy sbornik* [*Chersonese Collection*], XII. M.I. Zolotarev, ed. Sevastopol' Dizayn-studiya "Kalamo", pp. 107–123. (In Russ.)

Puzdrovskiy A.E., 1994. Necropolis of the 3rd–4th centuries AD near Perevalnoye in the Crimea. *Vizantiya i narody Prichernomor'ya i Sredizemnomor'ya v ranneye srednevekov'ye* (*IV–IX vv.*)*: tez. dokl.* [*Byzantium and the peoples of the Black Sea and the Mediterranean in the early Middle Ages* (*the 4th–9th centuries*)*: Abstracts*]. Simferopol', pp. 55–56. (In Russ.)

Puzdrovskiy A.E., *Zaytsev Yu.P.*, *Nenevolya I.I.*, 2001. New sites of the 3rd–4th centuries AD in the South-Western Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Material in archaeology, history and ethnography of Tavria*], VIII. Simferopol': Tavriya, pp. 32–50. (In Russ.)

Shabanov S.B., 2011. Glass vessels from the Neyzats necropolis (based on the materials from the excavations of 1996–2011). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Material in archaeology, history and ethnography of Tavria*], XVII. Simferopol': Tavriya, pp. 141–191. (In Russ.)

Shelov D.B., 1978. Narrow-necked light-clay amphorae of the first centuries AD. Classification and chronology. *KSIA* [*Brief Communications of the Institute of Archaeology*], 156, pp. 16–21. (In Russ.)

Simonenko A.V., 2010. Sarmatskiye vsadniki Severnogo Prichernomor'ya [Sarmatian horsemen of the Northern Black Sea region]. St. Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU; Nestor-Istoriya. 328 p.

Stoyanova A.A., 2004. Beads and pendants from the Neyzats necropolis (based on the excavations of 1996–2001). *Bosporskiye issledovaniya* [*Bosporan Studies*], V. A.I. Aybabin, ed. Simferopol'; Kerch': Demetra, pp. 263–319. (In Russ.)

Stoyanova A.A., 2010. Bead sets in costume of the piedmond Crimea inhabitants in the 2nd century BC – 4th century AD. *Bosporskiye issledovaniya* [*Bosporan Studies*], XXIV. A.I. Aybabin, ed. Simferopol'; Kerch': Demetra, pp. 401–410. (In Russ.)

Stoyanova A.A., 2011a. Torques from the Crimean sites of the Sarmatian period. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Material in archaeology,*

history and ethnography of Tavria], XVII. Simferopol': Tavriya, pp. 116–140. (In Russ.)

Stoyanova A.A., 2011b. Accessories of female costume of the 2nd – the first half of the 3rd century AD from the Neyzats necropolis. *Issledovaniya mogil'nika Neyzats* [*Studies of the Neyzats necropolis*]. I.N. Khrapunov, ed. Simferopol': Dolya, pp. 115–151. (In Russ.)

Stoyanova A.A., 2012. Detskiye pogrebeniya iz mogil'nika Opushki (po rezul'tatam raskopok 2003–2009 gg.) [Children burials from the Opushki necropolis (based on the results of excavations of 2003–2009)]. Simferopol': Dolya. 100 p.

Stoyanova A.A., 2013. Slab graves from the Neyzats necropolis. *Krym v sarmatskuyu epokhu* [*The Crimea in the Sarmatian period*], I. I.N. Khrapunov, ed. Simferopol'; Bakhchisaray: Dolya, pp. 77–92. (In Russ.)

Stoyanova A.A., 2016. Pendants from the Neyzats necropolis. *Krym v sarmatskuyu epokhu* [*The Crimea in the Sarmatian period*], II. 20 let issledovaniy mogil'nika Neyzats. I.N. Khrapunov, ed. Simferopol': Naslediye tysyacheletiy, pp. 122–165. (In Russ.)

Trufanov A.A., 2010. Coins from the burials of the Crimean barbarian population of the first centuries AD. *Arkheologicheskiy al'manakh* [*Archaeological Almanac*], *22. Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika* [*Ancient and Medieval Tauris*]. A.V. Kolesnik, ed. Donetsk: Donbass, pp. 235–250. (In Russ.)

Trufanov A.A., 2004. Undercut graves of the 3rd century AD necropolis near Kurskoye village (based on the materials of 2001 excavation). *Sugdeyskiy sbornik* [*Sugdaea collection*]. N.M. Kukoval'skaya, ed. Kiyev; Sudak: Akademperiodika, pp. 495–521. (In Russ.)

Trufanov A.A., 2007. Mirrors pendants of the first centuries AD from the necropolises of the Crimean Scythia. *Drevnyaya Tavrika* [*Ancient Tauris*]. Yu.P. Zaytsev, V.I. Mordvintseva, eds. Simferopol': Universum, pp. 173–186. (In Russ.)

Trufanov A.A., 2012. A 4th century AD crypt from the necropolis near Kurskoye village in the Crimea. *RA* [*Rus. Archaeology*], 2, pp. 34–41. (In Russ.)

Trufanov A.A., Koltukhov S.G., 2001–2002. A study of the late antique necropolis near Kurskoye village in the South-Eastern Crimea. *Stratum plus*, 4, pp. 278–295. (In Russ.)

Veymarn Є.V., 1963. Archaeological works in the Inkerman area. *Arkheologichni pam'yatki URSR* [*Archaeological sites of the Ukranian SSR*]. T. XIII. Kiïv: Vid. AN URSR, pp. 15–42. (In Ukrainian.)

Vlasov V.P., 1999. Handmade pottery from the Druzhnoye necropolis of the 3rd–4th centuries AD United in the Crimea. *Sto let chernyakhovskoy kul'ture* [*A hundred years of the Chernyakhov culture*]. M.I. Gladkikh, ed. Kiyev: Vid. Tovaristva arkheol. ta antrop., pp. 322–371. (In Russ.)

Vlasov V.P., 2003. North Caucasian parallels in the handmade pottery of the Roman and Early Medieval Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Material in archaeology, history and ethnography of Tavria*], X. Simferopol': Tavriya, pp. 98–124. (In Russ.)

Vnukov S.Yu., 2006. Prichernomorskiye amfory I v. do n. e. – II v. n.e. [Black Sea Amphorae of the 1st century BC – 2nd century AD], II. Petrografiya, khronologiya, problemy torgovli [Petrography, chronology, issues of trade]. St. Petersburg: Aleteyya. 320 p.

Vnukov S.Yu., 2016. On the typology, evolution and chronology of light-clay (late Heraclean) narrow-necked amphorae. *RA* [*Rus. Archaeology*], 2, pp. 36–47. (In Russ.)

Yatsenko S.A., *Malashev V.Yu.*, 2000. On the polychrome style of the late Roman period on the territory of Sarmatia. *Stratum plus*, 4, pp. 226–250. (In Russ.)

Yurochkin V.Yu., *Trufanov A.A.*, 2003. A late Antique burial complex in the lower reaches of the Kachi River. *Khersonesskiy sbornik* [*Chersonese Collection*], XII. M.I. Zolotarev, ed. Sevastopol', pp. 199–225. (In Russ.)

Yurochkin V.Yu., *Trufanov A.A.*, 2007. Chronology of the necropolises in the Central and South-Western Crimea of the 3rd – 4th centuries. *Drevnyaya Tavrika* [*Ancient Tauris*]. Yu.P. Zaytsev, V.I. Mordvintseva, eds. Simferopol': Universum, pp. 359–382. (In Russ.)

Zaytsev Yu.P., 1997. Salvage investigations in Simferopol, Belogorsk and Bakhchsarai districts. *Arkheologicheskiye issledovaniya v Krymu* [*Archaeological research in the Crimea*]. 1994. V.A. Kutaysov, ed. Simferopol': SONAT, pp. 102–116. (In Russ.)

Zaytsev Yu.P., *Mordvintseva V.I.*, 2003. Studies of the necropolis near Suvorovo village. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Material in archaeology, history and ethnography of Tavria*], X. Simferopol': Tavriya, pp. 57–77. (In Russ.)

Zhuravlev D.V., 2010. Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma I–III vv. n.e. (Po materialam pozdneskifskikh nekropoley Bel'bekskoy doliny) [Red slip pottery of the South-Western Crimea of the 1st–3rd centuries AD (based on the materials of the late Scythian necropolises of the Belbek valley)]. Simferopol': Krym. otd. Inst. vostokovedeniya im. A.E. Krymskogo NAN Ukrainy. 320 p.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2019, № 1, с. 50–59

О СТАКАНОВИДНЫХ КЕРАМИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТАХ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I тыс. н.э.

© 2019 г. Я.Б. Березин

НИИ и Музей антропологии МГУ, Москва, Россия

E-mail: yakov_berezin@mail.ru

Поступила в редакцию 16.04.2018 г.

Статья посвящена одному типу керамических предметов – так называемым курильницам, характерным для раннеаланской культуры Центрального Предкавказья II–IV вв. н.э. В археологической литературе XX в. сложилась версия об использовании их в древности в качестве ритуальных сосудов. Последние десятилетия специалисты склоняются к идеям о предназначении данных сосудов для определенных технологических целей, скорее всего, связанных с производством керамики. Автор, на основе архивных материалов из фондов Пятигорского краеведческого музея, показывает, что версия о культовой принадлежности данного типа керамики возникла на основе изначально неполных и вторичных сведений, впоследствии неверно истолкованных, и является современным археологическим мифом.

Ключевые слова: Центральное Предкавказье, раннеаланская культура, стакановидный предмет, курильница, археологический миф.

DOI: 10.31857/S086960630004116-6

Масштабные исследования памятников начала I тыс. н.э. в Центральном Предкавказье, проводившиеся в последнем десятилетии XX и начале XXI вв., привели к выделению в данном регионе масштабного историко-культурного явления, получившего название “раннеаланской” или “предаланской” культуры (Абрамова, 1989. С. 280). Окончательное название этого исторического феномена еще не устоялось; так, В.Ю. Малашев предлагает считать ее ранним этапом северокавказской средневековой аланской культуры (Габуев, Малашев, 2009. С. 156). Подробное описание истории выделения культуры и современного состояния ее изучения сделано В.Ю. Малашевым (Малашев, 2007. С. 487–501; Габуев, Малашев, 2009. С. 144–162; Малашев, 2014, С. 72–83).

Керамический комплекс “раннеаланской” культуры был впервые описан И.А. Аржанцевой и Д.В. Деопиком на материалах Зилгинского городища (Деопик, 1988; Аржанцева, Деопик, 1989. С. 81–91). Его составной частью являются стакановидные керамические сосуды, традиционно носящие название “курильницы” (Аржанцева, Деопик, 1989. С. 91). Эта разновидность керамики попала в поле зрения археологов еще в 1930-х годах (Egorov, 1930. P. 49–51) и с тех пор по традиции считалась культовой (Арсеньева, 1965. С. 187; Табл. V, I; Байбик, Виноградов и др., 1969. С. 86–92; Кузнецов, 1984. С. 180; Дорофеев, Фоменко, 2000; Фоменко, 2016). В одной из последних работ маститого кавказоведа В.А. Кузнецова утверждается, что “курильницы” “являются атрибутом развитого культа огня и надежным маркером именно аланской керамики” (Кузнецов, 2014, С. 65). Высказывалась версия и об утилитарном использовании данного предмета в качестве подставок-“разделителей” в процессе производства керамической посуды (Arzhantseva et al., 2000. P. 235–237; Гончарова и др., 2016. С. 76, 77; Гугуев и др., 2017. С. 53).

В период работы в ГУП “Наследие” (Ставрополь) мне неоднократно доводилось участвовать и руководить раскопками “раннеаланских” поселений на территории Пятигорья (поселение и укрепление Энергетик, поселение Константиновское 1) и прилегающей части предкавказской равнины (городище Новопавловское-1). К сожалению, материалы этих раскопок опубликованы в незначительной степени (Березин, Швырёва, 2007; Березин, Колесниченко, 2013). Находки “курильниц” во время этих работ были многочисленны, как в культурном слое, так и в хозяйственных ямах. Несмотря на значительную площадь раскопок,

ничего похожего на культовые места, связанные с использованием “курильниц”, обнаружено не было. Более того, создавалось впечатление, что это обычный бытовой предмет, выбрасываемый по мере прихода его в негодность вместе с остальным мусором. Эти соображения и побудили меня заняться историей возникновения версии о связи рассматриваемых артефактов с культом огня.

Прежде чем перейти к истории вопроса, рассмотрим сам предмет исследования. Это керамический предмет (я бы поостерегся именовать его сосудом), имеющий довольно стандартный набор признаков (рис.1):

Цилиндрическая форма. Есть варианты сужения к середине высоты (“песочные часы”) (рис. 1, *1*) или к основанию с отверстием. Сужение к срезанному основанию не встречается.

Одна сторона срезана горизонтально, другая имеет более или менее широкий бортик, расположенный под прямым углом к стенкам и образующий сквозное отверстие (рис. 1, *2, 3*). Бортик чаще всего горизонтальный, редко встречается подъем к вертикальной оси предмета.

Внешняя поверхность предмета чаще всего заглажена широкими полосами, иногда настолько, что в плане он приобретает многогранный вид (рис. 1, *4*). Внутренняя поверхность в большинстве случаев имеет гребни, образованные при формовке жгутовым налепом и не заглаженные впоследствии. Вероятно, это не имело значения при использовании.

В.Б. Виноградов с соавторами предложил способ изготовления “курильниц” на круглой деревянной основе (Байбик, Виноградов и др., 1969. С. 88, примечание 3), однако гребни на внутренней стороне противоречат этой идее. Впрочем, их нет на опубликованной “курильнице” (Байбик, Виноградов и др., 1969. С. 93; Рис. 1, *7*) (рис. 1, *1*). Статья В.Б. Виноградова и соавторов была написана на материалах Алхан-Калинского городища и, возможно, форма стакановидных предметов разных районов имеет свои особенности.

Размеры предметов варьируются по высоте от 4.5 до 11–12 см и по диаметру от 5 до 10 см. Изредка встречаются и более крупные, высотой до 20–22, диаметром 17–20 см. Обращает на себя внимание уже отмеченная (Байбик, Виноградов и др., 1969. С. 88) как бы небрежность изготовления подавляющей части предметов. В тоже время тесто находок очень

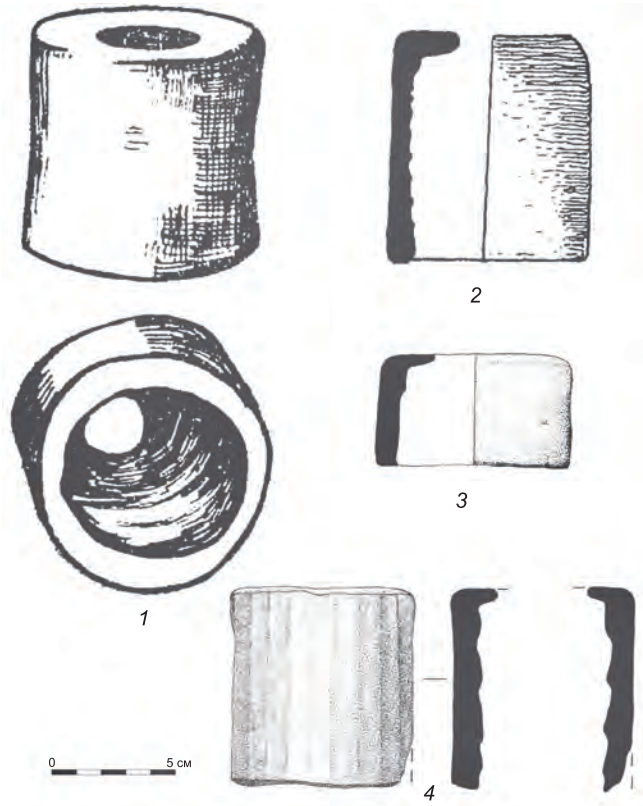


Рис. 1. Стакановидные предметы из различных памятников Центрального Предкавказья: *1* – Алхан-Кала (по В.Б. Виноградову); *2* – Зилги (по И.А. Аржанцевой); *3* – Энергетик, Пятигорск (по Я.Б. Березину); *4* – Дубравка, Пятигорск (случайная находка).

Fig. 1. Cylinder objects from various sites of the Central Ciscaucasia

плотное, хорошо промешанное и обожженное. Прочность стакановидных предметов, как правило, превышает прочность находимых вместе с ними фрагментов керамических сосудов. Следы вторичного прокала, копоти, нагара на внутренней стороне предметов встречаются не чаще, чем на находимых вместе с ними в культурном слое или в хозяйственных ямах других фрагментах керамики.

Очевидно, что истоки “культовой” версии следовало искать в хельсинеской публикации Н.М. Егорова. Оригинал издания крайне труднодоступен, однако у меня имелась возможность обратиться к первоисточнику, записям самого Н.М. Егорова, сохранившимся в фондах Пятигорского краеведческого музея. Это “Книга поступлений Пятигорского краеведческого музея, часть I”, начата в 1929 г., хранится под № 34563 основного фонда. В книгу переписана информация из более ранних, но не

сохранившихся книг поступлений[1]. Запись № 963 – 9, лист 184, датирована 5 сентября 1926 года. Записи сделаны рукой Н.М. Егорова и во многих местах скреплены его личной подписью. Ниже они приведены дословно, с сохранением орфографии оригинала:

"Семь глиняных сосудов, без дна, с суженным верхом, форма [нарисована "курильница" без масштаба. – *Я.Б.*] диаметром от 7 до 9 см, высотой от 6,5 см до 8 см, частью пустые, частью наполненные землей с углями, служившие, видимо, для какого-то ритуала, так как были найдены расположенными по половине окружности (радиусом 0,75 м), центр которой занимал горшочек – сосуд № 971 [см. ниже. – *Я.Б.*]. Другая половина окружности была уничтожена еще 23 лет назад, при прокладке водопроводной траншеи. Эти семь, вместе с 4 или 5 другими такими же, но разбитыми при откапывании, были откопаны П.К. Дорошенко, на глубине около 1 м, сбоку траншеи, главной части Юцкого водопровода в конце октября 1925 г. По словам П.К. Дорошенко, все пространство между горшочками было заполнено многочисленными расколотыми костями животных, которые он, к сожалению, не захватил".

Лист 184 (оборот):

"№ 971. Такой же горшочек, как и № 963 – 9, но только большой. Диаметр нижней части 11 сант., высота 8,5 сант. Помещался в центре круга, как это описано выше. Доставлен оттуда же и тогда же П.К. Дорошенко".

Листы 182 (оборот) – 184 (оборот): на этих листах за №№ 937–981 описаны находки из той же траншеи, доставленные П.К. Дорошенко. Это фрагменты керамики, кости животных, каменные жернова, костяная игла, фрагменты каменных орудий.

Николай Михайлович Егоров – одна из самых ярких фигур в краеведении Пятигорья. Он имел профильное историко-филологическое образование, был знаком и переписывался с такими видными археологами как А.А. Иессен и А.М. Тальгрен, участвовал в полевых работах Северокавказской экспедиции ГАИМК (Багдасарян, 2017. С. 34, 35). Естественно, он получил определенные археологические навыки, что повышает доверие к его публикациям. Но в данном, конкретном случае, Н.М. Егоров не участвовал в "раскопках" и, скорее всего, не был на месте находки (личный выезд на место описываемых находок всегда отражался в его записях с указанием даты и времени). Скрупулезно записанная им со слов находчика П.К. Дорошенко информация отражает неквалифицированное доследование половины хозяйственной ямы (глубина ок. 1 м, радиус круга ок. 0.75 м), вторая половина которой была разрушена задолго до этого. Фон находки ("земля с углями", "многочисленные расколотые кости животных") также соответствует описанию заполнения ямы. Остальные находки из траншеи, записанные под № 937–981 представляют собой типичные находки из культурного слоя поселения. Каких-либо оснований считать эту ситуацию исследованием святилища нет, да и об исследовании, как таковом, говорить не приходится.

Любопытно, что в одной из последующих работ относительно крупный стакановидный предмет (не выпадающий, впрочем, из крайних колебаний размеров большинства находок), найденный в центре ямы, вырос до "ведрообразного" (Байбик, Виноградов и др., 1969. С. 88).

Два катакомбных погребения у р. Юца (территория нынешнего города Пятигорска) были доследованы А.П. Руничем в 1954 г. и опубликованы в 1961 г. (Рунич, 1961). В погр.2 с нетронутым инвентарем был обнаружен интересующий нас предмет. Он был осмотрен и зарисован мною в фондах Пятигорского краеведческого музея[2]. Инвентарный номер находки 2410 основного фонда. Это фрагмент (примерно, 1/2 часть) лепного сероглиняного сосуда. Поверхность грубо заглажена широкими вертикальными полосами. Тесто слоистое, с заметной примесью дресвы и песка. На внутренней стороне хорошо прослеживается способ формовки сосуда – горизонтальные глиняные валики на основе отдельно вылепленного дна. Несмотря на утраты, форма сосуда хорошо восстанавливается. Это грушевидный сосудик с округлым или плоским

[1] Любопытна дата составления новых книг поступлений, а именно 1929 г. Вполне вероятно, что предыдущие книги отражали, в том числе и труд работников музея по сбору материалов о вождях революции, которые в свете изменившейся политической ситуации вдруг стали врагами народа. Во избежание осложнений для музейщиков книги были уничтожены, а в новые перенесена политически нейтральная информация.

[2] Автор благодарен директору ГБУК СК "Пятигорский краеведческий музей", к.и.н. С.Н. Савенко и зам. директора по науке М.В. Семендяеву за помощь в работе с коллекцией и музейными архивами.

дном. Венчик округлен и не имеет никаких признаков горизонтальной площадки. Вместе с ним, под тем же номером, в фондах музея хранятся две небольшие речные гальки со следами обжига, упомянутые в публикации А.П. Рунича. Подобный тип культовой керамики хорошо известен в погребальных памятниках сарматского времени Северного Кавказа. Основной хронологический диапазон бытования таких предметов III–I вв. до н.э., однако, они доживают вплоть до I в. н.э. (Абрамова, 1993. С. 58. Рис. 20, *15–23*; С. 144. Рис. 56, 28).

В.Б. Виноградов с соавторами уверенно считают данный артефакт “наиболее древней находкой цилиндрического сосуда с отверстием в дне, используемого для ритуальных действий” (Байбик, Виноградов и др., 1969. С. 89). В.А. Фоменко предлагает интерпретировать его как прототип стакановидных “курильниц” более позднего времени (Фоменко, 2016. С. 175). Вероятно, это связано с не совсем точным рисунком в первой публикации комплекса. Горизонтально срезанный (на рисунке А.П. Рунича) низ сосуда создает впечатление схожести с формой стакановидных предметов (рис. 2, *1*). В реальности он грубо и неровно обломан (рис. 2, *2*).

Стоит также остановиться на датировке комплекса в целом. Автором раскопок он был отнесен к I–II вв. н.э., что было нормально на том уровне изученности сарматской эпохи Северного Кавказа (Рунич, 1961. С. 270). В состав инвентаря входят: орнаментированный вертикальными пролощенными полосами и зигзагом кувшин без кучки (корчагообразный сосуд по терминологии М.П. Абрамовой); две миски с отогнутым наружу бортиком, одна орнаментирована по бортику штрихованными треугольниками; пряслице, указанная курильница и железный нож (рис. 3).

Корчагообразный сосуд и серповидный нож встречаются в длительном хронологическом диапазоне III в. до н.э. – I в. н.э. (Абрамова, 1993. С. 46. Рис. 11; С. 80. Рис. 26, *1–11*; С. 137. Рис. 51; С. 151. Рис. 57, *57–61*). Однако сосуды этого типа после рубежа эр теряют орнаментацию, а короткие и сильно изогнутые ножи явно тяготеют к более раннему времени. Для скифского периода – это стандартная форма (Козенкова, 1998. С. 7, 8). Миски с отогнутым наружу венчиком, образующим горизонтальную или наклонную внутрь площадку, зачастую орнаментированную, М.П. Абрамова

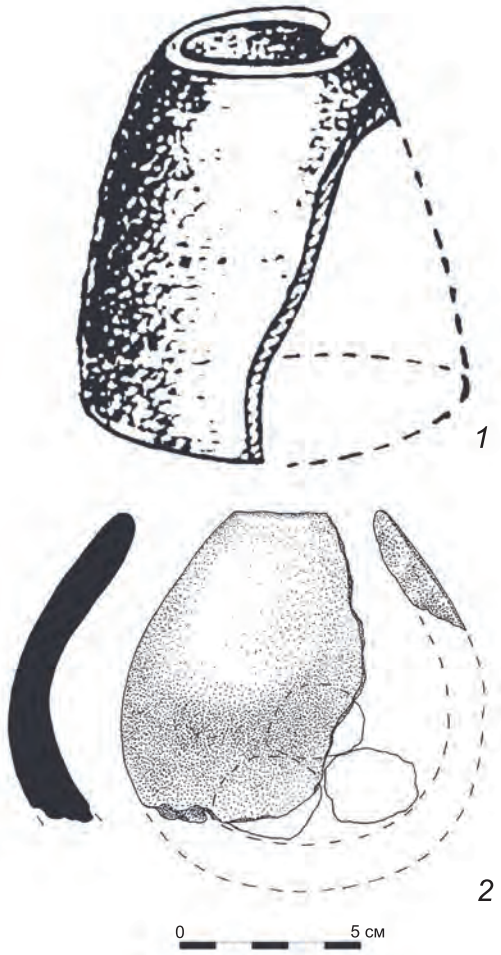


Рис. 2. Культовый сосуд из погребения № 2 могильника на реке Юца (*1* – по А.П. Руничу, *2* – рисунок автора 2017 г.).

Fig. 2. The cult vessel from burial 2 of the burial ground on the Yutsa River (*1* – after A.P. Runich, *2* – author’s drawing of 2017)

считает ритуальными чашами и связывает только с периодом III–I вв. до н.э. (Абрамова, 1993. С. 54. Рис. 17, *1–11*). К этому же периоду М.П. Абрамова отнесла и обнаруженное на р. Юца пряслице (Абрамова, 1993. С. 80. Рис. 26, 13). Все сказанное позволяет отнести захоронения на р. Юца из раскопок А.П. Рунича 1954 года ко времени не позже II–I вв. до н.э.

Суммируя рассмотренный выше сюжет, отметим, что курильница из погребения на р. Юца относится к хорошо известному типу ритуальных сосудов из погребений Северного Кавказа последних веков до н.э. Само погребение датируется временем не позже II–I вв. до н.э. Это выводит рассмотренный сосуд за рамки обсуждения проблемы стакановидных предметов аланской эпохи.

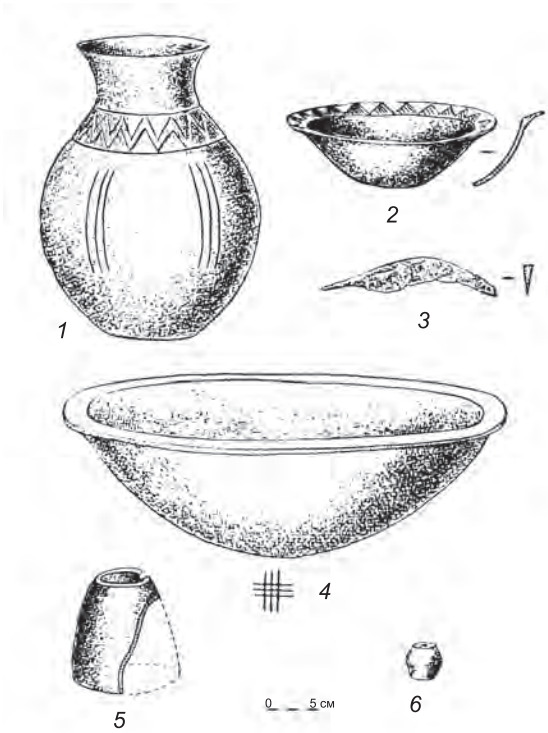


Рис. 3. Находки из погребения № 2 могильника на реке Юца (по А.П. Руничу).

Fig. 3. Finds from burial 2 of the burial ground on the Yutsa River (after A.P. Runich)

Многочисленные находки стакановидных предметов были сделаны на Алхан-Калинском городище, расположенном в 15 км западнее г. Грозного, на западной окраине селения Алхан-Кала, в Чечне. В течение длительного времени городище считалось средневековым и даже делались попытки отождествить его с летописной столицей алан, г. Магас (Виноградов, 2003). Согласно последним изысканиям в этой области, основные напластования городища связаны с концом эпохи раннего железного века и началом раннего средневековья (Мамаев, 2008. С. 241; 2012).

Во время масштабных раскопок В.Б. Виноградова 1965–1967 годов "было найдено свыше 200 этих ритуальных сосудов, причем 153 целые курильницы найдены *in situ* на местах капищ, которых обнаружено пока 5" (Байбик, Виноградов и др., 1969. С. 87). К сожалению, этот блестящий материал опубликован только в виде крайне сжатого словесного описания, отсутствуют планы "капищ". Можно лишь присоединиться к мнению И.А. Аржанцевой с соавторами о том, что на нынешнем уровне информации "капища" и "алтари" могут быть с равным (а скорее всего, с бо́льшим) основанием истолкованы и как производственные комплексы (Arzhantseva et al., 2000. P. 237). Со своей стороны хочу отметить, что в заметках об алханкалинских стакановидных предметах изначально рассматривалась только "культовая" версия их использования. Явно просматривается увлеченность В.Б. Виноградова этой идеей, впоследствии вылившаяся в отдельный сюжет прекрасной популярной книги, где нашлось место красочным описаниям культовых церемоний и жертвоприношений (Виноградов, 1970. С. 68–90).

Хотелось бы еще немного остановиться на хронологии существования стакановидных предметов. В.А. Кузнецов, составивший первую большую подборку стакановидных предметов из Центрального Предкавказья, предложил датировать их в пределах VIII–X вв. н.э., ориентируясь на существовавшую тогда датировку "земляных" городищ (Кузнецов, 1967. С. 42–65). В.Б. Виноградов, опираясь на раскопки Алхан-Калинского городища и свою датировку данного памятника, фактически предложил их использование в течение всего периода раннего средневековья и даже ранее, во II–XII вв. (Байбик, Виноградов и др., 1969. С. 90).

К настоящему времени в той или иной степени исследован ряд бытовых памятников Предкавказья с находками стакановидных предметов. Примечательно, что в массовом количестве они обнаруживаются либо на однослойных поселениях, существовавших только в раннеаланское время (городище Энергетик, поселение Константиновское-1, городище Новопавловское-1) (Березин, 2001; 2003; 2018), либо на памятниках, имеющих мощные слои II–IV вв. н.э. (Алхан-Кала, Зилги, Нижний Джулат, Брут). К сожалению, собственно средневековых бытовых памятников исследовано немного. Для Пятигорья это городище Указатель, которое исследовала В.Б. Ковалевская (Ковалевская, 2005. С. 125–128), и городище Горное Эхо (раскопки И.А. Аржанцевой). Оба памятника датируются в пределах VI–IX (X) вв. н.э. и, кажется, не имеют находок стакановидных предметов [3]. Не было их также и в средневековом слое Татарского городища на окраине

[3] Относительно городища Горное Эхо могу говорить уверенно. Автор сердечно благодарен автору раскопок И.А. Аржанцевой за информацию (письмо от 10.03. 2018 г).

Ставрополя (Березин, Каминский, Малашев, 2012. С. 58–62). Впрочем, на данном городище этих предметов не было и в слое сарматского времени, что вполне естественно, учитывая отсутствие на Татарском городище аланского керамического комплекса как такового (Березин, Каминский, Малашев, 2012. С. 55). На сегодняшний день время интенсивного использования керамических стакановидных предметов представляется тесно связанным со временем существования раннеаланского культурного феномена, то есть со II–IV вв. н.э.

Любопытный сюжет, связанный со стакановидными предметами, просматривается на материалах Кисловодской котловины в широком смысле (внутренних районов Пятигорья, по терминологии В.Ю. Малашева). Согласно подсчетам Д.С. Коробова, основанных на тщательных многолетних исследованиях, для периода II–IV вв. н.э. в Кисловодской котловине обнаружено 73 укрепления и поселения (Коробов, 2017. Т. 1. С. 234). При этом только на одном (!) памятнике (укрепление Долина Очарования) среди подъемного материала был обнаружен один фрагмент стакановидного предмета[4]. Следует также учесть, что укрепления Боргустанское 4, Подкумское 2, поселение Кабан-Гора, кроме сбора подъемного материала, подвергались достаточно обширной шурфовке (С.Л. Дударев, Д.С. Коробов) (Коробов, 2017. Т. 2. С. 20–25; 45–55; 257–260). В тоже самое время, севернее и восточнее, на ряде поселений раннеаланской культуры, расположенных по долинам степных речек Подкумок, Кума, Золка, Кура, Этока, стакановидные предметы – обычная находка, в том числе и в целом виде (Дорофеев, Фоменко, 2000. С. 31–33). Подобная ситуация может быть связана с существованием во внутренних районах Пятигорья достаточно самостоятельной группы памятников Подкумок – Хумара (по В.Ю. Малашеву), отличающихся от раннеаланской культуры Центрального Предкавказья и, возможно, имевших несколько иные производственные традиции (Габуев, Малашев, 2009. С. 157). Проникновение носителей раннеаланской культуры в Пятигорье шло с северо-востока, что хорошо совпадает с находкой фрагмента стакановидного предмета на укреплении Долина Очарования, находящегося как раз на северо-восточной окраине ареала внутренних районов Пятигорья.

[4] Устная информация С.Н. Савенко; моя искренняя благодарность Сергею Николаевичу.

Вероятно, стакановидные предметы были частью какого-то технологического процесса, возникшего вместе с раннеаланским культурным комплексом. После оформления средневековой аланской культуры этот процесс стал малозначимым, и находки стакановидных предметов очень редки. Фрагмент одного из них был найден В.Ю. Малашевым в центральном Дагестане в комплексе эпохи позднего средневековья (Малашев, 2016. С. 22; 31. Рис. 89, № 2; 90, № 2)[5].

Окончательный ответ об их назначении, вероятно, могут дать только находки этих предметов в момент использования. Может быть, это удалось сделать В.Б. Виноградову во время раскопок Алхан-Калинского городища, но он предпочел иную версию истолкования ситуации.

Изложенные выше соображения позволяют мне считать, что ситуация с культовыми сосудами-курильницами является типичным современным археологическим мифом. Он возник из неправильного истолкования неполной и вторичной информации. Далее последовало неоднократное повторение идеи, поддержанное достаточно авторитетными учеными. В результате она приобрела статус аксиомы. Исследования последних десятилетий начали подтачивать этот статус. Хотелось, чтобы вскрытие корней данного мифа ускорило данный процесс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.П. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989 (Археология СССР). С. 268–282.

Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М.: Наука, 1993. 240 с.

Аржанцева И.А., Деопик Д.В. Зилги – городище начала I тысячелетия н.э. на стыке степи и предгорий в Северной Осетии // Ученые записки комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока всесоюзной ассоциации востоковедов. М.: Наука, 1989. С. 75–107.

[5] Искренне благодарен В.Ю. Малашеву за подсказку о находках стакановидных предметов вне раннеаланского контекста и возможность сослаться на его находку.

Арсеньева Т.М. Лепная керамика Танаиса. I. Открытые сосуды // Древности Нижнего Дона. М.: АН СССР, 1965 (МИА; № 127). С. 169–201.

Багдасарян А.А. Вписан в историю пятигорского краеведческого музея. Николай Михайлович Егоров – каким мы его знали до 2012 года // Третий Кавминводский межрегиональный музейно-научный семинар памяти краеведов: материалы заседаний, 1–2 декабря 2016 г. Пятигорск: Печатный Двор, 2017. С. 34–37.

Байбик В.Д., *Виноградов В.Б.*, *Гантимурова Т.М.*, *Магомадов И.Д.* Заметки о древней культовой керамике из памятников археологии Чечено-Ингушетии // Археолого-этнографический сборник. Т. III. Грозный, 1969. С. 80–94.

Березин Я.Б. Отчет об археологических раскопках поселения и укрепления Энергетик на территории г. Железноводска Ставропольского края в 2001 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 26501, 26502.

Березин Я.Б. Отчет об археологических раскопках городища Новопавловское-1 в Кировском районе Ставропольского края в 2003 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 40501, 40502, 49503.

Березин Я.Б. Отчет о раскопках “Курганный могильник “Константиновский-6”, курганы №1, № 6, “Курганный могильник “Константиновская-11”, курган № 1, “Курганный могильник “Константиновский-4”, курганы №1, №2, №3, №4, №5, №6, “Курганный могильник “Константиновский-5”, курганы № 3, № 4, “Поселение “Константиновская-1”, “Курганный могильник “Константиновская-10”, курган № 1, “Курганный могильник “Балка Звериная-1”, курган №1 в Предгорном районе Ставропольского края в зоне строительства и реконструкции автомобильной дороги М-29 “Кавказ” из Краснодара (от Павловской) через Грозный, Махачкалу до границы с Азербайджанской Республикой на участке км 368+000 – км 387+000 в 2018 г. [Рукопись].

Березин Я.Б., *Каминский В.Н.*, *Малашев В.Ю.* Татарское городище и формирование памятников типа Татарка – Вербовка. М.: Таус, 2012. 206 с.

Березин Я.Б., *Колесниченко К.Б.* Хозяйственные ямы поселения Энергетик // Седьмые Прозрителевские чтения: сб. материалов межрегион. науч.-практ. конф. (22–23 ноября 2012 г.). Ставрополь: Ставропольский гос. историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник, 2013. С. 154, 155.

Березин Я.Б., *Швырёва А.К.* Фауна поселения “Энергетик” II – IV вв. н.э. на Пятигорье // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VII. М.: Памятники исторической мысли, 2007. С. 208–217.

Виноградов В.Б. Через хребты веков. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1970. 160 с.

Виноградов В.Б. Военно-фортификационные аргументы Алхан-Калинского Магаса (актуальный конспект) // МИАСК. Вып. 2. Армавир, 2003. С. 99–104.

Габуев Т.А., *Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус, 2009 (МИАР; № 11). 465 с.

Гончарова С.А., *Широченко Э.Б.*, *Харченко М.В.*, *Гончаров М.Ю.*, *Масловский А.Н.*, *Минаев А.П.*, *Юдин Н.И.* Археологические исследования в городе Азове в 2013–2014 годах // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. Вып. 29: ... в 2013–2014 гг. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2016. С. 50–126.

Гугуев Ю.К., *Малашев В.Ю.*, *Рылов В.Г.* Керамический импорт из Центрального Предкавказья в Танаисе в середине III в. н.э. (по результатам минералого-петрографических исследований) // НАВ. 2017. Т. 16, № 1. С. 45–61.

Деопик Д.В. Керамика Центрального Предкавказья в I–IV вв. н.э. по материалам городища Зилги (Северная Осетия) // Материальная культура Востока. Ч. II. М.: Наука, 1988. С. 171–220.

Дорофеев Г.Л., *Фоменко В.А.* Находки из окрестностей города Георгиевска // Из истории народов Северного Кавказа. Вып. 3. Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2000. С. 31–33.

Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ОНТИ ПНЦ РАН, 2005. 395 с.

Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М.: Наука, 1998 (САИ; В2–5). 200 с.

Коробов Д.С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э.: в 2 т. М.; СПб: Нестор-История, 2017. 2 т.

Кузнецов В.А. Некоторые вопросы этногенеза осетин по данным средневековой археологии // Происхождение осетинского народа: материалы науч. сессии, посвящ. проблемам этногенеза осетин (1966 г.). Орджоникидзе: Северо-Осетинское кн. изд-во, 1967. С. 42–65.

Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе: Ир, 1984. 302 с.

Кузнецов В.А. Аланы и Кавказ. Осетинская эпопея обретения родины. Владикавказ: Проект-Пресс, 2014. 160 с.

Малашев В.Ю. Культурная ситуация в центральных районах Северного Кавказа во II–IV вв. н.э. // Три четверти века. Д.В. Деопику – друзья и ученики / Отв. ред. Н.Н. Бектимирова. М.: Памятники исторической мысли, 2007. С. 487–501.

Малашев В.Ю. Аланская культура Северного Кавказа: проблема ранней государственности у населения региона во II–IVвв. н.э. // КСИА. 2014. Вып. 234. С. 72–83.

Мамаев Х.М. О хронологии Алхан-Калинского городища // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. Владикавказ, 2008. С. 239–241.

Мамаев Х.М. К историко-культурной интерпретации Алхан-Калинского городища (археологические реалии) // Северо-Кавказский город в региональном историческом процессе: материалы междунар. конф. (18–19 сентября 2012 г.). Каспийск; Махачкала, 2012. С. 239–241.

Рунич А.П. Сарматские катакомбы на берегу р. Юцы // СА. 1961. № 1. С. 266–270.

Фоменко В.А. Об одном типе северокавказских керамических сосудов сарматского времени (стакановидные курильницы) // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения: материалы междунар. науч. конф. Грозный: Чеченский гос. ун-т, 2016. С. 175–176.

Arzhantseva I., *Deopik D.*, *Malashev V.* Zilgi: An Early Alan Proto-City of the First Millennium AD on the boundary between Steppe and Hill Country // Les Sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'antiquité tardive et le haut Moyen-Age. Leiden; Boston: Brill, 2000 (Colloquia Pontica. V. 5). P. 211–250.

Egorov N.M. Gefesse von Jusk // ESA. Bd. 5. 1930. S. 48–52.

ABOUT CYLINDER CERAMIC OBJECTS FROM CENTRAL CISCAUCASIA OF THE FIRST HALF OF THE 1st mill. AD

Yakov B. Berezin

Research Institute and Museum of Anthropology at Moscow State University, Moscow, Russia

E-mal: yakov_berezin@mail.ru

The article is devoted to one type of ceramic objects – the so-called incense burners, typical of the Early Alan culture in the Central Ciscaucasia of the 2nd – 4th centuries AD. In the archaeological literature of the 20th century there was formed a version about their functioning as ritual vessels in ancient times. Over the past decades, experts have been leaning towards the idea that these vessels could be connected to certain technological purposes, most likely related to the production of ceramics. The author, based on archival materials from the funds of the Pyatigorsk Museum of Local Lore, shows that the version about the cult purpose of this type of ceramics arose from the initially incomplete and indirect data, subsequently misinterpreted, and presents a modern archaeological myth.

Keywords: the Central Ciscaucasia, the Early Alan culture, cylinder ceramic object, incense burner, archaeological myth.

REFERENCES

Abramova M.P., 1989. Central Caucasus in the Sarmatian period. *Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya* [*Steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian period*]. Moscow: Nauka, pp. 268–282. (Arkheologiya SSSR). (In Russ.)

Abramova M.P., 1993. Tsentral'noye Predkavkaz'ye v sarmatskoye vremya (III v. do n.e. – IV v. n.e.) [Central Ciscaucasia in the Sarmatian period (the 3rd century BC – the 4th century AD)]. Moscow: Nauka. 240 p.

Arsen'yeva T.M., 1965. Tanais handmade pottery. I. Open vessels. *Drevnosti Nizhnego Dona* [*Antiquities of the Lower Don*]. Moscow: AN SSSR, pp. 169–201. (MIA, 127). (In Russ.)

Arzhantseva I.A., *Deopik D.V.*, 1989. Zilgi – a fortified settlement of the early 1st millennium AD on the boundary between steppe and piedmont in North Ossetia. *Uchenyye zapiski komissii po izucheniyu pamyatnikov tsivilizatsiy drevnego i srednevekovogo Vostoka vsesoyuznoy assotsiatsii vostokovedov* [*Transactions of the Commission for studying the sites of of the ancient and medieval Oriental civilizations under the All-Union Association*

of Orientalists]. Moscow: Nauka, pp. 75–107. (In Russ.)

Arzhantseva I., *Deopik D.*, *Malashev V.*, 2000. Zilgi: an Early Alan Proto-City of the First Millennium AD on the boundary between Steppe and Hill Country. *Les Sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'antiquité tardive et le haut Moyen-Age*. Leiden; Boston: Brill. P. 211–250. (Colloquia Pontica; vol. 5).

Bagdasaryan A.A., 2017. Enscribed in the history of the Pyatigorsk Museum of Local Lore. Nikolay M. Egorov as we knew him until 2012. *Tretiy Kavminvodskiy mezhregional'nyy muzeyno-nauchnyy seminar pamyati krayevedov: materialy zasedaniy, 1–2 dekabrya 2016 g.* [*The 3rd Caucasian Spas Interregional Museum and Scientific Seminar in memory of local history experts: proceedings of the meetings, December 1–2, 2016*]. Pyatigorsk: Pechatnyy Dvor, pp. 34–37. (In Russ.)

Baybik V.D., *Vinogradov V.B.*, *Gantimurova T.M.*, *Magomadov I.D.*, 1969. Notes on ancient cult pottery from the archaeological sites Checheno-Ingushetia. *Arkheologo-etnograficheskiy sbornik* [*Archaeological and ethnographic collection of articles*], III. Groznyy, pp. 80–94. (In Russ.)

Berezin Ya.B. Otchet o raskopkakh "Kurgannyy mogil'nik "Konstantinovskiy-6", kurgany №1, № 6, "Kurgannyy mogil'nik "Konstantinovskaya-11", kurgan 1, "Kurgannyy mogil'nik "Konstantinovskiy-4", kurgany 1, 2, 3, 4, 5, 6, "Kurgannyy mogil'nik "Konstantinovskiy-5", kurgany 3, 4, "Poseleniye "Konstantinovskaya-1", "Kurgannyy mogil'nik "Konstantinovskaya-10", kurgan № 1, "Kurgannyy mogil'nik "Balka Zverinaya-1", kurgan №1 v Predgornom rayone Stavropol'skogo kraya v zone stroitel'stva i rekonstruktsii avtomobil'noy dorogi M-29 "Kavkaz" iz Krasnodara (ot Pavlovskoy) cherez Groznyy, Makhachkalu do granitsy s Azerbaydzhanskoy Respublikoy na uchastke km 368 000 – km 387 000 v 2018 g. (Rukopis') [Report on the excavations "Mound cemetery Konstantinovsky-6, mounds 1, 6", "Mound cemetery Konstantinovskaya-11, mound 1", "Mound cemetery Konstantinovsky-4, mounds 1, 2, 3, 4, 5, 6", "Mound cemetery Konstantinovsky-5, mounds 3, 4", "The settlement Konstantinovskaya-1", "Mound cemetery Konstantinovskaya-10, mound 1", "Mound cemetery Balka Zverinaya-1, mound 1" in Predgorny district of Stavropol Territory in the area of construction and reconstruction of M-29 Kavkaz highway from Krasnodar (from Pavlovskaya) through Grozny, Makhachkala to the border with the Republic of Azerbaijan on the section 368 + 000km – 387 + 000 km in 2018. (Manuscript)].

Berezin Ya.B. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh gorodishcha Novopavlovskoye-1 v Kirovskom rayone Stavropol'skogo kraya v 2003 g. [Report on the archaeological excavations of the Novopavlovskoye-1 fortified settlement in Kirov district of Stavropol Territory in 2003]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk* [*Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences*], R-1, № 40501, 40502, 49503. (Unpublished)

Berezin Ya.B. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh poseleniya i ukrepleniya Energetik na territorii g. Zheleznovodska Stavropol'skogo kraya v 2001 g. [Report on the archaeological excavations of the settlement and fortifications of Energetik on the territory of Zheleznovodsk of Stavropol Territory in 2001]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk* [*Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences]*, R-1, № 26501, 26502. (Unpublished)

Berezin Ya.B., *Kaminskiy V.N.*, *Malashev V.Yu.*, 2012. Tatarskoye gorodishche i formirovaniye pamyatnikov tipa Tatarka – Verbovka [The fortified settlement of Tatarka and the formation of Tatarka – Verbovka type of sites]. Moscow: Taus. 206 p.

Berezin Ya.B., *Kolesnichenko K.B.*, 2013. The household pits of the Energetik settlement. Sed'myye *Prozritelevskiye chteniya: sbornik materialov mezhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (*2012*) [*The 7th Prozritelev Readings: Proceedings of the Interregional scientific and practical conference* (*2012*)]. Stavropol': Stavropol'skiy gos. istoriko-kul'turnyy i prirodno-landshaftnyy muzey-zapovednik, pp. 154–155. (In Russ.)

Berezin Ya.B., *Shvyreva A.K.*, 2007. The fauna of the settlement Energetic of the 2nd – 4th centuries AD on Pyatigorye. *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza* [*Materials for studying the historical and cultural heritage of the North Caucasus*], VII. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 208–217. (In Russ.)

Deopik D.V., 1988. Pottery of the Central Ciscaucasia in the 1st – 4th centuries AD based on the fortified settlement of Zilgi (North Ossetia). *Material'naya kul'tura Vostoka* [*Material Culture of the Orient*], II. Moscow: Nauka, pp. 171–220. (In Russ.)

Dorofeyev G.L., *Fomenko V.A.*, 2000. Finds from the vicinity of the town of Georgievsk. *Iz istorii narodov Severnogo Kavkaza* [*From the history of the North Caucasian peoples*], 3. Stavropol': Izdatel'stvo Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 31–33. (In Russ.)

Egorov N.M., 1930. Gefesse von Jusk. *ESA*, 5, pp. 48–52.

Fomenko V.A., 2016. On one type of the North Caucasian ceramic vessels of the Sarmatian period (cylindrical incense burners). *Izucheniye i sokhraneniye arkheologicheskogo naslediya narodov Kavkaza. XXIX Krupnovskiye chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [*Study and Preservation of the Archaeological Heritage of the Caucasian Peoples. The 29th Krupnov Readings:*

Proceedings of the International Scientific Conference]. Groznyy: Chechenskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 175–176. (In Russ.)

Gabuyev T.A., *Malashev V.Yu.*, 2009. Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza [The early Alan sites of the central regions of the North Caucasus]. Moscow: Taus. 465 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii, 11).

Goncharova S.A., *Shirochenko E.B.*, *Kharchenko M.V.*, *Goncharov M.Yu.*, *Maslovskiy A.N.*, *Minayev A.P.*, *Yudin N.I.*, 2016. Archaeological research in the town of Azov in 2013–2014. *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu* [*Historical and archaeological research in the town of Azov and on the Lower Don*], 29 (2013–2014). Azov: Izdatel'stvo Azovskogo muzeya-zapovednika, pp. 50–126. (In Russ.)

Guguyev Yu.K., *Malashev V.Yu.*, *Rylov V.G.*, 2017. Imported pottery from Central Ciscaucasia in Tanais in the middle 3rd century AD (based on the results of mineralogical and petrographic research). *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [*The Lower Volga Archaeological Bulletin*], vol. 16, no. 1. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 45–61. (In Russ.)

Korobov D.S., 2017. Sistema rasseleniya alan Tsentral'nogo Predkavkaz'ya v I tys. n.e. [The settling system of the Alans in the Central Ciscaucasia in the 1st millennium AD]. Moscow: Nestor-Istoriya. 2 vols.

Kovalevskaya V.B., 2005. Kavkaz – skify, sarmaty, alany. I tys. do n.e. – I tys. n.e. [The Caucasus – Scythians, Sarmatians, Alans. The 1st millennium BC – the 1st millennium AD]. Moscow: Otdel nauchno-tekhnicheskoy informatsii Pushchinskogo nauchnogo tsentra RAN. 395 p.

Kozenkova V.I., 1998. Material'naya osnova byta kobanskikh plemen. Zapadnyy variant [Material basis of everyday life of the Koban tribes. Western version]. Moscow: Nauka. 200 p. (SAI, V2–5).

Kuznetsov V.A., 1967. Some issues of the ethnogenesis of the Ossetians based on the medieval archaeology data. *Proiskhozhdeniye osetinskogo naroda: materialy nauchnoy sessii, posvyashchennoy problemam etnogeneza osetin* (*1966 g.*) [*Origin of the Ossetian people: Proceedings of the scientific session on the issues of the Ossetian ethnogenesis* (*1966*)]. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoye knizhnoye izdatel'stvo, pp. 42–66. (In Russ.)

Kuznetsov V.A., 1984. Ocherki istorii alan [Studies on the history of the Alans]. Ordzhonikidze: Ir. 302 p.

Kuznetsov V.A., 2014. Alany i Kavkaz. Osetinskaya epopeya obreteniya rodiny [Alans and the Caucasus. Ossetian epic of finding a homeland]. Vladikavkaz: Proyekt-Press. 160 p.

Malashev V.Yu., 2007. The cultural situation in the central regions of the North Caucasus in the 2nd – 4th centuries AD. *Tri chetverti veka. D.V. Deopiku – druz'ya i ucheniki* [*Three quarters of the century of D.V. Deopik – friends and students*]. N.N. Bektimirova, ed. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 487–501. (In Russ.)

Malashev V.Yu., 2014. The Alanian culture of the North Caucasus: the question of the early state formations among the population of the region in the 2nd – 4th cc. AD. *KSIA* [*Brief Communications of the Institute of Archaeology*], 234, pp. 72–83. (In Russ.)

Mamayev Kh.M., 2008. On the chronology of the Alkhan-Kala fortified settlement. *Otrazheniye tsivilizatsionnykh protsessov v arkheologicheskikh kul'turakh Severnogo Kavkaza i sopredel'nykh territoriy. Yubileynyye XXV Krupnovskiye chteniya po arkheologii Severnogo Kavkaza: tezisy dokladov* [*Reflection of civilization processes in the archaeological cultures of the North Caucasus and the adjacent territories. The 25th Anniversary Krupnov Readings on the Archaeology of the North Caucasus: Abstracts*]. Vladikavkaz, pp. 239–241. (In Russ.)

Mamayev Kh.M., 2012. On the historical and cultural interpretation of the Alkhan-Kala fortified settlement (archaeological realia). *Severo-Kavkazskiy gorod v regional'nom istoricheskom protsesse: materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [*The North Caucasian town in the regional historical process: Proceedings of the International conference*]. Kaspiysk; Makhachkala, pp. 239–241. (In Russ.)

Runich A.P., 1961. Sarmatian catacombs on the Yutsy river bank. Sovet. Arkh., 1, pp. 266–270. (In Russ.)

Vinogradov V.B., 1970. Cherez khrebty vekov [Through the ranges of centuries]. Groznyy: Checheno-Ingushskoye knizhnoye izdatel'stvo. 160 p.

Vinogradov V.B., 2003. Military fortification arguments of Alkhan-Kala Magas (topical synopsis). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [*Materials and research on the archaeology of the North Caucasus*], 2. Armavir, pp. 99–104. (In Russ.)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2019, № 1, с. 60–72

ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЙ И ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФОРМ ГЛИНЯНЫХ СОСУДОВ ПОДБОЛОТЬЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА

© 2019 г. П.Р. Холошин

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: Paul.R.Kho@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.06.2018 г.

В статье приводятся результаты изучения форм глиняных сосудов из погребений Подболотьевского могильника племени мурома VII–XI вв. Исследование форм сосудов проводилось в рамках историко-культурного подхода, включая анализ общей пропорциональности, естественной структуры и объема сосудов. Для определения динамики изменения культурных традиций населения, оставившего могильник, были рассмотрены планиграфические группы погребений, отличающиеся в культурном и хронологическом плане. В результате выявлены традиции, преобладавшие среди муромских гончаров до начала регулярных контактов с пришлым древнерусским населением, традиции, привнесенные пришлым населением, а также прослежены особенности смешения этих традиций на позднем этапе функционирования могильника.

Ключевые слова: мурома, поволжские финны, погребальный обряд, керамика, формы сосудов, историко-культурный подход.

DOI: 10.31857/S086960630004117-7

Подболотьевский могильник находится на окраине современного г. Муром (Владимирская обл.) и дважды был объектом масштабных археологических исследований (раскопки 1910 г. под руководством В.А. Городцова и раскопки 2012–2014 гг. под руководством О.В. Зеленцовой (ИА РАН)). Могильник отнесен исследователями к племени мурома и датирован VII–XI вв. (Зеленцова, 2014. С. 219, 220).

Предметом специального изучения в данной работе стали формы глиняных сосудов, происходящих из этого могильника. Сегодня наиболее полное исследование форм муромской посуды принадлежит В.В. Гришакову, изучавшему сосуды Малышевского и Чулковского могильников с применением кластерного анализа (Гришаков, 1993). Он выявил некоторые общие тенденции смены выделенных им типов посуды, характерной для так называемого нижнеокского культурного очага. Однако типологии, разработанной В.В. Гришаковым, присущ некоторый схематизм (возможно, связанный с широким хронологическим, территориальным и культурным охватом его исследования), уже отмечавшийся исследователями (Бейлекчи, 2005. С. 30). Разнообразие форм лепной муромской керамики требует дальнейшего изучения. Для получения из этого разнообразия достоверной информации о гончарных традициях муромского населения наиболее перспективен, на наш взгляд, историко-культурный подход к изучению гончарства.

Для историко-культурной интерпретации результатов изучения керамики из погребений Подболотьевского могильника важен тот факт, что вся она относится к доремесленной эпохе развития гончарства, поскольку представлена сосудами, изготовленными без использования гончарного круга. Такая посуда распространялась почти исключительно в рамках тех же самых коллективов, где она и производилась, то есть в среде очень близкого в культурном отношении населения (Бобринский, 1978. С. 26–34). Это позволяет достаточно строго использовать полученные в результате ее изучения данные для реконструкции не только истории самой керамики, но и истории населения, которое ее производило и использовало в быту и погребальной практике.

В данной статье делается попытка проследить некоторые особенности форм глиняных сосудов в разные периоды истории могильника, опираясь на современные сведения о его хронологии и планиграфии.

Специальному изучению были подвергнуты формы 223 целых сосудов из раскопок 2012–2014 гг.[1] В работе были применены методы историко-культурного подхода к изучению форм сосудов, разработанные А.А. Бобринским (Бобринский, 1986) и Ю.Б. Цетлиным (Цетлин, 2014; 2018).

В статье рассматриваются следующие вопросы: 1) как менялось во времени количество сосудов в погребениях могильника, 2) как менялась общая пропорциональность и естественная структура форм сосудов, 3) как эти особенности сосудов были связаны с их функциональным назначением (прежде всего, по объему) в разные периоды истории Подболотьевского могильника.

Ранее уже предпринималась попытка выяснить динамику изменений керамических традиций по материалам этого могильника (Цетлин, Холошин, 2017). В результате изучения степени сходства конструкций форм сосудов и степени сформированности их функциональных частей весь материал был распределен по пяти последовательным периодам. Выяснилось, что в среде муромского населения имели место две линии развития культурных традиций: одна была связана с изготовлением сосудов с *плечом*, а другая – сосудов с *предплечьем*. Традиция формирования сосудов с предплечьем постепенно ослабевает во времени, а с плечом, напротив, – усиливается. Под воздействием гончарных традиций пришлого населения начинают преобладать более сложные конструкции форм сосудов, а их общая пропорциональность меняется от “средней/низкой” до “средней”.

Результаты, изложенные ниже, опираются на данные авторов раскопок о хронологии и культурной принадлежности погребений, установленной независимо от изучения керамики, что позволяет существенно дополнить полученные ранее сведения об истории муромских гончарных традиций.

Общая планиграфия и хронология Подболотьевского могильника. На исследованной в 2012–2014 гг. площади могильника зафиксировано 210 погребений. По наблюдениям авторов раскопок они образуют определенные планиграфические группы, которые отличаются по взаимному расположению захоронений и их плотности, а также имеют некоторые особенности в традициях погребального обряда и инвентаре (Зеленцова, Милованов, 2015). В целях исследования комплекса глиняной посуды мы обобщим эти сведения, сопоставив между собой три группы погребений, которые будем условно называть “южной”, “северной” и “центральной” (рис. 1).

Наибольшее число погребений (132) насчитывает так называемая **южная** группа. Погребения в ней ориентированы в основном по линии С–Ю (головой на С) и располагаются преимущественно плотными рядами, вытянутыми в направлении ЗЮЗ–ВСВ, т.е. перпендикулярно ориентации могильных ям. Нередки случаи перекрывания более ранних погребений более поздними. Среди погребений этой группы встречаются как кремации, так и ингумации.

Вторая по массовости условно **северная** группа (56 погребений) отличается более разреженным расположением могил. Организации захоронений в ряды не прослеживается, однако присутствует слабо выраженная планиграфически зональность, которая сочетается с некоторыми различиями в обряде погребения. Среди 27 погребений, расположенных в восточной части этой группы, 11 погребений (41%) содержат остатки кремаций. В западной же части этой группы все 28 погребений совершены по обряду ингумации. Особенностью обряда всей северной группы является также разнообразная ориентация могильных ям, хотя преобладает все же меридиональная.

Наконец, третья группа погребений условно названа **центральной**. Она является самой малочисленной и включает 12 погребений, равномерно расположенных на сравнительно большой площади. 8 захоронений этой группы являются подкурганными (что определено по кольцевым ровикам вокруг могильных ям), кремаций среди них нет, ориентация ям разнообразная. Оставшиеся 4 погребения, видимо, не имели собственных курганных насыпей, однако они расположены на той же территории, что и курганы.

Вне выделенных групп остались еще 10 погребений. Пять из них обнаружены в отдельном небольшом раскопе, достаточно далеко отстоящем к востоку от северной группы и к северу от южной, что затрудняет определение их принадлежности к той или иной из групп. Еще 5 погребений расположены к востоку от центральной группы и

[1] Выражаю глубокую признательность начальнику экспедиции О.В. Зеленцовой и С.И. Милованову за возможность работы с неопубликованными материалами и консультации.

Рис. 1. План Подболотьевского могильника с планиграфическими группами погребений. Условные обозначения: *а* – границы раскопов 2012–2014 гг.; *б* – границы планиграфических групп; *в* – ингумации; *г* – кремации и следы кремации; *д* – курганы.

Fig. 1. Plan view of the Podbolotyevsky burial ground with planigraphic groups of burials

примыкают к границе раскопа. Вероятнее всего, они были связаны с южной группой с плотными рядами захоронений, однако это предположение требует дополнительной аргументации.

Анализ вещевого материала и погребального обряда позволил О.В. Зеленцовой и С.И. Милованову предположить, что планиграфические группы сформировались благодаря последовательному расширению могильника. Так, **южная** группа погребений относится к наиболее раннему этапу существования могильника, датируемому VIII – первой половиной X в. Подкурганные захоронения связываются автором раскопок с пришлым славянским населением и датируются второй половиной X – XI в. В этих же рамках датируется материал **северной** группы погребений (Зеленцова, Милованов, 2015. С. 132).

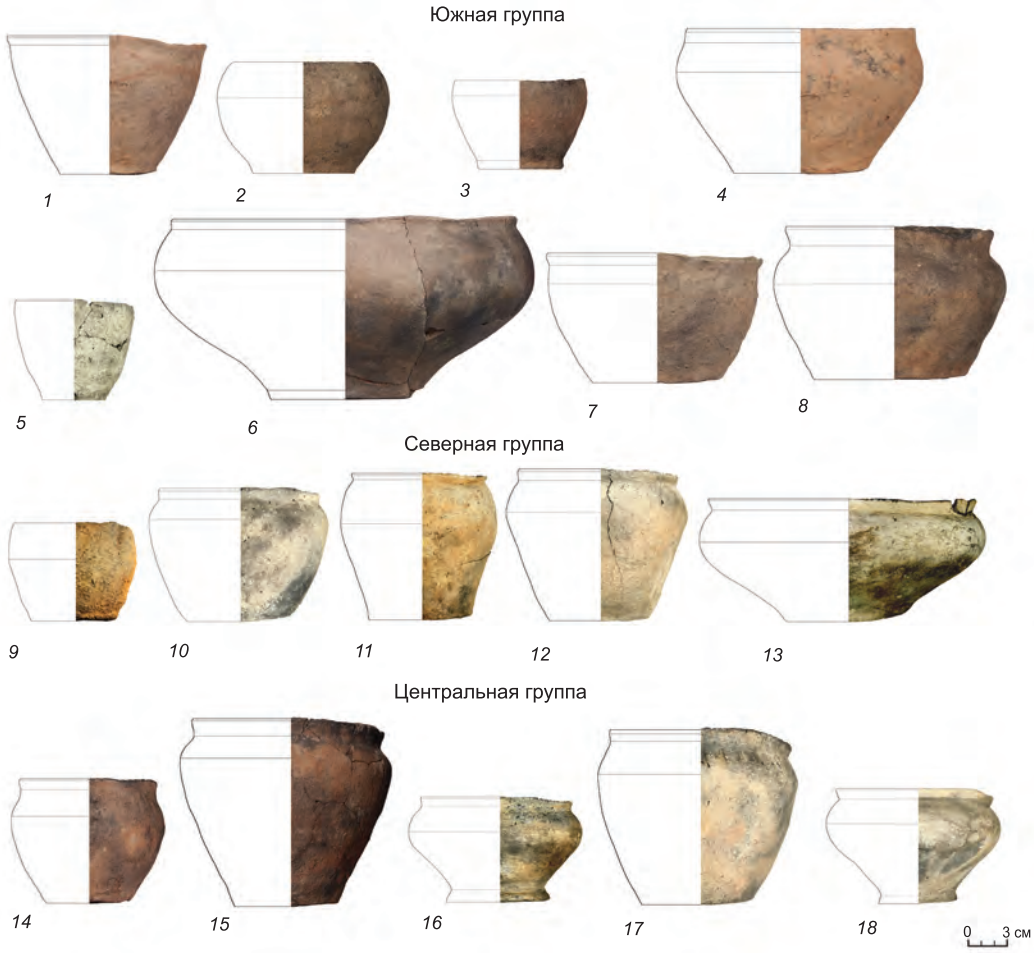


Рис. 2. Примеры сосудов и их конструкции из погребений разных планиграфических групп могильника: южная группа – *1* (погр. 82-1, № 14), *2* (погр. 8, № 1), *3* (погр. 2, № 2), *4* (погр. 63, № 1), *5* (погр. 150, № 11), *6* (погр. 77, № 52), *7* (погр. 39, № 5), *8* (погр. 28, № 1); северная группа – *9* (погр. 191, № 23), *10* (погр. 98, № 7), *11* (погр. 106, № 18), *12* (погр. 107, № 3), *13* (погр. 154, № 42); центральная группа – *14* (погр. 11, № 8), *15* (погр. 11, № 9), *16* (погр. 97, № 16), *17* (погр. 97, № 17), *18* (погр. 95, № 6).

Fig. 2. Examples of vessels and their design from the burials of different planigraphic groups of the burial ground (*1–8* – the southern group, *9–13* – the northern group, *14–18* – the central group)

Таким образом, на могильнике выделяются три планиграфические группы (южная, северная и центральная), относящиеся к двум хронологическим этапам (рис. 2). Анализ сосудов из погребений каждой группы может позволить проследить динамику изменений во времени гончарных традиций муромского населения.

Сравнение планиграфических групп по числу сосудов в одном погребении. Как уже отмечалось, к **южной**, наиболее ранней и многочисленной группе относятся 132 погребения, из которых 57 (43%) вообще не содержали керамических сосудов. В остальных погребениях встречалось либо по одному сосуду – 46 погребений (35%), либо по два сосуда – 25 погребений (19%), либо по 3 сосуда – 3 (2%) погребения. В одном погребении с покойным было положено 4 сосуда (рис. 3, *1*).

В **северной** группе сосуды отсутствуют только в 11 погребениях (20%), по одному сосуду обнаружено в 7 погребениях (12%), по два сосуда – в 27 погребениях (48%), по три сосуда – в 6 погребениях (11%), по четыре – в 5 погребениях (9%) (рис. 3, *2*).

Что касается **центральной** группы, то в 6 погребениях (50%) сосуды отсутствуют, в одном погребении найден один сосуд, а в остальных пяти – по два сосуда (рис. 3, *3*).

Судя по полученным данным, по числу сосудов, сопровождавших покойного, погребальный обряд имел свои особенности в разные

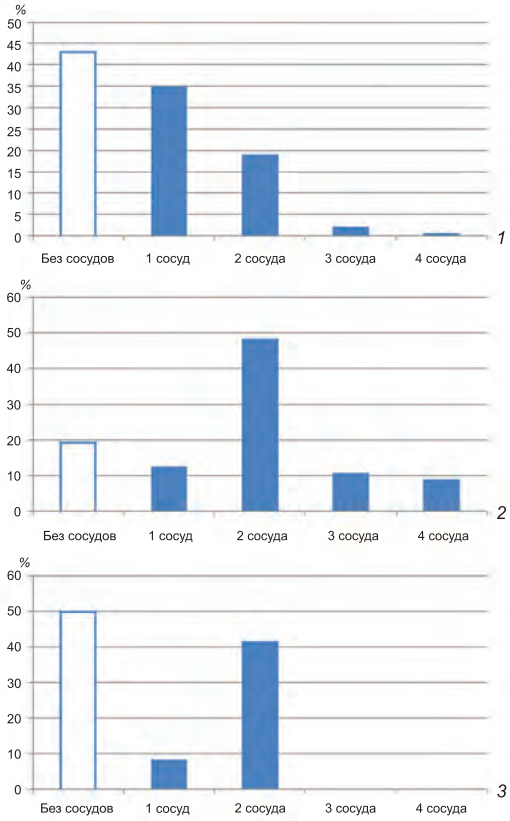


Рис. 3. Количество погребений (в %) с разным числом сосудов в планиграфических группах: южной (*1*), северной (*2*) и центральной (*3*).

Fig. 3. The proportion of burials (in %) with a different number of vessels in the southern (*1*), northern (*2*) and central (*3*) group

хронологические периоды формирования могильника. В **южной** (наиболее ранней) группе керамические сосуды помещались в погребение гораздо реже, чем в более позднее время, и в основном по одному сосуду. В **северной** (более поздней) группе, наоборот, они присутствуют почти во всех погребениях, преимущественно по два, а нередко и в большем количестве. В **центральной** группе, вероятно синхронной **северной** группе, в равной степени представлены погребения вообще без глиняной посуды и с двумя сосудами. В этом она отчасти близка к **северной** группе.

Для конкретизации связей между тремя группами по этому параметру рассчитаем степень сходства между ними по формуле

$$КС=\Sigma K_{min} + M_{min} + ... + N_{min} ,$$

которая подразумевает последовательное суммирование наименьших процентных долей всех параметров двух сравниваемых совокупностей (Телегин, 1977). Выясняется, что коэффициент сходства между группами по числу сосудов в погребениях имеет следующие значения: КС южной и северной групп равен 54%, южной и центральной – 50%, а северной и центральной – 76%, что значительно выше, чем в первых двух случаях.

Общая пропорциональность форм сосудов в разных планиграфических группах могильника. Анализ общей пропорциональности изделий позволяет судить о традиционных представлениях гончаров и потребителей посуды, касающихся соотношения горизонтальных и вертикальных параметров сосудов. Эти аспекты являются наиболее общими в изучении форм сосудов, поэтому они дадут возможность определить степень однородности гончарных традиций в каждой локальной группе могильника, а также выяснить, как менялись эти представления во времени.

Общая пропорциональность рассчитывается как отношение высоты сосуда к максимальному диаметру его тулова или предплечья. На качественном уровне выделяются 5 основных категорий форм (от “низких” до “высоких”) (Цетлин, 2017. С. 154, 155). Для более детального изучения применяется шкала общей пропорциональности (ОПП), состоящая из 57 ступеней. Основная масса сосудов из погребений могильника принадлежит категории “средних/низких” и “средних”, один сосуд относится к “низким” формам (Цетлин, Холошин, 2017. С. 225). Рассмотрим, как сосуды разной общей пропорциональности представлены в различных планиграфических группах погребений.

Южная группа (рис. 4, *1*). Прежде всего следует отметить, что 75% сосудов этой группы по своей общей пропорциональности относятся к категории “средних/низких” и 25% – к категории “средних”, т.е. первые в три раза преобладают. В рамках категории “средних/низких” сосудов три ступени форм по общей пропорциональности представлены одинаково и в целом охватывают 67% всех сосудов этой группы. Таким образом, есть все основания считать, что именно традиции изготовления таких сосудов представляют “культурное лицо” населения, которое хоронило своих покойных в этой части могильника. Сосуды, относящиеся к ступеням 33 и 34 (самым низким из категории “средних” по общей пропорциональности), составляют 23% и, скорее всего, близки к этим же традициям. Оставшиеся 11% сосудов принадлежат разным ступеням

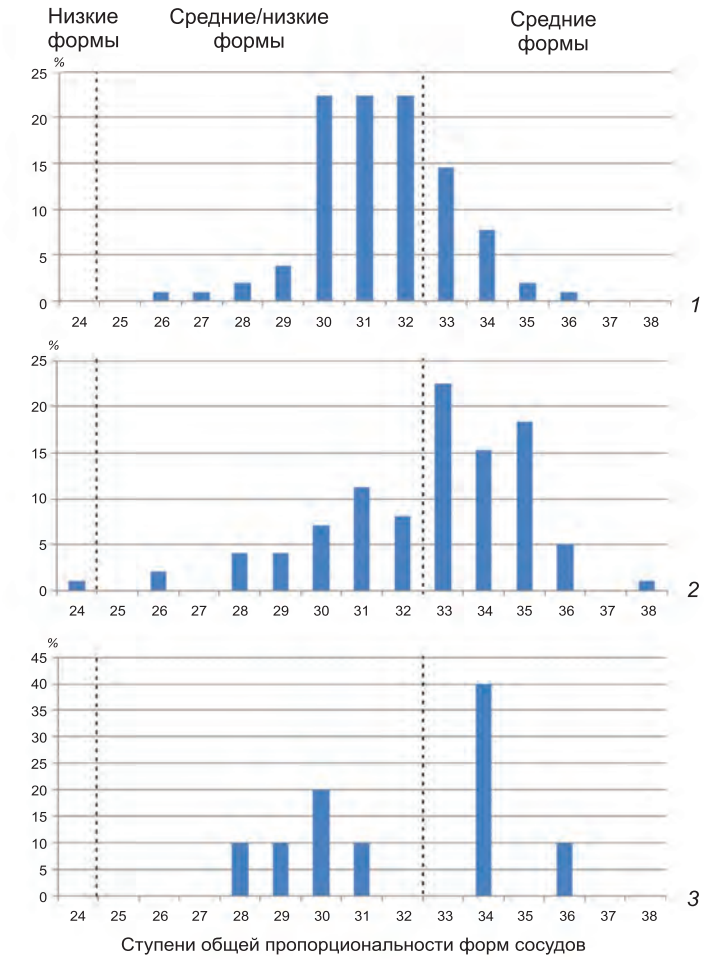


Рис. 4. Общая пропорциональность сосудов в погребениях планиграфических групп: южной (*1*), северной (*2*) и центральной (*3*).

Fig. 4. General proportionality of vessels in the burials of the southern (*1*), northern (*2*) and central (*3*) groups

по общей пропорциональности и представлены единичными экземплярами.

В **северной** группе (рис. 4, *2*) наблюдается совершенно противоположная картина: один сосуд попадает в категорию “низких” форм, 37% сосудов – в категорию “средних/низких” и 62% сосудов – в категорию “средних” по общей пропорциональности. Причем категории “средних/низких” и “средних” заметно отделены друг от друга, хотя больше 70% “средних/низких” сосудов приходится на ступени 30-32, более высокие по общей пропорциональности. В категории “средних” сосудов 90% относится к ступеням 33-35, характеризующим первую половину этого интервала. Таким образом, в северной группе совершенно очевидно проявляются, как минимум, две разных традиции форм сосудов по общей пропорциональности. Нужно отметить, что отдельные сосуды выходят далеко за пределы намеченных традиций (ступени 24, 26, 38).

Любопытно, что по материалам **центральной** группы (рис. 4, 3), несмотря на ее малочисленность, эти две традиции проявляются с еще большей определенностью: по 50% сосудов относится к категориям “средней/низкой” (ступени 28-31) и “средней” (ступени 34 и 36) общей пропорциональности.

Таким образом, южная группа представляется наиболее монолитной в культурном отношении. По всей видимости, эти представления об общей пропорциональности форм сосудов можно связывать с культурными традициями древней муромы. В северной и центральной группах, наряду с носителями муромской традиции, напротив, совершенно очевидно проявляются носители какой-то

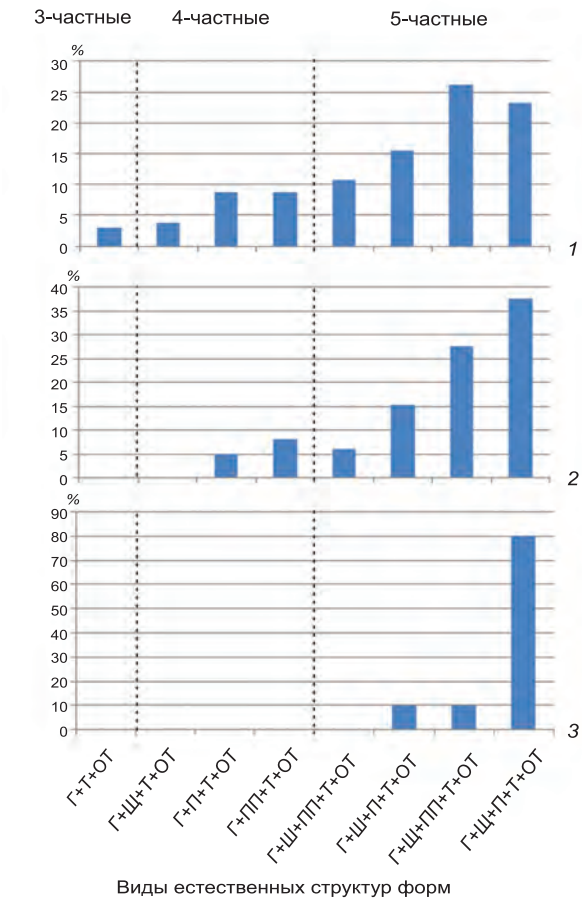


Рис. 5. Соотношение сосудов разных конструкций в погребениях планиграфических групп: южной (*1*), северной (*2*) и центральной (*3*).

Fig. 5. The ratio of vessels of different designs in the burials of the southern (*1*), northern (*2*) and central (*3*) groups

другой (возможно, древнерусской) культурной традиции, изготавливавшие сосуды “средних” пропорций. Важно подчеркнуть, что сосудов “средних” пропорций (ступени 34 и 36), характерных для северной группы, очень мало в погребениях южной группы.

Если сравнить три группы могильника между собой по особенностям общей пропорциональности сосудов с помощью коэффициента сходства, то мы получим следующие результаты: южная и северная группы сходны на 59%, северная и центральная – на 46%, южная и центральная – на 45%. Из этого следует, что несмотря на различия, северная и южная группы демонстрируют между собой большую близость, чем центральная группа с каждой из них.

Особенности конструкций форм сосудов в разных планиграфических группах могильника. Изучение естественной структуры, или конструкции, форм сосудов требует определения функциональных частей, из которых состоит форма, и границы которых выделяются на контуре сосуда точками приложения гончаром акцентированных физических усилий.

По материалам могильника зафиксировано восемь видов форм сосудов по их естественной структуре (Цетлин, Холошин, 2017. С. 225):

Г (губа) + Т (тулово) + ОТ (основание тулова) – 4 сосуда – 1.8 %;

Г+Щ (щека)+Т+ОТ – 2 сосуда – 1.0 %;

Г+П (плечо)+Т+ОТ – 16 сосудов – 7.2 %;

Г+ПП (предплечье)+Т+ОТ – 19 сосудов – 8.7 %;

Г+Ш (шея)+ПП+Т+ОТ – 17 сосудов – 7.5 %;

Г+Ш+П+Т+ОТ – 34 сосуда – 15.3 %;

Г+Щ+ПП+Т+ОТ – 59 сосудов – 26.3 %;

Г+Щ+П+Т+ОТ – 72 сосуда – 32.2 %.

По массовости здесь могут быть намечены три достаточно четких группы конструкций форм. Единичными сосудами представлены виды Г+Т+ОТ и Г+Щ+Т+ОТ (1.0–1.8%), достаточно часто встречаются конструкции видов Г+П+Т+ОТ, Г+ПП+Т+ОТ и Г+Ш+ПП+Т+ОТ (7.2–8.7%), и наиболее массовыми были конструкции форм видов Г+Ш+П+Т+ОТ, Г+Щ+ПП+Т+ОТ и Г+Щ+П+Т+ОТ (15.3–32.2%).

По сложности конструкций самой редкой является 3-частная (1.8%), на втором месте стоят 4-частные конструкции (они составляют в целом 16.9%), а самыми распространенными были сложные 5-частные конструкции форм (в целом к ним относятся 81.3% сосудов).

“Губа”, “тулово” и “основание тулова” присутствуют во всех сосудах. Поэтому особенности набора функциональных частей, из которых состоят сосуды, зависят от наличия или отсутствия четырех остальных функциональных частей: “щеки”, “шеи”, “плеча” и “предплечья”. В материалах Подболотьевского могильника сосуды со щекой встречаются в 59.5% случаев, с шеей – в 22.8, с плечом – в 54.7, с предплечьем – в 42.5% случаев. Среди наиболее массовых 5-частных конструкций сосуды с шеей и плечом составляют 15.3%, со щекой и предплечьем – 26.3% и со щекой и плечом – 32.2%.

Рассмотрим теперь, какие виды конструкций форм сосудов и в каком соотношении присутствуют в каждой из трех планиграфических групп могильника.

В **южной** группе могильника (рис. 5, *1*) зафиксированы все восемь видов конструкций сосудов, причем значительно преобладают сложные 5-частные структуры (76%), среди которых наиболее массовыми являются две: Г+Щ+ПП+Т+ОТ (26%) и Г+Щ+П+Т+ОТ (23%). Важно также отметить, что среди сосудов, имеющих 5-частную структуру, сосуды с плечом и с предплечьем представлены практически одинаково, а сосуды со щекой значительно преобладают (примерно в два раза) над сосудами с шеей.

Северная группа могильника (рис. 5, *2*) отличается наличием сосудов лишь шести видов. Отсутствуют субстратная структура Г+Т+ОТ и 4-частная конструкция Г+Щ+Т+ОТ, т.е. две более простые и наиболее редкие. Соответственно, доля 5-частных структур выросла до 87%. Как и в южной группе, доминирующими являются те же две конструкции: Г+Щ+ПП+ +Т+ОТ (28%) и Г+Щ+П+Т+ОТ (38%), к которым относятся 2/3 сосудов. Кроме того, у 5-частных сосудов северной группы такая функциональная часть, как плечо, встречается в 1.5 раза чаще, чем предплечье, а щека – в три раза чаще, чем шея.

Среди немногочисленных сосудов из **центральной** группы (рис. 5, 3) присутствуют лишь наиболее сложные 5-частные формы трех видов. Причем, только один вид конструкции Г+Щ+П+Т+ОТ является абсолютно преобладающим (80%), а сосуды с предплечьем или с шеей встречаются в единичных случаях.

Теперь сравним между собой все три группы по степени сходства конструкций сосудов, которые ставились в могилы покойных. Выясняется, что по этому параметру сходство между южной и северной группами равно 83%, между южной и центральной группами – 43%, а между северной и центральной – 58%.

Таким образом, сравнивая группы погребений между собой по набору сосудов разных конструкций, можно отметить, что сосуды с тремя или четырьмя функциональными частями (т. е. более простые) преимущественно встречаются в погребениях южной группы (24%), в северной группе они составляют только 13%, а в центральной – совсем отсутствуют. Соответственно, от южной группы к северной и далее к центральной увеличивается доля более сложных 5-частных конструкций (76, 87, 100%). Это определенно указывает на то, что на местное население оказывали влияние некие более развитые инокультурные гончарные традиции. Сосуды этих традиций отличаются, во-первых, более сложными конструкциями, во-вторых, преобладанием таких функциональных частей, как щека и плечо. Наиболее заметно эти традиции представлены среди посуды центральной группы, для которой характерен курганный обряд погребения. Это позволяет предполагать вероятную связь данных традиций с древнерусским населением.

Особенности размера сосудов в разных планиграфических группах могильника. Вполне очевидно, что функциональное назначение сосудов зависит в основном от двух параметров: во-первых, от объема сосуда и, во-вторых, от его конструкции. Поэтому в данном разделе проведен сравнительный анализ этих двух параметров сосудов по каждой из групп могильника. Для оценки объема сосуда использована шкала, разработанная Ю.Б. Цетлиным по этнографическим, письменным и археологическим данным (Цетлин, 2015).

Обнаруженная при раскопках Подболотьевского могильника глиняная посуда распределяется по 6 группам по своему объему (табл. 1).

Приведенные данные показывают, что наиболее широко были распространены сосуды трех групп, которые в целом составляют около 85%. “Малые” и “средние-малые” по объему сосуды, судя по данным этнографии, преимущественно использовались для индивидуального потребления жидкой и твердой пищи, а “средние” по объему сосуды – для индивидуального приготовления пищи (Цетлин, 2017. С. 273, 274).

Рассмотрим, какие особенности по объему имеют сосуды, происходящие из погребения разных групп могильника (табл. 2).

В погребениях **южной** группы могильника наиболее широко были распространены средние по объему сосуды (31%) и практически одинаково встречаются малые и средние-малые сосуды (25–26 %). Для **северной** группы, напротив, более характерны средние-малые (40%) и малые (34%) по объему изделия. В **центральной** группе имеется очень мало посуды, и можно только отметить, что чаще зафиксированы средние (40%) и малые (30%) сосуды. Если сопоставить группы между собой по этому признаку, то выяснится, что наибольшее сходство **южная** группа имеет с **северной** и **центральной** (75–76 %) и менее сходны друг с другом **северная** и **центральная** группы (63%).

Таблица 1. Объем сосудов Подболотьевского могильника

Table 1. The volume of vessels of the Podbolotyevsky burial ground

Группы сосудов по объему	Объем в литрах	Число сосудов	
Очень очень малый	0.097 – 0.137 – 0.194	3	1.4%
Очень малый	0.194 – 0.274 – 0.389	19	9.0%
Малый	0.389 – 0.552 – 0.782	**63**	**30.0%**
Средний-малый	0.782 – 1.105 – 1.565	**66**	**31.5%**
Средний	1.565 – 2.210 – 3.125	**49**	**23.3%**
Средний-большой	3.125 – 4.420 – 6.250	10	4.8%
Итого		210	100.0%

Определенную информацию дает также сопоставление объемов и видов конструкций форм сосудов. Так, например, в **южной** группе наблюдается широкий разброс керамики как по видам конструкций, так и по объему сосудов. Это проявляется в том, что здесь зафиксированы все виды конструкций и все объемные группы посуды. Наиболее массовыми (24% от общего числа) были сосуды двух конструкций Г+Щ+ПП+Т+ОТ (13%) и Г+Щ+ +П+Т+ОТ (11%), причем обе они принадлежат “средним” по объему сосудам (примерно от 1.5 до 3 л).

Несколько иная картина наблюдается в **северной** группе. Там встречены сосуды шесть видов конструкций и отсутствуют изделия “очень очень малого” объема (до 200 мл). Наиболее массовыми здесь были те же две конструкции: Г+Щ+ПП+Т+ОТ (21%) и Г+Щ+П+Т+ОТ (26%). Однако они были представлены не одной, а двумя группами по объему. “Малые” сосуды (от 400 до 800 мл) составляют 20%, а “средние-малые” (от 800 мл до 1.5 л) – 26% от всех сосудов этой группы.

Таблица 2. Распределение сосудов различного объема в планиграфических группах погребений Подболотьевского могильника, %

Table 2. Distribution of vessels with different volumes across planigraphic groups of burials of the Podbolotyevsky burial ground, %

Группы сосудов по объему	Южная группа	Северная группа	Центральная группа
Очень-очень малый	3	–	–
Очень малый	8	9	20
Малый	**26**	**34**	**30**
Средний-малый	**25**	**40**	10
Средний	**31**	14	**40**
Средний-большой	7	3	–
Число сосудов	102	98	10

В **центральной** группе отмечены сосуды только трех видов конструкций, которые единично представлены в разных объемных группах: “очень малые” – два, “малые” – три, “средние-малые” – один и “средние” – четыре сосуда.

На основании этих данных можно говорить, с одной стороны, о сокращении разнообразия видов конструкций форм сосудов, которые

помещали в погребения, а с другой – о некоторой стандартизации используемых сосудов по их объему на позднем этапе.

Погребения могильника, не вошедшие в определенные планиграфические группы. Выше уже отмечалось, что две немногочисленные группы погребений, расположенных отдельно, оказалось сложно по их местоположению отнести к какой-либо из трех основных локальных групп. В данном разделе делается попытка выяснить их принадлежность на основании сравнительного изучения сосудов, найденных в этих погребениях.

Первая группа из 5 погребений (№ 94, 132, 140, 141, 148) расположена компактно к востоку от центральной группы могильника. Из них только в трех (№ 132, 140, 148) обнаружены сосуды: в двух погребениях по одному, а в одном – два. Все сосуды по общей пропорциональности относятся к "средним/низким" (ступени 30-32). Зафиксированы три вида конструкций форм: Г+ПП+Т+ОТ – один сосуд, Г+Щ+ +ПП+Т+ОТ – два сосуда и Г+Щ+П+Т+ОТ – один сосуд. По объему эти сосуды относятся к группам "очень малых" (два), "малых" (один) и "средних" (один) сосудов. С учетом всех отмеченных особенностей сосудов эту группу погребений с большей вероятностью можно отнести к **южной** группе могильника.

Вторая небольшая группа также из 5 погребений (№ 88–91, 93) исследована в раскопе V. В трех погребениях найдены сосуды, причем в двух было по одному, а третьем – четыре сосуда. По общей пропорциональности один сосуд относится к "средним/низким" (ступень 31), а остальные к "средним" (ступени 33-36). Эти шесть сосудов относятся к четырем видам конструкций: Г+Т+ОТ (один), Г+П+Т+ОТ (два), Г+Щ+ПП+Т+ОТ (два) и Г+Щ+П+Т+ОТ (один). По своему объему сосуды принадлежат к группе "очень малых" (два) и "малых" (четыре).

Обобщая все эти данные, можно заключить, что общая пропорциональность этих сосудов больше соответствует **северной** группе погребений, однако разнообразие структур более характерно для **южной** группы. По объему сосудов и их числу в погребениях эта небольшая группа также занимает промежуточное положение. Поэтому однозначно определить место этих погребений пока не представляется возможным.

Подводя итоги изучения форм сосудов и гончарных традиций населения, оставившего Подболотьевский могильник, целесообразно провести сравнительный анализ **южной**, **северной** и **центральной** локально-хронологических групп кладбища по всем исследованным параметрам. Данные для такого сравнительного анализа приведены в табл. 3.

Итак, по числу сосудов в погребении наибольшее сходство зафиксировано между северной и центральной группами могильника (76%), по общей пропорциональности форм сосудов этот показатель не столь высок, но он фиксирует большую близость южной и северной групп (59%), по особенностям конструкций форм сосудов сходство между южной и северной группами значительно выше (83%), по объему сосудов фиксируется практически одинаковая степень сходства южной группы погребений с северной и центральной (76 и 75%). Следовательно, по трем параметрам культурных традиций фиксируется

Таблица 3. Сравнительный анализ степени сходства (КС) планиграфических групп Подболотьевского могильника по разным культурным традициям, %

Table 3. Comparative analysis of the similarity degree among planigraphic groups of the Podbolotyevsky burial ground according to different cultural traditions, %

Степень сходства групп	По числу сосудов в погребении	По общей пропорциональности форм сосудов	По конструкции форм сосудов	По объему сосудов	$КС_{средн.}$
Южная и северная	54	**59**	**83**	**76**	68
Южная и центральная	50	45	43	**75**	53
Северная и центральная	**76**	46	58	63	61

максимальное сходство южной и северной групп, и только по одному параметру – северной и центральной, а также южной и центральной групп. Очевидно, что южная и северная группа погребений наиболее близки между собой в культурном плане и отражают развитие традиций одного населения под влиянием внешних факторов. Это же подтверждается и средним показателем степени сходства: между южной и северной группами оно составляет 68%, между северной и центральной – 61% и между южной и центральной – 53%.

Таким образом, опираясь на сведения об относительной хронологии групп погребений, можно предполагать следующую картину развития гончарных традиций:

На более раннем этапе формирования могильника (**южная** группа погребений) для муромского населения характерно использование посуды в качестве погребального инвентаря примерно в половине случаев, причем, как правило, по одному сосуду в каждом погребении. Наиболее распространена была посуда “средних/низких” пропорций (ступени 30-32). Набор форм представлен конструкциями всех выявленных на могильнике видов. Среди 5-частных конструкций форм в равной мере присутствуют сосуды и с плечом, и с предплечьем. Сосудов со щекой несколько больше, чем сосудов с шеей.

Следующий этап формирования могильника (**северная** группа погребений) зафиксировал изменения в традициях населения и культурном составе гончаров и потребителей посуды. Глиняную посуду в погребения кладут гораздо чаще, причем преимущественно по два сосуда и более. Общая пропорциональность форм сосудов также меняется: наряду с использованием сосудов “средних/низких” пропорций, доминирующими становятся более высокие горшки “средних” пропорций, составляющие более половины всей посуды. Кроме этого, появляются более низкие, мисковидные сосуды. По особенностям конструкции форм подавляющее большинство сосудов относятся к более сложным 5-частным, явно преобладают сосуды с плечом и со щекой. Изменения относительно более раннего комплекса проявились в уменьшении доли сосудов с плавными очертаниями, т.е. с такими функциональными частями, как шея и предплечье, и в соответствующем увеличении доли сосудов с более выраженной профилировкой дополнительных функциональных частей.

На этом фоне особенно интересны культурные традиции гончаров, чья посуда была найдена в погребениях **центральной** группы, предположительно сформировавшейся на том же этапе, что и северная. По всей видимости, они не связаны с муромскими традициями, зафиксированными в погребениях южной и отчасти северной групп. Среди этой посуды представлены формы как более низкие, чем традиционно муромские, так и более высокие. Конструкции форм относятся исключительно к 5-частным с явным преобладанием сосудов с выраженной профилировкой: формы с плечом и щекой.

Эти результаты не противоречат, а в основных положениях подтверждают и дополняют выводы, полученные об относительной хронологии сосудов по особенностям их формы (Цетлин, Холошин, 2017). Обобщая все полученные сведения, можно заключить, что население, оставившее более ранние погребения Подболотьевского могильника, обладало особым комплексом культурных традиций в гончарстве. Его характеризуют разнообразие конструкций и используемых объемов сосудов при довольно близких представлениях населения об их общей пропорциональности. Видимо, эти черты связаны со сложным по своему происхождению культурным составом собственно муромского населения. На следующем этапе оно испытывает влияние и, вероятно, включение в свою среду носителей иных традиций: пришлого (скорее всего, древнерусского) населения, следовавшего курганному обряду погребения покойных. В результате этого смешения происходит вытеснение ряда конструкций сосудов и некоторая стандартизация их объема, но в то же время появляется несколько новых устойчивых категорий сосудов по общей пропорциональности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бейлекчи В.В. Древности Нижнего Поочья (погребальный обряд и поселения летописной муромы): учебное пособие. М.: Изд-во МПСИ, 2005. 275 с.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тыс.: межвуз. сб. ст. Куйбышев, 1986. С. 137–157.

Гришаков В.В. Керамика финно-угорских племен Правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. Йошкар-Ола: МарГУ, 1993. 195 с.

Зеленцова О.В. Новые исследования Подболотьевского могильника // КСИА. 2014. Вып. 236. С. 219–229.

Зеленцова О.В., *Милованов С.И.* Курганный обряд погребения в Нижнем Поочье в эпоху Средневековья // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. Москва; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 122–134.

Телегин Д.Я. Опыт статистического определения индекса родственности неолитических комплексов по элементам орнамента // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки / Отв. ред. Н.Л. Членова. М.: Наука, 1977. С. 59–64.

Цетлин Ю.Б. Формы сосудов как объект анализа и источник исторической информации // КСИА. 2014. Вып. 236. С. 374–377.

Цетлин Ю.Б. Понятия “качества” для анализа объема сосудов // КСИА. 2015. Вып. 239. С. 393–408.

Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. 346 с.

Цетлин Ю.Б. Об общем подходе и методике системного изучения форм глиняных сосудов // Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2018. С. 124–179.

Цетлин Ю.Б., *Холошин П.Р.* Анализ форм сосудов Подболотьевского могильника во Владимирской области с позиций историко-культурного подхода // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе / Отв. ред.: А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 225–228.

PLANIGRAPHIC AND CHRONOLOGICAL ANALYSIS OF THE SHAPES OF CLAY VESSELS FROM THE PODBOLOTYEVSKY BURIAL GROUND

Pavel R. Kholoshin

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

E-mail: Paul.R.Kho@yandex.ru

The article presents the results of studying the shapes of clay vessels from the Muroma tribe burials of the Podbolotyevsky burial ground of the 7th – 11th centuries. The study of vessel shapes was conducted within the framework of the historical and cultural approach, including the analysis of the overall proportionality, the natural structure and volume of the vessels. To determine the dynamics of changes in the cultural traditions of the population that left the burial ground, planigraphic groups of burials, differing in cultural and chronological terms, were considered. As a result, it was possible to identify the traditions that prevailed among Muroma potters before the beginning of regular contacts with the alien population of Ancient Rus and the traditions introduced by the alien population, as well as to trace the features of mixing of these traditions at the late stage of the burial ground functioning.

Keywords: Muroma, the Volga Finns, burial rite, ceramics, vessel shapes, historical and cultural approach.

REFERENCES

Beylekchi V.V., 2005. Drevnosti Nizhnego Pooch’ya (pogrebal’nyy obryad i poseleniya letopisnoy muromy): uchebnoye posobiye [Antiquities of the Lower Oka region (funeral rite and settlements of the recorded Muroma): Study guide]. Moscow: Izdatel’stvo Moskovskiy psikhologo-sotsial’nyy institut. 275 p.

Bobrinskiy A.A., 1978. Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study]. Moscow: Nauka. 272 p.

Bobrinskiy A.A., 1986. On the methods of studying the shapes of earthernware from archaeological excavations. *Kul’tury Vostochnoy Evropy I tys.: mezhvuzovskiy sbornik statey* [*Cultures of Eastern Europe of the I st mill. AD: Intercollegiate collection of papers*]. Kuybyshev, pp. 137–157. (In Russ.)

Grishakov V.V., 1993. Keramika finno-ugorskikh plemen Pravoberezh'ya Volgi v epokhu rannego srednevekov'ya [Pottery of the Finno-Ugric tribes of the Volga Right Bank in the early Middle Ages]. Yoshkar-Ola: Mariyskiy gosudarstvennyy universitet. 195 p.

Telegin D.Ya., 1977. An experience in statistical determination of the kinship index for the Neolithic complexes based on ornamentation elements. *Problemy arkheologii Evrazii i Severnoy Ameriki* [*Issues of the archaeology of Eurasia and North America*]. N.L. Chlenova, ed. Moscow: Nauka, pp. 59–64. (In Russ.)

Tsetlin Yu.B., 2014. Vessels' shapes as an object of analysis and a source of historical information. *KSIA* [*Brief Communications of the Institute of Archaeology*], 236, pp. 374–377. (In Russ.)

Tsetlin Yu.B., 2015. The concept of "quality" for analyzing the pot capacity. *KSIA* [*Brief Communications of the Institute of Archaeology*], 239, pp. 393–408. (In Russ.)

Tsetlin Yu.B., 2017. Keramika. Ponyatiya i terminy istoriko-kul'turnogo podkhoda [Pottery. Concepts and terms of historical and cultural approach]. Moscow: IA RAN. 346 p.

Tsetlin Yu.B., 2018. On the general approach and methodology of the systemic study of earthen vessels. *Formy glinyanykh sosudov kak ob"yekt izucheniya. Istoriko-kul'turnyy podkhod* [*Shapes of earthen vessels as an object of research. Historical and cultural approach*]. Yu.B. Tsetlin, ed. Moscow: IA RAN, pp. 124–179. (In Russ.)

Tsetlin Yu.B., *Kholoshin P.R.*, 2017. Analysis of the vessel shapes of the Podbolotyevo cemetery in Vladimir Region based on the historical and cultural approach. Trudy V (XXI) *Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"yezda v Barnaule – Belokurikhe* [*Proceedings of the 5th (XXI) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul–Belokurikha*]. A.P. Derevyanko, A.A. Tishkin, eds. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo universiteta, pp. 225–228. (In Russ.)

Zelentsova O.V., 2014. New research of the Podbolotyevo cemetery. *KSIA* [*Brief Communications of the Institute of Archaeology*], 236, pp. 219–229. (In Russ.)

Zelentsova O.V., Milovanov S.I., 2015. Mound burial rite in the Lower Oka region in the Middle Ages. *Goroda i vesi srednevekovoy Rusi: arkheologiya, istoriya, kul'tura: k 60-letiyu Nikolaya Andreyevicha Makarova* [*Towns and villages of medieval Rus: Archaeology, history, culture: to the 60th anniversary of Nikolay A. Makarov*]. P.G. Gaydukov, ed. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 122–134. (In Russ.)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2019, № 1, с. 73–86

“НОВАЯ ИСТОРИЯ” “ИДОЛА” ИЗ КУРГАНА ЧЕРНАЯ МОГИЛА (X в.)

© 2019 г. В.В. Мурашева[1,*], О.В. Орфинская[2,**], А.Ю. Лобода[3,***]

[1] Исторический музей, Москва, Россия
[2] Центр египтологических исследований РАН, Москва, Россия
[3] НИЦ «Курчатовский институт», Москва, Россия

*E-mail: vmurasheva@mail.ru
**E-mail: orfio@yandex.ru
***E-mail: lobodaau@mail.ru

Поступила в редакцию 26.06.2018 г.

“Страна в Азии к востоку от Танаквисля
называется страной Асов...,
а столица страны называется Асгард”
Снорри Стурлусон
“Сага об Инглингах”

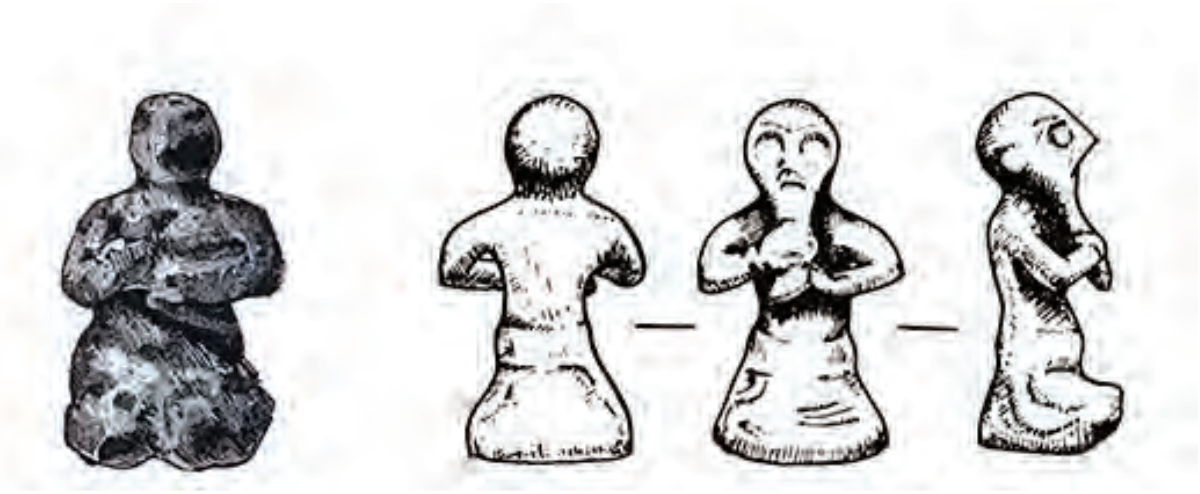
Курган Черная Могила (г. Чернигов, раскопки Д.Я. Самоквасова 1872–1873 гг.) – самый большой (его высота достигала 10 м) и знаменитый древнерусский курган эпохи заката язычества. Среди богатого инвентаря особый интерес представляет небольшая антропоморфная фигурка – “идол”, ее уникальность обусловлена чрезвычайной редкостью антропоморфных изображений, относящихся к эпохе образования Древнерусского государства (конец IX – начало XI в.). Первоначально фигурка была покрыта столь мощным слоем окислов, что ее черты едва угадывались. Первая попытка реставрации (1982 г.) выявила отдельные детали, которые позволили Т.А. Пушкиной отнести ее к изделиям скандинавского ремесленника и интерпретировать как изображение бога Тора. В ходе нового этапа реставрации (2010 г.) полностью расчищена первоначальная поверхность предмета, открылись ранее невидимые детали, что заставило вновь обратиться к исследованию данной миниатюрной скульптуры. Анализ деталей позволяет говорить о синтезе северных и “восточных” черт в облике “идола” и позволяет выдвинуть предположение об изготовлении фигурки на территории Восточной Европы.

Ключевые слова: эпоха образования Древнерусского государства, язычество, этнокультурные связи, история костюма.

DOI: 10.31857/S086960630004119-9

Среди археологических источников, относящихся к эпохе образования Древнерусского государства (конец IX – начало XI в.) трудно представить себе что-либо более хрестоматийное и знаменитое, чем материалы из кургана Черная Могила (960–970 гг.). Инвентарь кургана, раскопанного в 1872–1873 гг. на территории г. Чернигов (Украина) Д.Я. Самоквасовым, будущим почетным профессором Московского университета, поступил в Исторический музей в 1892 г. (Самоквасов, 1908б. С. 18, 19) и уже более века практически не покидает экспозицию. Однако именно постоянное экспонирование и известность обусловили и “неприкосновенность” комплекса, его слабую изученность и неординарную судьбу входящих в его состав предметов.

Одним из наиболее значимых артефактов из Черной Могилы является антропоморфная фигурка, уникальность которой определяется чрезвычайной редкостью находок объемных изображений человека, относящихся к рассматриваемому историческому периоду. История публикаций и интерпретации данного предмета непосредственно связана с историей его реставрации. В первой публикации, которая принадлежит автору раскопок Д.Я. Самоквасову, фигурка упомянута в перечне находок как изображение “человека – божка, сидящего на корточках, со сложенными на груди руками



1 2

Рис. 1. “Идол” в публикациях XX в. *1* – по: Самоквасов, 1917; *2* – Пушкина, 1984.
Fig. 1. The “idol” in the 20th century publications

(Будда?)” (Самоквасов, 1908а. С. 199). Судя по рисунку, опубликованному в посмертном издании 1917 г., фигурка была покрыта мощным слоем окислов, не позволявших рассмотреть детали изображения (рис. 1, *1*) (Самоквасов, 1917. С. 11).

Вплоть до настоящего времени наиболее полной публикацией материалов из больших курганов Чернигова остается работа Б.А. Рыбакова, однако “идолу” автор посвящает лишь несколько слов, отмечая, что “к сожалению, до химической расчистки его, очень трудно что-либо сказать об этой сидящей человеческой фигурке с каким-то предметом в руках” (Рыбаков, 1949. С. 43, 45. Рис. 17). Вероятно, вплоть до написания указанной работы “идол” реставрации не подвергался. Единственное упоминание о его судьбе содержится в письме В.Б. Антоновича Д.Я. Самоквасову, где речь идет об изготовлении копии “черниговского божка” для музея древностей университета Св. Владимира в Киеве (Археология..., 2007. С. 61).

Следующий этап судьбы идола связан с реставрационными работами, проведенными в 1982 г. В.Н. Даркевич. После реставрации стал более внятен общий облик фигурки, изображающей сидящего мужчину, круглоголового и бородатого, держащего себя за бороду (рис. 1, *2*). Проявились также и отдельные детали – поднятые к груди руки с отведенными локтями, круглые, слегка вытаращенные глаза, щелевидный рот. Стали читаться детали одежды: “кафтан, между полами которого на коленях 2-3 слабые полоски-складки одежды, вокруг талии широкий пояс, серповидные концы которого свисают слева и справа, на правом запястье браслет” (Пушкина, 1984. С. 86). К интерпретации нового облика идола обратилась Т.А. Пушкина, которая предположила, что идол изображает скандинавского бога Тора. Основанием для этого послужил круг аналогий, некоторые особенности иконографии и детали костюма. После публикации Т.А. Пушкиной интерпретация идола как изображение бога Тора становится практически общепринятой в отечественной научной литературе (Пушкина, Петрухин, 1995. С. 49; Моця, Казаков, 2011. С. 194).

В середине 1990-х годов был осуществлен первый опыт определения элементного состава металлической фигурки с помощью рентгено-флуоресцентного, энерго-дисперсионного анализа, проведенного в рентгено-спектральной лаборатории кафедры геохимии Геологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Результат анализа поверхности показал, что фигурка была отлита из свинцовой меди: Cu – 93.25%, Sn – 0.07%, Pb – 2.58%, Ag – 0.14%, Sb – 0.16%, Fe – 1.5%, Au – 2.3%. Несмотря на то что сильная коррозия и реставрация существенно исказили первоначальный облик этого уникального предмета, наличие золота в составе спектра позволило утверждать, что изначально фигурка была позолочена, что

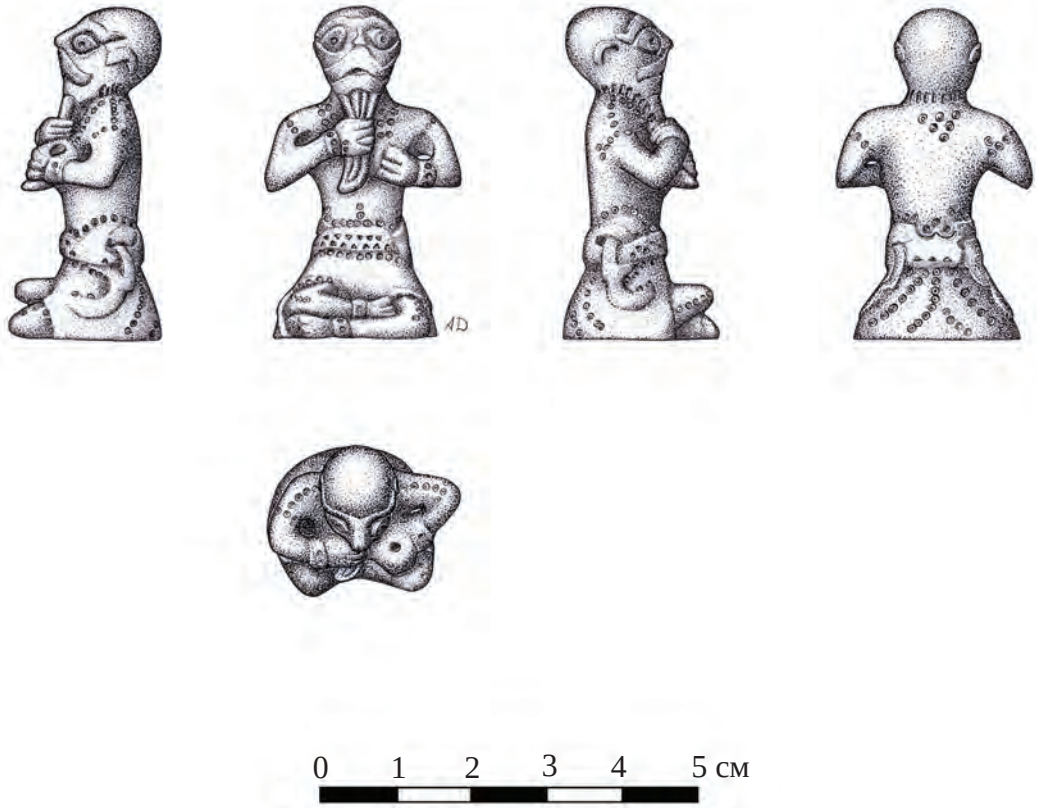


Рис. 2. Идол из Черной Могилы после механической расчистки. Рис. А.С. Дементьевой.
Fig. 2. The “idol” from Chernaya Mogila after mechanical cleaning. Drawing by A.S. Dementyeva

невозможно было определить при визуальном осмотре. Результаты анализа стали еще одним аргументом в пользу отнесения идола к скандинавской ремесленной традиции, так как золочение бронзовых изделий – характерный прием металлообработки Северной Европы эпохи викингов (Ениосова и др., 1997. С. 124, 125).

Вновь обратиться к исследованию уникального артефакта позволила послойная механическая расчистка поверхности, полностью выявившая первоначальный облик фигурки (рис. 2). После реставрации, выполненной в 2011 г. В.А. Ширяковым в отделе научной реставрации Исторического музея, стали прекрасно читаться детали костюма, визуально определимым стало и наличие позолоты. В сжатой кисти правой руки находился неизвестный, полностью утраченный предмет, который был, вероятно, выполнен из органического материала (дерево?) и полностью выгорел.

Прежде всего, выявление “истинного” облика предмета полностью подтвердило точку зрения Т.А. Пушкиной о его принадлежности кругу североевропейских древностей, среди которых хорошо известна серия небольших объемных изображений сидящих человечков, выполненных из разных материалов (моржовый клык, янтарь, медные сплавы). Всего таких фигурок известно шесть: это находки из Феддета (Дания), Эйрарланда, Бальдурсхеймюра (Исландия), Рэллинге и Лунда (Швеция) (Les Vikings..., 1992. Kat. № 71, 77, 182, 602. P. 246, 247, 276, 387; Ellis Davidson, 1967. P. 134. Fig. 60).

Предназначение фигурок спорно. Большинство исследователей склоняются к мнению, что они являются изображениями языческих скандинавских богов. Возможно, эти статуэтки были миниатюрными копиями статуй из языческих храмов (Ellis Davidson, 1967. P. 134), одним из которых был храм в Упсале, описанный Адамом Бременским (Дюмезиль, 1986. С. 138, 139). Большая часть фигурок считается изображением бога-громовика Тора и лишь одна (фаллическая) – изображением бога плодородия Фрейра (Ellis Davidson, 1967. P.123, 134; Graham-Campbell, 1980. P. 154;

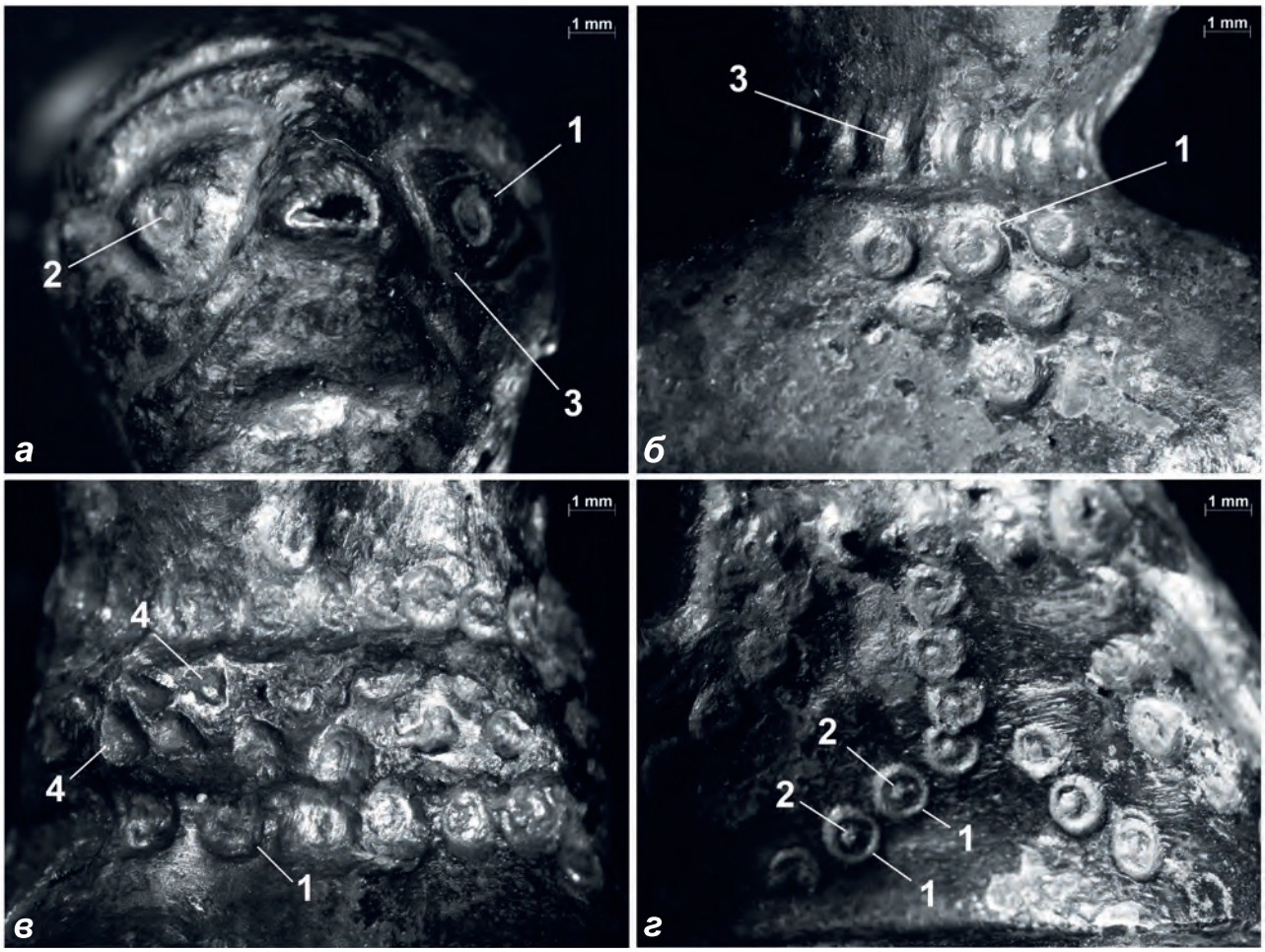


Рис. 3. Следы технологических операций на поверхности фигурки (*а–г*). 1 – чекан с кольцевым боем; 2 – канфарник; 3 – чекан с прямоугольным боем; 4 – чекан с треугольным боем; *а* – лицо; *б* – воротник (вид сзади); *в* – пояс (вид спереди); *г* – кафтан, нижняя часть (вид сзади).

Fig. 3. Traces of technological operations on the surface of the figurine (*a–d*). 1 – punch with a circular mark; 2 – pointed tip punch; 3 – punch with a rectangular mark; 4 – punch with a triangular mark; *a* – face; *b* – collar (rear view); *c* – a belt (front view); *d* – caftan, lower part (rear view)

Пушкина, 1984; Мурашева, 2005). Р. Перкинс предложил сопоставить миниатюрные скульптуры с “карманными божками” эпохи заката язычества и начала распространения христианства. Такой “божок” из моржового клыка, который указывал на тайное почитание Тора новообращенным христианином, упоминается в “Саге о Халльфреде” (Perkins, 1999. P. 186, 187; 2001. P. 61, 62).

Наиболее акцентированной деталью изображений Тора является борода, что и позволяет связывать большинство изображений именно с этим божеством. Традиция подобного отождествления основана на отрывке из “Пряди о Рёгнвальде и Рауде” (Perkins, 2001. P. 27–29), где говорится о Рауде, который владел колдовством и у которого был храм, посвященный Тору. Узнав о нежелательном приближении Олафа Трюггвасона, Рауд обратился к изображению Тора с просьбой подуть в бороду и тем вызвать встречный ветер (Perkins, 1999. P. 184, 185).

Кроме приведенной выше, существует и другая точка зрения на интерпретацию “идолов”. Она основана на факте, что те из фигурок, которые входили в состав погребальных комплексов, сопровождались наборами игральных шашек (см. Les Vikings..., 1992. Kat. № 71. P. 246). Наборы фишек использовались для популярной в эпоху викингов игры hneftafl – “королевская доска”, а антропоморфные фигурки могли выполнять роль “королей” (Хамайко, 2012). Такая ситуация в полной

мере относится и к Черной Могиле, где найдены стеклянные и костяные шашки.

Снятие корки окислов позволило вновь обратиться к вопросу о технологии изготовления фигурки. Результаты исследований показали, что идол был отлит из “чистой” меди (содержание примесей не превышает 1%), детали проработаны вхолодную с помощью набора чеканов, а затем фигурка была позолочена с использованием технологии “огневого золочения” (амальгамирования) (Лобода и др., 2018). Особенностями химического состава объясняются и некоторые дефекты на поверхности предмета. Небольшие открытые полости, зафиксированные в большинстве случаев на участках, украшенных орнаментом (на поясе, на руке, а также на носу), являются дефектом, свойственным литью меди. Медь – очень вязкий металл, склонный в расплавленном виде поглощать газы. В процессе затвердевания расплава поглощенные газы выделяются и делают массу металла пористой. При последующей обработке и декорировании изделия попадание инструмента на пору, находящуюся близко к поверхности, приводит к продавливанию металла и открытию на поверхности новых полостей. Также к открытию приповерхностной поры на выступающем участке рельефа может привести и травмирование изделия в процессе его использования. Вероятно, именно это мы и наблюдаем на лице идола (рис. 3, *а*).

После расчистки поверхности стали читаться полностью скрытые ранее детали, которые позволяют добавить информацию к интерпретации этого уникального предмета. Прежде всего, выявилась поза – персонаж сидит, скрестив босые ноги с четко обозначенными пальцами, правая нога лежит сверху. Такая поза необычна для североевропейских фигурок, изображающих бородатого человека, к кругу которых, безусловно, относится и идол из Черной Могилы. В изображении человека, сидящего в позе “лотос”, несомненно, читается влияние “востока”.

Изображения людей, сидящих со скрещенными ногами, достаточно широко представлены на ременной гарнитуре IX–X вв. юга Восточной Европы. Наиболее выразительные из этих украшений относятся к кругу памятников IX в., которые А.В. Комар классифицирует как “тип Субботцев” и относит к древностям венгров эпохи их пребывания на территории Восточной Европы (Комар, 2016. С. 545). На

Рис. 4. Поясная бляшка с изображением сидящего лучника. Местонахождение неизвестно (юг России).

Fig. 4. A belt plaque with an image of seated archer. Location unknown (south of Russia).

поясных бляшках из погребения 2 Субботцев (Плетнева, Бокий, 1988. С. 104. Рис. 5, *1*) и погребения 1 (курган 32) Катериновки (Комар, 2016. С. 546. Рис. 1) представлен набор персонажей с различными атрибутами в руках, сидящих в позах, близких к позе “лотос”. К этой категории находок безусловно относится и ременная бляшка из коллекции Исторического музея (ГИМ, № 113869, опись В 2835/1206; точное местонахождение неизвестно – юг России) с изображением сидящего со скрещенными ногами человека в руках которого – сложносоставной лук (рис. 4).

К поясным украшениям памятников “типа Субботцев”, кроме А.В. Комара, который собрал большой круг накладок с “сюжетными” изображениями, обращался еще ряд ученых (Король, 2005. С. 157, 158; Тюрк, 2013. С. 236). Все исследователи, в целом, сходятся во мнении, что истоки иконографии “антропоморфно-сюжетных” изображений следует искать на “востоке”, в живописи, а также в сасанидской и “постсасанидской” торевтике.

Персонажи со скрещенными ногами во множестве встречены в живописи Согда – в Пенджикенте (рис. 5) (Беленицкий, 1973. Табл. 20, 21), Балалык-Тепе (Belenizki, 1980. S. 215), Афрасиабе (Альбаум, 1975. Табл. VII). В позе “лотос” сидит и правитель, изображенный на блюде из коллекции Эрмитажа со сценой царского приема, которое Б.И. Маршак относит к произведениям согдийской торевтики (1971. С. 23, 39) и датирует рубежом VIII–IX вв. Необходимо отметить, что позу правителя со

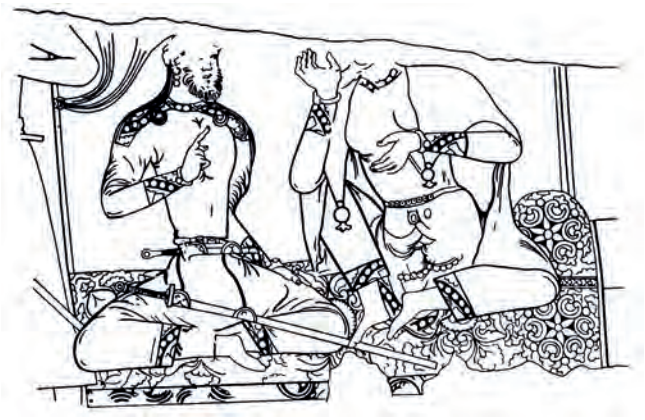


Рис. 5. Сцена приема. Стенные росписи Пенджикента (по: Беленицкий, 1973).

Fig. 5. A reception scene. Wall paintings of Penjikent (after: Belenitsky, 1973)

скрещенными ногами Б.И. Маршак (1971. С. 59), а вслед за ним и В.П. Даркевич (2010. С. 77) относят к возможному влиянию иконографии Будды и других буддийских изображений. В данном контексте представляется уместным вспомнить о знаменитой фигурке Будды, найденной на территории поселения Хельго (Швеция) (VI–VII вв.; Les Vikings..., 1992. P. 257), свидетельствующей об интересе к восточной экзотике на севере Европы. Впрочем, нельзя не учитывать, что изображения человеческой фигуры, сидящей со скрещенными ногами неоднократно зафиксированы на территории расселения древних иранцев, а затем ранних тюрок (Яценко, 2010. С. 6–9).

Как совершенно справедливо отметила Т.А. Пушкина, “идол” одет в кафтан (1984. С. 86). В данном случае под этим термином понимается не набор второстепенных признаков одежды (распашной, отрезной по линии талии, определенной длины), а силуэт, который отражает систему кроя (Орфинская, 2012). В древнем мире Европы, Азии и Северной Африки таких силуэтов было всего два: это туника (“Т”) и кафтан (“Х”).

Костюм идола из Черной Могилы проработан достаточно подробно (рис. 3, *б–г*). На литой фигурке с помощью чеканов, имеющих разную форму бойка, показаны детали одежды. Один из инструментов имеет кольцевидный рабочий край (диаметр отпечатков зависит от силы удара и колеблется от 1.24 до 1.47 мм), второй, канфарник, оставляющий точечный след, имеет бой в виде притупленной иглы (диаметр отпечатков – 0.35–0.45 мм). Третий чекан оставляет треугольные отпечатки (длина сторон колеблется от 1.11 до 1.31 мм) и четвертый – прямоугольные (ширина – 0.49–0.8 мм) (см. Зайцева, Сарачева, 2011. С. 105). Первые два инструмента использовались в паре (круг с вписанной точкой).

Фигурка облачена в одежду с длинным рукавом, который сужается к запястью и завершается двумя четкими линиями, между которыми расположена полоса с орнаментом из кружков (чекан с кольцевидной рабочей частью и канфарник), вероятно, это выделен манжет[1]. Мягкая линия от края рукава до талии и отсутствие складок в районе пояса указывают, что это не туника, а кафтан. Со стороны спины на шее хорошо видна полоса из вертикальных штрихов (выполнены с помощью чекана с прямоугольной рабочей частью), которая исчезает на груди под бородой. Такая полоса может являться отделкой ворота кафтана или отражать наличие воротника-стойки некой нижней одежды. Наличие многослойности в костюме резко повышает статус персоны. На груди ниже бороды расположены кружочки, маркирующие вертикальный разрез, а слева и справа от бороды они, скорее всего, оформляют треугольный вырез. Подол одежды приподнят над согнутыми коленями, складки не отмечены, следовательно, можно предположить, что длина кафтана была примерно до середины бедра. Вокруг талии одежда опоясана полосой, на которой виден декор в форме маленьких треугольников (нанесены чеканом с треугольной рабочей частью). Так мог изображаться мягкий кожаный или тканевый пояс, украшенный либо металлическими бляшками, либо изготовленный из ткани, рисунок которой отличается от рисунка ткани самого кафтана.

Декор расположен также на спине, плечах, рукавах, груди, выше и ниже пояса, на передней части подола и на задней части юбки, а также на ногах фигурки. Кружочки и треугольные углубления могут отражать как декор одежды (треугольник из кружочков на спине, манжеты, пояс), так и различные ткани или узор на них (пояс, кафтан), могут обозначать конструктивные особенности, маркировать швы или выделять зону декора по швам (складки на задней части юбки, плечевые швы

[1] После реставрации 1982 г. угадывался лишь один манжет, который был интерпретирован как браслет (Пушкина, 1984. С. 86).

и шов стан-рукав). На подъеме стопы левой ноги видны две поперечные полоски. Вдоль ног проходят полосы из кружочков, аналогичных кружочкам плечевой одежды. Возможно, это штаны (или ноговицы) с полосой декора вдоль ноги, как на изображениях штанов с вертикальным рядом круглых украшений, представленных на мужских надгробьях позднеантичного времени из Пальмиры (Seyrig, 1937. Fig. 11) и на мозаиках V–VII вв. в Равенне (Яценко, 2006. Рис. 173).

Представляется возможным предложить следующий вариант реконструкции костюма идола – это кафтан-куртка с неглубоким треугольным вырезом горловины и разрезом до талии. Подол доходит до середины бедра или чуть выше, рукава длинные с манжетами. На спине у горловины, а также выше и ниже пояса, по подолу и задней части юбки нанесен узор, который может показывать декор или конструктивные особенности кроя. Ноги закрыты или штанами, или ноговицами. Следовательно, на фигуре изображен комплект одежды, характерный для костюма “восточного” типа.

Такие комплекты (кафтан, нижняя рубаха или нижний кафтан, штаны и ноговицы или чулки) были обнаружены в погребениях VI–VII вв. в ходе раскопок А. Гайе в Ахмиме и в Пальмире (Bonnard et al., 2013. P. 96–107), а также в скальных могильниках Северного Кавказа VIII–IX в. (Орфинская, 2001. С. 28–31). Данные комплекты, возникшие в среде кочевников, вместе с распространением всадничества вошли в воинский обиход многих народов. Изначально являясь атрибутом элитарности, данная удобная одежда “спускается” вниз по социальной лестнице, теряя богатство тканей и декора, становясь демократичней и проще. Постепенно кафтан занимает ведущее место в мужском костюме вне зависимости от национальности.

Система кроя кафтана, по мнению многих исследователей, происходит из Центральной Азии (Vogelsand-Eastwood, 2004 P. 221; Fluck, 2012. P. 160–163). Сасанидские цари и слуги одевались в кафтаны северо-восточного центральноазиатского стиля (Vogelsand-Eastwood, 2004. P. 222), аналогичный тип одежды изображен на упомянутых выше фресках из Пенджикента (Беленицкий, 1973. Табл. 20, 21) (рис. 5) и Афрасиаба (Альбаум, 1975. Табл. VII).

Важно отметить, что в позднем железном веке изображения людей в кафтанах появляются

Рис. 6. Накладки на шлем (Вендель, Швеция, вторая половина VII в.) (по: Dickinson, Härke, 1992).

Fig. 6. Helmet plate (Vendel, Sweden, the 2nd half of the 7th century) (after: Dickinson, Härke, 1992)

и на севере Европы (Ratke, 2009. S. 39, 41. Abb. 4.1; 4.4; Dickinson, Härke, 1992. P. 56) (рис. 6). Однако исследователи иконографии изображения костюма раннесредневековой Скандинавии полагают, что кафтан связан не с реалиями обыденности, а исключительно с героической сферой жизни и должен был служить одеждой богов и героев (Mannering, 2017; Oehrl, 2017. P. 186).

Известны изображения людей в кафтанах и в эпоху викингов, например, фигурка воина (О́дин?) из погребения 871 Бирки (Arbman, 1940. Taf. 92, *9*), персонаж с кольцом в руках (Сигурд?) (Петрухин, 1999. С. 43. Рис. 1). В своей работе “Одежда викингов”, основанной на изобразительных и археологических источниках, Т. Юинг указывает на присутствие в мужском костюме как туники, так и кафтана (Ewing, 2006. P. 81–90, 108–114). Археологическое подтверждение распространения моды на кафтаны – находки серий пуговиц в погребениях, которые, по мнению И. Янссона, являются маркером использования одежды “восточного” покроя, пришедшей на север Европы опосредовано, через земли Древней Руси (Jansson, 1988. S. 605, 606). Пуговицы в мужских погребениях обнаружены и на территории Восточной Европы, в некрополях

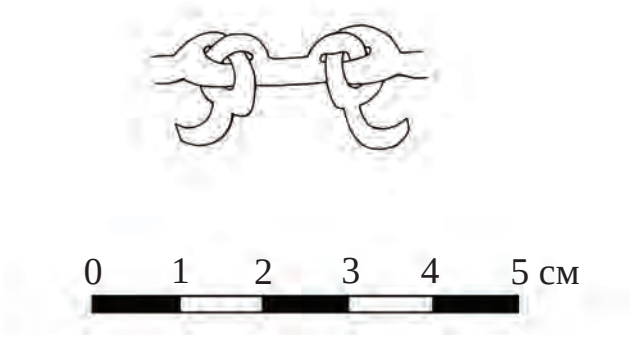


Рис. 7. Деталь пояса (схема-развертка) идола из Черной Могилы. Рис. А.С. Дементьевой.

Fig. 7. A detail of the idol's belt (flat pattern) from Chernaya Mogila. Drawing by A.S. Dementyeva

памятников, среди населения которых зафиксированы выходцы с территории Скандинавии (Михайлов, 2005. С. 57, 58). Необходимость в застежке обусловлена особенностями фасона: кафтан плотно облегает человеческую фигуру и для облегчения надевания необходим разрез (центральный или сдвинутый, до подола или чуть ниже талии), который и застегивался на пуговицы. Вероятно, мода на кафтаны в X в. выходит за пределы воинской элиты, однако, в изображении богов он остается символом избранности на протяжении веков. Костюм идола из Черной Могилы в отличие от кафтанов раннего железного века насыщен конкретными деталями, которые говорят о знакомстве автора с реальными образцами.

Неожиданной деталью костюма "восточного" облика оказался пояс, на котором вместо традиционно подвешенного оружия дважды, на обоих боках, завязаны замысловатые узлы (рис. 7). Происхождение данной детали следует искать совсем в иных пределах – на севере. Узлы разных форм занимают заметное место в орнаментике Скандинавии эпохи викингов. По мнению некоторых исследователей, особая любовь норманнов к данной детали орнамента связана с мореплаванием и важной ролью морских узлов, не исключено также, что завязывание узлов отражает магические верования (Тодорова, 1993. С. 127). С точки зрения иконографического сходства с изображением пояса идола из Черной Могилы, важно отметить рельеф на камне из графства Камберленд (Англия) с изображением Слейпнира (восьминогого коня Одина) (Ellis Davidson, 1967. Pl. 64) и свинцовую накладку из Гнездова в виде дракона (Авдусина, 2012. С. 152. Рис. 1). Хвосты обоих фантастических существ завязаны тройными узлами.

Интересно отметить, что миниатюрная женская фигурка, изображающая некое сверхъестественное существо (богиню, валькирию или норну) и найденная на территории Дании (Fugledegård), также "отмечена" узлом на боку (Price, 2014. P. 166) (рис. 8). Однако конфигурация узла иная – это замкнутая фигура, "узел бесконечности", "трикветра" (*triquetra*). Данный символ, вероятно, был общим для германских племен, этот сакральный или магический знак встречается на англо-саксонских и меровингских монетах VIII в., в X в. тройной узел чеканится на норвежских монетах и на некоторых монетах Йорка (Graham-Campbell, 1980. P. 110).

Итак, открывшийся после расчистки, "истинный" облик идола из Черной Могилы демонстрирует нам удивительную картину синтеза северных и восточных элементов. "Восточный флер" заставляет нас обратиться к прологу к "Младшей Эдде", в котором С. Стурлусон пишет о происхождении Асов из загадочных далеких стран. Вот как Снорри описывает Азию: "В этой части мира все красиво и пышно, там владения земных плодов, золото и драгоценные камни. Там находится и середина земли. И потому, что сама земля там во всем прекраснее и лучше, люди, ее населяющие, тоже выделяются всеми дарованиями: мудростью и силой, красотою и всевозможными знаниями" (Стурлусон, 1970. С. 11, 12). Наделяя Асов необыкновенными свойствами и божественными функциями, автор "Младшей Эдды" пытается объяснить эти качества их происхождением из удивительных, по сути дела, волшебных краев. Наделение внешности языческих богов чертами, выходящими за пределы обыденности, вполне естественно, вспомним, например, о Перуне "с серебряной головой и золотыми усами" (Повесть Временных лет, 1999. С. 174).

Любовь выходцев из Скандинавии к "восточной" экзотике выразилось, безусловно, не только в наделении особыми деталями идола из кургана Черная Могила. Необычные иноземные предметы неизменно привлекали внимание (Kleingärtner, 2014. P. 74, 75), так, например, серебряные поясные украшения, изготовленные на территории Хазарского каганата, могли быть переосмыслены и часто превращались в подвески к ожерелью (Arne, 1914. P. 222;

Jansson J., 1986. S. 80–91; Jansson I. 1988. S. 605–607; Мурашева, 2001. С. 154; Пушкина, 2007).

Воплощение “восточных” фантазий выразилось во вполне конкретных формах, которые могли быть почерпнуты на Аустрвег (“восточном пути”), т.е. на территории Восточной Европы, где отмечены существенные изменения в материальной культуре древнерусской дружины во второй половине X в. Происходит “номадизация” комплекса вооружения, что связано с процессом освоения навыков конного боя. Помимо вооружения заимствуется и мода на элементы всаднического костюма: кафтаны, наборные пояса, сумки-ташки (Каинов, 2014. С. 100). “Восточный флер” отличающий фигурку от скандинавских “собратьев”, дает возможность предположить, что она была изготовлена скандинавским мастером на территории Древней Руси.

В заключение вновь вернемся к проблеме интерпретации фигурки. Вероятно, современные исследования не могут дать однозначный ответ о семиотическом статусе бородатых фигурок – были ли это “карманные божки” или “короли” для игры в *hneftafl*. Однако стоит обратить внимание на тот факт, что сияющий золотом “идол” был снят с кострища и помещен в верхнюю часть насыпи, что, безусловно, говорит об особом внимании к предмету, явно выходящем за пределы отношения к игровой фишке. Вместе с идолом в комплекс у вершины кургана были положены, образовав, вероятно, символический комплекс предметов, отражающий “парность” захоронения и его высокий статус, – два шлема, два окованных серебром ритона из турьих рогов, два обоюдоострых ножа, две кольчуги (Самоквасов, 1917. С. 7, 8). Ни стеклянные, ни костяные шашки в состав этого набора не вошли.

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ, проект № 17-18-01399.

Рис. 8. Женская фигурка (валькирия? богиня?), Дания, Fugledegerd (по: Price, 2014).

Fig. 8. A female figure (a valkyrie? a goddess?), Denmark, Fugledegerd (after: Price, 2014)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдусина С.А. Накладка в виде дракона из Гнёздова // Образы времени. Из истории древнего искусства. К 80-летию С.В. Студзицкой. М.: ГИМ, 2012 (Труды ГИМ; вып. 189). С. 149–153.

Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д.Я. Самоквасова / Сост., вступ. ст. и коммент. С.П. Щавелева. Курск: Курский гос. мед. ун-т, 2007. 506 с.

Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент: Фан, 1975. 160 с.

Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись, скульптура. М.: Искусство, 1973. 68 с.

Бокий Н.М., *Плетнева С.А.* Захоронение семьи воина-кочевника X века в бассейне Ингула // СА. 1988. № 2. С. 99–115.

Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. М.: URSS, 2010. 185 с.

Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М.: Наука, 1986. 234 с.

Ениосова Н.В., Колосков С.А., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. О применении рентгено-флюоресцентного энерго-дисперсионного анализа в археологии // Вестник МГУ. Серия 8: История. 1997. № 1. С. 113–131.

Зайцева И.Е., *Сарачева Т.Г.* Ювелирное дело “земли вятичей”. М.: Индрик, 2011. 402 с.

Каинов С.Ю. Начальные этапы формирования древнерусского комплекса боевых средств // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья. Тула: Гос. военно-историч. и природный музей-заповедник, 2014. С. 97–101.

Комар А.В. Поясные наборы с “мифологическими” сюжетами // Between Byzantium and the steppe / Eds A. Miháczi-Pálfi, Z. Mazek. Budapest: Kydex Könyvgyárty Kft., 2016. С. 545–556

Король Г.Г. Антропоморфно-сюжетные изображения на ременных украшениях кочевников Евразии конца I – начала II тыс. н.э. // Снаряжение кочевников Евразии / Ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 157–162.

Лобода А.Ю., *Колобылина Н.Н.*, *Терещенко Е.Ю.*, *Мурашева В.В.*, *Шевцов А.О.*, *Васильев А.Л.*, *Ретивов В.М.*, *Кашкаров П.К.*, *Яцишина Е.Б.*, *Ковальчук М.В.* Исследование технологии золочения “идола” из кургана “Черная Могила” (X в.) // Кристаллография. 2018. Т. 63, № 6. С. 992–1000.

Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М.: Наука, 1971. 191 с.

Михайлов К.А. Древнерусские кафтаны “восточного” типа (мода, происхождение, хронология) // Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки. 2005. № 1. С. 56–65.

Моця О.П., *Казаков А.Л.* Давньоруський Чернігів. Київ: Стародавній Світ, 2011. 314 с.

Мурашева В.В. Бляшки-подвески с территории Древней Руси // XIV Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: тез. докл. Москва; Архангельск: Поморский ГУ им. М.В. Ломоносова, 2001. С. 154.

Мурашева В.В. “Идол” из Гнездова // РА. 2005. № 1. С. 124–129.

Орфинская О.В. Текстиль VIII–IX вв. из коллекции Карачаево-Черкесского музея: технологические особенности в контексте культуры раннесредневековой Евразии: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 268 с.

Орфинская О.В. Три источника, или к вопросу о классификации кроя одежды // Женская традиционная культура и костюм в эпоху средневековья и новое время: материалы научно-образов. семинара, 9–10 ноября 2012 г. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2012. С. 76–92.

Петрухин В.Я. “Сага о Вольсунгах” на “Восточном пути” // Археологический сборник / Ред. Н.Г. Недошивина. М.: ГИМ, 1999 (Труды ГИМ; вып. 111). С. 43–46.

Повесть временных лет. СПб.: Наука, 1999 (Литературные памятники). 667 с.

Пушкина Т.А. Бронзовый идол из Черной Могилы // Вестник МГУ. Серия 8: История. 1984. № 3. С. 86–87.

Пушкина Т.А., *Петрухин В.Я.* История бородатого божка // Живая старина. 1995. № 3 (7). С. 48–49.

Пушкина Т.А. Сувениры Аустрвег // У истоков русской государственности: к 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции: историко-археологический сб.: материалы конф. (4–7 октября 2005 г., Великий Новгород) / Ред.: Е.Н. Носов, А.Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 325–331.

Рыбаков Б.А. Древности Чернигова // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949 (МИА; № 11). С. 7–92.

Самоквасов Д.Я. Могилы русской земли. М.: Синод. тип., 1908а. 276 с.

Самоквасов Д.Я. Раскопки древнихъ могилъ и описаніе, храненіе и изданіе могильныхъ древностей. М.: Синод. тип., 1908б. 26 с.

Самоквасов Д.Я. Могильные древности Северянской Черниговщины. М.: Синод. тип., 1917. 101 с.

Стурлусон С. Младшая Эдда. Л.: Наука, 1970 (Литературные памятники). 253 с.

Тодорова С.М. Генезис орнаментальной традиции рунических камней. Классификация орнаментики // XII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. М.: ИРИ РАН, 1993. С. 126–128.

Тюрк А. От Урала до Карпатов. Новые результаты и перспективы в археологии Восточной Европы по поводу древних венгров // II Международный Мадьярский симпозиум / Ред. С.Г. Боталов, Н.О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. С. 231–237.

Хамайко Н.В. Тавлейные короли X в. // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: материалы конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. И.И. Ляпушкина. СПб.: СОЛО, 2012. С. 284–288.

Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Вост. литература, 2006. 664 с.

Яценко С.А. Сидящий мужской персонаж с сосудом в руке на сакской бронзовой “курильнице” из Семиречья // История и археология Семиречья. Вып. 4. Алматы: Ин-т археол. им. А.Х. Маргулана, 2010. С. 3–22.

Arbman H., *Birka I.* Die Graber. Tafeln. Uppsala: Bokförlags Aktiebolaget Thule. 1940. 560 s.

Arne T. La Suède et l’Orient. Uppsala: K.W. Appelbergs Boktryckeri, 1914. 240 p.

Belenizki A.M. Mittelasien Kunst der Sogden. Leipzig: E.A. Seemann. Buch- und Kunstverlag, 1980. 239 S.

Bonnard D., *Calament F.*, *Durand M.* Antinoé, a la vie, a la mode: Visions d’élégance dans les solitudes. Lyon: Editions Fage, 2013. 440 p.

Dickinson T., Härke H. Early Anglo-Saxon shields. London: The society of Antiquaries of London, 1992. 94 p.

Ellis Davidson H.R. Pagan Scandinavia. London: Thames and Hudson, 1967. 214 p.

Ewing T. Viking Clothing. L.: Tempus, 2006. 176 p.

Fluck C. Dress styles from Syria to Libya // Byzantium and Islam: Age of Transition, 7th–9th century. N. Y.: Metropolitan Museum, 2012. P. 160–161.

Graham-Campbell J. Viking Artefacts. L.: British Museum Publ., 1980. 312 p.

Jansson I. Wikingerzeitlicher orientalischer Import in Scandinavien // Oldenburg – Wolin – Staraja Ladoga – Novgorod – Kiev. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 1988 (Bericht der Romisch-Germanischen Kommission; Bd. 69). S. 564–647.

Jansson J. Gurtel und Gurtelzubehor // Birka–II: 2 / Ed. G. Arwidsson. Stocholm: Almqvist & Wiksell Intern., 1986. S. 77–108.

Kleingärtner S. Reuse of foreign object // Vikings. Life and legend / Eds. G. Williams et al. L.: The British Museum, 2014. 288 p.

Mannering U. Iconic costumes. Scandinavian Late Iron Age costume iconography. Oxford: Oxbow Books, 2017. 214 p.

Oehrl S. Recensioner: Ulla Mannering, Iconic costumes. Scandinavian Late Iron Age costume iconography // Fornvännen. 2017. V. 112. P. 186–188.

Perkins R. The gateway to Trondheim: Two Icelanders at Agdenes // Saga-Book. V. XXV, Part 2. L.: Viking soc. for Northern Research. Univ. College London, 1999. P. 179–213.

Perkins R. Thor the wind-raiser and the Eyrarland image. L.: Viking soc. for Northern Research. Univ. College London, 2001. 177 p.

Price N. Belief and Ritials // Vikings. Life and legend / Eds. G. Williams et al. L.: The British Museum, 2014. P. 162–201.

Ratke S. Guldgubber – Einblicke in die Völkerwanderungszeit. Bonn: Rheinischen Friedrich-Wilhelms Univ., 2009. 259 S.

Seyrig H. Armes et costumes iraniens de Palmyre // Syria. 1937. № 18. P. 4–31.

Les Vikings... Les Scandinaves et l’Europe 800–1200. Uddevalla: Bohusläningens Boktryckeri AB, 1992. 429 p.

Vogelsand-Eastwood G. Sasanian “Riding-coats”: The Iranian evidence // Riding Costume in Egypt: Origin and Appearance / Eds. C. Fluck, G. Vogelsand-Eastwood. Leiden: Brill NV, 2004 (Studies in Textile and Costume History; vol. 3). P. 210–227.

“NEW HISTORY” OF THE “IDOL” FROM THE MOUND CHERNAYA MOGILA (10th c.)

Veronika V. Murasheva[1,*], Olga V. Orfinskaya[2,], Anastasia Yu. Loboda[3,***]**

[1] *The State Historical Museum, Moscow, Russia*
[2] *Centre for Egyptian Studies RAS, Moscow, Russia*
[3] *National Research Centre “Kurchatov Institute”, Moscow, Russia*

**E-mail: vmurasheva@mail.ru*
***E-mail: orfio@yandex.ru*
****E-mail: lobodaau@mail.ru*

The mound of Chernaya Mogila (Chernigov, excavations of D.Ya. Samokvasov in 1872–1873) is the largest (nearly 10 m high) and best-known barrow of the Rus’ late paganism. Among its rich grave goods, an anthropomorphic figurine, the “idol”, is of particular interest. Its uniqueness is due to the extreme rarity of anthropomorphic images belonging to the period of the Rus’ state formation (the late 9th – the early 11th century). Initially, the figurine was covered with such a thick layer of oxides that its features were hardly distinguishable. The first attempt at restoration (1982) revealed some details allowing T.A. Pushkina to attribute it as a product of a Scandinavian craftsman and interpret it as an image of the god Thor. During the new stage of restoration (2010), the original surface of the object was completely cleaned and previously concealed details were uncovered, which made it necessary to resume studying this object of miniature sculpture. The analysis of the details suggests a synthesis of northern and “Oriental” features in the appearance of the “idol” and makes it possible to assume that the figurine was created in the territory of Eastern Europe.

Keywords: Rus’ state formation period, paganism, ethnocultural relations, costume history.

REFERENCES

Al'baum L.I., 1975. Zhivopis' Afrasiaba [The Afrasiab painting]. Tashkent: Fan. 160 p.

Arbman H., 1940. Birka I. Die Graber. Tafeln. Uppsala: Bokförlags Aktiebolaget Thule. 560 p.

Arkheologiya, istoriya i arkhivnoye delo Rossii v perepiske professora D.Ya. Samokvasova [Archaeology, history and archive-keeping of Russia in the correspondence of Prof. D.Ya. Samokvasov]. S.P. Shchavelev, ed. Kursk: Kurskiy gos. med. univ., 2007. 506 p.

Arne T., 1914. La Suиde et l'Orient. Uppsala: K.W. Appelbergs Boktryckeri. 240 p.

Avdusina S.A., 2012. Dragon-shaped plaque from Gnezdovo. *Obrazy vremeni. Iz istorii drevnego iskusstva. K 80-letiyu S.V. Studzitskoy* [*Images of time. From the history of ancient art. To the 80th annivers. of S.V. Studzitskaya*]. Moscow: GIM, pp. 149–153. (Trudy GIM, 189). (In Russ.)

Belenitskiy A.M., 1973. Monumental'noye iskusstvo Pendzhikenta. Zhivopis', skul'ptura [Penjikent monumental art. Painting, sculpture]. Moscow: Iskusstvo. 68 p.

Belenizki A.M., 1980. Mittelasien Kunst der Sogden. Leipzig: E.A. Seemann. Buch- und Kunstverlag. 239 p.

Bokiy N.M., *Pletneva S.A.*, 1988. 10th century family burial of a nomad warrior in the Ingul River basin. *SA* [*Sov. Archaeology*], 2, pp. 99–115. (In Russ.)

Bonnard D., *Calament F.*, *Durand M.*, 2013. Antinoé, a la vie, a la mode: Visions d'élégance dans les solitudes. Lyon: Editions Fage. 440 p.

Darkevich V.P., 2010. Khudozhestvennyy metall Vostoka VIII–XIII vv. [Artistic metalworks of the Orient of the 8th–13th centuries]. Moscow: URSS. 185 p.

Dickinson T., *Härke H.*, 1992. Early Anglo-Saxon shields. London: The society of Antiquaries of London. 94 p.

Dyumezil' Zh., 1986. Verkhovnyye bogi indoyevropeytsev [The supreme gods of Indo-Europeans]. Moscow: Nauka. 234 p.

Ellis Davidson H.R., 1967. Pagan Scandinavia. London: Thames and Hudson. 214 p.

Eniosova N.V., Koloskov S.A., Mitoyan R.A., Saracheva T.G., 1997. On the application of X-ray fluorescent energy dispersion analysis in archaeology. *Vestnik Mos. gos. univ. Seriya 8 Istoriya* [*Bulletin of Moscow University. Series 8: History*], 1, pp. 113–131. (In Russ.)

Ewing T., 2006. Viking Clothing. London: Tempus. 176 p.

Fluck C., 2012. Dress styles from Syria to Libya. *Byzantium and Islam: Age of Transition, 7th–9th century*. New York: Metropolitan Museum, pp. 160–161.

Graham-Campbell J., 1980. Viking Artefacts. London: British Museum publishes. 312 p.

Jansson I., 1988. Wikingerzeitlicher orientalischer Import in Scandinavien. *Oldenburg – Wolin – Staraja Ladoga – Novgorod – Kiev*. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, pp. 564–647. (Bericht der Romisch-Germanischen Kommission, 69).

Jansson J., 1986. Gurtel und Gurtelzubehor. *Birka-II:* 2. G. Arwidsson, ed. Stocholm: Almqvist & Wiksell International, pp. 77–108.

Kainov S.Yu., 2014. The initial stages in the formation of the military equipment complex of Ancient Rus. *Voinskiye traditsii v arkheologicheskom kontekste: ot pozdnego latena do pozdnego srednevekov'ya* [*Military traditions in an archaeological context: from the late La Tene to the late Middle Ages*]. Tula: Gos. voyenno-istorich. i prirodnyy muzey-zapovednik, pp. 97–101. (In Russ.)

Khamayko N.V., 2012. *Tafl* king figurines of the 10th century. *Slavyane Vostochnoy Evropy nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva: materialy konf., posv. 110-letiyu so dnya rozhd. I.I. Lyapushkina* [*Slavs of Eastern Europe on the eve of the formation of the Ancient Rus state: Proceed. of the Conf. dedicated to the 110th anniv. of I.I. Lyapushkin*]. St. Petersburg: SOLO, pp. 284–288. (In Russ.)

Kleingärtner S., 2014. Reuse of foreign object. *Vikings. Life and legend*. G. Williams, ed. London: The British Museum. 288 p.

Komar A.V., 2016. Belt sets with 'mythological' subjects. *Between Byzantium and the steppe*. A. Miháczi-Pálfi, Z. Mazek, eds. Budapest: Kydex Könyvgyárty Kft, pp. 545–556 (In Russ.)

Korol G.G., 2005. Anthropomorphic subject images on the belt ornaments of the Eurasian nomads of the late 1st – early 2nd millennium AD. *Snaryazheniye kochevnikov Evrazii* [*Equipment of Eurasian nomads*]. A.A. Tishkin, ed. Barnaul: Izd. Alt. univ., pp. 157–162. (In Russ.)

Les Vikings... Les Scandinaves et l'Europe 800–1200. Uddevalla: Bohusläningens Boktryckeri AB, 1992. 429 p.

Loboda A.Yu., Kolobylina N.N., Tereshchenko E.Yu., Murasheva V.V., Shevtsov A.O., Vasil'yev A.L., Retivov V.M., Kashkarov P.K., Yatsishina E.B., Koval'chuk M.V., 2018. Study of the gilding technology of the "idol" from the 10th century mound Cnernaya Mogila. *Kristallografiya* [*Crystallography Reports*], vol. 63, no. 6, pp. 992–1000. (In Russ.)

Mannering U., 2017. Iconic costumes. Scandinavian Late Iron Age costume iconography. Oxford: Oxbow Books. 214 p.

Marshak B.I., 1971. Sogdiyskoye serebro. Ocherki po vostochnoy torevtike [Sogdian silver. Studies on oriental toreutics]. Moscow: Nauka. 191 p.

Mikhaylov K.A., 2005. "Oriental" *caftans* of the Ancient Rus (fashion, origin, chronology). *Vestnik molodykh uchenykh. Seriya Istoricheskiye nauki* [*Transactions*

of young researchers. Series: Historical Sciences], 1, pp. 56–65. (In Russ.)

Motsya O.P., *Kazakov A.L.*, 2011. Davn'orus'kiy Chernigiv [Chernigov of the Ancient Rus period]. Kiïv: Starodavniy Svit. 314 p.

Murasheva V.V., 2001. Pendant plaques from the territory of Ancient Rus. *XIV Konferentsiya po izucheniyu istorii, ekonomiki, literatury i yazyka Skandinavskikh stran i Finlyandii: tez. dokl.* [*XIV Conference of the Historical, Economic, Literature and Language Studies of the Scandinavian Countries and Finland: Proceed.*]. Moscow; Arkhangel'sk: Pomorskiy gos. univ. im. M.V. Lomonosova, p. 154. (In Russ.)

Murasheva V.V., 2005. The "idol" from Gnezdovo. *RA* [*Rus. Archaeology*], 1, pp. 124–129. (In Russ.)

Oehrl S., 2017. Recensioner: Ulla Mannering, Iconic costumes. Scandinavian Late Iron Age costume iconography. *Fornvännen*, 112, pp. 186–188.

Orfinskaya O.V., 2001. Tekstil' VIII–IX vv. iz kollektsii Karachayevo-Cherkesskogo muzeya: tekhnologicheskiye osobennosti v kontekste kul'tury rannesrednevekovoy Evrazii: diss. ... kand. ist. nauk [Textiles of the 8th–9th centuries from the collection of the Karachay-Cherkess Museum: technological features in the context of the culture of early medieval Eurasia: Doctoral thesis for the degree in History]. Moscow. 268 p.

Orfinskaya O.V., 2012. Three sources, or to the classification of garment cut. *Zhenskaya traditsionnaya kul'tura i kostyum v epokhu srednevekov'ya i novoye vremya: materialy mezhdunarodnogo nauchno-obrazovatel'nogo seminara* [*Women's traditional culture and costume in the Middle Ages and the New Time: Proceed. of the scientific educational seminar*]. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arkheo, pp. 76–92. (In Russ.)

Perkins R., 1999. The gateway to Trondheim: Two Icelanders at Agdenes. *Saga-Book*, vol. XXV, part 2. London: Viking Soc. for Northern Research, Univ. College, pp. 179–213.

Perkins R., 2001. Thor the wind-raiser and the Eyrarland image. London: Viking Society for Northern Research, Univ. College. 177 p.

Petrukhin V.Ya., 1999. The Saga of the Volsungs on the "Eastern Path". *Arkheologicheskiy sbornik* [*Archeological collection*]. N.G. Nedoshivina, ed. Moscow: *GIM*, pp. 43–46. (Trudy GIM, 111). (In Russ.)

Povest' vremennykh let [The Tale of Bygone Years]. St. Petersburg: Nauka, 1999. 667 p. (Literaturnyye pamyatniki).

Price N., 2014. Belief and Ritials. *Vikings. Life and legend*. G. Williams, ed. London: The British Museum, pp. 162–201.

Pushkina T.A., 1984. The bronze idol from Chernaya Mogila. *Vestnik Mosk. gos. univ. Seriya 8. Istoriya* [*Bulletin of Moscow Univ. Series 8: History*], 3, pp. 86–87. (In Russ.)

Pushkina T.A., 2007. Austrweg souvenirs. *U istokov russkoy gosudarstvennosti: k 30-letiyu arkheologicheskogo izucheniya Novgorodskogo Ryurikova Gorodishcha i Novgorodskoy oblastnoy arkheologicheskoy ekspeditsii: istoriko-arkheologicheskiy sbornik: materialy konf.* [*At the origins of the Russian statehood: to the 30th anniversary of the archaeological research on the Novgorod Rurikovo Gorodishche and the Novgorod regional archaeological expedition: a historical and archaeological collection: Conf. proceed.*] (*2005*). E.N. Nosov, A.E. Musin, eds. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 325–331. (In Russ.)

Pushkina T.A., *Petrukhin V.Ya.*, 1995. The story of the bearded idol. *Zhivaya starina* [*Living Antiquity Journal*], 3 (7), pp. 48–49. (In Russ.)

Ratke S., 2009. Guldgubber – Einblicke in die Völkerwanderungszeit. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Univ. 259 p.

Rybakov B.A., 1949. Antiquities of Chernigov. *Materialy i issledovaniya po arkheologii drevnerusskikh gorodov* [*Materials and research on the archaeology of the Ancient Rus towns*], I. Moscow; Leningrad: Izd. AN SSSR, pp. 7–92. (MIA, 11). (In Russ.)

Samokvasov D.Ya., 1908a. Mogily russkoy zemli [Graves on the Russian land]. Moscow: Sinod. tip. 276 p.

Samokvasov D.Ya., 1908b. Raskopki drevnikh" mogil" i opisanie, khranenie i izdanie mogil'nykh" drevnostey [Excavations of ancient graves and the description, storage and publication of grave antiquities]. Moscow: Sinod. tip. 26 p.

Samokvasov D.Ya., 1917. Mogil'nyye drevnosti Severyanskoy Chernigovshchiny [Grave antiquities from Chernigov region of the Siverian land]. Moscow: Sinod. tip. 101 p.

Seyrig H., 1937. Armes et costumes iraniens de Palmyre. *Syria*, 18, pp. 4–31.

Sturluson S., 1970. Mladshaya Edda [*Prose Edda*]. Leningrad: Nauka. 253 p. (Literaturnyye pamyatniki).

Todorova S.M., 1993. The genesis of the ornamental tradition of runic stones. A classification of ornaments. *XII Konferentsiya po izucheniyu istorii, ekonomiki, literatury i yazyka Skandinavskikh stran i Finlyandii* [*XII Conf. on the Historical, Economic, Literature and Language Studies of the Scandinavian Countries and Finland*]. Moscow: IRI RAN, pp. 126–128. (In Russ.)

Turk A., 2013. From the Urals to the Carpathians. New results and prospects in the archaeology of Eastern Europe on the issue of ancient Hungarians. *II Mezhdunarodnyy Mad'yarskiy simpozium: sbornik trudov* [*2nd International Magyar Symposium: Collected papers*]. S.G. Botalov, N.O. Ivanova, eds. Chelyabinsk: Rifey, pp. 231–237. (In Russ.)

Vogelsand-Eastwood G., 2004. Sasanian "Riding-coats": The Iranian evidence. *Riding Costume in Egypt: Origin and Appearance*. C. Fluck, G. Vogelsand-Eastwood, eds. Leiden: Brill NV, pp. 210–227. (Studies in Textile and Costume History, 3).

Yatsenko S.A., 2006. Kostyum drevney Evrazii (iranoyazychnyye narody) [Costume of ancient Eurasia (Iranian-speaking peoples)]. Moscow: Vost. lit. 664 p.

Yatsenko S.A., 2010. Seated male character with a vessel in his hand on the Saka bronze 'censer' from Semirechye. *Istoriya i arkheologiya Semirech'ya* [*History and Archaeology of Semirechye*], 4. Almaty: IA im. A.Kh. Margulana, pp. 3–22. (In Russ.)

Zaytseva I.E., *Saracheva T.G.*, 2011. Yuvelirnoye delo "zemli vyatichey" [Jewelery of the "Land of the Vyatichs"]. Moscow: Indrik. 402 p.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2019, № 1, с. 87–100

ОЧАГИ-АЛТАРИ ИЗ РАСКОПОК ГОРОДИЩА ДЖАНКЕНТ В ЮЖНОМ КАЗАХСТАНЕ

© 2019 г. Э.Д. Зиливинская

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия

E-mail: eziliv@mail.ru

Поступила в редакцию 06.06.2017 г.

В статье рассматриваются очаги из жилого комплекса северо-восточной части городища Джанкент. Все очаги представляют собой прямоугольную площадку, окруженную невысоким бортиком и расположенную в центре пола помещения. Площадь очага разделена на две примерно равные зоны. В зоне, ближней к внешней стене комнаты находится подставка из сырцовых кирпичей, к которой вплотную примыкает керамическая очажная подставка с протомами баранов. Перед ней в дно очага вкопан сосуд. Вторая, ближняя к суфе, зона очага пустая и не содержит никаких конструкций. Очажные подставки, получившие в литературе название “шашлычниц”, известны на разных памятниках, но только на Джанкенте они впервые найдены *in situ*. Строение и расположение в очаге этих предметов уверенно позволяет считать их культовыми. Анализ конструкции очагов жилого комплекса X в. городища Джанкент позволяет сделать вывод о том, что они служили не только для отопления жилища, но и могли быть домашними алтарями.

Ключевые слова: Южный Казахстан, средневековье, болотные городища, огузы, жилой комплекс, очаги-алтари, очажные подставки.

DOI: 10.31857/S086960630004122-3

Важнейшим компонентом любого древнего и средневекового жилища является очаг. Основные утилитарные функции очага – приготовление на нем пищи и отопление жилища. Именно они во многом и определяют его строение. В то же время с древнейших времен огонь воспринимался человеком как некая магическая субстанция. Культ огня в том или ином виде присутствует практически у всех народов. Наиболее полно идея обожествления огня получила в зороастризме, главный объект поклонения которого – священные огни, возжигаемые в храмах. Народы, не связанные с этой религией, также приписывали огню сакральные свойства и использовали его в различных обрядах. В качестве наиболее известных примеров можно вспомнить подробно описанный ибн Фадланом обряд перехода в иной мир путем сожжения умершего и сопровождающих его людей и животных у русов и обряд очищения огнем у монголов, известный из записок Плано Карпини (Путешествие..., 1939. С. 81–83; Карпини, 1997. С. 36). Соответственно место, в котором горит огонь, т.е. очаг, также сакральное место в жилище. Исследованию сакрального восприятия огня и очага в жилище разных народов посвящены многочисленные работы (Дыренкова, 1927; Банзаров, 1955; Байбурин, 1983; Жуковская, 1988; Сагалаев, 1989).

Сакральное значение очага (печи) нашло отражение и в фольклоре. Так, в русских сказках Баба Яга обычно сидит на печи, а домовой живет за печкой. Печь, причем почему-то стоящая в чистом поле, спасает детей от злых гусей-лебедей, а ленивый Емеля использует ее как транспортное средство. В сказках Западной Европы в печи часто сжигают ведьму (“Пряничный домик” или “Гензель и Гретель”). Такое восприятие огня и места, где он горит, настолько прочно вошло в наше сознание, что даже в сказке Новейшего времени “Приключения Буратино” дверь в волшебную страну находится за очагом, хотя и нарисованном на холсте.

Проблема использования очага как алтаря рассматривается в ряде работ Е.А. Смагулова на материалах раннесредневековых поселенческих памятников Казахстана (1992, 2004, 2011).

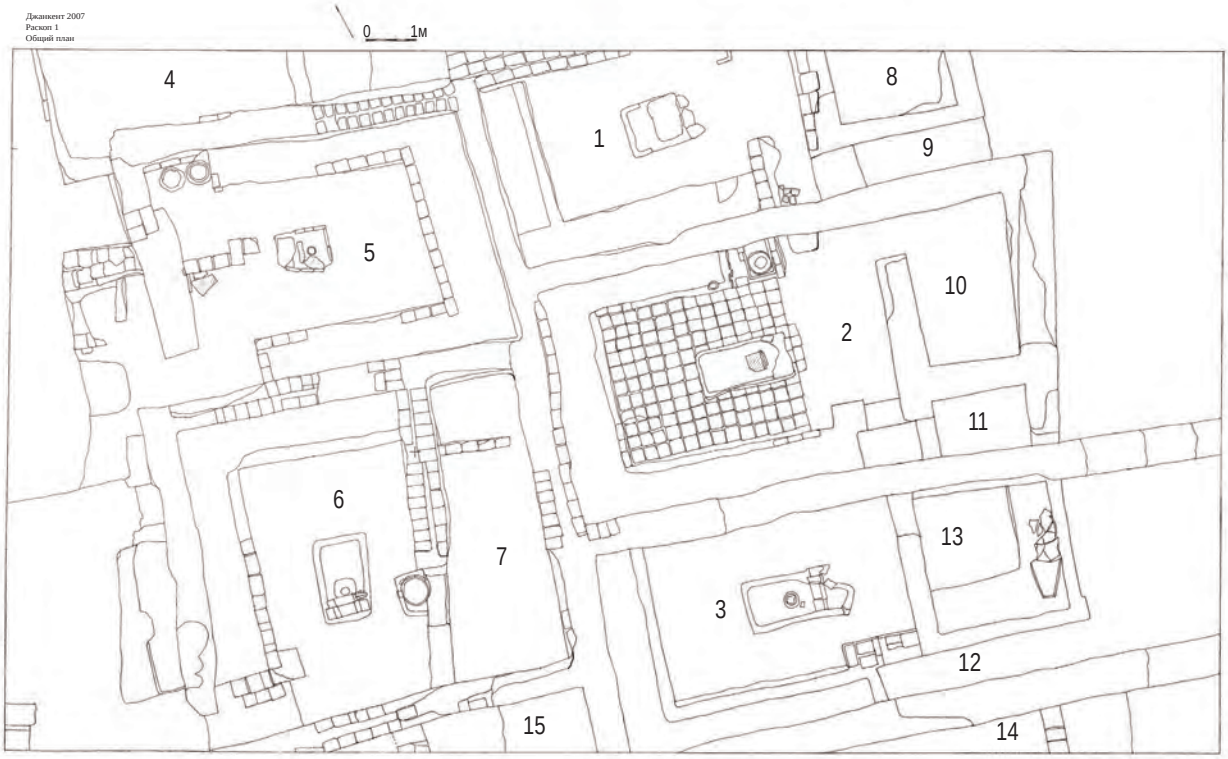


Рис. 1. Джанкент, жилой комплекс в северо-восточной части. Общий план (с нумерацией помещений).
Fig. 1. Jankent, a dwelling complex in the north-eastern part. General plan view (with room numbering)

Интересные данные об устройстве и оформлении средневековых очагов получены в результате раскопок жилого квартала на городище Джанкент в Южном Казахстане.

Городище Джанкент расположено в 1.5 км от с. Уркендеу Казалинского р-на Кызылординской обл. Памятник имеет Т-образную форму, вытянутую с востока на запад, со значительным расширением в восточной половине. Размеры городища согласно инструментальной съемке 2005 г. – 415 × 230 (в восточной части – 320) м (Аржанцева и др., 2010. С. 7). Стены построены из пахсы, лучше всего они сохранились в восточной части. Вдоль стен видны следы башен, расположенных друг от друга на расстоянии 25–40 м. Ворота находятся по центру восточной и западной стен. Посередине восточной стены хорошо различимо предвратное сооружение в виде полукруглого выступа стены около 15 м длиной (с юга на север), с воротами, перпендикулярными стене, на северном конце. Выступ фланкирован двумя выносными башнями. Северо-западный угол города занимает цитадель в виде возвышения квадратной в плане формы, размерами 100 × 100 м. Городище разделяет на две части главная улица, идущая с запада на восток параллельно внешним стенам. По характеру рельефа визуально выделяются плотно застроенный северный участок городища и значительно менее застроенный, ровный и низинный южный участок. В северо-восточном секторе городища прослежена пристроенная к северной стене прямоугольная в плане конструкция размерами 60 × 70 м и высотой около 3-4. К северной стене с внешней стороны примыкает огражденная невысокими валами полукруглая в плане территория.

Первые археологические работы на городище Джанкент провел в 1867 г. П.Л. Лерх, член Русского императорского Археологического общества. Он составил план памятника, описал его укрепления (вал, ров, стены) и оросительные каналы вокруг городища. В результате организованного им исследования окрестностей города был найден позднесредневековый могильник XIV–XV вв. (Лерх, 1870. С. 2–7).

В 1946 г. памятник посетила летная группа Хорезмской археолого-этнографической

Рис. 2. Джанкент, жилой комплекс в северо-восточной части. Вид с юга.

Fig. 2. Jankent, a dwelling complex in the north-eastern part. View from the south

экспедиции (ХАЭЭ). Была проведена аэрофотосъемка и собран подъемный материал. В дальнейшем эти данные были опубликованы (Толстов, 1947. С. 57–62; 1948. С. 211; 1962. С. 198–200). С.П. Толстов назвал Джанкент, а также другие поселения Низовьев Сырдарьи (Кескен-Куюк-Кала, Куюк-Кала) “болотными городищами”. Полученный керамический материал позволил исследователю говорить о том, что городище непрерывно существовало с античного времени (с начала нашей эры) до X–XI вв. (Толстов, 1947. С. 63). На основании письменных источников исследователь указывал, что на последнем этапе функционирования (X–XI вв.) город стал резиденцией “царя Огузов” (Толстов, 1947. С. 56; 1948. С 246; 1962. С. 198).

В обобщающей работе по средневековым городам Средней Азии О.Г. Большаков вслед за С.П. Толстовым называет Янгикент “резиденцией огузского ябгу” (Беленицкий и др., 1973. С. 192). Однако, обратив внимание на четкость и не искаженность планировки, авторы высказали предположение о том, что город сооружен единовременно и сравнительно молод (Беленицкий и др., 1973. С. 193). Предложенная С.П. Толстовым датировка памятника длительное время оставалась без изменения и была лишь откорректирована в работах Л.М. Левиной, полагавшей, что памятник доживает до XIV в (Левина, 1971. С. 77; Рапопорт и др., 2000. С. 191).

В 2005 г. начались раскопки городища Джанкент. Их проводит совместная экспедиция Кызылординского государственного университета им. Кокыт-Ата, Института этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН и Института археологии им. А.Х. Маргулана Министерства образования и науки Республики Казахстан. Впервые проведена подробная инструментальная съемка плана городища при помощи электронного тахеометра. В разных частях памятника для изучения стратиграфии заложено несколько шурфов. Анализ стратиграфических горизонтов позволил выделить три периода обживания данной территории. Обнаруженный керамический материал оказался однородным на протяжении всех периодов (Аржанцева и др., 2010. С. 44, 45). В настоящее время найден еще один, самый ранний горизонт, который пока не датирован.

В северо-восточной части городища ведутся исследования городской застройки Джанкента. На плане Джанкента и на аэрофотоснимках, сделанных в 1946 г. Хорезмской экспедицией, хорошо видно, что наиболее застроенной была именно северная часть городища. В то время на снимках, сделанных с самолета, еще отчетливо различались кварталы города и даже стены отдельных зданий и помещений в них. Раскоп 1 был заложен в 2005 г. на обширном холме овальной в плане формы, имеющем размеры 35 × 30 м. Холм был изрыт многочисленными грабительскими ямами разных размеров и глубины. Раскоп разбит вдоль северо-западного крутого склона холма, за которым отчетливо просматривается значительное понижение, вероятно, соответствующее улице, разделяющей городские кварталы. В 2005–2009 гг. здесь раскопана часть жилого комплекса, относящегося к самому позднему периоду существования городища. По монетному материалу он датируется 50–60-ми годами X в. Результаты раскопок этого объекта опубликованы (Зиливинская 2011; Зиливинская и др., 2011), поэтому можно привести лишь его краткое описание.

Стены постройки были сложены из сырцового кирпича, размеры которого составляли 32–34 × 22–23 × 6 см. Капитальные стены имели

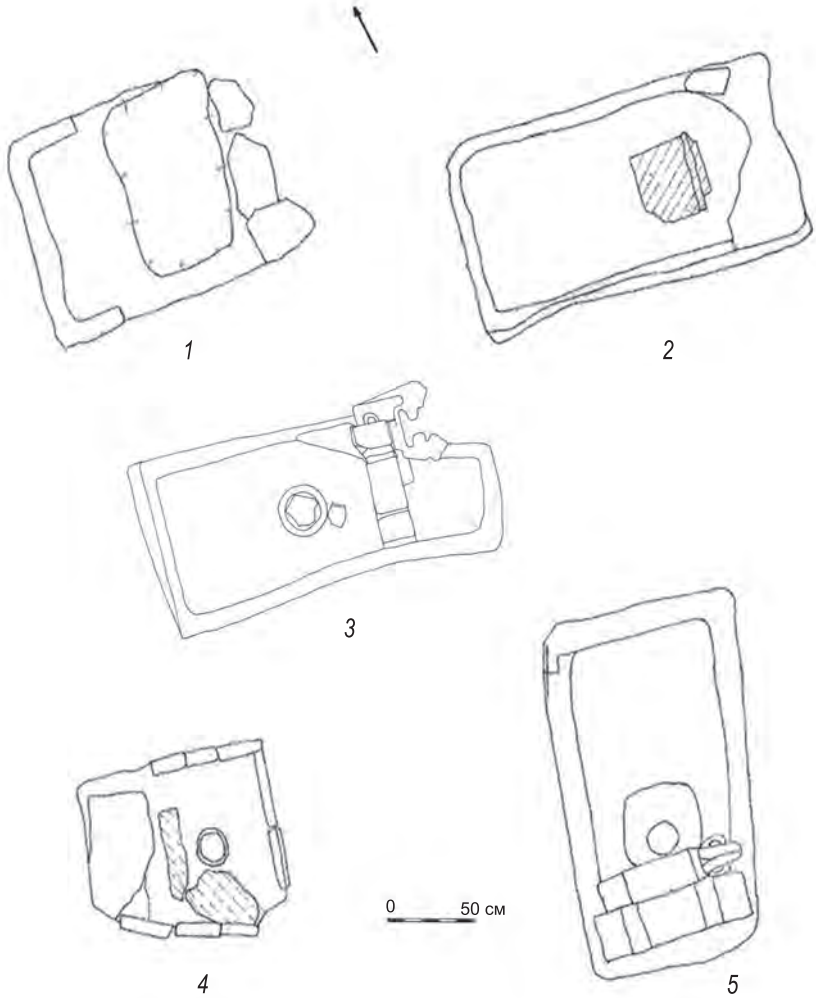


Рис. 3. Очаги жилого комплекса. *1* – в пом. 1; *2* – в пом. 2; *3* – в пом. 3; *4* – в пом. 5; *5* – в пом. 6.
Fig. 3. Hearths of a dwelling complex

толщину от 60–65 см до 80–85 см, внутренние перегородки – 35–50 см. Большая часть помещений имела плоское перекрытие из деревянных жердей, на которые были положены вязанки камыша. Сверху и снизу эта камышовая крыша была обмазана глиной. Остатки сгоревших перекрытий в виде деревянных жердей и глиняных блоков с отпечатками стеблей камыша, собранных в пучки, найдены в большинстве комнат на полу, под завалами сырцовых стен.

Здание было почти точно ориентировано по сторонам света (рис. 1, *2*). Оно имело вытянутую в меридиональном направлении форму. Ширина его составляла около 18 м, длина неизвестна, но очевидно, что она была не менее 30 м. Планировка постройки довольно простая, но в то же время очень четкая и регулярная. Меридиональная стена делит ее на две части шириной 6.5–7.5 м – западная и 10–10.5 – восточная. Каждая часть состоит из ряда пристроенных друг к другу стандартных секций, внутренняя планировка которых почти идентична и различается лишь в деталях. Секции восточной стороны состоят из прямоугольных в плане жилых помещений длиной 6–6.4 м и шириной 3.7–4.6, которые “скользящим” вдоль южной стены проходом через узкий коридор соединяются с улицей или двором. Другой проход, идущий вдоль северной стены, соединяет комнату с небольшим хозяйственным помещением, которое пристроено к восточной стене. В настоящее время полностью вскрыто три такие секции. С западной стороны исследованной

части находилось две жилые секции, которые соединялись с двором скользящими проходами вдоль южной стены. Размеры этих комнат – 6 × 4.4–4.6 м. Западные помещения отличает от восточных отсутствие дополнительных кладовок. Здесь вместо хозяйственных помещений снаружи к западным стенам были пристроены суфы.

Интерьер всех комнат был достаточно единообразным и отличался лишь в деталях. Основные его элементы – Г- или П-образные суфы и открытые очаги, расположенные в центре помещений. В помещении 5 в западной части здания в полу было сделано выложенное фигурно кирпичом тошнау, а в помещении 6 кроме открытого очага находился тандыр.

Очаги во всех помещениях однотипны, они представляли собой прямоугольные в плане открытые площадки, ограниченные со всех сторон невысокими бортиками, сделанными из половинок, разрезанных вдоль сырцовых кирпичей (рис. 3). Подобные очаги в виде открытых площадок различной формы с бортиками известны в Средней Азии и Хорезме с последних веков до нашей эры и получили широкое распространение в средневековье (см., например: Воронина, 1963. С. 87–92). Большей частью такие очаги служили для отопления жилища, но в некоторых случаях отчетливо прослеживается использование их в качестве домашних святилищ (Вишневская, Рапопорт, 1979). Детали очагов Джанкента достаточно интересны, поэтому их можно рассмотреть подробно.

Очаг помещения 1 имел размеры 1.5 × 1 м и был вытянут по оси З–В (рис. 3, *1*). Он был ограничен бортиком высотой 10 см из поставленных на торец сырцовых кирпичей, покрытых глиняной обмазкой в несколько слоев. Восточный край его не имел бортика, и здесь сырцовые кирпичи положены плоско в одну линию. Перед этой кладкой была сделана яма прямоугольной в плане формы размерами 80 × 60 см и глубиной 25 см. На дне ямы стоял керамический сосуд (рис. 4, *1*) с широким, сильно отогнутым венчиком (тувак). Яма, а также сосуд были заполнены золой. Еще один небольшой очажок находился в северо-восточном углу комнаты, однако в раскоп он вошел лишь небольшой частью, поэтому о его строении сказать ничего нельзя.

В помещении 2 по центру находился очаг прямоугольной в плане формы (рис. 3, *2*). Он был вытянут в широтном направлении и имел

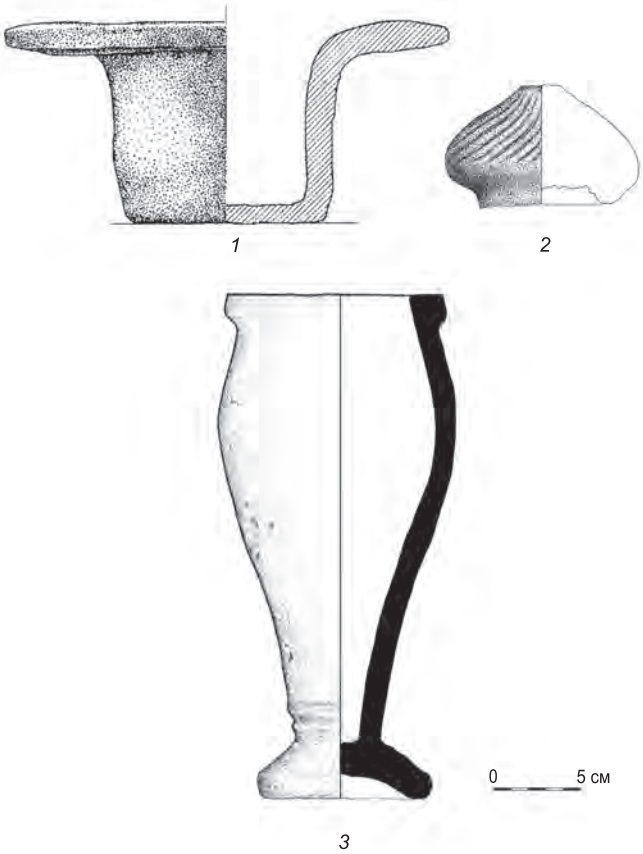


Рис. 4. Керамические изделия. *1* – тувак из очага пом. 1; *2* – навершие очажной подставки (?); *3* – курильница (?).
Fig. 4. Ceramic objects

размеры 180 × 90 см. Западная, северная и южная его стенки сложены из сырцовых кирпичей, поставленных на торец и обмазанных глиной. Восточная стенка очага сделана из кирпичей, положенных плоско. Внутри этого пространства, ближе к его восточной стенке, находилась площадка из прокаленной до красного цвета глины. Размеры ее – 40 × 40 см.

В центре пола помещения 3 расположен прямоугольный в плане открытый очаг размерами 2.05 × 0.9–1 м, вытянутый в широтном направлении (рис. 3, *3*). Он имел интересную конструкцию. Бортики его сделаны из поставленных на торец сырцовых кирпичей и оштукатурены глиной. В 1.2 м от западной стенки очага на дне его плоско положены сырцовые кирпичи, которые образуют перемычку шириной 20 см. На северном конце ее находился кирпич, поставленный вертикально, с небольшим наклоном к наружному краю печи. Такой

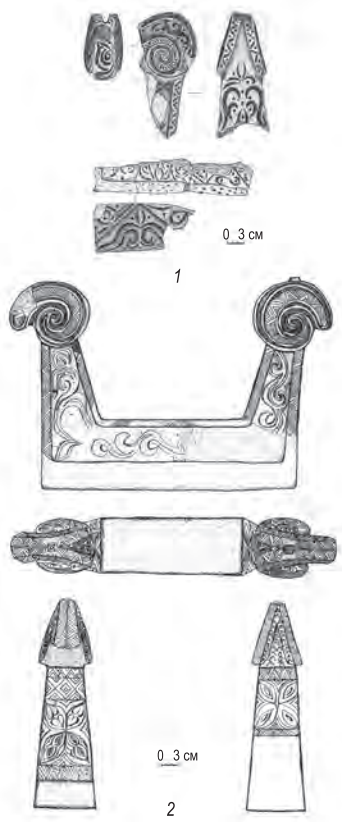


Рис. 5. Очажные подставки. *1* – из пом. 5; *2* – из пом. 6.
Fig. 5. Hearth stands

же кирпич был поставлен у южного конца стенки, но он не сохранился. Вместе они, вероятно, составляли подставку для установки котла или другого сосуда над огнем. К востоку от этой стенки, у ее северного конца, сохранилась часть оформления очага. Здесь были плоско положены две фигурные детали из глины-сырца, которые представляли своего рода трилистники, средний больший лист которых имел округло-заостренную форму, а два боковых были округлыми. Фигурной частью детали были обращены к востоку. Южный конец стенки не имел такого декора. В этой части загородка образовывала как бы еще одну камеру очага, размерами 45 × 45 см. К западу от стенки с подставкой в дно очага был вмонтирован венчик хумчи диаметром 30 см.

Очаг помещения 5 (западная половина здания) был самым маленьким (рис. 3, *4*). Его размеры составляли 1 × 0.85–0.9 м. Он вытянут по оси З–В. Очаг имел конструкцию, аналогичную очагам в других помещениях данного жилого комплекса. Пространство его ограничено сырцовыми кирпичами, поставленными на ребро. В центре очага вкопан сосуд, заполненный золой. Диаметр горла сосуда – 20 см. Вплотную к нему с западной стороны стояло основание (средняя часть) керамической подставки. Длина ее составляла 27 см, ширина – 7.7. Подставка сильно раскрошилась, так как тесто изделия было рыхлым, а обжиг плохой. Еще один фрагмент этой подставки (голова и часть шеи барана) был найден в западной части помещения. “Голова” была сделана из двух плоских, сужающихся к одному концу, глиняных жгутов. Широкий конец их образовывал стилизованную горбоносую морду животного, а узкий конец был спирально закручен для имитации рогов. Таким образом получалась круглая (диаметром 10 см), уплощенная с боков “голова”. Поверхность подставки была покрыта сложным прочерченным орнаментом, состоящим из треугольников, спиральных завитков и вдавлений, сделанными треугольной в сечении палочкой (рис. 5, *1*).

Лучше всего сохранился очаг в помещении 6, расположенном в западной части комплекса. Большая часть его деталей сохранилась в не разрушенном состоянии, поэтому строение очага из помещения 6 важно для реконструкции других очагов. Он имел такую же конструкцию, как и в других комнатах: узкий бортик окружал пространство пола размерами 1.7 × 1.1 м (рис. 3, *5*). Очаг был вытянут в меридиональном направлении. Почти вплотную к южной стенке очага была сделана подставка из сырцовых кирпичей. На ряд сырцов, положенных плоско, на расстоянии 40 см друг от друга два кирпича были поставлены вертикально с небольшим наклоном наружу. С северной стороны вплотную к этой конструкции была приставлена керамическая “очажная подставка” в виде стилизованного изображения двух протом барана, повернутых “спиной” друг к другу. Одна голова барана была отбита и лежала рядом (рис. 6; 7, *1*).

Средняя часть фигурки представляла собой брусок прямоугольного сечения длиной 48 см, высотой 13.5 и шириной 12 (рис. 5, *2*; 7, *2*). На концах бруска находились пирамидально сужающиеся выступы, образующие “шеи” баранов, увенчанные “головами”. Головы были сделаны из двух плоских, сужающихся к одному концу, глиняных жгутов. Широкий конец их образовывал стилизованную горбоносую морду животного, а узкий конец был

Рис. 6. Помещение 6, вид с северо-северо-запада.
Fig. 6. Room 6, view from the north-north-west

спирально закручен и образовывал рога. Круглые, уплощенные с боков головы имели диаметр 13.5 см. На верху головы был сделан невысокий (0.6 см высотой) квадратный в плане (1.5 × 1.5 см) выступ. Общая высота подставки составляла 40.5 см. Поверхность этой фигурки покрыта оттиснутым орнаментом в виде геометрических узоров и растительных побегов. Головы с боков и сверху были покрыты зигзагообразным орнаментом, состоящим из чередующихся треугольников. Полоса такого же орнамента шла с двух сторон по краю боковых частей подставки, образующих "шею" и "спину" животного. Пространство между этими полосами с разных сторон заполнено разным орнаментом. На стороне, которая была прислонена к сырцовой подставке и сохранилась лучше, поверхность покрыта спирально закрученными завитками, возможно, изображающими растительные побеги. На лицевой стороне фигурки, обращенной в сторону помещения и сильно поврежденной, плоскость покрыта чередующимися треугольниками, в которые вписаны трехлепестковые розетки. На задних сторонах "шеи" между двумя полосами зигзагообразного орнамента изображены четырехлепестковые розетки. Примерно так же орнаментированы "шеи" животных со стороны условной морды, но там розетки заполнены более сложным узором, а сверху над ними шла дополнительная полоса из ромбов, чередующихся с треугольниками. Перед фигуркой барана в глинобитном полу очага находился полностью заглубленный в пол сосуд. Снаружи был виден только его венчик диаметром 20 см. Венчик сосуда и пространство вокруг него было прокалено до красного цвета. Внутри сосуда находилась спекшаяся зола.

1

2

3

Рис. 7. Очажные подставки Джанкента. *1* – в очаге пом. 6; *2* – из пом. 6 после реставрации; *3* – из помещения на цитадели.

Fig. 7. Hearth stands from Jankent

Анализ очагов из всех помещений жилого комплекса, а особенно наиболее сохранившихся в помещениях 3 и 6, позволяет полностью реконструировать их строение и сделать некоторые выводы о назначении отдельных элементов. Все очаги представляют собой прямоугольную в плане площадку, окруженную невысоким (10–12 см) бортиком, сделанным из поставленных на ребро половинок сырцовых кирпичей, которые сверху были покрыты слоем глиняной обмазки. Размеры очагов различны, но все они расположены в центре пола помещений и ориентированы длинной осью вдоль оси комнаты. Площадь очага разделена на две примерно равные зоны. Все конструктивные элементы очага находятся в зоне, ближней к внешней стене комнаты. У бортика узкой стороны очага находится конструкция из двух сырцовых кирпичей, поставленных вертикально на торец узкой стороны, с небольшим наклоном наружу. Плоскость кирпичей вплотную примыкает к бортикам длинных сторон очага, а основание укреплено положенными плоско на дно очага кирпичами. Таким образом, получается подставка, боковые стенки которой имеют высоту 32–34 см, а ширина пространства между ними составляет около 40 см. Вплотную к этой конструкции поставлена керамическая очажная подставка с протомами баранов. При этом ее нижняя часть примыкает к сырцовым кирпичам, положенным плашмя, а шеи и головы баранов прислонены к вертикально стоящим кирпичам. Перед этой подставкой в дно очага вкопан сосуд таким образом, что над поверхностью находится край его венчика. Форма сосуда не регламентирована, он может быть любым. Сам сосуд и пространство вокруг него несут сильные следы прокаленности. Вторая, ближняя к суфе, зона очага пустая и не содержит никаких конструкций.

Можно представить, каким образом использовался такой очаг. Наиболее интересная часть его – керамическая фигура, которая в литературе получила название “очажной подставки” или “шашлычницы”. Этим изделиям, фрагменты которых во множестве находили на различных раннесредневековых памятниках, посвящена обширная литература. Тем не менее, как отмечает Е.А. Смагулов, только на городище Джанкент они впервые были найдены *in situ* (Ахатов, Смагулов, 2008. С. 218, 219; 2009. С. 213; Смагулов, 2011. С. 219. Рис. 22).

Подробный разбор гипотез о назначении и применении керамических “очажных подставок” приводится в работах Е.А. Смагулова (1992; 2004; 2011. С. 219, 222), поэтому не имеет смысла подробно останавливаться на этом вопросе. Можно лишь кратко упомянуть, что существуют две основные точки зрения. Сторонники утилитарно-бытового использования данных предметов считают их подставками под котлы или вертела (Нильсен, 1959. С. 73; Левина, 1971. С.73; Брыкина, 1982. С. 80; Пугаченкова, 1986). Е.А. Смагулов пишет о том, что название “шашлычницы” вошло в литературу с легкой руки Г.В. Григорьева, впервые опубликовавшего эти предметы из раскопок в Каунчи-тепа (Смагулов, 2004. С. 90). Однако Г.В. Григорьев относит их к категории

предметов культа (1940. С. 23, 26, 27), вероятно, иное определение присутствует в более поздних работах этого автора. Ю.Ф. Буряков, который также считается сторонником утилитарного применения “шашлычниц”, пишет о том, что “каунчинские терракотовые поделки генетически связаны с восточным культовым искусством” (Буряков, 1986. С. 54).

Сторонники иной точки зрения считают эти изделия культовыми предметами, благодаря которым очаги в жилищах выполняли функции домашних алтарей (Кабанов, 1981. С. 31, 32; Смагулов, 1992, 2004). Наиболее последовательно и аргументировано отстаивает эту точку зрения Е.А. Смагулов. Он совершенно верно отмечает, что хрупкость фигурок, сделанных из рыхлого теста с большим количеством шамота, не позволяет ставить на них тяжелый котел, а небольшая высота “спинки” фигурок не годится для установки на ней вертела. Данные из раскопок Джанкента полностью подтверждают эти доводы. Так, фигурка из помещения 6 была сделана из такого рыхлого теста, что его смог прогрызть суслик, устроивший в ней свою нору. В результате потребовалось довольно много усилий, чтобы сохранить фигурку целиком. Естественно, что никакую тяжесть она бы не выдержала. Подставками под вертела эти фигурки быть не могут еще и потому, что для вертела нужны две подставки, а в каждом очаге было всего по одной. Котлы или вертела, скорее всего, ставились на подставку из вертикально стоящих сырцовых кирпичей, а терракотовая фигурка действительно служила своеобразным домашним алтарем или оберегом очага.

Вполне возможно, что такие алтари могли иметь разную форму. На том же раскопе найден фрагмент керамического изделия, которое было изготовлено из такого же рыхлого теста с примесью шамота и покрыто слоем желтого ангоба (рис. 4, *2*). Изделие было приплюснутой сфероконической формы диаметром 12 см. Верхний сужающийся конец и нижний широкий обломаны. Поверхность покрыта прочерченными, спирально закрученными бороздками. Более всего этот фрагмент напоминает заостренное навершие цилиндрического или конического стержня, который, в свою очередь, мог быть высокой вертикальной частью “очажной подставки”.

Изучение очагов Джанкента помогает объяснить и тот факт, что большинство найденных фигурок было прокалено только с одной стороны. Это отмечали многие исследователи (Нильсен, 1959. С. 67, 68; Смагулов, 1992. С. 41; 2004. С. 93). Воздействию огня подвергалась только одна сторона “подставки”, так как другая плотно прилегала к конструкции из сырцовых кирпичей.

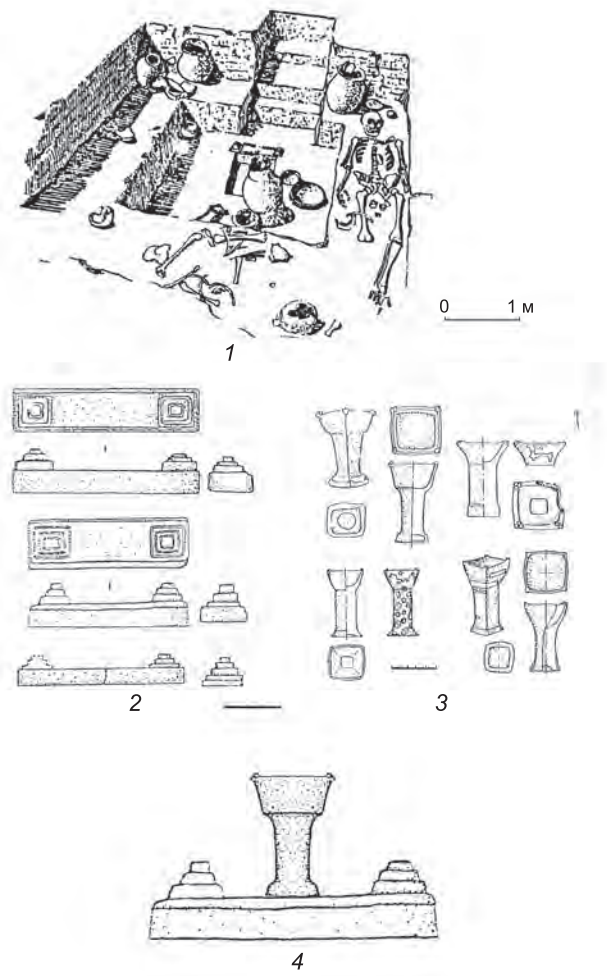


Рис. 8. Погребения джетыасарской культуры. *1* – общий вид склепа; *2* – алтари; *3* – курильницы; *4* – алтарь с курильницей (по: Болелов, 1993; Левина, 1993).

Fig. 8. Burials of the Jetiasar culture

Перед терракотовыми фигурками с головами баранов во всех очагах находились заглубленные ниже уровня пола сосуды (в одном случае только венчик сосуда). Спекшаяся зола в них и прокаленное до красного цвета пространство свидетельствует о том, что туда, скорее всего, сгребались угли, оставшиеся от открытого огня, и таким образом тепло в помещении могло сохраняться дольше. Если принять версию о том, что “подставки” с бараньими головами были домашними

алтарями, то можно предположить, что в сосуды с углями могли закладываться какие-то ароматические вещества и в этом случае они использовались как курильницы. Данное предположение требует дополнительных доказательств, однако если сравнить жилые помещения Джанкента со склепами джетыасарской культуры, которые представляют собой модели жилища, оно кажется вполне логичным. В склепах второго типа, по классификации Л.М. Левиной, по периметру стен была сделана суфа, в центре пола находился прямоугольный в плане очаг с бортиками (рис. 8, *1*), а перед ним – брусковидный алтарь с выступающими концами (рис. 8, *2*), оформленными в виде пирамидок, и курильница (рис. 8, *3*) (Болелов, 1993; Левина, 1993. С. 92; 1996. С. 88).

Возможно, в качестве курильницы использовался сосуд, найденный в очаге помещения 6 (рис. 4, *3*). Сосуд был сделан из рыхлого теста с примесью шамота и покрыт розовым ангобом. Внешняя поверхность его носит сильные следы закопченности. Тулово сосуда имело коническую, слегка раздутую форму. Устье находилось с широкой стороны, венчик слегка выделен. В нижней части должен находиться поддон, который был отколот. Возможно, именно к этому сосуду относился поддон, найденный в этом помещении ранее. Высота сосуда – около 35 см, диаметр устья – 15, диаметр нижней части – 6, толщина стенок – 2. Форма сосуда и структура его теста не позволяют видеть в нем бытовой предмет.

Вторая зона очага, свободная от каких-либо конструкций, использовалась, вероятно, для выгребания на нее углей и золы. Такие очаги в виде открытых площадок с горящими углями, вокруг которых грелись обитатели жилища, зафиксированы этнографически в разных районах Средней Азии (Воронина, 1950. С. 402; Васильева, 1982. С. 207; Писарчик, 1982. С. 72, 73).

Особо следует рассмотреть декор узкой части бортика очага в помещении 4. Интересно, что оформление его выступами в виде трилистников и их половинок находится на стороне, обращенной к стене комнаты. В то же время все очаги обращены “лицом” к суфе. Именно на нее смотрит лицевая сторона “очажной” (алтарной) подставки, а приспособление для приготовления пищи находится за подставкой, т.е. с “задней” стороны. Наиболее пышное оформление должна была бы иметь сторона очага, обращенная внутрь комнаты. Подобные очаги-алтари найдены при раскопках цитадели Джанкента (рис. 7, *3*) (Ахатов, Смагулов, 2008. С. 218, 219; 2009. С. 213; Смагулов, 2011. С. 219. Рис. 22; Байпаков, 2013. С. 158–162). Здесь они находились в специальных нежилых помещениях. Наличие отдельных культовых помещений с алтарями и приспособленных для хранения золы отличает постройки на цитадели от жилого комплекса в северо-восточной части городища. Исследования, проведенные на цитадели городища Кескен-Куюк-Кала в последние годы, также показали, что культовые помещения с очагами-алтарями, часто декорированные подставками с протомами баранов, – неотъемлемая часть каждого домовладения (Байпаков, 2013. С. 163–172).

Интересно отметить, что при общем сходстве структуры всех очагов жилого комплекса Джанкента, культовые фигурки найдены только в двух помещениях. В то же время в остальных очагах отчетливо прослеживается место, где они могли бы находиться. Как отмечает Е.А. Смагулов, в домусульманский период в городах и поселениях Средней Азии существовали не только храмовые комплексы, но и специальные общественные помещения, выполнявшие функции общинных или квартальных святилищ. Позднее, под давлением мусульманской религии, все доисламские культы были официально запрещены и отправлять их стало возможно только в частном жилище (Смагулов, 2004. С. 99–102). Этим объясняется наличие домашних алтарей (или места, где они были установлены) во всех секциях жилого комплекса.

Можно предположить, что жители Джанкента по какой-то причине покинули город в середине X в. Об этом свидетельствует очень небольшое количество бытовых находок, найденных при раскопках большого жилого квартала. Керамика большей частью представлена целыми хумами и их обломками, остальные керамические сосуды присутствуют в единичных экземплярах. Почти нет предметов из меди и железа. Вполне возможно, что покидая жилища, жители забрали с собой все самое ценное, в том числе и культовые предметы. Алтари в помещениях 5 и 6 были оставлены потому, что они были разбиты (в одном случае полностью, в другом – отбита одна из голов барана). Кстати, у алтарной подставки с цитадели также была отбита одна голова. Можно также предположить, что

нарушенные фигурки считались утратившими свои сакральные свойства и поэтому не имело смысла брать их с собой.

Таким образом, анализ конструкции очагов жилого комплекса X в. городища Джанкент позволяет сделать вывод о том, что они служили не только для отопления жилища, но и могли быть домашними алтарями. Изучение их дает новую информацию для понимания как бытового, так и религиозного аспекта жизни населения раннесредневекового Хорезма, а также позволяет выдвинуть ряд гипотез, которые требуют дальнейшей проверки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аржанцева И.А., *Зиливинская Э.Д.*, *Караманова М.С.*, *Рузанова С.А.*, *Уткельбаев К.З.*, *Сыдыкова Ж.Т.*, *Билалов С.У.* Сводный отчет об археологических работах на городище Джанкент в 2005–2007, 2009 гг. Кызылорда: Компас Кызылорда, 2010. 164 с.

Ахатов Г.А., *Смагулов Т.Н.* Археологические работы на цитадели Древнего Жанкента // Археологиялык зерттеулер жайлы есеп. Алматы, 2008. С. 217–223.

Ахатов Г.А., *Смагулов Т.Н.* Археологические исследования городища Жанкент // Археологиялык зерттеулер жайлы есеп. Алматы, 2009. С. 212–215.

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 188 с.

Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. По материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции. Кн. II: Урбанизация Казахстана в IX–начале XIII в. Алматы, 2013. 514 с.

Банзаров Д. Собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 374 с.

Беленицкий А.М., *Бентович И.Б.*, *Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973. 390 с.

Болелов С.Б. Керамические курильницы из склепов могильников Алтынасар 4 // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 2: Джетыасарская культура. Ч. 1: Склепы. М.: Ин-т этнол. и антроп. РАН, 1993. С. 199–224.

Брыкина Г.А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тыс. нашей эры. М.: Наука, 1982. 200 с.

Буряков Ю.Ф. Археологические материалы к этнической истории бассейна Средней Сырдарьи в древности и Средневековье // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент: Фан, 1986. С. 50–57.

Васильева Г.П. Формы оседлого жилища Южной Туркмении в XIX–начале XX в. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1982. С. 193–210.

Вишневская О.А., *Рапопорт Ю.А.* Следы почитания огня в средневековом хорезмийском городе // Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979. С. 105–112.

Воронина В.Л. Изучение архитектуры Древнего Пянжикента // Труды Согдийско-Таджикской археол. экспедиции. Т. 1: 1946–1947 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950 (МИА; № 15). С. 210–220.

Воронина В.Л. Черты раннесредневекового жилища Средней Азии // Сов. этнография. 1963. № 6. С. 81–93.

Григорьев Г.В. Каунчитепа (раскопки 1935 г.). Ташкент: УзФан, 1940. 64 с.

Дыренкова Н.П. Культ огня у алтайцев и телеутов // Сб. Музея антропологии и этнографии. Вып. VI. Л.: МАЭ, 1927. С. 28–33.

Жуковская Н.Л. Категории и символы традиционной культуры монголов. М.: Наука, 1988. 196 с.

Зиливинская Э.Д. Исследования жилого комплекса в северо-восточной части городища Жанкент // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: материалы Междунар. конф., посвящ. 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института им. А.Х. Маргулана. Т. 3. Алматы: Ин-т археол. им. А.Х. Маргулана, 2011. С. 109–117.

Зиливинская Э.Д., *Билялов С.У.*, *Сыдыкова Ж.Т.* Раскопки жилого квартала на городище Джанкент // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды: сб. памяти В.П. Костюкова / Ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Астраханский. ун-т, 2011. С. 27–39.

Кабанов С.К. Культура сельских поселений Южного Согда III–VI вв. Ташкент: Фан, 1981. 128 с.

Карпини Дж. дель Плано. История монгалов // Карпини Дж. дель Плано. История монгалов. Рубрук Гильом де. Путешествие в восточные страны; Книга Марко Поло. М.: Мысль, 1997. С. 30–87.

Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н.э. // Труды Хорезмской археолого-этнограф. экспедиции. Т. VII. М.: Наука, 1971. 252 с.

Левина Л.М. Джетыасарские склепы // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 2: Джетыасарская культура. Ч. 1: Склепы. М.: Ин-т этнол. и антроп. РАН, 1993. С. 33–199.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: Вост. литература, 1996. 396 с.

Лерх П.Л. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1870. 39 с.

Нильсен В.А. Кызыл-кыр // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 1. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1959. С. 60–79.

Писарчик А.К. Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XIX–XX вв. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1982. С. 69–111.

Пугаченкова Г.А. Очажные подставки из Булакбаши (к идеологии древнего скотоводческого населения Самаркандского Согда // Общественные науки в Узбекистане. 1986. № 5. С. 34–37.

Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 194 с.

Рапопорт Ю. А., *Неразик Е.Е.*, *Левина Л.М.* В низовьях Окса и Яксарта. Образы древнего Приаралья. М.: Индрик, 2000. 207 с.

Сагалаев А.М. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. Новосибирск: Наука, 1989. 245 с.

Смагулов Е.А. Комплекс ритуальных атрибутов из Отрарского оазиса // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: КазГПУ, 1992. С. 34–43.

Смагулов Е.А. “Шашлычницы” Алтынтобе // Изв. Мин-ва науки и образования Республики Казахстан. Серия Обществ. наук. 2004. № 1. С. 93–111.

Смагулов Е.А. Древний Сауран. Алматы: АБДИ Компани, 2011. 434 с.

Толстов С.П. Города гузов // Сов. этнография. 1947. № 3. С. 55–103.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 440 с.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Вост. литература, 1962. 321 с.

HEARTH ALTARS FROM THE EXCAVATIONS OF THE ANCIENT SETTLEMENT OF JANKENT IN SOUTHERN KAZAKHSTAN

Emma D. Zilivinskaya

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Moscow, Russia

E-mail: eziliv@mail.ru

The paper deals with hearths of a dwelling complex in the north-eastern part of the settlement of Jankent (Southern Kazakhstan). All the hearths are rectangular areas at the centre of a room’s floor enclosed with low borders. The area is divided into two approximately equal zones. In the one situated nearer to the outer wall there is a stand of mud-bricks adjoining a ceramic hearth stand with ram protomes. In front of the latter, there is a vessel dug in the bottom of the hearth. The second zone situated nearer to the *sufa* is empty and devoid of any structures. Hearth stands, commonly referred to in the literature as ‘braziers’, have been recovered from many sites, yet only at Jankent they have been encountered *in situ*. Their design and position in the hearth enable us to regard them as cult objects. The analysis of the hearth pattern of a tenth-century dwelling complex at the settlement of Jankent allow the conclusion that they were not mere heating structures but also home altars.

Keywords: Southern Kazakhstan, Middle Ages, swamp settlements, Oghuz, dwelling complex, hearth altars, hearth stands.

REFERENCES

Akhatov G.A., *Smagulov T.N.*, 2008. Archaeological works on the ancient Jankent citadel. *Arkheologiyalyk zertteuler zhayly esep* [*Report on archaeological research*]. Almaty, pp. 217–223. (In Russ.)

Akhatov G.A., *Smagulov T.N.*, 2009. Archaeological investigations of the settlement of Jankent. *Arkheologiyalyk zertteuler zhayly esep* [*Report on archaeological research*]. Almaty, pp. 212–215. (In Russ.)

Arzhantseva I.A., *Zilivinskaya E.D.*, *Karamanova M.S.*, *Ruzanova S.A.*, *Utkel’bayev K.Z.*, *Sydykova Zh.T.*, *Bilalov S.U.*, 2010. Svodnyy otchet ob arkheologicheskikh rabotakh na gorodishche Dzhankent v 2005–2007, 2009 gg. [Integrated report on archaeological works at the settlement of Jankent in 2005–2007, 2009]. Kyzylorda: Kompas Kyzylorda. 164 p.

Banzarov D., 1955. Sobraniye sochineniy [Collected works]. Moscow: Izd. AN SSSR. 374 p.

Bayburin A.K., 1983. Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan [Dwelling in rites and beliefs of Eastern Slavs]. Leningrad: Nauka. 188 p.

Baypakov K.M., 2013. Drevnyaya i srednevekovaya urbanizatsiya Kazakhstana. Po materialam issledovaniy Yuzhno-Kazakhstanskoy kompleksnoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Ancient and medieval urbanization of Kazakhstan. According to the materials of the South Kazakhstan complex archaeological expedition], II. Urbanizatsiya Kazakhstana v IX–nachale XIII v. [Urbanization of Kazakhstan in the 9th–the early 13th century]. Almaty. 514 p.

Belenitskiy A.M., *Bentovich I.B.*, *Bol'shakov O.G.*, 1973. Srednevekovyy gorod Sredney Azii [Medieval Town of Central Asia]. Leningrad: Nauka. 390 p.

Bolelov S.B., 1993. Ceramic censers from the crypts of Altynasar 4 burial grounds. *Nizov'ya Syrdar'i v drevnosti* [*The Lower Syr Darya in ancient times*], *iss. 2. Dzhetyasarskaya kul'tura* [*The Jetyasar culture*], *part 1. Sklepy* [*Crypts*]. Moscow: IEA RAN, pp. 199–224. (In Russ.)

Brykina G.A., 1982. Yugo-Zapadnaya Fergana v pervoy polovine I tys. nashey ery [South-Western Fergana in the first half of the 1st millennium AD]. Moscow: Nauka. 200 p.

Buryakov Yu.F., 1986. Archaeological materials on the ethnic history of the Middle Syr Darya basin in antiquity and the Middle Ages. *Materialy k etnicheskoy istorii naseleniya Sredney Azii* [*Materials on the ethnic history of Central Asian population*]. Tashkent: Fan, pp. 50–57. (In Russ.)

Dyrenkova N.P., 1927. The cult of fire with the Altaians and Teleuts. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [*Collected papers of the Museum of Anthropology and Ethnography*], VI. Leningrad: MAE, pp. 28–33. (In Russ.)

Grigor'yev G.V., 1940. Kaunchitepa (raskopki 1935 g.) [Kaunchitepa (excavations of 1935)]. Tashkent: UzFan. 64 p.

Kabanov S.K., 1981. Kul'tura sel'skikh poseleniy Yuzhnogo Sogda III–VI vv. [The culture of Southern Sogdian rural settlements of the 3rd–6th centuries]. Tashkent: Fan. 128 c.

Karpini Dzh. del' Plano, 1997. *The History of the Mongols. Karpini Dzh. del' Plano. Istoriya mongalov* [*The History of the Mongols*]. *Rubruk Gil'om de. Puteshestviye v vostochnyye strany; Kniga Marko Polo* [*Journey to the Eastern Countries; The Book of Marco Polo*]. Moscow: Mysl', pp. 30–87. (In Russ.)

Lerkh P.L., 1870. Arkheologicheskaya poyezdka v Turkestanskiy kray v 1867 godu [An archaeological trip to Turkestan land in 1867]. St. Petersburg: Tip. Imp. AN. 39 p.

Levina L.M., 1971. Pottery of the Lower and Middle Syr Darya in the 1st millennium AD. *Trudy Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii* [*Transactions of the Khorezm Archeological-Ethnographic Expedition*], VII. Moscow: Nauka. 252 p. (In Russ.)

Levina L.M., 1993. Jetyasar crypts. *Nizov'ya Syrdar'i v drevnosti* [*The Lower Syrdarya in antiquity*], *iss. 2. Dzhetyasarskaya kul'tura* [*The Jetyasar culture*], *part 1. Sklepy [Crypts*]. Moscow: IEA RAN, pp. 33–199. (In Russ.)

Levina L.M., 1996. Etnokul'turnaya istoriya Vostochnogo Priaral'ya v I tys. do n.e. – I tys. n.e. [The ethnocultural history of the Eastern Aral region in the 1st millennium BC – the 1st millennium AD]. Moscow: Vost. lit. 396 p.

Nil'sen V.A., 1959. Kyzyl-kyr. *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana* [*History of the material culture of Uzbekistan*], 1. Tashkent: Izd. AN UzSSR, pp. 60–79. (In Russ.)

Pisarchik A.K., 1982. Traditional ways of heating dwellings of sedentary people in Central Asia in the 19th – 20th centuries. *Zhilishche narodov Sredney Azii i Kazakhstana* [*Dwellings of the peoples of Central Asia and Kazakhstan*]. Moscow: Nauka, pp. 69–111. (In Russ.)

Pugachenkova G.A., 1986. Hearth stands from Bulakbashi (to the ideology of the ancient cattle-breeding population of Samarkand Sogdiana. *Obshchestvennyye nauki v Uzbekistane* [*Social Sciences in Uzbekistan*], 5, pp. 34–37. (In Russ.)

Puteshestviye Ibn Fadlana na Volgu [Ibn Fadlan's Journey to the Volga]. Moscow; Leningrad: Izd. AN SSSR, 1939. 194 p.

Rapoport Yu. A., *Nerazik E.E.*, *Levina L.M.*, 2000. V nizov'yakh Oksa i Yaksarta. Obrazy drevnego Priaral'ya [In the lower reaches of the Oks and Yaksart. Images of the ancient Aral region]. Moscow: Indrik. 207 p.

Sagalayev A.M., 1989. Traditsionnoye mirovozzreniye tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Chelovek. Obshchestvo [Traditional worldview of the Türks of Southern Siberia. Man. Society]. Novosibirsk: Nauka. 245 p.

Smagulov E.A., 1992. A ritual complex from the Otrar oasis. *Arkheologicheskiye issledovaniya v Kazakhstane* [*Archaeological research in Kazakhstan*]. Alma-Ata: KazGPU, pp. 34–43. (In Russ.)

Smagulov E.A., 2004. 'Braziers' from Altyntobe. *Izvestiya Ministerstva nauki i obrazovaniya Respubliki Kazakhstan. Seriya Obshchestvennykh nauk* [*Bulletin of the Ministry of Science and Education of the Republic of Kazakhstan. Series of Social Sciences*], 1, pp. 93–111. (In Russ.)

Smagulov E.A., 2011. Drevniy Sauran [Ancient Sauran]. Almaty: ABDI Kompani. 434 p.

Tolstov S.P., 1947. Towns of the Ghuz. *Sov. etnografiya* [*Sov. Ethnography*], 3, pp. 55–103. (In Russ.)

Tolstov S.P., 1948. Po sledam drevnekhorezmiyskoy tsivilizatsii [In the footsteps of the ancient Khoresm civilization]. Moscow; Leningrad: Izd. AN SSSR. 440 p.

Tolstov S.P., 1962. Po drevnim del'tam Oksa i Yaksarta [Through the ancient deltas of the Oks and the Yaksart]. Moscow: Vost. lit. 321 p.

Vasil'yeva G.P., 1982. The shapes of a sedentary dwelling in Southern Turkmenistan in the 19th – the early 20th century. *Zhilishche narodov Sredney Azii i Kazakhstana* [*Dwellings of the peoples of Central Asia and Kazakhstan*]. Moscow: Nauka, pp. 193–210. (In Russ.)

Vishnevskaya O.A., *Papopopt Yu.A.*, 1979. Traces of the fire worshiping in the medieval town of Khoresm. *Etnografiya i arkheologiya Sredney Azii* [*Ethnography and archaeology of Central Asia*]. Moscow: Nauka, pp. 105–112. (In Russ.)

Voronina V.L., 1950. Investigations of the architecture of ancient Penjikent. *Trudy Sogdiysko-Tadzhikskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [*Transactions of the Sogdiana-Tajikistan archaeological expedition*], 1 (1946–1947). Moscow; Leningrad: Izd. AN SSSR, pp. 210–220. (MIA, 15). (In Russ.)

Voronina V.L., 1963. Features of the early medieval dwelling of Central Asia. *Sov. etnografiya* [*Sov. Ethnography*], 6, pp. 81–93. (In Russ.)

Zhukovskaya N.L., 1988. Kategorii i simvoly traditsionnoy kul'tury mongolov [Categories and symbols of the traditional culture of the Mongols]. Moscow: Nauka. 196 p.

Zilivinskaya E.D., 2011. Investigation of a dwelling complex in the north-eastern part of the Jankent settlement. *Arkheologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektivy: materialy Mezhdunar. konf., posv. 20-letiyu nezavisimosti Respubliki Kazakhstan i 20-letiyu Instituta im. A.Kh. Margulana* [*Archaeology of Kazakhstan in the period of independence: results, prospects: Proceed. of the conf. dedicated to the 20th anniv. of the independence of the Republic of Kazakhstan and the 20th anniv. of the A.Kh. Margulan Institute*], 3. Almaty: IA im. A.Kh. Margulana, pp. 109–117. (In Russ.)

Zilivinskaya E.D., Bilyalov S.U., Sydykova Zh.T., 2011. Excavation of a dwelling quarter in the Jankent settlement. *Voprosy istorii i arkheologii srednevekovykh kochevnikov i Zolotoy Ordy: sbornik pamyati V.P. Kostyukova* [*Issues of history and archaeology of medieval nomads and the Golden Horde: Collected papers in memory of V.P. Kostyukov*]. D.V. Vasil'yev, ed. Astrakhan': Astrakh. univ., pp. 27–39. (In Russ.)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2019, № 1, с. 101–114

ПУБЛИКАЦИИ

СТРАТИГРАФИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ МОЧИЩЕ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

© 2019 г. С.А. Григорьев

Институт истории и археологии УрО РАН, Челябинск, Россия

E-mail: stgrig@mail.ru

Поступила в редакцию 13.06.2017 г.

Статья посвящена изучению стратиграфии поселения эпохи бронзы Мочище в Южном Зауралье. Раскопки на поселении произведены большой площадью (4000 м^2), что позволило выявить все культурные комплексы поселения и определить их соотношение между собой. В общей сложности было выделено 77 отдельных слоев, которые были объединены в четыре строительных горизонта. Два нижних горизонта отнесены к алакульскому времени, выше идет черкаскульский горизонт и над ним – саргаринский. В алакульских горизонтах зафиксировано сосуществование петровской и алакульской керамики. Первоначально доля петровской керамики достигала трети, но постепенно она снижалась. В черкаскульском горизонте отмечено сосуществование федоровской, черкаскульской, межовской и федоровско-черкаскульской керамики. В саргаринский период существовала только керамика саргаринской культуры. При этом во всех горизонтах присутствует значительная примесь ранней и поздней керамики, вызванная перекопами, переиспользованием старых котлованов и т.д. Поэтому использование данных по распределению керамических типов по слоям напрямую ведет к ошибочным результатам. Необходим анализ взаимовстречаемости типов в отдельных слоях, иногда вычисление коэффициентов сходства и иные специальные процедуры. Не исключено, что между горизонтами существовали хронологические разрывы, хотя этому противоречит постоянное переиспользование старых котлованов в более позднее время. Алакульский горизонт на основании радиоуглеродных дат относится к периоду XXII–XXI вв. до н.э., что позволяет говорить о том, что алакульская культура начинает формироваться в лесостепи еще в период существования синташтинской культуры. Конец этого периода связан с появлением федоровской керамики на поселении, но собственно федоровский слой здесь, как и на других зауральских поселениях, отсутствует. Дата черкаскульского горизонта не ясна, а саргаринский горизонт относится к периоду XII–IX вв. до н.э., т. е. сюда проникает степное население уже на позднесаргаринском этапе.

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы, Южный Урал, поселение, стратиграфия, хронология и периодизация.

DOI: 10.31857/S086960630004127-8

Хронологическое соотношение культурных комплексов эпохи поздней бронзы Урало-Иртышского междуречья является старой и довольно сложной проблемой. И именно поселенческие памятники Южного Зауралья уже около 70 лет используются как опорные комплексы для понимания соотношения культур андроновской культурно-исторической общности. Однако последние 30–35 лет внимание исследователей переключилось на изучение предшествующих синташтинских памятников, хотя эпизодически появляются новые исследования андроновских памятников и проблемы их периодизации в этом районе. В археологии существует три основных способа решения этой проблемы: метод типологических параллелей, радиоуглеродный анализ и изучение стратиграфического положения отдельных комплексов на многослойных памятниках.

Сразу оговоримся, что ни один из этих методов не является самодостаточным, как ни один из них не является ошибочным, хотя его использование и может вести к ошибочным результатам. У каждого из этих методов есть рамки, в пределах которых он корректен. Так, если мы видим какой-то идентичный тип в комплексах двух разных культур, это может означать их синхронность, частичную синхронность или вовсе разновременность, если этот тип существовал продолжительное время,

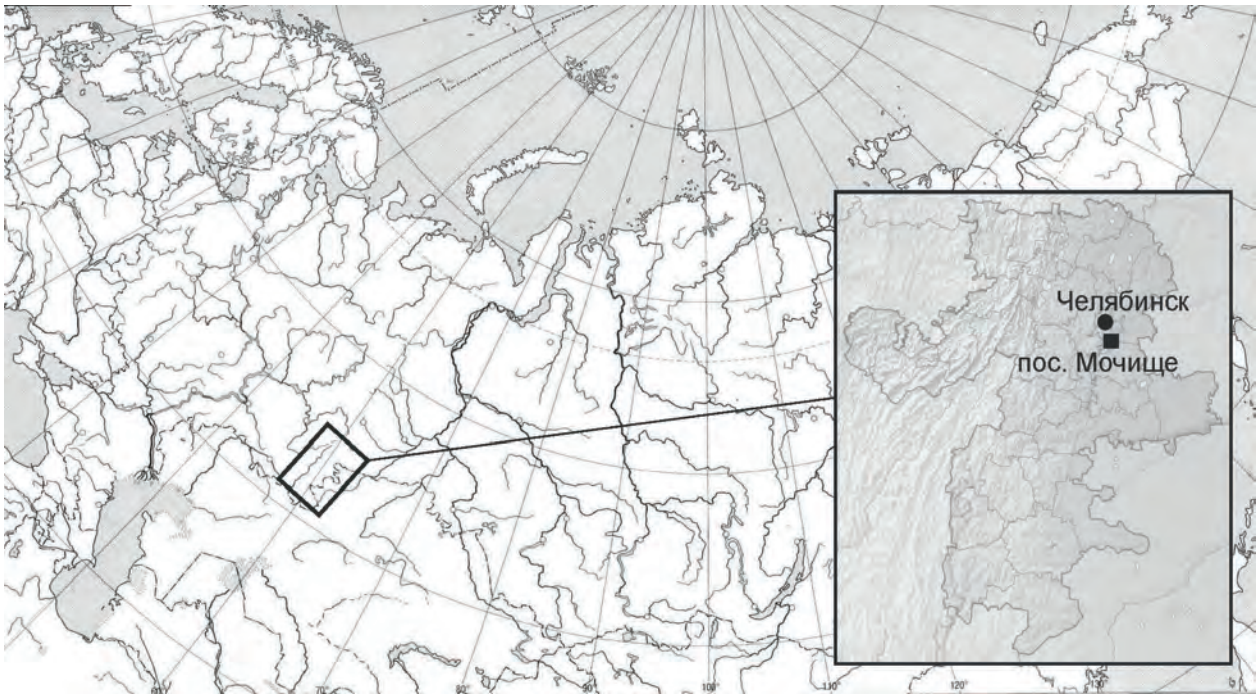


Рис. 1. Ситуационный план локализации памятника.

Fig. 1. Location of the settlement of Mochishche

а обсуждаемые культурные комплексы – нет. Множество иных проблем возникает с радиоуглеродным анализом, они очень сложны, часто обсуждаются, и здесь мы не будем их касаться.

На первый взгляд, надежная стратиграфия является основанием для уверенных суждений о периодизации культур. Но фиксация какой-то стратиграфической ситуации вовсе не дает оснований распространять ее на обширные ареалы, что порой делается. Кроме того, в случае сосуществования культур мы можем столкнуться с любой стратиграфической ситуацией на отдельном памятнике, особенно, если раскопки произведены на ограниченной площади. В силу этого иногда на основании стратиграфических наблюдений мы получаем различные выводы.

В частности, на заре андроновской проблематики К.В. Сальников (1957) на основе стратиграфии поселения Кипель писал, что в Зауралье федоровская культура сменяется алакульской. Затем В.С. Стоколос (1970) предположил, что там федоровская и алакульская керамика залегали вместе. Наше знакомство с этой коллекцией показало, что то, что В.С. Стоколос называл "алакульскими", частично является петровскими материалами, и К.В. Сальников называл их "керамикой с резной орнаментацией", которая залегала совместно с федоровской (Григорьев, 2002. С. 48).

Впоследствии многочисленные исследования показали, что в Зауралье за синташтинскими слоями следуют петровские, затем алакульские, федоровские, черкаскульские и саргаринские[1] (Зданович, 1988, и многие др.). Однако очень часто мы сталкиваемся с обоснованием иной ситуации – синхронизации алакульских и федоровских материалов, и даже петровских и федоровских, или синташтинских и алакульских. Подобные случаи многочисленны от Урала до Алтая, мы приводили только их краткую сводку (Григорьев, 2000. С. 345–352; 2006. С. 209–222; 2016).

[1] Для саргаринской культуры существуют также иные обозначения: "алексеевская", "алексеевско-саргаринская" или наиболее употребляемое "саргаринско-алексеевская". На наш взгляд, среди валиковых материалов Алексеевского поселения (как и многих иных памятников этого времени) присутствуют также валиковые материалы федоровско-межовского типа, а поселение Саргары представляется относительно чистым памятником. Учитывая возможное локальное своеобразие, которое пока не изучено и не показано, термин "саргаринско-алексеевская" представляется тоже вполне приемлемым, но в данной работе для культуры используется термин "саргаринская", при понимании его условности.

Таблица 1. Стратиграфическое соотношение слоев и горизонтов поселения Мочище

Table 1. Stratigraphic ratio of layers and horizons of the Mochishche settlement

Горизонты / раскопы	Р4	Р1	Р3	Р2	Р7 (зап)	Р7 (вост)	Р 5,6
Поздние перекопы	4-1	1-1,11	3-1,13,18,19	2-1,8	7-1	7-1,10	5-1, 6-1
4. Саргаринский период	–	–	3-4, (часть 3-5, 6)	–	7-3, 7-3-2	7-13,16	–
3. Черкаскульский период	–	–	3-16, (3-15 - переисп.), 3-6,10, 3-15-2	–	–	7-22-25 (?)	–
	–	–	–	–	–	7-13,19	–
	–	–	3-9, 3-9-1 (переисп.), 3-9-2, 3-9-3	–	–	7-12, 7-12-2	–
	–	1-4	3-14	–	–	7-15,16,17,18,21	–
	4-2	1-3	3-5 (переисп.), 3-5-1 (переисп.), 3-5-2	–	7-5,6 (?)	7-11	5-2, 6-2 (?)
2. Алакульский период 2	4-2	1-8	3-12, 3-9-1	2-4-1,2	7-3-1, 7-3а	7-14 (?)	–
	4-4	1-13	3-15 и 3-15-1	2-5	7-4	–	–
	–	1-7	3-9, нижняя часть 3-9-2	2-4-3	7-7, 7-7-1,2,3	–	–
	–	1-6	3-5, 3-5-1	2-4	–	–	–
	–	1-5	3-17	2-3	–	–	–
	4-3	1-10	3-7	2-2	–	–	–
1. Алакульский период 1	4-3	1-2	3-8	2-9	7-8	7-8, 20	–
	4-5	1-9	–	2-6,7	7-2	–	–
	4-6	1-12	3-3,11,20	–	–	–	–

Причина этого заключается в первую очередь в тех проблемах стратиграфического метода, которые мы выше обсуждали.

Но есть и внутренние проблемы этого метода. В частности, это то, что раньше, а в отдельных случаях и сейчас, материал отбирался по горизонтам 15–20 см (или по “штыкам”). Естественно, в случае более сложной стратиграфической ситуации мы получаем искаженный результат. Но и в случае тщательной фиксации мы видим, что на многослойных памятниках материал перемещался, как вверх, так и вниз. Но за счет исследования больших площадей мы в состоянии решить эти проблемы. При обработке коллекции поселения Мочище первоначально была допущена серия ошибок при отнесении материала к определенному слою. Степень погрешности для отдельных слоев достигала 5–17%, поэтому вся работа была сделана заново. Поразительно то, что итоговые цифры по соотношению керамических типов не только в стратиграфических горизонтах, но даже в отдельных слоях, почти не изменились, поскольку погрешность была погашена эффектом большой выборки. Поэтому многослойные памятники, раскопанные на большой площади, позволяют делать относительно корректные выводы о стратиграфической ситуации.

В публикуемых здесь материалах дается описание стратиграфии поселения Мочище, и, учитывая большую исследованную площадь, эта ситуация, безусловно, актуальна для южной части лесостепи, но я не уверен, что ее можно переносить на все лесостепное Зауралье, и уж наверняка она не применима к степной зоне.

Локализация памятника и его стратиграфия (рис. 1). Поселение Мочище находится в лесостепной зоне Южного Зауралья, в Челябинс-

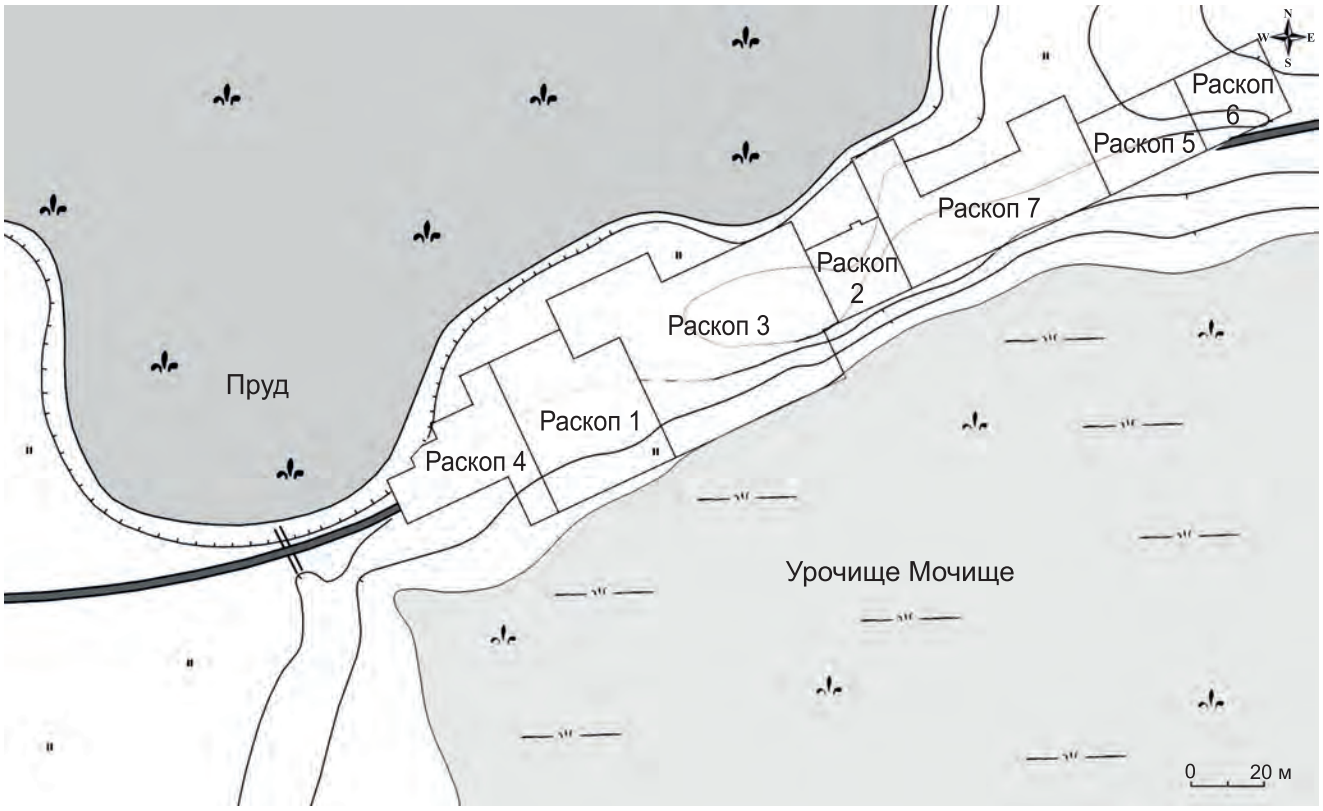


Рис. 2. План расположения поселения Мочище.
Fig. 2. Layout plan for the settlement of Mochishche

кой области, в 25 км к югу от г. Челябинска (54°54′55″ с.ш., 61°35′21″ в.д.) Оно приурочено к дюне, образованной слиянием ручья и озера. В настоящее время древнее озеро превратилось в заболоченное пространство (урочище Мочище), а ручей был перегорожен, в результате чего к северу от дюны образовался пруд (рис. 2). В силу такого расположения, это было единственное место, где можно было построить дорогу, и это строительство началось осенью 2004 года. Поэтому летом здесь проводились спасательные работы, и в ходе полевого сезона была вскрыта площадь около 4000 м^2.

На раскопе было выявлено 16 жилых построек и их фрагментов, к югу от них располагались зольники, а на западе секция оборонительного рва с проходом, южная часть рва была переиспользована под жилище 1 (рис. 3).

Верхний горизонт памятника был распахан в начале 20 в. Это приводило к тому, что иногда сочленение слоев было уничтожено, и было трудно определить их стратиграфическое соотношение (см., например, рис. 4, где пахотный слой 3-1 почти уничтожил контакт слоев 3-6 и 3-10). Сделать единые слои для раскопа длиной около 170 м оказалось и вовсе невозможно. Поэтому выделялись слои для каждого из 7 раскопов поселения, они получали нумерацию с обозначением номера раскопа и слоя (например, 7-2 – слой 2 раскопа 7). В общей сложности, было выделено 77 таких слоев (рис. 4; табл. 1).

Затем изучалось соотношение слоев, была определена их стратиграфическая иерархия, и они были объединены в стратиграфические горизонты (табл. 1). При этом слои, расположенные в разных строчках таблицы, могут быть одновременны, просто один слой сформировался на другом. Например, в случае разрушения жилища стены могут упасть на развал крыши, но это одновременные слои. В каких-то случаях зольник, относящийся к определенному жилищу и синхронный ему, мог продолжать функционировать после его разрушения. В связи с этим надо указать на некоторую условность выделения горизонта 1. К нему отнесены погребенная почва, наиболее рано сформировавшиеся конструкции оборонительного рва, и ямы, выкопанные на этапе

Таблица 2. Радиоуглеродные анализы костей из алакульского и саргаринского слоев поселения Мочище

Table 2. Radiocarbon analyses of bones from the Alakul and Sargar layers of the Mochishche settlement

Анализ	Локализация пробы	Даты BP	Даты BC 68%
СОАН-7318	Р. 2, кв. В/27, я. 6, гор. 4, гл. (-52-62)	3710±75	2116 ± 108 2224-2008
СОАН-7315	Р. 4, кв. Ж/2, гор. 7 гл. (-89) и (-100-110)	3700±65	2098 ± 92 2190-2006
СОАН-7317	Р. 7, кв. А/30 ЮЗ, я. 1, жил., гор. 3, гл. (-40-60)	3690±45	2081 ± 63 2144-2018
СОАН-7316	Р. 1, кв. В/9 ЮЗ, я. 45, гл. (-177)	3670±55	2057 ± 77 2134-1980
СОАН-7324	Р. 3, кв. Б`/12, гор. 3	2940±65	1158 ± 101 1252-1057
СОАН-7322	Р. 3, кв. В/12, колодец, гор. 7	2870±85	1074 ± 122 1196-952
СОАН-7323	Р. 3, кв. В/15, колодец, гл. (-300)	2945±45	1164 ± 79 1243-1058
СОАН-7320	Р. 7, кв. А`/29, я. 2, жил.	2780±75	954 ± 89 1043-865
СОАН-7321	Р. 7, кв. В/40 СВ, сл. 7-13	2685±65	864 ± 49 913-815
СОАН-7319	Р. 3, кв. Г/17, колодец, гор. 9	2675±65	857 ± 48 905-809

Примечание: Калибровка осуществлена с помощью программы CalPal (в описании локализации проб указаны горизонты объектов, а не обсуждаемые в статье стратиграфические горизонты поселения)

строительства алакульских жилищ. Но погребенная почва на некоторых участках была плохо перекрыта слоями горизонта 2, и на ней продолжали откладываться находки в более позднее время.

Горизонт 2 тоже не вполне одновременен. Сначала строятся жилища 2, 3, 5–10. В конце этого периода строится жилище 1 в остатках рва. На следующем горизонте строятся черкаскульские жилища 11, 14, 15. Самым поздним является саргаринское жилище 4, фрагмент распаханного жилища 16 и переиспользованное в саргаринское время жилище 10. Фрагмент постройки 12 находок не содержал, но стратиграфически он раньше переиспользования жилища 10 в саргаринское время. Остатки распаханного жилища 13 невозможно связать с каким-то горизонтом.

В ряде случаев положение осложняется тем, что некоторые объекты переиспользовались. Причем, на полах стандартного алакульского жилища 10 со стандартным алакульским колодцем в центральной части лежал материал эпохи финальной бронзы. И это были развалы сосудов, которые не были случайным образом сюда перемещены. То же происходило с алакульскими постройками и в черкаскульское время. Иногда переиспользовались даже колодцы. Но, в ряде случаев, вычищался от культурного слоя не весь алакульский котлован, а только его часть. А в другой части полом черкаскульского жилища становилась поверхность алакульского слоя. Из-за этого переиспользования в вышеприведенной таблице некоторые слои упомянуты дважды.

Так, переиспользованы котлованы жилищ 5 и 7, полностью слой выбирался, преимущественно, в северной их части, но контуры черкаскульских жилищ на алакульском слое проследить не удалось. В районе алакульского

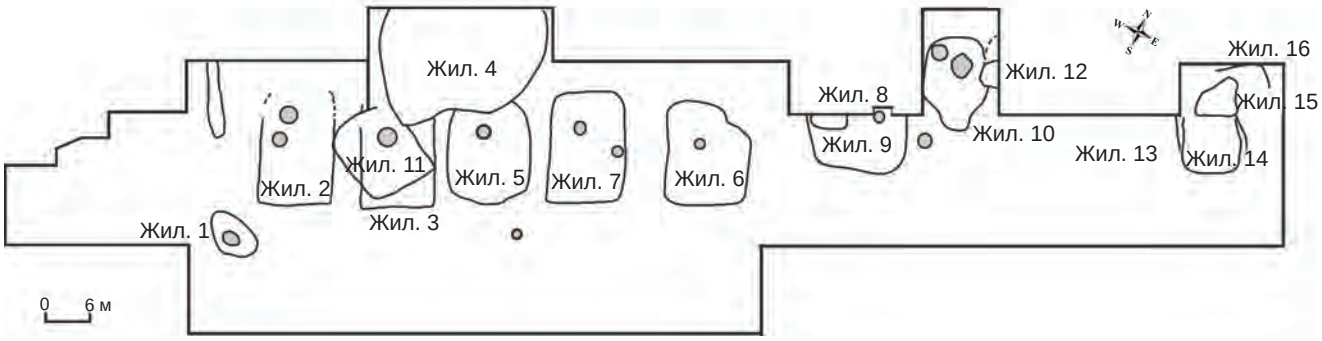


Рис. 3. План жилищ поселения Мочище.
Fig. 3. Plan of dwellings of the Mochishche settlement

жилища 3 тоже было сооружено жилище 11 черкаскульского времени. Оно иной ориентации (З–В), и алакульский слой из заполнения котлована выбирался не полностью.

Самым восточным черкаскульским жилищем было жилище 14, а в пределах раскопа 2 и на западе раскопа 7 построек этого времени нет.

Последним этапом поселения эпохи бронзы был саргаринский. Строительные остатки этого времени выявлены далеко не везде, например, в пределах раскопов 1, 2, 4–6 они отсутствуют, а материал встречался относительно редко, и явно занесен с иных участков. В первую очередь, это крупное жилище 4 на севере раскопа 3. Восточнее же жилище 10 эпохи финальной бронзы использовало алакульский котлован, не углубляясь ниже его пола. Котлован был аккуратно расчищен, но не стали использовать старый колодец. Был выкопан новый, в дальнем углу жилища. Еще восточнее, сохранился распаханный фрагмент саргаринского жилища 16. Оно тоже было, фактически, наземным, т. е. постройки этого времени смещены чуть севернее от линии алакульских построек и от гребня дюны, и разделены значительным расстоянием.

В процессе функционирования этих жилищ на прилегающих участках откладывался саргаринский материал. Но не исключено, что какие-то саргаринские жилища, построенные на раннем культурном слое, без котлована, мы не сумели зафиксировать. На это указывают находки саргаринской керамики в некоторых колодцах, а также поздние даты костей, обнаруженных в некоторых колодцах. Вероятно, жилища были распаханы, на что указывает обильное присутствие саргаринского материала в пахотном слое.

Особо следует коснуться стратиграфии колодцев. На первый взгляд, находки в них должны относиться к эпохе их функционирования. Однако встречаются случаи их более позднего переиспользования. Более типична, впрочем, обратная ситуация заполнения колодцев более ранним материалом. Более детально эта проблема уже обсуждалась в одной из статей (Григорьев, 2013), но вкратце ситуация следующая. Из-за подмыва стенок колодцы постепенно выходили из строя, и их засыпали грунтом, выкапывая новый колодец по соседству. Этот грунт могли взять из более раннего культурного слоя. Это основная причина присутствия двух и даже трех колодцев в жилище и обнаружения в них раннего материала. Но даже после засыпки влага поднималась по шахте колодца до самого верха, и для ее изоляции слой засыпки перекрывался слоем глины. После проседания заполнения могли досыпать еще слой грунта, и вновь перекрыть глиной. Поэтому мы видим в колодцах 2-3 линзовидных слоя глины.

Радиоуглеродные даты были получены только для горизонтов 2 и 4 (табл. 2). Четыре даты второго (алакульского) горизонта (СОАН-7315-7318) дают согласованную серию в рамках XXII–XXI вв. до н.э., что вполне типично для алакульских дат в лесостепи. Даты, которые относятся к горизонту 4 (финальной бронзе), тоже особых вопросов не вызывают. Дата саргаринского жилища 4 приходится на XII в. до н.э. (СОАН-7324), колодца 2 жилища 10 (слой 7-3-2) – на X в. до н.э. (СОАН-7320), а дата слоя 7-13 на IX в. до н.э. (СОАН-7321). Поздний колодец

Таблица 3. Распределение керамических типов по строительным горизонтам

Table 3. The distribution of pottery types across building horizons

Горизонт	Процент	Петровка	Алакуль	Федорово	Федорово-Черкаскуль	Черкаскуль	Межовка	Саргары	Неопределимые	Неорнаментированные
1	%	11.76	24.26	3.68	1.47	0.74	5.15	2.21	15.44	36.76
	Процент от числа определимых	24.62	50.77	7.69	3.08	1.54	10.77	4.62	–	–
2	%	3.86	29.04	1.67	3.86	2.19	1.93	0.84	19.51	37.09
	Процент от числа определимых	8.9	66.91	3.86	8.9	5.04	4.45	1.93	–	–
3	%	0.68	17.01	2.49	6.8	7.03	7.26	3.63	19.95	35.15
	Процент от числа определимых	1.52	37.88	5.56	15.15	15.66	16.16	8.08	–	–
4	%	2.15	22.75	2.15	0.86	0.43	1.29	8.58	24.46	37.34
	Процент от числа определимых	5.62	59.55	5.62	2.25	1.12	3.37	22.47	–	–

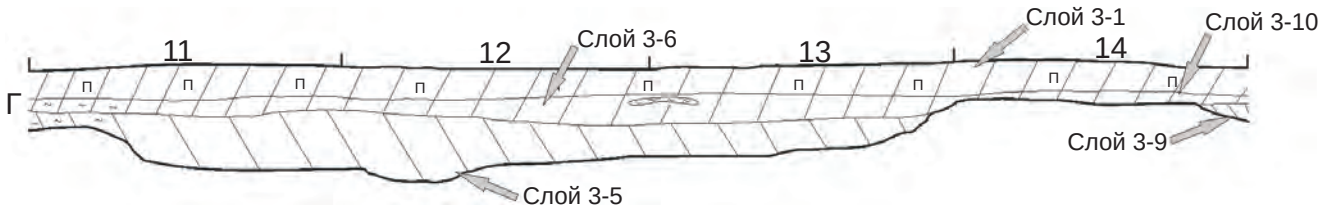


Рис. 4. Стратиграфическая ситуация на раскопе 3.

Fig. 4. Stratigraphic situation at excavation area 3

жилища 7 датирован IX в. до н.э. (СОАН-7319). Он тоже располагался у края котлована, как и саргаринский колодец жилища 10, что не соответствует алакульской традиции. В его заполнении найдены почти все типы керамики этого поселения, включая петровскую и алакульскую, но, несмотря на дату, саргаринская керамика отсутствовала. Однако в верхней части заполнения было много неопределимых и неорнаментированных фрагментов (а саргаринская посуда слабо орнаментирована), поэтому, скорее всего, колодец функционировал в саргаринское время, был засыпан культурным слоем поселения, и в него попали все типы более ранней посуды. Поэтому горизонт 4 на поселении датируется в рамках XII–IX вв. до н.э., то есть относительно поздней фазой саргаринской культуры.

Распределение керамических комплексов. Поскольку при работе осуществлялась индивидуальная фиксация находок, это позволило привязать керамику к конкретным слоям. Изучение распределения керамических находок производилось по каждому слою в отдельности, а также по выделенным стратиграфическим горизонтам (табл. 3). При этом помимо общего соотношения керамики, учитывались конкретные условия залегания отдельных фрагментов. Для каждого раскопа такие расчеты делались и для верхнего распаханного слоя, но здесь эти частные данные не обсуждаются.

В горизонте 1 доминирует алакульская керамика (рис. 5). Среди определимых фрагментов ее доля составляет 50.77%, а доля петровской керамики 24.62%. Все прочие выявленные здесь типы перемещены (это 27.7% от определимой посуды), а относительно высокая доля некоторых из них объясняется малым количеством находок и недостоверностью выборки. Часть находок отложилась в более позднее время на участках, где этот слой не был достаточно перекрыт. Поэтому без учета этих находок в горизонте 1 доля петровской посуды составляет 32.66%, а алакульской 67.34%. При этом необходимо подчеркнуть, что в пределах этого большого раскопа не существовало ни одного объекта или фрагмента культурного слоя, где бы присутствовала исключительно петровская керамика, или где бы она преобладала. Она синхронна алакульской посуде этого поселения и является примесью к ней. Более того, в заполнении западных алакульских жилищ 2 и 3 горизонта 2 доля петровской посуды близка ее доле в слоях горизонта 1: в жилищах 2 и 3 (слой 1-5) – 21.05%, в зольнике перед жилищами (слой 1-6) – 33.33%. Это отражает то, что поселок начал функционировать на западе и постепенно расширялся на восток. В нем изначально было два компонента – алакульский и петровский, но постепенно петровская керамическая традиция сокращалась.

Ситуация с горизонтом 2, к которому относится ряд алакульских жилищ и зольников, вполне предсказуема. Здесь доля алакульской керамики достигает 66.91%, а петровской снижается до 8.9. Если брать только соотношение внутри этой пары, то мы получаем цифру 11.73% для петровской посуды и 88.27 для алакульской. То есть по сравнению с нижележащим слоем это соотношение резко меняется в пользу алакульской керамики. Но доля всей прочей керамики дает цифру 24.18%, близкую той, что получена для горизонта 1. Это позволяет предполагать, что большинство этой керамики тоже перемещено из вышележащего слоя, как и в случае с горизонтом 1. Вероятно, чаще всего так оно и есть. Анализ внутри отдельных слоев показал, что более поздние примеси, как правило, единичны и случайны. Иными словами, если мы видим в слое один или два фрагмента поздней керамики, они наверняка перемещены. Иные приурочены к тем участкам, где фиксируется явное вторжение в этот ранний культурный слой. Но существуют

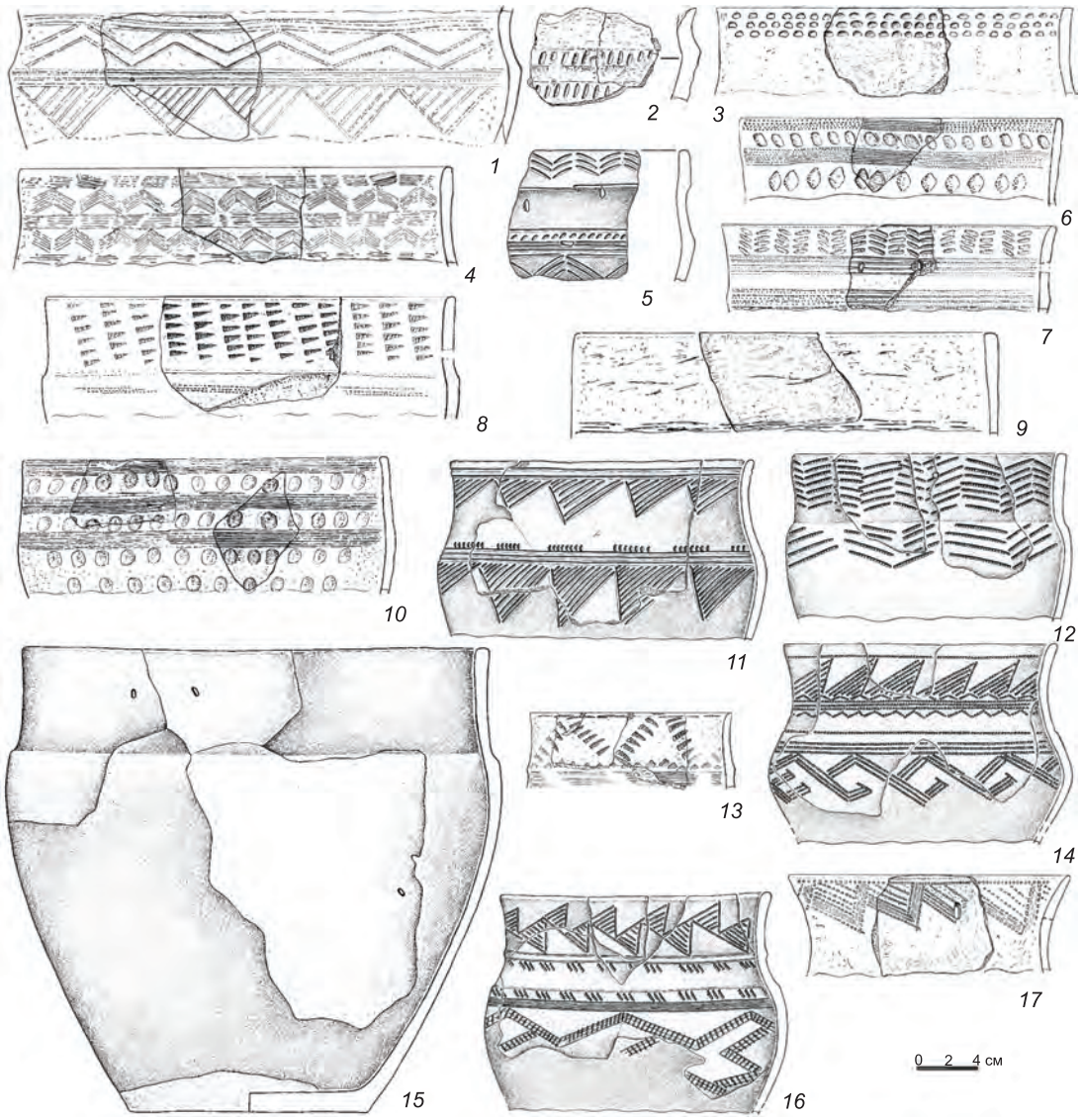


Рис. 5. Керамика алакульского времени (горизонты 1, 2): *1, 2, 5* – петровский тип; *3, 4, 6–13, 15, 17* – алакульский тип; *14, 16* – алакульско-федоровский тип.

Fig. 5. Pottery of the Alakul period (horizons 1, 2)

единичные ситуации, когда можно утверждать, что поздние керамические типы совершенно точно отложились в этот период, точнее, в самом его конце.

Например, в одном из засыпанных алакульских колодцев, на поверхности просевшей линзы обмазки перекрытия был расчищен очаг и развал федоровского горшка (рис. 6). Соответственно, грунт в этом колодце еще не успел уплотниться. В другом случае эта керамика надежно перекрыта алакульским зольником. То же можно сказать по отдельным фрагментам федоровско-черкаскульского типа. Эти стратиграфические ситуации дополняются присутствием черкаскульских желобков вдоль полос орнамента на паре алакульских фрагментов. Но в целом, значительного количества находок этой посуды в этом горизонте нет, во всяком случае, в том положении, когда мы не можем объяснить это перемещением. То есть федоровско-черкаскульская и федоровская керамика появляется на поселении в самом конце алакульского периода.

Следующим горизонтом на поселении является черкаскульский. В нем высокая доля петровской и алакульской посуды (39.4%), перемещенной из нижележащего горизонта. Это подтверждается тем, что коэффициент сходства алакульской посуды этого горизонта с посудой горизонта 2 составляет 0.98, т. е. они

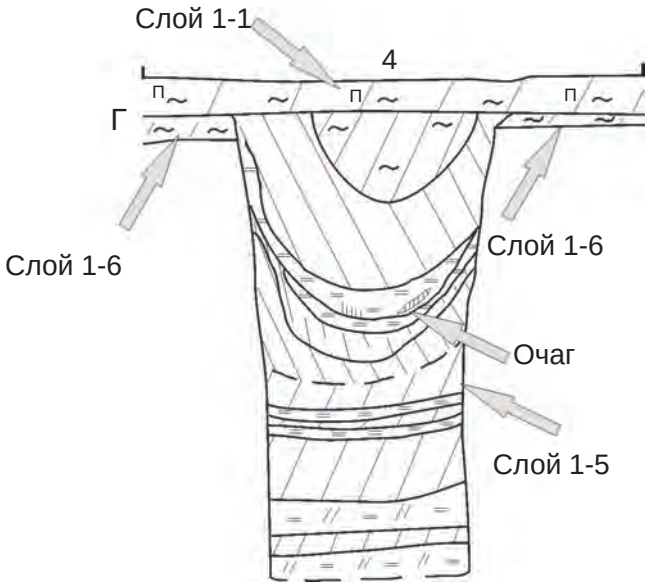


Рис. 6. Разрез колодца 2 раскопа 1.

Fig. 6. Cross section of pit 2 in excavation area 1

идентичны. В случае позднего контакта черкаскульского населения с алакульским населением степной зоны мы увидели бы разницу. Помимо этого, есть примесь саргаринской посуды из вышележащего слоя (8.08%). Остальная керамика представлена федоровской, федоровско-черкаскульской, черкаскульской и межовской посудой (рис. 7). Анализ их распределения внутри отдельных слоев показывает, что они одновременны и повсюду сочетаются. Например, они формируют идентичные скопления в определенных местах жилищ, что исключает случайное отложение в разное время. Без примесей из других горизонтов, соотношение керамики горизонта 3 выглядит следующим образом (%): федоровка – 10.58, федоровка-черкаскуль – 28.84, черкаскуль – 29.8, межовка – 30.77.

Не существует ни одного слоя в пределах этого и любого иного горизонта, где бы федоровская керамика была единственной или составляла большинство. Это всегда примесь к основному комплексу. Но если одновременность федоровской и черкаскульской керамики недоумения не вызывает, то хорошее присутствие в этом слое межовской посуды может удивить, поскольку межовская культура позже черкаскульской, и ее относят, обычно, уже к эпохе финальной бронзы. Но в саргаринском горизонте находки межовской керамики единичны, она присутствует лишь в тех слоях горизонта, где есть алакульская примесь, то есть в перемещенных. Правда, учитывая то, что этот горизонт на поселении относится к позднесаргаринскому времени, этот вывод нельзя распространять на всю эпоху и на все районы Зауралья. И на Урале не существует черкаскульских поселений без межовской посуды. Судя по всему, этот керамический тип формируется из поселенческого федоровского, в то время как черкаскульский – из классической федоровской посуды. Эти типы сосуществуют в рамках черкаскульской культуры, и лишь с исчезновением собственно черкаскульского типа можно говорить о межовской культуре (Стоколос, 1972; Григорьев, 2000. С. 385; Матвеев, 2007. С. 19, 23). Здесь необходимо обратить внимание еще на одну проблему – повсеместно в последние годы произошло выделение федоровской поселенческой керамики. Не исключено, что она есть и на Урале, но чистых федоровских поселений здесь нет, а внутри коллекций с примесью черкаскульского материала выделить эту посуду из межовской группы пока не представляется возможным.

Керамический состав горизонта 4 выглядит, на первый взгляд, довольно парадоксально (табл. 3). В нем доля алакульской и петровской посуды составляет 65.17%. Но это объясняется переиспользованием алакульских котлованов. Доля федоровско-черкаскульской, черкаскульской и межовской керамики снижается до минимума, причем, анализ распределения этих типов по отдельным слоям показывает, что это единичные фрагменты, которые явно перемещены. И это тоже вполне объяснимая ситуация. Поэтому в рамках данного горизонта саргаринская керамика является единственной, хотя формально ее доля составляет лишь 22.47% (рис. 8). В реальности ее, конечно, больше, поскольку фрагменты саргаринского типа более крупные; они менее измельчены, так как это самая поздняя керамика среди комплексов эпохи бронзы.

Изучение многослойных памятников эпохи бронзы позволяет получить достаточно надежные данные о стратиграфическом соотношении различных керамических комплексов. Как правило, эти данные не безусловны, так как происходит перемещение материала в другие слои. На Мочище была типичной ситуация с перемещением до четверти материалов из иного горизонта, а в случае, если это перемещение происходило из нижнего и верхнего горизонта в средний – до половины. Причем,

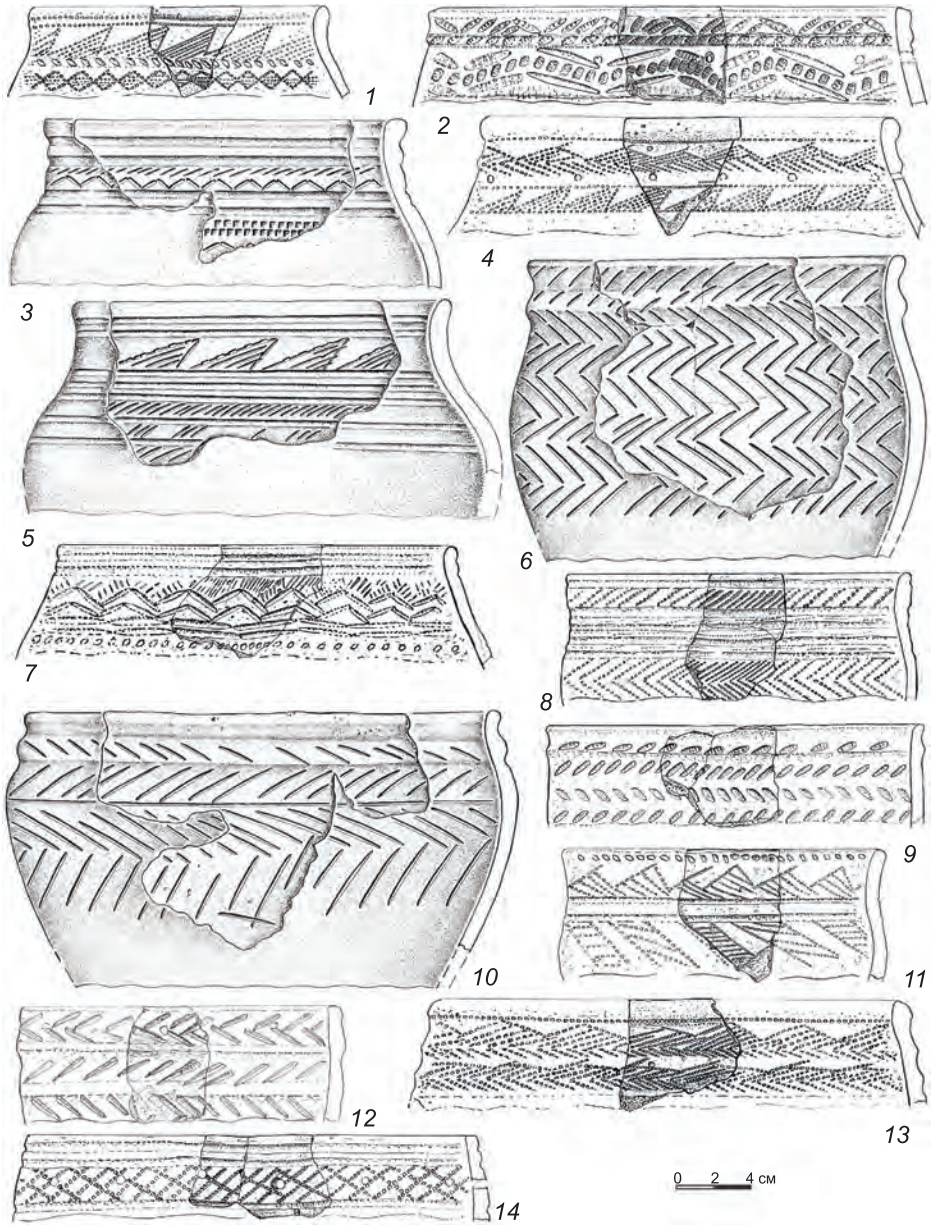


Рис. 7. Керамика черкаскульского горизонта: *1–6* – федоровский тип; *7, 11* – черкаскульский тип; *8–10*, *12–14* – межовский тип.

Fig. 7. Pottery of the Cherkaskul horizon

помимо статистических показателей, мы эту ситуацию проверяли и путем изучения распределения фрагментов от одного сосуда. Словом, это достаточно стандартная ситуация, и ее фиксация не позволяет делать заключение об одновременности комплексов без дополнительного обоснования. На Мочище это удавалось показывать за счет изучения встречаемости разных типов посуды в отдельных слоях, особенностей залегания, пространственного распределения внутри слоя и т.д.

Наиболее ранними керамическими комплексами на поселении являются алакульский и петровский. Доля последнего первоначально достигала трети всей керамики, но постепенно она уменьшалась, вытесняясь алакульской посудой, хотя до конца это, по-видимому, не произошло. Это не может рассматриваться как отражение общего процесса в обширном регионе (хотя это и не исключено), так как возможным объяснением является также уменьшение контактов с петровским населением. В конце этого этапа существования

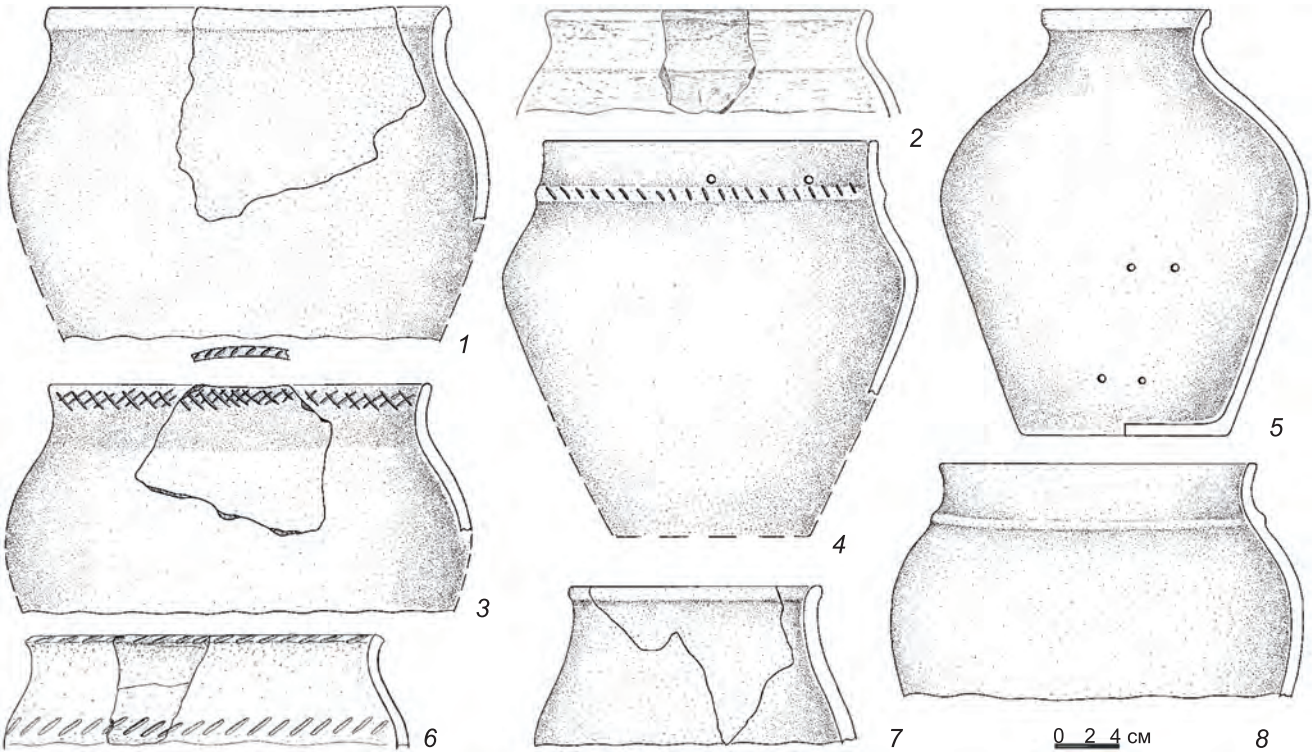


Рис. 8. Керамика саргаринского горизонта.

Fig. 8. Pottery of the Sargarinsk horizon

поселка появляется федоровская и федоровско-черкаскульская керамика. Однако у нас нет никаких точных данных, указывающих на то, что за счет этого формируется следующее население этого поселка – черкаскульское. Мы не знаем, не произошел ли перерыв в существовании поселка, так как ограниченное присутствие федоровской и федоровско-черкаскульской керамики в материалах предыдущего горизонта вовсе не означает, что здесь же происходила трансформация этих типов в черкаскульскую посуду. Не исключено, что поселок был заброшен, и новое население появилось уже потом, в сформировавшемся виде. Последний этап в жизни поселка бронзового века начался с приходом сюда позднего саргаринского населения.

Собственно, сходная схема культурогенеза в Зауралье когда-то давно уже высказывалась (Стоколос, 1972), не была воспринята, и ее забыли. Тем не менее она имела под собой основания. Формирование петровской и алакульской культур происходит еще в синташтинское время к северо-востоку от основного ареала синташтинской культуры (Григорьев, 2016. С. 50). После прихода федоровского населения, петровские стереотипы размываются, и часть петровского населения проникает в степное Зауралье, в ареал, занятый прежде синташтинской культурой. Правда, необходимо отметить, что и сама синташтинская культура имеет тенденцию трансформации в петровскую. А последующее воздействие алакульской традиции приводит к постепенной ассимиляции и петровских стереотипов в алакульской среде. Это более сложный процесс, и его обсуждение находится за рамками настоящей работы.

Ранее исследователи уже показывали на погребальных памятниках, что в Зауралье не существовало федоровского этапа (Стефанов, Корочкова 2004. С. 53, 57; 2006. С. 116, 122, 125). Поселенческие памятники эту мысль как будто подтверждают. Во всяком случае, надежные федоровские поселения тут пока не известны. Очень уверенно можно говорить о черкаскульском этапе, причем в его рамках мы видим сосуществование черкаскульского и межовского керамических типов. То есть присутствие последнего на памятнике вовсе не обязательно

указывает на его принадлежность к эпохе финальной бронзы. Наконец, в южной части лесостепи, между реками Уй и Миасс, во второй половине эпохи финальной бронзы мы видим проникновение из степи позднего саргаринского населения. Вероятно, до этого данный район был заселен межовским населением, но на поселении Мочище таких данных нет. И мы не исключаем, что межовское население в этот период сохраняется в северной части лесостепи, где находки степной саргаринской посуды практически отсутствуют.

Проект поддерживался грантом РГНФ 07-01-85103а/У.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Григорьев С.А. Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья. Т. I: Каменный век. Эпоха бронзы / Отв. ред. Н.О. Иванова. Челябинск: ЮУрГУ, 2000. С. 241–409.

Григорьев С.А. История изучения эпохи бронзы // История археологии Южного Зауралья / Отв. ред. Н.О. Иванова. Челябинск: ЧелГУ, 2002. С. 40–112.

Григорьев С.А. Эпоха бронзы. Основные этапы и проблемы культурогенеза в Зауралье в эпоху поздней бронзы // Археология Южного Урала. Степь / Отв. ред. Н.О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2006. С. 188–222.

Григорьев С.А. О некоторых особенностях функционирования и интерпретации колодцев эпохи бронзы // Археологические исследования степной Евразии / Отв. ред. М.К. Хабдуллина. Караганда: TENGRI Ltd, 2013. С. 96–102.

Григорьев С.А. Проблема хронологии и происхождения алакульской культуры в свете новых раскопок в Южном Зауралье // ВААЭ. 2016. № 3 (34). С. 44–53.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-казахстанских степей: Периодизация и хронология. Свердловск: УрГУ, 1988. 184 с.

Матвеев А.В. Черкаскульская культура Зауралья // Ab Origine: проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень: Вектор Бук, 2007. С. 4–41.

Сальников К.В. Кипельское селище // СА. 1957. № 27. С. 46–58.

Стефанов В.И., *Корочкова О.Н.* Алакульская и федоровская культуры в лесостепном Зауралье: проблемы взаимодействия // РА. 2004. № 4. С. 52–66.

Стефанов В.И., *Корочкова О.Н.* Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург: УрГУ, 2006. 160 с.

Стоколос В.С. О стратиграфии поселения Кипель // СА. 1970. № 3. С. 193–197.

Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М.: Наука, 1972. 169 с.

STRATIGRAPHY OF THE BRONZE AGE SETTLEMENT OF MOCHISHCHE IN THE SOUTHERN TRANS-URALS

Stanislav A. Grigoriyiev

Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS, Chelyabinsk, Russia

E-mail: stgrig@mail.ru

For about 70 years, the settlement sites of the Southern Trans-Urals have been used as basic complexes for understanding the correlation of the cultures of the Andronovo family of cultures. The article is focused on the stratigraphy of the Bronze Age settlement of Mochishche in that region. The excavations at the settlement were carried out at a large area (4,000 m^2), which made it possible to identify all the cultural complexes of the settlement and determine their relationship with each other. In total, 77 individual layers were distinguished, which were combined into four building horizons. The two lower horizons are attributed to the Alakul period, the Cherkaskul horizon follows them and the Sargary horizon is above it. The coexistence of Petrovka and Alakul pottery was recorded in the Alakul horizons. Initially, the proportion of Petrovka ceramics reached a third, but gradually it has decreased. In the Cherkaskul horizon, the coexistence of Fedorovo, Cherkaskul, Mezhovka and Fedorovo-Cherkaskul pottery is noted. In the Sargary period, only the pottery of the Sargary culture existed. At the same time, there is a significant admixture of earlier and later pottery in all horizons, caused by digging over, reuse of old pits, etc. Therefore, the direct use of data on the distribution of pottery types throughout layers leads to erroneous results. It is necessary to analyze the mutual occurrence of types in individual layers; sometimes the calculation of similarity coefficients and other special procedures are required. It cannot be excluded that

chronological gaps existed between these horizons, although this contradicts the constant reuse of old pits at later periods. Based on radiocarbon dates, the Alakul horizon is dated to the 22nd – 21st centuries BC, which makes it possible to suggest that the Alakul culture begins to form in the forest-steppe as early as the period of the Sintashta culture existence. The end of this period is associated with the appearance of Fedorovo pottery at the settlement, but the Fedorovo layer proper is absent there, as well as at other Trans-Ural settlements. The dating of the Cherkaskul horizon is not clear, and the Sargary horizon refers to the period of the 12th – 9th centuries BC, that is, the steppe population were penetrating there as early as the Late Sargarinsk stage.

Keywords: the late Bronze Age, the Southern Urals, settlement, stratigraphy, chronology and periodization.

REFERENCES

Grigor'yev S.A., 2000. The Bronze Age. *Drevnyaya istoriya Yuzhnogo Zaural'ya* [*Ancient history of the Southern Trans-Urals*], *I. Kamennyy vek. Epokha bronzy* [*The Stone Age. The Bronze Age*]. N.O. Ivanova, ed. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 241–409. (In Russ.)

Grigor'yev S.A., 2002. The history of studying the Bronze Age. *Istoriya arkheologii Yuzhnogo Zaural'ya* [*The history of archaeology of the Southern Trans-Urals*]. N.O. Ivanova, ed. Chelyabinsk: Chelyabinskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 40–112. (In Russ.)

Grigor'yev S.A., 2006. The Bronze Age. The main stages and issues of cultural genesis in the late Bronze Age Trans-Urals. *Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Step'* [*Archaeology of the Southern Urals. Steppe*]. N.O. Ivanova, ed. Chelyabinsk: Rifey, pp. 188–222. (In Russ.)

Grigor'yev S.A., 2013. On some peculiarities of the functioning and interpretation of the Bronze Age wells. *Arkheologicheskiye issledovaniya stepnoy Evrazii* [*Archaeological studies of the steppe Eurasia*]. M.K. Khabdullina, ed. Karaganda: TENGRI Ltd, pp. 96–102. (In Russ.)

Grigor'yev S.A., 2016. The issue of the Alakul culture chronology and origin in the light of new excavations in the Southern Trans-Urals. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [*Journal of Archaeology, Anthropology and Ethnography*], 3(34), pp. 44–53. (In Russ.)

Matveyev A.V., 2007. The Cherkaskul culture of the Trans-Urals. *Ab Origine: problemy genezisa kul'tur Sibiri* [*Ab Origine: issues of the genesis of Siberian cultures*]. Tyumen': Vektor Buk, pp. 4–41. (In Russ.)

Sal'nikov K.V., 1957. The Kipel settlement. *Sovet. Arkheol.*, 27, pp. 46–58. (In Russ.)

Stefanov V.I., *Korochkova O.N.*, 2004. The Alakul and Fedorovka cultures in the forest-steppe zone east of the Urals: the problems of interaction. *Ross. Arkheol.*, 4, pp. 52–66. (In Russ.)

Stefanov V.I., Korochkova O.N., 2006. Urefty I: zaural'skiy pamyatnik v andronovskom kontekste [Urefty I: a Trans-Ural site in the Andronovo context]. Ekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet. 160 p.

Stokolos V.S., 1970. On the stratigraphy of the Kipel settlement. *Sovet. Arkheol.*, 3, pp. 193–197. (In Russ.)

Stokolos V.S., 1972. Kul'tura naseleniya bronzovogo veka Yuzhnogo Zaural'ya [Culture of the Bronze Age population of the Southern Trans-Urals]. Moscow: Nauka. 169 p.

Zdanovich G.B., 1988. Bronzovyy vek Uralo-kazakhstanskikh stepey: Periodizatsiya i khronologiya [The Bronze Age of the Ural-Kazakhstan steppes: Periodization and chronology]. Sverdlovsk: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet. 184 p.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2019, № 1, с. 115–132

ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КУРГАНОВ У с. ОРЕХОВКА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

© 2019 г. М.В. Андреева[1,*], М.А. Очир-Горяева[2,3,**]

[1] Институт археологии РАН, Москва, Россия
[2] Институт археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан, Казань, РФ
[3] Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, РФ

[*]E-mail: amvlad11@yandex.ru
[**]E-mail: mariaochir@gmail.com

Поступила в редакцию 06.06.2017 г.

Бронзовый шлем из погребения у с. Ореховка на Ставрополье хорошо известен в археологической литературе (Павлович, 1995; Симоненко, 2014). Однако в целом яркие погребальные комплексы раннесарматского/позднеэллинистического времени из курганного могильника у с. Ореховка, несмотря на публикацию рисунков в своде материалов второй половины I тыс. до н.э. из Центрального Предкавказья (Прокопенко, 2014а, б), остаются недостаточно полно введенными в научный оборот. В данной публикации приводятся подробное описание двух погребений этого времени и существующие в настоящее время данные об их датировке и общем историко-культурном контексте.

Ключевые слова: Центральное Предкавказье, раннесарматский период, позднеэллинистический период, могильник, курган, погребение, бронзовый шлем, фибула-брошь.

DOI: 10.31857/S086960630004144-7

Бронзовый шлем из погребения у с. Ореховка на Ставрополье, открытого в 1985 г., хорошо известен в археологической литературе благодаря как специальному исследованию, посвященному его публикации (Павлович, 1995. С. 200–204), так и рассмотрению в составе серий шлемов сарматского времени (Симоненко, 2014). Планы ореховских погребений, относящихся к раннему железному веку, и рисунки вещей из них были приведены в обширной сводке “Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье” (Прокопенко, 2014а; б. Рис. 44, 51, 52). Однако огромный объем представленного и проанализированного Ю.А. Прокопенко материала не предполагал возможность описаний анализируемых объектов и приведения иллюстративного материала в масштабе и качестве, необходимых для полноценного ввода комплексов в научный оборот. Поэтому незаурядный источниковедческий потенциал нерядовых ореховских погребений остается до сих пор недостаточно раскрытым, что и послужило причиной подготовки данной публикации.

В 1985 г. во время спасательных раскопок в зоне строительства 4-й очереди Большого Ставропольского канала в центральной части Ставропольской возвышенности Петровским отрядом Ставропольской археологической экспедиции ИА РАН было раскопано 10 курганов (Андреева, 1985). Шесть исследованных насыпей находились в 4 км к ЮВ от южной окраины с. Ореховка (с западной стороны непосредственно граничащего с с. Высоцким), на плато, полого понижающемся к С в сторону р. Малая Буйвола. Курганы к ЮВ от с. Ореховка не образовывали единой группы. Все насыпи интенсивно распахивались. Из них один (кург. 4) относился к позднесарматскому периоду, остальные были сооружены в бронзовом веке. Все курганы имели каменные конструкции, для которых использовался известняк в виде равного камня и плитняка. Три погребения раннесарматского времени были впускными в кург. 2 (погр. 4 и 6) и в кург. 5 (погр. 2). Описания первых двух приводятся ниже.

Курган 2 (рис. 1) имел большую насыпь диаметром 70 м и высотой 1.7 м. В насыпи кургана из коричневого суглинка были исследованы две каменные конструкции эпохи ранней бронзы: 1) крепида и 2) каменная наброска (курганчик) над основным погр. 7 в центре, диаметром 5–7 м, высотой около 1 м от уровня древнего горизонта.

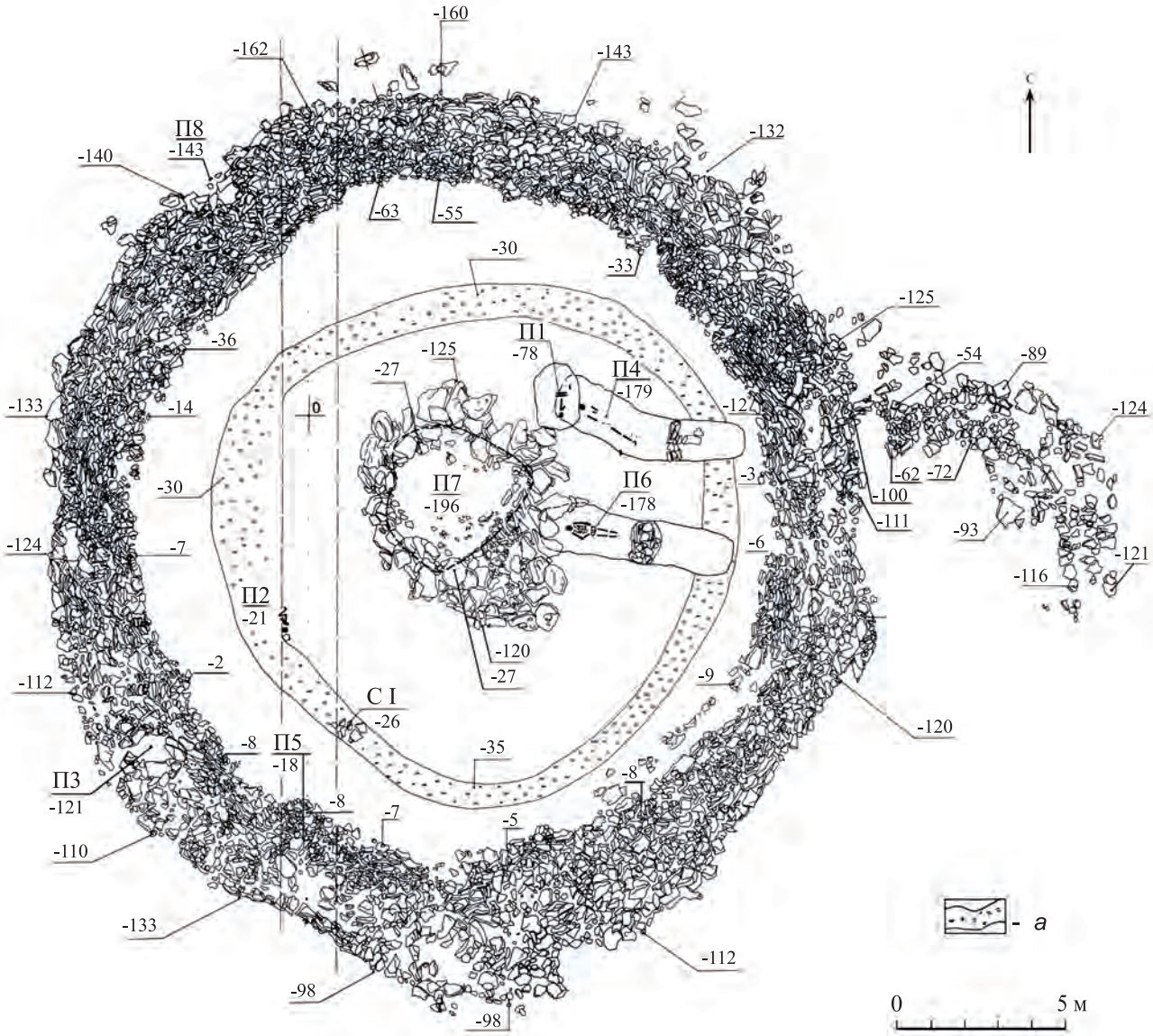


Рис. 1. План кургана 2 у с. Ореховка. Условное обозначение: *а* – слой насыпи II из желтого материкового суглинка в горизонтальной зачистке на глубине 30 см от 0.

Fig. 1. Plan view of mound 2 near the village of Orekhovka.

Впускные погребения 4 и 6 были совершены в восточной половине кургана, в пространстве между внутренним верхним краем крепиды и каменной наброской в центре. Контуры входных ям обоих погребений были выявлены при горизонтальной зачистке насыпи кургана внутри крепиды, на уровне верхнего ее края.

Погребение 4 (рис. 2, *1*) было совершено в катакомбе. Входная яма имела прямоугольную со скругленными углами форму и была ориентирована длинными сторонами в широтном направлении. Длина ямы 2.2, ширина в восточном конце 0.7, в западном конце – 1.0 м. Дно входной ямы понижалось с глубины 1.0 до 1.75 м от 0 (центрального репера) к ее западному концу, ко входу в камеру. Вход в камеру был оформлен в виде арки высотой 0.7 м и заложен крупными рваными камнями известняка, сверху покрытыми более мелкими. Кладка мелких камней была на 0.4 м выше арки. После снятия каменного заклада у входа в камеру было найдено большое количество фрагментов дерева длиной до 5–6 см. По расположению фрагментов можно было предполагать, что плахи или столбики были установлены вертикально, по всей высоте арочного входа. Прямоугольная камера, как и входная

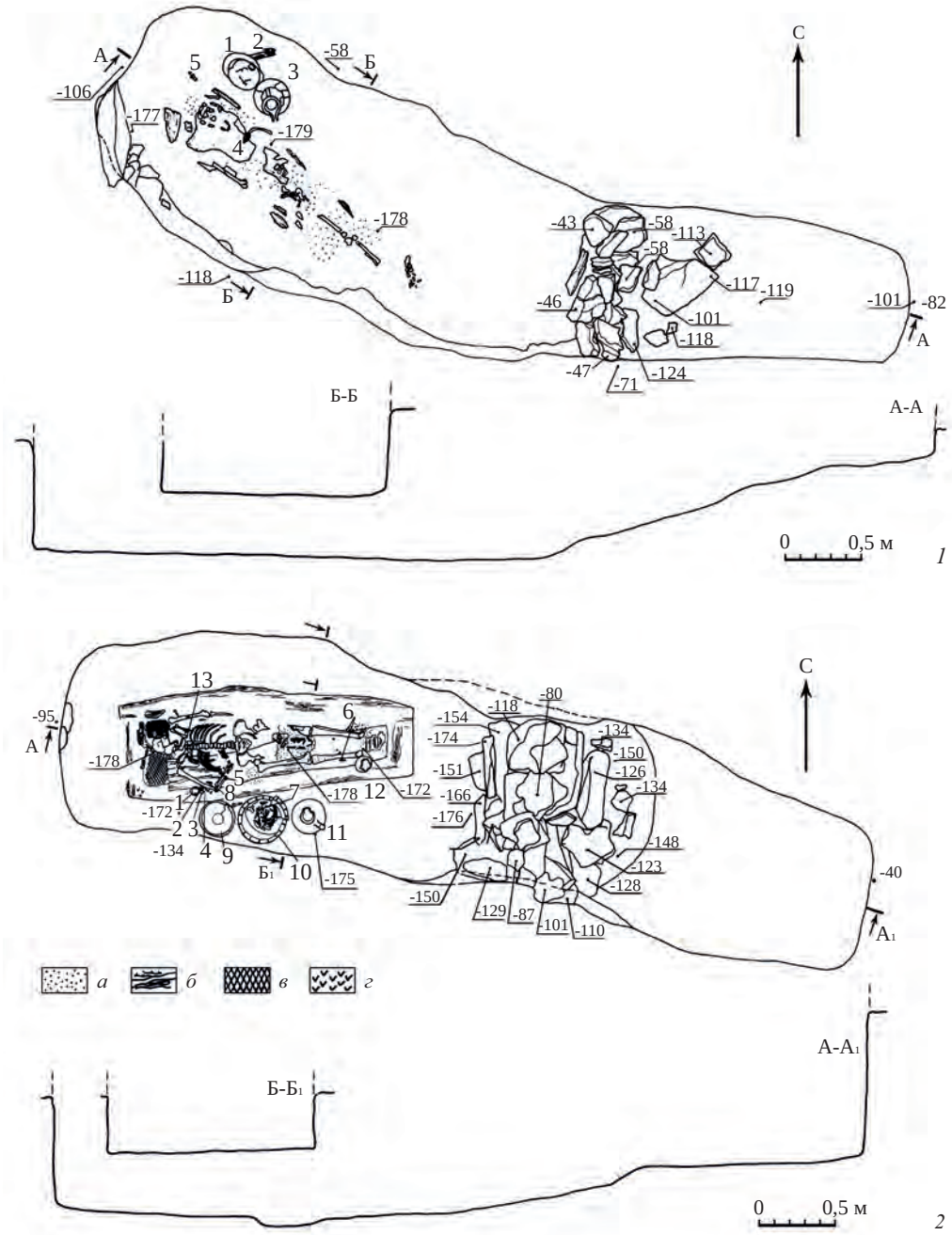


Рис. 2. Погребения 4 и 6 кургана 2: *1* – план и профиль погребения 4 (1 – шлем, 2 – стрелы, 3 – кувшин, 4 – пряжка, 5 – крюк); *2* – план и профиль погребения 6 (1 – кольцо, 2, 5, 6, 13 – бусы, 3, 4, 8 – фрагменты металлических предметов, 7 – нож, 9, 10 – миски, 11 – кувшин, 12 – горшок). Условные обозначения: *а* – мел, *б* – древесный тлен, *в* – войлок; *г* – угли.

Fig. 2. Burials 4 and 6 of mound 2

яма, была ориентирована широтно (расположена “чулком”), с отклонением к С, возможно, вызванным желанием обойти северо-восточный край центрального каменного курганчика и отчасти – расположенную в насыпи могильную конструкцию погр. 1 (восточноманычская катакомбная культура, эпоха средней бронзы). Горизонтальное дно камеры находилось на глубине 1.78 м от 0, на поверхности материковой скалы. Длина камеры 3.3, ширина 1.3 м. Общая длина погребального сооружения составляла таким образом 5.5 м. Свод камеры был обрушен в древности, высота его не установлена.

Рис. 3. Предметы из погребения 4 кургана 2 (фото): *1* – шлем; *2* – брошь; *3* – колчанный крюк.
Fig. 3. Objects from burial 4 of mound 2 (photo)

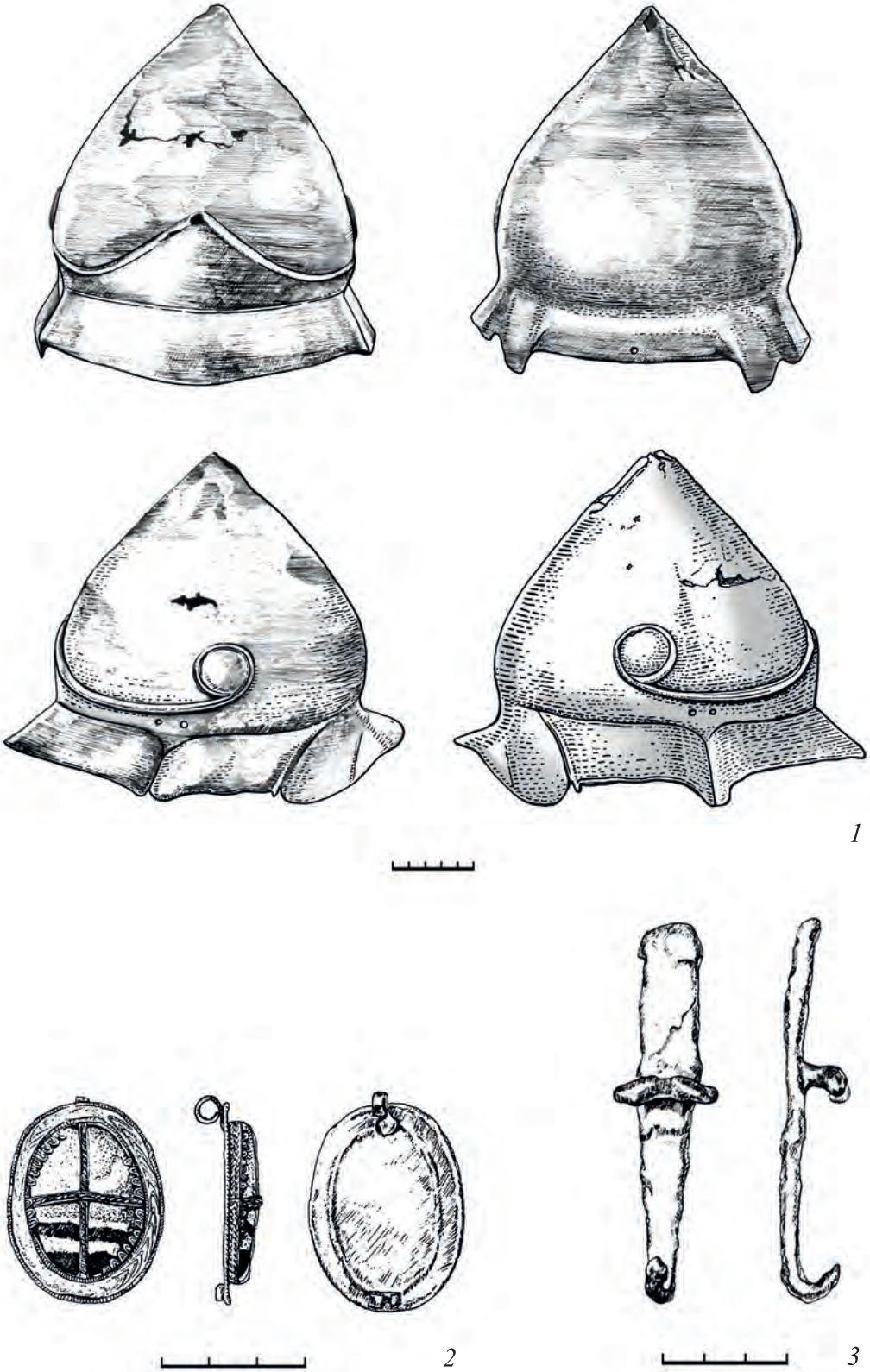


Рис. 4. Предметы из погребения 4 кургана 2 (рисунок): *1* – шлем; *2* – брошь; *3* – колчанный крюк.
Fig. 4. Objects from burial 4 of mound 2 (drawing)

На дне камеры находились останки мужчины юношеского возраста[1]. Погребенный был положен на спину вытянуто, головой на СЗ. Кости скелета были плохой сохранности, при зачистке распадались на мелкие фрагменты. На костях сверху и под ними находился обильный древесный тлен от гроба. Непосредственно под костями скелета прослеживались следы органической подстилки и меловой порошок.

На груди погребенного находилась фибула-брошь, видимо, крепившая наплечную одежду (рис. 3, *2*; 4, *2*). Брошь дисковидной овальной формы состояла из помещенной в обрамление из золота овальной плоской стеклянной (пастовой) вставки, имитирующей прожилки камня (агата) с переходами от серого к белому и черному цвету. Вставка помещена в овальный сплошной щиток из тонкого золотого листа, передняя поверхность которого украшена золотым филигранным орнаментом: внешний и внутренний (у основания каста) края овала обрамлены рубчатой проволокой, между ними против часовой стрелки выложены заходящие друг в друга уголки из перевитой или рубчатой проволоки меньшего диаметра; на боковой поверхности каста тонкая проволока уложена в два ряда “веревочек”, а верх имеет зубчатый край, также подчеркнутый перевитой тонкой проволокой по верху и основанию (сохранился не полностью), причем каждый зубчик имеет вертикальную выпуклую линию посредине. Поверх вставки напаяна крестообразная накладка из ажурных лент (продольная лента заведена под поперечную) из отрезков гладкой золотой проволоки. Ленты состояли из косичек, заплетенных из двух проволок и заключенных между двумя прямыми. Края лент заведены под вставку и сверху прикрывались верхним зубчатым краем каста (судя по сохранившейся части у краев горизонтальной ленты). Отметим, что в местах крепления крестовины кривизна краев вставки была спрямлена. С задней стороны щитка на одном конце овала припаяна широкая вертикальная петля, с другого конца такая же широкая полоска припаяна горизонтально, загнутые концы ее образуют двойной приемник. Очевидно, что брошь изначально имела две иглы, не обнаруженные при раскопках: возможно, они отсутствовали уже в момент погребения; однако все же нельзя исключить, что иглы были железными и полностью распались, поэтому не были зафиксированы при раскопках. Размеры броши 4.3 × 3.4 × 0.8 см.

В головах погребенного, с левой стороны, найден железный пластинчатый колчанный крюк с перекладиной (рис. 3, *3*; 4, *3*). Длина крюка 9.3 см.

Слева от черепа был поставлен бронзовый шлем хорошей сохранности (рис. 3, *1*; 4, *1*). Надо лбом изнутри выдавлен валик, образующий треугольник, края которого плавно опускаются к краям и заканчиваются закрученными вверх волютами, образующими округлые выступы над ушной частью тульи шлема. Высота шлема 24, диаметр в месте перехода в тулью 22.5 × 19, диаметр края тульи 29 × 33 см. Толщина стенок шлема 1.5 мм. С двух сторон шлема над складками тульи на расстоянии 1 см друг от друга имелось по два отверстия диаметром ок. 3 мм, предназначенных для крепления отсутствовавших нащечников. Сзади по центру на краю тульи имелось еще одно такое же отверстие. В разных частях шлема имеются следы повреждений в виде вмятин. Задняя часть тульи была прорублена насквозь, края проруба длиной 8 см, были заведены друг за друга. Внутри шлема обнаружены фрагменты кожаной подкладки.

Рядом с левым плечом погребенного, вплотную к шлему стоял сероглиняный гончарный кувшин с высоким узким горлом, разделенным горизонтальным рельефным валиком с острым краем; отогнутым венчиком, переходящим в носик-слив; округлым туловом и уплощенной с внешней стороны ручкой, прикрепленной под венчиком и на плечиках (рис. 5, *1*). Поверхность сосуда залощена. По тулову лощение идет в виде сплошных вертикальных полос, практически достигающих дна. Кольцевой орнамент в виде углубленных парных линий проходит по основанию горла и плечикам (на уровне крепления нижнего края ручки) кувшина (линии верхнего кольца более широкие и ровные). Тулово орнаментировано такими же углубленными линиями, объединенными по три в вертикальные “пучки”, которые спускаются от “кольца” на плечиках чуть ниже максимального диаметра. Диаметр венчика – 11.5, дна – 11.5, высота – 36.5 см.

У северной стенки камеры был положен пучок стрел с сохранившимися на момент раскопок древками и с железными втульчатыми трехлопастными наконечниками,

[1] Определения пола и возраста погребенных из курганов у с. Ореховка выполнены антропологом Г.П. Романовой.

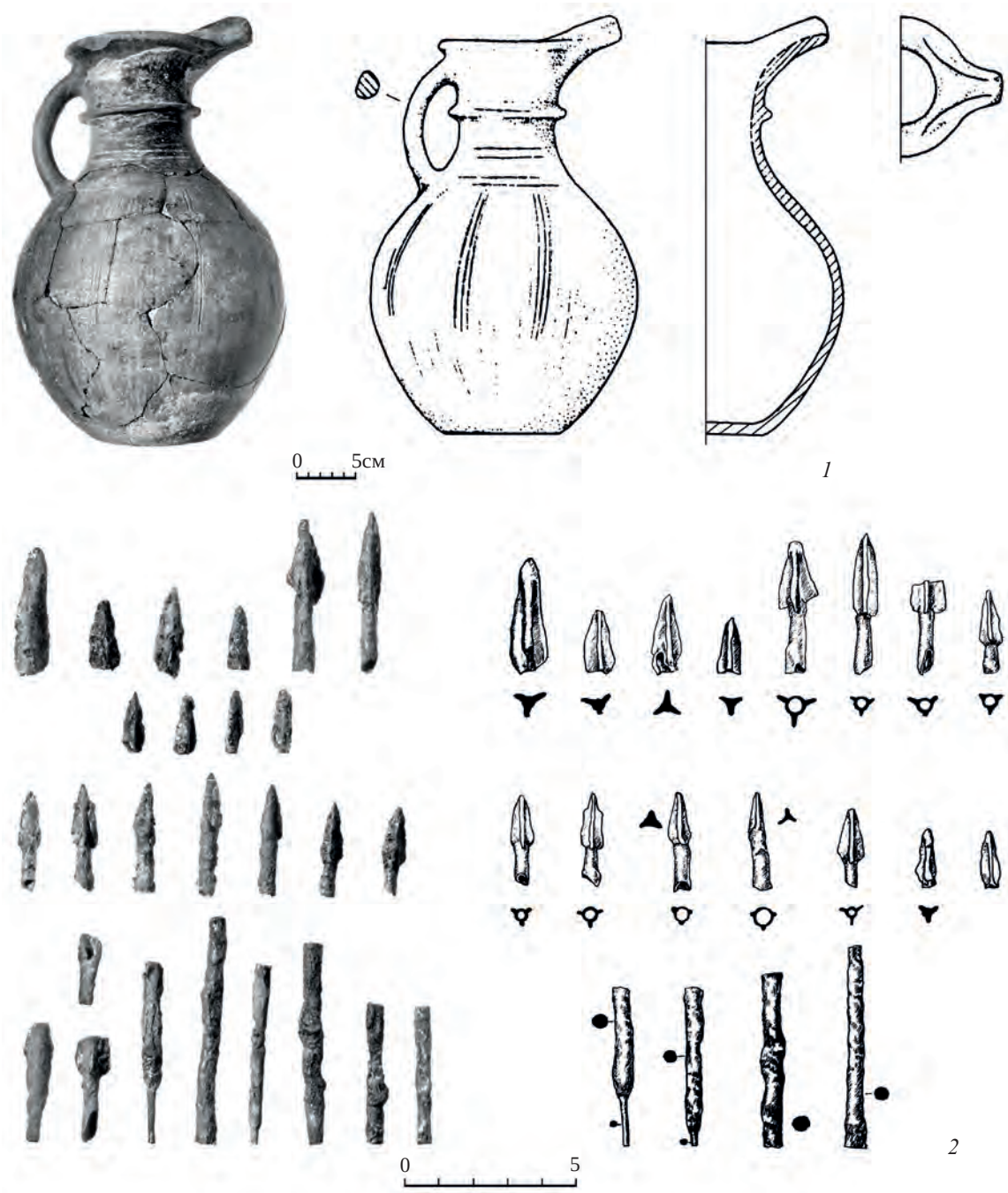


Рис. 5. Кувшин (*1*) и наконечники стрел (*2*) из погребения 4 кургана 2.
Fig. 5. Jug (*1*) and arrowheads (*2*) from burial 4 of mound 2

направленными остриями к стене (рис. 5, *2*). В пучке насчитывалось более 20 наконечников стрел, большей частью фрагментированных. Присутствуют экземпляры со сводчатой и треугольной головкой; с ровным основанием и с концами граней, срезанными под тупым углом к основанию; с ровным и косо срезанным основанием втулки. Длина наконечников (приблизительно) от 2.5 до 4.8 см. Длина втулок почти во всех случаях составляла почти половину высоты наконечников. Сохранились также несколько фрагментов железных стержней круглых в сечении, длиной 5.5–7 см., диаметром 0.3–0.5 см. Расположение наконечников стрел пучком наводит на мысль о собрании их в колчане. Можно с осторожностью предположить существование истлевшего в процессе археологизации колчана, учитывая

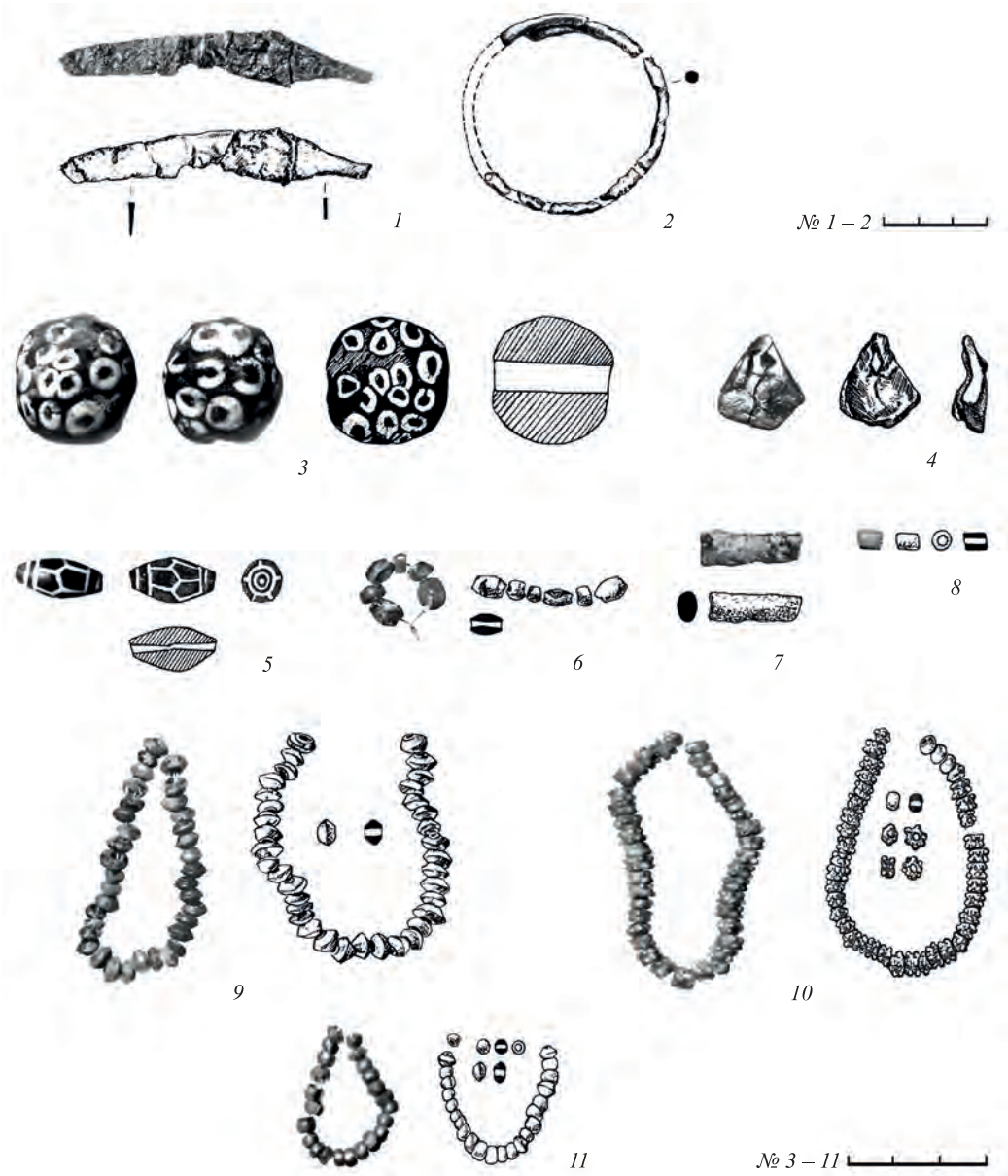


Рис. 6. Предметы из погребения 6 кургана 2: *1* – нож, *2* – кольцо, *1–8* – украшения.
Fig. 6. Objects from burial 6 of mound 2

присутствие в погребении железного колчанного крюка.

Погребение 6 (рис. 2, *2*) располагалось южнее погр. 4. Могильная конструкция представляла собой катакомбу, по форме и ориентировке аналогичную катакомбе погр. 4. Расстояние между входными ямами погребений не превышало 2.5 м. Входная яма погр. 6 прямоугольной со скругленными углами формы, длиной 2.0 м, шириной 0.9 – в восточном, и 1.2 м – в западном конце, была ориентирована по линии З–В. Дно ямы неравномерно (на расстоянии 1.5 м от восточной стенки очень полого, далее более выраженно) понижалось от восточной к западной торцовой стене, перепад высот составлял 0.4 м. Вход высотой не менее 0.6 м имел арочную форму и был заложен горизонтальной кладкой из крупных рваных плит известняка, перед которой со стороны входной ямы были поставлены на ребро несколько небольших плоских камней.

Камера подпрямоугольной в плане формы была ориентирована строго по линии З–В. Длина камеры – 2.9, ширина – 1.3 м. Дном

камеры была горизонтальная скальная поверхность на глубине 1.72–1.78 м от 0 (возможно, небольшое понижение в центре камеры имело естественный характер). Свод камеры был обрушен, стенки прослеживались на высоту 0.4–0.7 м. В заполнении камеры по всей площади, но более концентрировано в ее центральной части, встречался древесный тлен – остатки гроба. По расположению этих следов можно заключить, что гроб имел бипирамидальную "антропоморфную" форму, т. е. на уровень локтей погребенной приходилось наибольшее расширение. Длина гроба – 1.9, ширина – 0.7 м в головах, и 0.4 – в ногах.

На дне камеры, в гробу находились останки молодой женщины (не старше 25 лет), лежавшей на спине вытянуто головой на З. Левая рука была вытянута вдоль тела, кисть правой находилась на поясничных позвонках. Лицевые кости были раздавлены рухнувшим сводом и крышкой гроба. Кости скелета плохой сохранности.

Между бедренными костями женщины, под древесным тленом гроба, был обнаружен скелет младенца также плохой сохранности. Младенец лежал на левом боку с подогнутыми ногами, головой ориентирован на В, т. е. к стопам матери. Левая рука младенца, судя по расположению костей, была вытянута вдоль тела, кости правой руки не сохранились. Расположение скелета младенца между ног матери, свидетельствует о том, что это неродившийся плод, который выскользнул при разложении мягких тканей умершей матери. Это феномен получил в криминалистике название "роды в гробу" и встречается в археологии довольно часто (Berg et al., 1981). Вероятно, погребенная ушла из жизни на последних сроках беременности или же умерла во время родов.

По всей площади гроба была прослежена меловая посыпка (на костях женского скелета) и подсыпка (под погребенной, особенно интенсивно под костями младенца) мощностью до 0.5 см. На дне гроба, под меловой подсыпкой, зафиксирован слой органического тлена зеленовато-коричневого цвета от подстилки (войлок?). Под головой погребенной, видимо, была положена войлочная подушка: пятно тлена имело в этом месте форму прямоугольника размерами примерно 15 × 40 × 3–4 см. Внутри гроба, в углу, справа от черепа и у костей правого плеча погребенной отмечены небольшие скопления мелких древесных углей.

Внутри гроба, возле правой плечевой кости погребенной, в районе локтевого сустава лежали компактной группой следующие предметы:

железное сильно корродированное кольцо из прута диаметром 6, сечением 0.3 см (рис. 6, *2*);

бусина неровной шаровидной формы из темно-синего стекла с бессистемно расположенными белыми глазками, расколотая на две половины; диаметр бусины – 2.5, длина – 2.5, диаметр отверстия – 0.5 см (рис.6, *3*);

бронзовый предмет (подвеска?) неправильной треугольной или секторовидной уплощенной формы с отверстием ближе к углу, размерами 2.0 × 1.7 × 0.24 см, диаметр отверстия 0.2 см (рис. 6, *4*);

два мелких фрагмента металлических изделий, один – из железа, второй (серо-сиреневого цвета) из серебра или сурьмы.

Возле шейных позвонков компактной группой располагались бусы и подвески ожерелья:

сердоликовая бусина биконической формы, с отверстием, просверленным с двух сторон, инкрустированная белой пастой; длина бусины – 1.7, диаметр – 0.9, диаметр отверстия – 0.2 см. (рис. 6, *5*);

мелкие сердоликовые бусы бочонковидной формы (6 экз.), диаметром 0.5, длиной 0.3–0.7 см (рис. 6, *6)*;

подвеска (?) каменная (известняковая?) цилиндрической формы; длина 1.9 см., диаметр 0.5 см (рис. 6, *7*);

пастовая бусина цилиндрической формы белого цвета. Длина – 0,6 см, диаметр – 0.4 см (рис. 6, *8*);

мелкие золотостеклянные бусы фигурной формы (с выступами-"шишечками") (36 экз.); диаметр 0.4 см (рис. 6, *10*);

мелкие золотостеклянные бусы (из прозрачного бесцветного стекла с прокладкой из золотой фольги) бочонковидной формы (4 экз.); диаметр 0.3 см (рис. 6, *10*);

Вокруг костей предплечья правой руки, ближе к кисти, находились золотостеклянные бусы бочонковидной и биконической формы (23 экз.), диаметром 0.3–0.5 см, вероятно, образовывавшие браслет (рис. 6, *11*).

Вокруг берцовых костей обеих ног, ближе к стопам, компактными группами располагались золотостеклянные бусы биконической формы (39 экз.); диаметр 0.6 см (рис. 6, *9*).

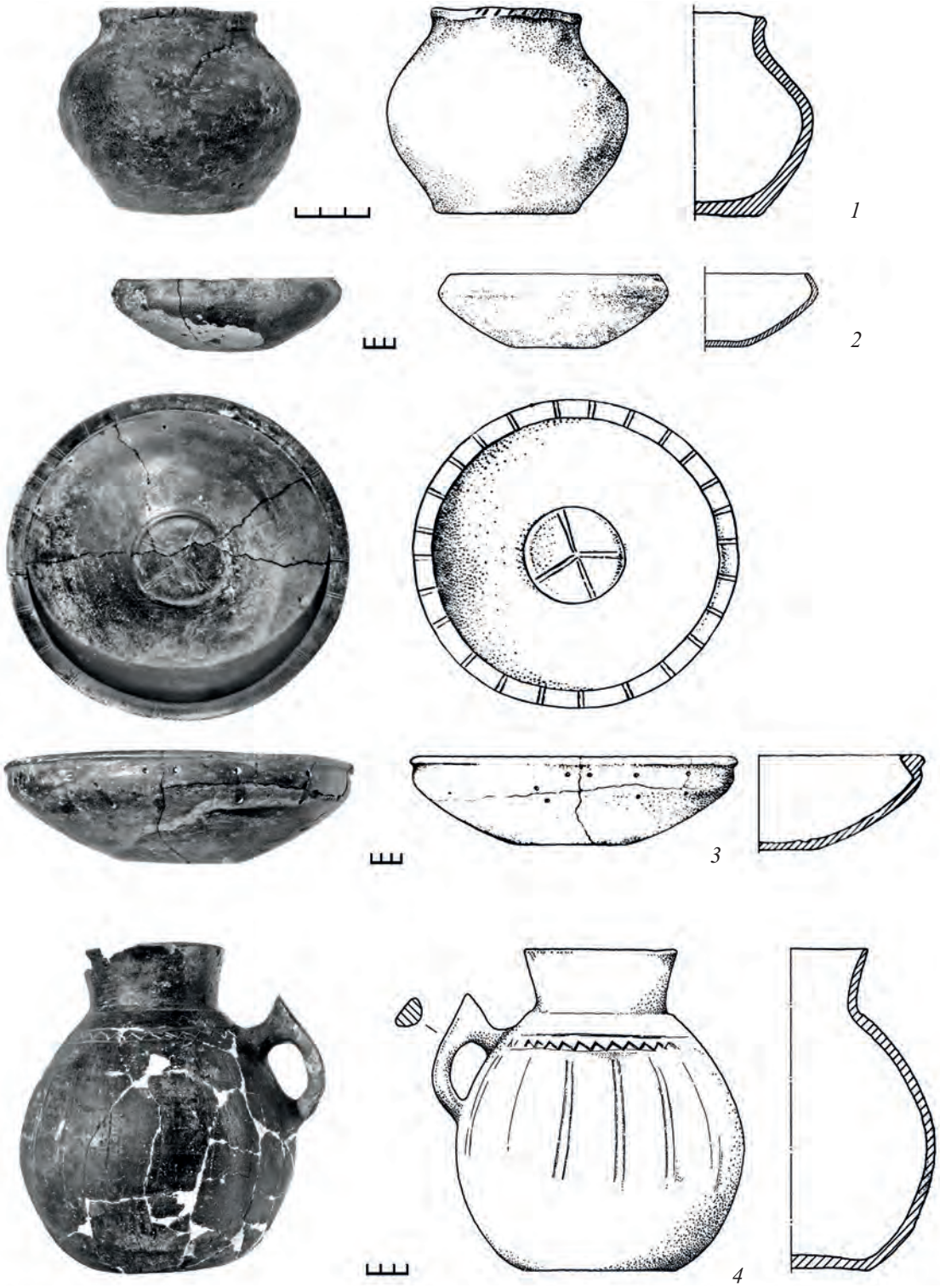


Рис. 7. Сосуды из погребения 6 кургана 2.

Fig. 7. Vessels from burial 6 of mound 2

В ногах погребенной, непосредственно над костями правой стопы (таким образом, был помещен, вероятно, внутрь гроба), стоял маленький сероглиняный лепной горшок очень плохой сохранности. Внешняя поверхность розовато-бурого цвета, неровная, слегка заглажена. На сохранившемся фрагменте венчика сохранился орнамент в виде вертикальных

насечек. Диаметр венчика 6.5, диаметр дна 6, диаметр тулова 10.5, высота сосудика 9 см (рис. 7, *1*).

Вне гроба, справа от погребенной, вдоль южной стенки камеры стояли в ряд две гончарные миски, малая и большая, а также лепной кувшин.

Миска малая сероглиняная с загнутым внутрь бортиком. Диаметр по краю венчика 22, диаметр максимальный 24, диаметр дна 9, высота общая 8, высота верхней части 2 см (рис. 7, *2*).

Миска большая сероглиняная, чернолощеная, с уплощенным горизонтальным венчиком. Поверхность миски залощена с обеих сторон. Окружность дна миски изнутри подчеркнута желобком и валиком. Горизонтальная поверхность венчика украшена поперечными прочерченными линиями, соединенными попарно. С внутренней стороны дно орнаментировано, крестообразно разделено радиальными линиями, также парными, прочерченными в виде двух углов, обращенных вершинами друг ко другу. Вдоль наиболее выпуклой части стенок проходила сквозная трещина, охватывавшая почти половину максимального диаметра. Края трещины были скреплены в древности через восемь просверленных попарно с обеих сторон трещины отверстий, диаметром 0.5 см. Одна из трех поперечных трещин также скреплялась с помощью двух аналогичных отверстий. Диаметр миски по внешнему краю венчика 32, диаметр дна 10.5, высота миски 9 см (рис. 7, *3*).

Кувшин лепной сероглинянный, чернолощеный, с округлым туловом, широким дном, невысоким цилиндрическим горлом, слегка расширяющимся кверху. Переход от горла к плечику подчеркнут небольшим уступом. Ручка кувшина, полукруглая в сечении, имеет стилизованную зооморфную форму (верхний конец приподнят и заострен). Тулово покрыто лощением в виде сплошных вертикальных полос. Переход от горла к плечикам подчеркнут углубленной линией. На плечиках и тулове сосуда имеется углубленный орнамент: на плечиках, на уровне верхнего крепления ручки сделан горизонтальный поясок (между двумя линиями проходит зигзаг), от которого вниз отходят “пучки” двойных вертикальных линий. Диаметр венчика 11, диаметра горла 9.5, диаметр тулова 21, высота сосуда 24 см (рис. 7, *4*).

Внутри большой миски и между мисками найдены фрагменты костей мелкого рогатого скота (часть грудного отдела – позвонки, ребра, лопатка).

Среди костей в большой миске находился железный нож серповидной (?) формы (кончик утрачен). Сохранившаяся длина ножа 8.5, длина черенка 2 см. (рис. 6, *1*).

Из восточной части камеры происходят 3 фрагмента железных стержней, круглых в сечении (гвоздей гробовины?), длиной 1.7–2.2, сечением 0.2–0.3 см.

Расположение погр. 4 и 6 в одном кургане рядом и параллельно друг другу, полное совпадение форм и ориентировок могильных конструкций, сходный по богатству и престижности погребальный инвентарь позволяют предполагать принадлежность погребенных к одной семье, возможно, супружеские отношения.

Датировка ореховских погребений в рамках РЖВ определяется, прежде всего, наборами погребального инвентаря[2].

Посуда. В погребениях Центрального Предкавказья начиная с VII в. до н.э. наблюдается устойчивый набор из кувшинов, мисок, кружек и “корчагообразных” сосудов (Виноградов, 1972. С. 193–204; Абрамова, 1993. С. 61, 62. Рис. 22). Морфология и декор керамических сосудов из Ореховки позволили Ю.А. Прокопенко уверенно включить их в большой массив посуды III–I вв. до н.э. в рамках классификационной схемы, представляющей собой обширную надстройку над типологией, разработанной М.П. Абрамовой (Абрамова, 1993. С. 39–66; Прокопенко, 2014а. С. 385–407).

Кувшин из погр. 4 кург. 2 (рис. 5, *1*) соответствует типу 3, варианту “б” (Абрамова, 1993. С. 40–43. Рис. 8) и типу IX, варианту 2 (Прокопенко, 2014а. С. 396; 2014б. Рис. 166), являясь одним из наиболее крупных и изящных по своим пропорциям экземпляров. Ближе всего по пропорциям, оформлению слива, в сочетании с размерами и декором, к кувшину из Ореховки стоит кувшин из территориально далекого памятника погр.7 кург. 1 у ст. Черноярская на левобережье среднего течения Терека (Габуев, 2005. Рис. 1, *2*; Прокопенко, 2014б. Рис. 166, *14, 16*). Кувшин с зооморфной ручкой из погр. 6 кург. 2 (рис. 7, *4*) относится

[2] Вещи из раскопок погр. 4 и 6 кург. 2 переданы в Ставропольский государственный музей-заповедник им. Г.Н. Прозителева и Г.К. Праве (керамическая коллекция) и Государственный исторический музей (прочие находки).

к типу 6, варианту “а” (Абрамова, 1993. С. 42. Рис. 9) и типу IV, варианту 2 (Прокопенко, 2014а. С. 394; 2014б. Рис. 167). По форме и декору кувшин может быть сопоставлен с экземпляром из сравнительно недалеко расположенного могильника Нижняя Татарка (кург. 2 погр. 5) (Абрамова, 1993. Рис. 9, *11*; Прокопенко, 2014б. Рис. 167, *9, 22*).

Обе миски из погр. 6 кург. 2 также являются типичными по форме, размерам и орнаментации и относятся: малая миска (рис. 7, *2*) к типу 1 (миски с загнутым внутрь краем и узким дном), большая миска (рис. 7, *3*) – к типу 2 (миски с плоским расширенным краем, образующим ребро на внутренней поверхности), в классификации М.П. Абрамовой (1993, С. 51, 52. Рис. 14), и, соответственно, типам I и II в рамках схемы Ю.А. Прокопенко (2014а. С. 399, 400; 2014б. Рис. 159, 160, 160А, 160Б). Очень похожая на ореховскую миска типа 2 (по форме, орнаменту по венчику и на внутренней поверхности дна), также имеющая дырочки в стенке для скрепления трещин, происходит из упомянутого выше погр. 7 кург. 1 Черноярского могильника на Тереке (Габуев, 2005. Рис. 1, *3*; Прокопенко, 2014б. Рис. 159, *9*, *12*; 160Б, *33*).

Небольшой лепной горшочек с асимметричным профилем из кург. 2 погр. 6 (рис. 7, *1*) включаются в группу так называемых горшковидных ритуальных сосудов типа 1 по М.П. Абрамовой (1993. С. 56. Рис. 19) и тип II, вариант 2 группы горшков по Ю.А. Прокопенко (2014а. С. 390; 2014б. Рис. 164); часто подобные сосуды содержали гальки и/или цепи (символы домашнего очага?), в нашем случае отсутствовавшие. По мнению обоих исследователей, подобные горшки, не характерные для раннесарматских памятников, демонстрируют преемственность с местными керамическими традициями (савроматскими, кобанскими) в степном Ставрополье и в предгорьях Центрального и Северо-восточного Кавказа.

Доспех и оружие. После первой публикации (Павлович, 1995) находка бронзового шлема (рис. 3, *1*; 4, *1*) всесторонне (включая технологию изготовления: по данным металлографического анализа, проведенного Т.Н. Гошко, шлем “изготовлен путем формирующей ковки литой заготовки при невысокой температуре”) обсуждалась А.В. Симоненко и как один из предметов импорта в сарматском комплексе (Симоненко, 2011), и как один из образцов шлемов “типа Пилос (Г. Ваурик) или Конос (П. Динцис)” («разновидность с “беотийскими” складками по бокам тульи»); “Г. Ваурик датирует разновидность Пилоса, к которой относятся наши шлемы, II–I вв. до н.э.” Появление шлемов типа Пилос в варварских погребениях Северного Причерноморья и Предкавказья (всего 7) исследователь датирует “концом II, возможно, началом I в. до н.э.” (но погребение у с. Ореховка “возможно, чуть позже”), указывая на “наиболее вероятный исторический контекст их [шлемов – *М.А., М.О.*] попадания к сарматам – события времени Митридатовых войн” (Симоненко, 2014. С. 265. Рис. 10, *4*; 12).

Железный колчанный крюк (рис. 3, *3*; 4, *3*) относится к разновидности пластинчатых крюков с перекладиной; “широкое распространение в центральных районах Северного Кавказа колчанные крюки получают лишь в последние века до нашей эры” (Абрамова, 1993. С. 76, 77). Соглашаясь с этим, Ю.А. Прокопенко разделяет пластинчатые крюки (практически все они сделаны из железа) по форме пластины (спинки) на варианты: 1) прямоугольные; 2) треугольные. Ко второму варианту относится ореховская находка (Прокопенко, 2014а. С. 232, 233).

Железные втульчатые трехлопастные наконечники стрел (рис. 5, *2*) встречаются в Центральном Предкавказье, по данным М.П. Абрамовой, до II в н.э. Высокие втулки и срезанные под тупым углом края узких лопастей являются типичными для северных равнинных территорий западной группы Центрального Предкавказья III–I вв. до н.э. (Абрамова, 1993. С. 74–76). Многотысячный массив известных в настоящее время в Центральном Предкавказье наконечников стрел кавказских и степных форм, изготовленных из различных материалов в I тыс. до н.э., был включен в сложноорганизованную классификационную схему Ю.А. Прокопенко, опиравшегося на разработки К.Ф. Смирнова, А.И. Мелюковой, В.И. Козенковой, И.И. Марченко. Представленные в Ореховке наконечники были отнесены исследователем к различным типам: II – с остролистной головкой и выступающей втулкой, III – со сводчатой и треугольной головкой (лопасти срезаны под прямым углом к втулке), V – с ромбической головкой и укороченной втулкой, VI – башневидные наконечники с треугольным завершением головки и параллельными (или почти параллельными) гранями лопастей (Прокопенко, 2014а. С. 215–219; 2014б. Рис. 106).

Ни форма колчанного крюка, ни формы наконечников стрел не позволяют уточнить диапазон возможной даты колчанного набора в рамках III–I вв. до н.э. В этом отношении более перспективна, на наш взгляд, находка в ореховском комплексе железных стержней, представлявших собой переходники от втульчатых наконечников (очевидно, только крупных, имевших втулку соответствующего диаметра) к древку (ср.: Кореняко, Найденко, 1977. С. 231. Рис. 3, 3; Березин, Ростунов, 2011. С. 70. Рис. *9, 7, 10, 11*)[3]. В раннесарматских (прохоровских) погребениях железные черешковые наконечники заменяют втульчатые во II в. до н.э., а в памятниках Центрального Предкавказья этот процесс завершается лишь в I в. н.э. (Абрамова, 1993. С. 75). Как отмечает Ю.А. Прокопенко, составные ("втульчато-черешковые") наконечники "скорее всего... являются переходной формой от втульчатых к черешковым" (2014а. С. 224). Вероятно, немногочисленные находки железных втульчатых стрел со стержнями-переходниками не следует датировать временем ранее II в. до н.э.

Орудия. Железные ножи, в том числе с серповидно изогнутой спинкой и прямым лезвием (рис. 6, *1*), не являются в рамках РЖВ датирующими ни по форме, ни по расположению вместе с костями мелкого рогатого скота (в миске или без нее).

Украшения. Золотая брошь из погр. 4 кург. 2 (рис. 3, *2*; 4, *2*) со вставкой из глухого стекла, имитирующей агат[4], относится к распространенному виду эллинистических полихромных фибул-брошей с двуигольными аппаратами и сплошными круглыми или овальными щитками, украшенными филигранью и зернью, со вставками из полудрагоценных камней и стеклянной пасты (классификации фибул-брошей см.: Амброз, 1966; Марченко, 1996. С. 28–32; Treister, 2002; Mordvinceva, Treister, 2007. С. 135–139; Мордвинцева и др., 2010. С. 32–35; Прокопенко, 2014а. С. 346, 347). Основной массив находок происходит из погребальных памятников Прикубанья, восточнее фибулы-броши встречаются существенно реже (Абрамова, 1993. С. 86. Рис. 28; Прокопенко, 2014а. С. 123, 124; 2014б. Рис. 212). Пик распространения этих, по-видимому, статусных украшений приходится на позднеэллинистический период, II–I вв. до н.э., центром их производства был Боспор (Treister, 2002; Mordvinceva, Treister, 2007). Некоторые фибулы-броши, найденные в погребениях сиракской знати (в частности, украшенные инталиями овальные броши из погр. 13 кург. 3 у ст. Брюховецкой и погр. 10 Песчаного кургана в Краснодарском крае), по мнению И.И. Марченко, наряду с находками других предметов роскоши могли быть подарками Митридата Евпатора "местным царькам" при заключении союза в ходе войн против Рима (Марченко, 1996. С. 128).

На фоне известных экземпляров очевидно своеобразие ореховской броши, которое состоит в малом размере золотого диска оправы по сравнению с размером вставки и в помещенной поверх вставки крестообразной накладке из золотых ажурных лент. Служащая дополнительным креплением и защищающая стеклянную вставку накладка, безусловно, с эстетической точки зрения, придает броши красоту, завершенность и богатый вид несмотря на небольшое общее количество использованного золота, и указывает, с одной стороны, на профессионализм мастера-ювелира, а с другой, возможно, с учетом нестандартности деталей и сравнительно скромной стоимости материалов, – на несколько сниженный личный статус (внутри элитной военной страты) носителя этого украшения.

Наиболее близкие по форме и пропорциям золотые овальные броши-фибулы со сплошным диском, украшенным только филигранью, без дополнительных вставок и зерни, происходят из уже упомянутого погр. 13 кург. 3 у ст. Брюховецкой и из погр. 19 кург. 1 ОПХ "Рассвет" в Краснодаре; оба комплекса имеют даты в пределах II – второй четверти I в. до н.э. (Мордвинцева и др., 2010. №. 44. Цв. табл. 9. Табл. 10; № 471. Цв. табл. 13. Табл. 81). Орнаментальные композиции на этих брошах отличны от ореховского экземпляра. Диск броши из Брюховецкой украшен поперечно уложенными S-видными сканевыми спиралями, завитыми вокруг небольших выпуклых полусфер, на диске броши из ОПХ "Рассвет"

[3] Ю.А. Прокопенко ошибочно принял эти артефакты за черешковые наконечники. Этому, вероятно, способствовало отсутствие указаний в тексте отчета, что, во-первых, круглые в сечении стержни примыкали к втулкам трехлопастных наконечников и лежали в пятне древесного тлена от древков, и, во-вторых, что фото и рисунок стержней демонстрируют не "выделенный черенок", а корродированную и сохранившуюся внутреннюю железную часть стержней.

[4] По мнению В.И. Мордвинцевой, вставка могла быть сделана из фрагмента стеклянного полихромного сосуда.

(которая также первоначально имела пастовую вставку, ныне утраченную) S-видные завитки включены в два ряда “бегущих волн”, обрамляющих внешний и внутренний край диска. Более близким к ореховскому может считаться орнамент на диске овальной фибулы-броши из погребения грунтового могильника Мезмай в Апшеронском районе Краснодарского края (Мордвинцева и др., 2010. № 294. Цв. табл. 1. Табл. 54). Дата комплекса – вторая половина III – первая половина II в. до н.э. Эта брошь существенно больше (ее размеры 5.8 × 4.8 см) как ореховской, так и двух упомянутых выше, и имеет более широкий диск вокруг сделанной из бусины хрустальной овальной вставки, высоко поднимающейся над зубчатым краем каста. Диск состоит из двух рельефных валиков. «На внешнем рельефном валике напаян орнамент в виде кусочков рубчатой поволоки U-образной формы (имитация венка). На внутреннем валике напаян орнамент “бегущая волна” из S-образных завитков тонкой рубчатой проволоки» (Мордвинцева и др., 2010. С. 295). Сходным образом “имитацией венка” можно считать и орнамент из уголков на диске плоской броши из Ореховки, который, таким образом, не является оригинальным для этого вида украшений в северокавказском регионе.

Ожерелья и браслеты из женского погр. 6 кург 2, состоящие из разнообразных стеклянных, а также сердоликовых бус, типичны для эпохи позднего эллинизма и в качестве боспорского импорта широко представлены в могильниках Центрального Предкавказья (аналогии бусам с металлической прокладкой и большой сине-белой бусине с глазками см.: Алексеева, 1978. Табл. 26.; 32)[5].

Интересна большая глазчатая бусина из погр.6 кург. 2. Помимо большого размера и грубоватости формы и декора, ее отличает состояние (разбита в древности на две равные половины вдоль канала) и положение в погребении: половинки были сложены вместе и находились у правого плеча погребенной вместе с железным кольцом, бронзовой подвеской и двумя мелкими металлическими предметами. Этот своеобразный набор производит впечатление инструментария магической практики, возможно, специфически женской[6].

В рамках позднего (III–I вв. до н.э.) этапа раннесарматского времени. Ю.А. Прокопенко (2014а; б) осторожно относит оба погребения кург. 2 ко II–I вв. до н.э. Бронзовый шлем как наиболее изученный и наиболее информативный предмет делает вероятной датировку погр. 4 кург. 2 концом II – первой половиной I вв. до н.э., и, судя по контексту, та же дата у погр. 6 кург. 2.

За последние полвека в Предкавказье были раскопаны большие серии погребений III–I вв. до н.э. Наиболее близкие к публикуемым комплексы (территориально и типологически) представлены в расположенных незначительно южнее курганных могильниках, по течению р. Томузловка (левый берег) (Прокопенко, 2014б. Карта 2). Надо признать, что катакомбные могильные конструкции ореховских погребений относятся к числу немногих сравнительно полно документированных, поскольку погребения раннесарматского времени, как правило, впущены в насыпь курганов эпохи бронзы, не доходят до материка, и контуры могил не читаются. Руководствуясь планом, можно отнести эти сооружения к катакомбам типа II (оси входной ямы и камеры находятся на одной прямой; так называемые катакомбы-чулки) и III (производного от II) (ось камеры погр. 4 находится под тупым углом к оси входной шахты; возможно, впрочем, что в данном случае отклонение от прямой связано не с обрядовой традицией, а с необходимостью обойти конструкции эпохи бронзы) в рамках классификации, принятой для сарматских катакомб (Смирнов, 1972; Мошкова, Малашев, 1999). Катакомбы II типа известны на Ставрополье как рядом с Ореховкой – в могильниках на р. Томузловке – Новоселицкое, Жуковская группа II, Веселая Роща I и III, (Кореняко, 1980; Мирошина, 1986; Мирошина, Державин, 1988;), так и существенно севернее – например, в кургане у с. Красногвардейское на р. Егорлык (Березин, Калмыков, 1998), и, кроме того, по всему Предкавказью от Прикубанья до приморской зоны Дагестана (в Центральном и Восточном Предкавказье – преимущественно в степных предгорных районах).

[5] По заключению И.В. Кондратьева, работавшего с ореховской коллекцией бус в конце 80-х годов, регионом производства бус с металлической золотой прокладкой была Сирия, глазчатой бусины – Египет.

[6] Подвеска сходной треугольной формы и размера, но не бронзовая, а сделанная из фрагмента чернолакового сосуда, обнаружена также в близком по времени женском погр. 2 кург. 5. у с. Ореховка, причем в составе группы предметов, включавшем также бронзовое зеркало, три окатанных фрагмента амфор и камешек-гальку.

Отметим, что в число известных в настоящее время катакомбных захоронений раннесарматской эпохи исследователи обоснованно предлагают включать погребения с не прослеженными могильными сооружениями, но с зафиксированным значительным наклоном поверхности под скелетными останками (перепад глубин между нивелировочными отметками у черепа и стоп), поскольку этот признак характерен именно для катакомб (Маслов и др., 2013. С. 35).

Очевидно, стоит еще раз обратить внимание на расположение могильных сооружений в кург. 2 у с. Ореховка. Из известных по публикациям материалов того же времени можно указать на две планиграфически близкие ситуации, причем обе – в могильниках на левобережье среднего Терека. Это, во-первых, погр. 7 и 11 в кург. 1 у ст. Черноярской (Габуев, 2005) и погр. 1 и погр. 11 кург. 2 у ст. Павлодольской (раскопки В.Л. Ростунова 1984 г.) (Виноградов, Березин, 1985). В первом случае расположенные рядом и параллельно катакомбы содержали захоронения взрослых людей, во втором – женщины старческого возраста и подростка. Отметим, что микромогильник из двух находящихся рядом и близких по времени могильных сооружений может рассматриваться как типологически "промежуточный" вариант между коллективными (часто парными одноярусными) захоронениями в одной катакомбе и курганами-кладбищами со значительным числом индивидуальных и коллективных погребений, получившими в это же время распространение в Предкавказье, главным образом, на предгорных равнинах (Маслов и др., 2013; 2016).

Сложность культурной интерпретации материалов центрально- и восточнопредкавказских погребальных памятников последних веков до н.э. состоит в очевидном для исследователей многокомпонентном сплаве черт сарматской, предшествующей скифской и местной культур, отразившем возникновение нового "ирано-кавказского этнокультурного сообщества", которое исследователи, вслед за В.Б. Виноградовым, идентифицируют с сиракским племенным союзом (Виноградов, 1965; Виноградов, Березин, 1985. С. 54; Березин, 2012. С. 51). По мнению В.Е. Маслова, "эпохальный процесс культурной интеграции разнородных культурно-этнических групп населения на всей территории Предкавказья, судя по всему, протекал очень быстро"; и важным аспектом этого процесса была седентеризация скотоводческого населения, проявлением чего стало распространение курганов-кладбищ (Маслов и др., 2013. С. 36). Ряд признаков – захоронения в катакомбах II типа, западная ориентировка погребенных, положение рук (одной руки) на таз, мясная пища (кости мелкого или крупного рогатого скота) в миске – позволяет говорить о "сиракском" облике ореховских комплексов (ср. Березин, 2007. С. 76; 2010 С. 47; 2012. С. 51), имея в виду обрядовое сходство с прикубанскими памятниками этого времени, прочно связанными с этим этнонимом (Марченко, 1996), но не затрагивая, однако, далекие от разрешения вопросы этнополитической истории.

Авторы выражают признательность коллегам – Я.Б. Березину, В.Ю. Малашеву, В.Е. Маслову и В.И. Мордвинцевой за консультации при подготовке публикации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э – IV в. н.э.). М.: ИА РАН, 1993. 240 с.

Абрамова М.П., *Петренко В.Г.* Погребения сарматского времени из Ставрополья // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М.: ИА РАН, 1995. С. 36–43.

Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР (II в. до н.э. – IV в. н.э.). М.: Наука, 1966 (САИ; вып. Д1-30). 111 с., ил.

Андреева М.В. Отчет о раскопках Петровского отряда Ставропольской экспедиции Института археологии АН СССР за 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13580–13583.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1978 (САИ; вып. Г1-12). 121 с.

Березин Я.Б. Сарматские погребения на территории Пятигорья (по материалам раскопок ГУП "Наследие", г. Ставрополь) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 8. Армавир: Центр археологических исследований Армавир. гос. пед. ун-та, 2007. С. 67–104.

Березин Я.Б. Сарматские погребения на территории Среднего Притеречья (по материалам раскопок 1980-х годов) // Археологический журнал. Вып. III–IV. Армавир: Центр археологических исследований Армавир. гос. пед. ун-та, 2010. С. 32–50.

Березин Я.Б. Стечение обстоятельств или трагедия? (об одной любопытной детали погребального обряда) // МИАСК. Вып.13. Армавир, 2012. С. 48–60.

Березин Я.Б., Калмыков А.А. Курган у села Красногвардейское Ставропольского края // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология. Вып. 1. Ставрополь, 1998. С. 55–95.

Березин Я.Б., *Ростунов Е.В.* Сарматские захоронения Кобийского могильника // МИАСК. Вып. 12. Армавир: Центр археологических исследований Армавир. гос. пед. ун-та, 2011. С. 60–107.

Виноградов В.Б. Сиракский союз племен на Северном Кавказе // СА. 1965. № 1. С. 108–121.

Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV века до н.э.): Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1972. 389 с.

Виноградов В.Б., *Березин Я.Б.* Катакомбные погребения и их носители Центральном Предкавказье в III в. до н.э. – IV в. н.э. // Античность и варварский мир / Отв. ред. А.В. Исаенко. Орджоникидзе: СОГУ, 1985. С. 43–62.

Габуев Т.А. Две катакомбы сарматского времени у ст. Черноярская в Северной Осетии // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского / Ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2005. С. 510–514.

Кореняко В.А. Погребение сарматского времени у с. Новоселицкое в Ставропольском крае // КСИА. 1980. Вып. 162. С. 96–101.

Кореняко В.А., *Найденко А.В.* Погребения раннего железного века в курганах на р. Томузловке (Ставропольский край) // СА. 1977. № 3. С. 230–249.

Марченко И.И. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1996. 335 с.

Маслов В.Е., *Красильников К.И.*, *Пятых Г.Г.* Катакомбные погребения последних веков до нашей эры на территории Дагестана // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 2 / Ред.: Б.Х. Бгажноков, В.А. Фоменко. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2013. С. 33–39.

Маслов В.Е., *Красильников К.И.*, *Пятых Г.Г.* Курганы нижнего Сулака: курган-кладбище № 4 могильника Львовский VII. М.: “Перо”, 2016 (Труды Дагестанской экспедиции. Т. IV). 116 с.

Мирошина Т.В. Сарматские погребения, исследованные Ставропольской экспедицией // СА. 1986. № 2. С. 170–179.

Мирошина Т.В., Державин В.Л. Сарматские погребения из могильника Веселая Роща III // СА. 1988. № 4. С. 146–156.

Мордвинцева В.И., *Хачатурова Е.А.*, *Юрченко Т.В.* Сокровища древней Кубани. Симферополь; Краснодар: Универсум, 2010 (Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе; № 4). 448 с.

Мошкова М.Г., *Малашев В.Ю.* Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Научные школы Волгоградского государственного университета / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Вол. гос. ун-т., 1999. С. 172–212.

Павлович Г.А. Греческий шлем эллинистического времени из Ставропольского края // СА. 1995. № 3. С. 200–205.

Прокопенко Ю.А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э. Ч. 1. Ставрополь: Изд-во Сев.-Кавк. федерального ун-та, 2014а. 446 с.

Прокопенко Ю.А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э. Ч. 2. Ставрополь: Изд-во Сев.-Кавк. федерального ун-та, 2014б. 724 с.

Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб.: Нестор-История, 2011. 272 с.

Симоненко А.В. Шлемы сарматского времени из Восточной Европы // Stratum plus. 2014. № 4. С. 249–284.

Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья, Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. 1972. № 1. С. 73–81.

Berg S., Rolle R., Seemann H. Die Archäologie und der Tod: Archäologie und Gerichtsmedizin. München; Luzern: Bucher C.J., 1981. 168 S.

Mordvinceva V., *Treister M.* Toreutik und Schmuck im Nördlichen Schwarzmeergebiet. 2. Jh. v. Chr. – 2. Jh. n. Chr. Bd 2. Simferopol; Bonn, 2007. 254 S.

Treister M.Y. Late Hellenistic Bosporan Polychrome Style and its Relation to the Jewellery of Roman Syria (Kuban Brooches and Related Forms) // Silk Road Art and Archaeology. 2002. V. 8. P. 29–72.

BURIALS OF THE EARLY SARMATIAN PERIOD FROM THE MOUND AT THE VILLAGE OREKHOVKA IN STAVROPOL TERRITORY

Marina V. Andreeva[1,*], Maria A. Ochir-Goryaeva[2,3,]**

[1] *Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*
[2] *A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia*
[3] *Kalmyk Research Centre RAS, Elista, Russia*

[*]*E-mail: amvlad11@yandex.ru*
[**]*E-mail: mariaochir@gmail.com*

The bronze helmet from the burial near the village of Orekhovka in Stavropol territory is well known in archaeological literature (Pavlovich, 1995; Simonenko, 2014). However, in general, the bright funerary complexes of the Early Sarmatian / Late Hellenistic period from the mound cemetery near Orekhovka, are still insufficiently introduced into scientific circulation, despite the publication of drawings as part of a summary of the materials of the second half of I millennium BC from the Central Ciscaucasia (Prokopenko, 2014a, b). This paper provides a detailed description of two burials of the specified period and summarizes the current data on their dating and historical and cultural context.

Keywords: Central Ciscaucasia, the Early Sarmatian period, the Late Hellenistic period, cemetery, burial mound, burial, bronze helmet, brooch fibula.

REFERENCES

Abramova M.P., 1993. Tsentral'noye Predkavkaz'ye v sarmatskoye vremya (III v. do n.e – IV v. n.e.) [Central Ciscaucasia in the Sarmatian period (the 3rd century BC – the 4th century AD)]. Moscow: IA RAN. 240 p.

Abramova M.P., *Petrenko V.G.*, 1995. Sarmatian burials in Stavropol Territory. *Pamyatniki Evrazii skifo-sarmatskoy epokhi* [*Eurasian sites of the Scythian-Sarmatian period*]. Moscow: IA RAN, pp. 36–43. (In Russ.)

Alekseeva E.M., 1978. Antichnyye busy Severnogo Prichernomor'ya [Antique beads of the North Pontic region]. Moscow: Nauka. 121 p. (SAI, G1-12).

Ambroz A.K., 1966. Fibuly yuga Evropeyskoy chasti SSSR (II v. do n.e. – IV v. n.e.) [Fibulae of the south of the USSR's European part (the 2nd century BC – the 4th century AD)]. Moscow: Nauka. 111 p., ill. (SAI, D1-30).

Andreeva M.V. Otchet o raskopkakh Petrovskogo otryada Stavropol'skoy ekspeditsii Instituta arkheologii AN SSSR za 1985 g. [Report on the excavations of Petrovsky detachment of the Stavropol expedition of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences for 1985]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk* [*Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences*], R-1, № 13580–13583. (Unpublised).

Berezin Ya.B., 2007. Sarmatian burials in the territory of Pyatigorye (based on materials from the excavations by State Enterprise "Nasledie", Stavropol). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [*Materials and research on the archaeology of the North Caucasus*], 8. Armavir: Tsentr arkheologicheskikh issledovaniy Armavirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 67–104. (In Russ.)

Berezin Ya.B., 2010. Sarmatian burials in the territory of the Middle Terek region (based on materials from the excavations of the 1980s). *Arkheologicheskiy zhurnal* [*Archaeological Journal*], III–IV. Armavir, Tsentr arkheologicheskikh issledovaniy Armavirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 32–50. (In Russ.)

Berezin Ya.B., 2012. Confluence of circumstances or tragedy? (on one curious detail of the burial rite). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [*Materials and research on the archaeology of the North Caucasus*], 13. Armavir: Tsentr arkheologicheskikh issledovaniy Armavirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 48–60. (In Russ.)

Berezin Ya.B., *Kalmykov A.A.*, 1998. The mound near the village Krasnogvardeyskoye in Stavropol' Territory. *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza* [*Materials for the study of the historical-cultural heritage of the North Caucasus*], 1. Arkheologiya [Archaeology]. Stavropol': pp. 55-95. (In Russ.)

Berezin Ya.B., *Rostunov E.V.*, 2011. Sarmatian burials of the Kobi cemetery. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [*Materials and research on the archaeology of the North Caucasus*], 12. Armavir: Tsentr arkheologicheskikh issledovaniy Armavirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 60–107. (In Russ.)

Berg S., *Rolle R.*, *Seemann H.*, 1981. Die Archäologie und der Tod: Archäologie und Gerichtsmedizin. München; Luzern: Bucher C.J. 168 p.

Gabuyev T.A., 2005. Two catacombs of the Sarmatian period at the settlement of Chernoyarskaya in North Ossetia. *Drevnosti Evrazii: ot ranney bronzy do rannego srednevekov'ya. Pamyati V.S. Ol'khovskogo* [*Antiquities of Eurasia: from the Early Bronze to the Early Middle Age. In memory of V.S. Olkhovsky*]. V.I. Gulyayev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 510–514. (In Russ.)

Korenyako V.A., 1980. Burial of the Sarmatian period at the settlement of Novoselitskoe in Stavropol Territory. *KSIA* [*Brief Communications of the Institute of Archaeology*], 162, pp. 96–101. (In Russ.)

Korenyako V.A., *Naydenko A.V.*, 1977. Burials of the Early Iron Age in the mounds on the river Tomuzlovka (Stavropol Territory). *Sovet. Arkheol.*, 3, pp. 230–249. (In Russ.)

Marchenko I.I., 1996. Siraki Kubani (po materialam kurgannykh pogrebeniy Nizhney Kubani) [The Kuban Siraces (based on mound burials of the Lower Kuban)]. Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet. 335 p.

Maslov V.E., *Krasil'nikov K.I.*, *Pyatykh G.G.*, 2013. Catacomb burials of the last centuries BC on the territory of Dagestan. *Arkheologiya i etnologiya Severnogo Kavkaza* [*Archaeology and Ethnology of the North Caucasus*], 2. B.Kh. Bgazhnokov, V.A. Fomenko, eds. Nal'chik: Izdatel'skiy otdel Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy, pp. 33–39. (In Russ.)

Maslov V.E., *Krasil'nikov K.I.*, *Pyatykh G.G.*, 2016. Kurgany nizhnego Sulaka: kurgan-kladbishche № 4 mogil'nika L'vovskiy VII [Mounds of the Lower Sulak: The cemetery-mound № 4 of Lvovsky VII necropolis] Moscow: "Pero", 116 p. (Proceedings of the Daghestan Expedition, 4).

Miroshina T.V., 1986. Sarmatian burials researched by the Stavropol' expedition. *Sovet. Arkheol.*, 2, pp. 170–179. (In Russ.)

Miroshina T.V., *Derzhavin V.L.*, 1988. Sarmatian burials from the Veselaya Roshcha III burial ground. *Sovet. Arkheol.*, 4, pp. 146–156. (In Russ.)

Mordvinceva V., *Treister M.*, 2007. Toreutik und Schmuck im Nördlichen Schwarzmeergebiet. 2. Jh. v. Chr. – 2. Jh. n. Chr. Bd 2. Simferopol; Bonn. 254 p.

Mordvintseva V.I., *Khachaturova E.A.*, *Yurchenko T.V.*, 2010. Sokrovishcha drevney Kubani [Treasures of the Ancient Kuban]. Simferopol'; Krasnodar: Universum. 448 p. (Drevnyaya torevtika i yuvelirnoye delo v Vostochnoy Evrope, 4).

Moshkova M.G., *Malashev V.Yu.*, 1999. Chronology and typology of the Sarmatian catacomb burial structures. *Arkheologiya Volgo-Ural'skogo regiona v epokhu rannego zheleznogo veka i srednevekov'ya. Nauchnyye shkoly Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Archaeology of the Volga-Ural region in the Early Iron Age and the Middle Ages. Scientific schools of Volgograd State University*]. A.S. Skripkin, ed. Volgograd: Volgogradskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 172–212. (In Russ.)

Pavlovich G.A., 1995. A Hellenistic Greek helmet from Stavropol Territory. *Sovet. Arkheol.*, 3, pp. 200–205. (In Russ.)

Prokopenko Yu.A., 2014a. Skify, sarmaty i plemena kobanskoy kul'tury v Tsentral'nom Predkavkaz'ye vo vtoroy polovine I tys. do n.e. [Scythians, Sarmatians and the Koban culture tribes in the Central Ciscaucasia in the second half of the 1st mill. BC], 1. Stavropol': Izdatel'stvo Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta. 446 p.

Prokopenko Yu.A., 2014b. Skify, sarmaty i plemena kobanskoy kul'tury v Tsentral'nom Predkavkaz'ye vo vtoroy polovine I tys. do n.e. [Scythians, Sarmatians and the Koban culture tribes in the Central Ciscaucasia in the second half of the 1st mill. BC], 2. Stavropol': Izdatel'stvo Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta. 724 p.

Simonenko A.V., 2011. Rimskiy import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ya [Roman imports of the Sarmatians of the North Pontic region]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 272 p.

Simonenko A.V., 2014. Helmets of the Sarmatian period from Eastern Europe. *Stratum plus*, 4, pp. 249–284. (In Russ.)

Smirnov K.F., 1972. Sarmatian catacomb burials in the Sub-Urals and Volga regions and their relation to catacombs in the North Caucasus. *Sovet. Arkheol.*, 1, pp. 73–81. (In Russ.)

Treister M.Y., 2002. Late Hellenistic Bosporan Polychrome Style and its Relation to the Jewellery of Roman Syria (Kuban Brooches and Related Forms). *Silk Road Art and Archaeology*, 8, pp. 29–72.

Vinogradov V.B., 1965. Siraces' tribe confederation in the North Caucasus. *Sovet. Arkheol.*, 1, pp. 108–121. (In Russ.)

Vinogradov V.B., 1972. Tsentral'nyy i Severo-Vostochnyy Kavkaz v skifskoye vremya (VII–IV veka do n.e.): Voprosy politicheskoy istorii, evolyutsii kul'tur i etnogeneza [The Central and North-Eastern Caucasus in the Scythian period (the 7th–4th centuries BC): Issues of political history, evolution of culture, and ethnogenesis]. Groznyy: Checheno-Ingushskoye knizhnoye izdatel'stvo. 389 p.

Vinogradov V.B., *Berezin Ya.B.*, 1985. Catacomb burials and their carriers of the Central Ciscaucasia in the 3rd century BC – the 4th century AD. *Antichnost' i varvarskiy mir* [*Classical antiquity and the barbarian world*]. A.V. Isayenko, ed. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 43–62. (In Russ.)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2019, № 1, с. 133–145

“ДОМОВЛАДЕНИЕ ТИШФАРНА” НА ГОРОДИЩЕ ПЕНДЖИКЕНТ

© 2019 г. Л.О. Смирнова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: Smirnova@hermitage.ru

Поступила в редакцию 26.04.2018 г.

В статье описано “домовладение Тишфарна”, которое исследовалось Пенджикентской экспедицией в 2009–2014 гг. на объекте XXVI-С. Домовладение на протяжении всего периода существования меняло свои функции, что ярко иллюстрирует смену деятельности и статуса владельцев: аристократ (?) – торговец – ремесленник – земледелец (?). Помимо своей интересной истории домовладение на определенном строительном этапе предоставляет нам еще один образец редкой общественной постройки и так же редкое в Пенджикенте помещение хлева. Период обживания комплекса рассматриваемых помещений соответствует основному хронологическому срезу Пенджикента – с середины VII в. по приблизительно 770-е годы. Результаты исследования сопоставлены с достижениями археологии Пенджикента последних 70 лет и являются еще одним небольшим вкладом в копилку материалов, собранных Пенджикентской экспедицией.

Ключевые слова: Пенджикент, планировка города, социальная структура доарабского города, домовладение, общественное здание, базары, хлев.

DOI: 10.31857/S086960630004191-9

Пенджикент – согдийский город V–VIII вв., находящийся в 60 км от Самарканда (два дневных перехода) на высоте 900 м от уровня моря, при “входе” в Гиссаро-Алайские горы. Город расположен на высоком холме, рассеченном оврагом. На одном берегу оврага, у источника Кайнар, возвышалась цитадель, а на другом – жилые кварталы и два храма. Площадь города – всего 13 га, втрое меньше Афрасиаба. Городище состоит из кухендиза – цитадели, шахристана – собственно города, рабата – предместья и некрополя (Беленицкий, 1967. С. 8). Памятник для согдийской археологии является эталонным и дает огромный материал для изучения одной из основных областей проживания согдийцев – Центрального Согда (Беленицкий и др., 1981. С. 94, 95).

Пенджикент начали раскапывать в 1946–1947 гг. в рамках изучения ключевой проблемы среднеазиатской археологии – пути формирования и развития среднеазитского города. Эта проблема включает в себя вопросы планировки города; источника возникновения города (замок, культовый центр или места крупной торговли); социальной структуры и социального состава (рис. 1).

Первый начальник экспедиции А.Ю. Якубовский считал город однослойным памятником VII–VIII вв. В этом он видел достоинство Пенджикента, которое позволяло определить тот уровень социального и культурного развития, который послужил базой расцвета городской культуры Средней Азии IX–XII вв. Можно было, по его мнению, изучить социальную структуру города на определенный момент – первую четверть VIII в. На практике это проявилось в том, что при раскопках упор делался не на стратиграфию, а на широкое исследование застройки верхнего горизонта, выявление соответствующего синхронного среза и комплексное изучение городища. Подобный подход после многих лет работы на городище и сделал Пенджикент эталонным памятником (Беленицкий и др., 1981. С. 94, 95), на котором собран наиболее полный материал для решения самых разных вопросов, касающихся истории среднеазиатского города рубежа VII–VIII вв.

В 1955 г. был обнаружен еще один слой, удревнивший город на столетие (Беленицкий, 1959. С. 195), и поставленная А.Ю. Якубовским задача стала более дифференцированной: выявление того, что в структуре города обусловлено исторической ситуацией последних

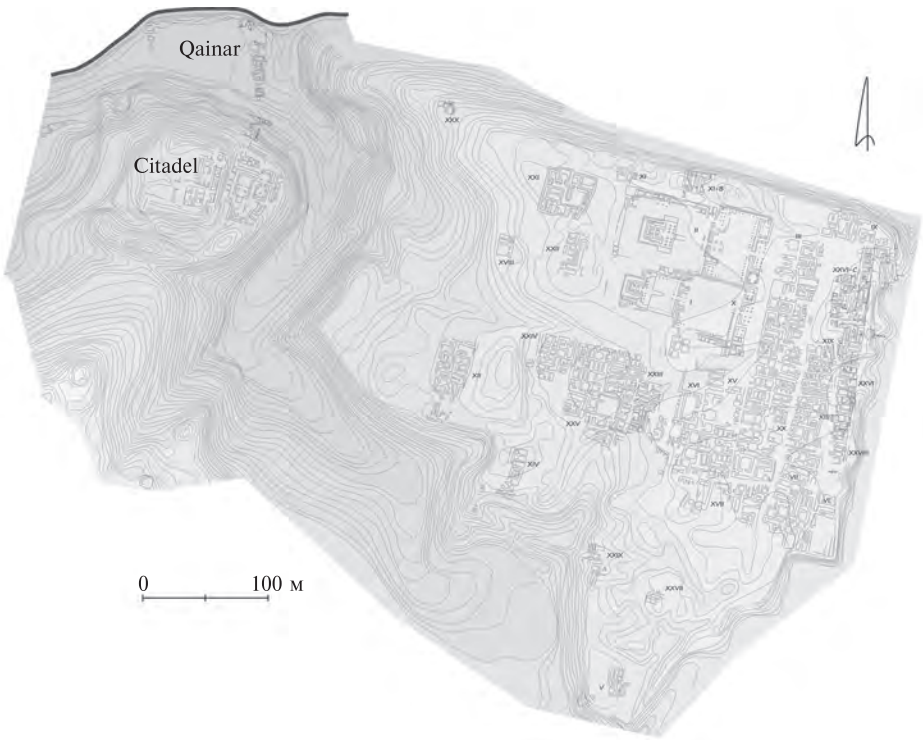


Рис. 1. План Пенджикента V–VIII вв.
Fig. 1. Plan of Penjikent in the 5th–8th cc.

десятилетий перед арабским завоеванием, а что было предопределено более ранним развитием V–VII вв. (Беленицкий и др., 1981. С. 95).

В настоящее время удалось установить, что первоначальным ядром города стал холм около источника, обживание которого, судя по находкам керамики, относится к III–I вв. до н.э., а наиболее ранние архитектурные сооружения на нем можно датировать IV–V вв. н.э. (Семенов, 1996. С. 94). Градообразующим фактором стали два храма V в., расположенные на шахристане и обнесенные первоначальной стеной (Семенов, 2002. С. 29; Шкода, 2009. С.122; Маршак, 2012. С. 181). Возможно, что и на месте шахристана находились постройки более раннего времени, о чем свидетельствует свалка керамики, обнаруженная под первоначальной стеной (Маршак, 1964. С. 189).

В V в. Пенджикент не был плотно заселен. Самые ранние из исследованных домов сохраняли черты отдельных усадеб. В VI в. городская стена перестраивается и усиливается (Маршак, 2012. С. 181), появляются кварталы из домов, пристроенных друг к другу, увеличивается этажность (Распопова, 1993. С. 15). К VII в. относятся дома (как крупные, площадью более 170 м^2, так и небольшие, площадью около 60 м^2), возведенные с учетом потребностей и возможностей их хозяев, в большинстве случаев без использования стен более ранних построек (Распопова, 1993. С. 17). Показатель средней площади жилища – это важный признак социальной и хронологической характеристики жилища (Распопова, 1969. С. 182).

Около середины и в последней трети VII в. происходит последняя перестройка оборонительных сооружений (Маршак, 2012. С. 181). Вторая половина VII в. также характеризуется сплошной регулярной застройкой шахристана жилыми массивами, разделенными улицами и переулками (Распопова, 1990. С. 169). Это происходит, по-видимому, в результате перераспределения земельной собственности (Семенов, 2002. С. 33). На рубеже VII–VIII вв. пространства между отдельными домами активно застраиваются. Четкие границы между размерами отдельных домов стираются, минимальный размер жилища снижается до площади в 17.5 м^2 (Распопова, 1993. С. 18–20). Прослеживается процесс образования домов новой знати с “захватом” части соседних домов. В 30–40-х годах VIII в. почти полностью исчезают богатые домовладения при относительно

большом количестве домов рядовых построек с лавками и мастерскими.

Уплотнение застройки рубежа VII–VIII вв. и середины VIII в. Г.Л. Семенов тесно связывает с конкретными политическими событиями в истории Согда, а не с ростом семей или внутренним развитием городского сообщества (Семенов, 2002. С. 33). В середине VII в. согдийские княжества стали фактически независимы, лишь номинально признавая авторитет танской империи (Распопова, 1993. С. 3). В 60-х началось арабское завоевание Средней Азии (Гафуров, 1949. С. 133–162). Арабское завоевание – это фактор нестабильности общества. Происходят разрыв социальных и семейных связей (Гафуров, 1949. С. 157), ослабление традиций, исламизация страны, изменение социального и материального статуса в сторону роста или понижения, в зависимости от способностей каждого отдельного человека или группы. Процесс растянулся на полтора столетия и закончился лишь на рубеже VIII–IX вв.

Первые походы арабов на Мавераннахр носили грабительский характер; лишь в начале VIII в. Кутейба их как-то урегулировал, разместив, в частности, в Бухаре и в Самарканде, гарнизоны (Якубовский, 1951. С. 228; Бартольд, 1964. С. 326). Как раз во второй половине VII в. начинается уплотнение застройки шахристана. Позже население Пенджикента значительно увеличивается с приходом Диваштича в 712 г., а после казни царя в 722 г. город приходит в упадок (Беленицкий и др., 1981. С. 98). В 730–740-е годы, после договора между согдийцами и Насром бин Сайаром по окончании восстания 720–722 гг., происходит восстановление части домов (Семенов, 2002. С. 33). В середине VIII в. – новая полоса восстаний, а в 70-е годы – восстание Муканны. К 70-м годам перестают функционировать храмы (Шкода, 2009. С. 56), а после 60-х годов и весь Пенджикент приходит в совершенный упадок и жизнь на городище затухает.

В период основного хронологического среза – вторая половина VII–VIII в. – в неизменном (неперестроенном) виде оставались только храмы (Шкода, 2009. С. 122). Основные строительные изменения в них падают на V–VI вв., а в период активной застройки шахристана строительство в храмах сокращается, хотя увеличивается число произведений искусства (Шкода, 2009. С. 123).

Вопрос планировки и формирования города исследователи тесно связывают с вопросом о составе и статусе городского населения. Письменных источников VII–VIII вв. относительно структуры и состава города нет. Самый ранний источник – “История Бухары” Наршахи Мухаммада (2011) – относится к X в. Исследователи указывают, что невозможно опираться на сведения Наршахи, так как город в IX–X вв. принципиально отличается от города более раннего времени (Беленицкий, 1965. С.189, 190).

А.Ю. Якубовский считал Пенджикент “дофеодальным городом” на пути перехода от рабовладельческих отношений античности к феодальным (Якубовский, 1950. С. 32; 1951. С. 223). Дома в городе, по его мнению, принадлежали дехканам – представителям земельной аристократии (о значении термина см. Бартольд, 1964. С. 322–332). Свободных ремесленников было мало. Часть ремесленного производства лежала на плечах рабов (Якубовский, 1951. С. 234, 235).

А.М. Беленицкий считал верхний слой Пенджикента остатками города на начальном этапе становления феодальных отношений (Беленицкий, 1967. С. 8) и со ссылкой на В.В. Бартольда утверждал, что шахристан доарабского города в основном был заселен дехканами и наиболее зажиточным представителям купечества (Беленицкий, 1965. С. 191, 192). Однако, по его мнению, кроме дехкан и купцов, значительный слой населения составлял “базарный люд” – ремесленники, а также имущественно и социально связанное с ним население (Беленицкий, 1967. С. 18). В.В. Бартольд же в начале XX в. аккуратно отмечал, что одним из главных признаков земельного аристократа был замок, хотя дехканам принадлежала собственность не только в селах, но и в городах. Помимо земельной аристократии была и денежная аристократия, которая так же владела собственностью. Говоря об этом, он ссылался на Наршахи, который писал, что большая часть жителей, которая по приказу Кутейбы покинула Бухару в 710 г., были купцами (Бартольд, 1963. С. 117; 1964. С. 323–325).

А.М. Беленицкий критиковал В.Л. Воронину, которая считала, что в городе, помимо земельной аристократии, храмового жречества, богатых купцов, военных, слуг, рабов, зависимых и свободных ремесленников, так же жили и земледельцы, имевшие загородные участки (Воронина, 1959. С. 102).

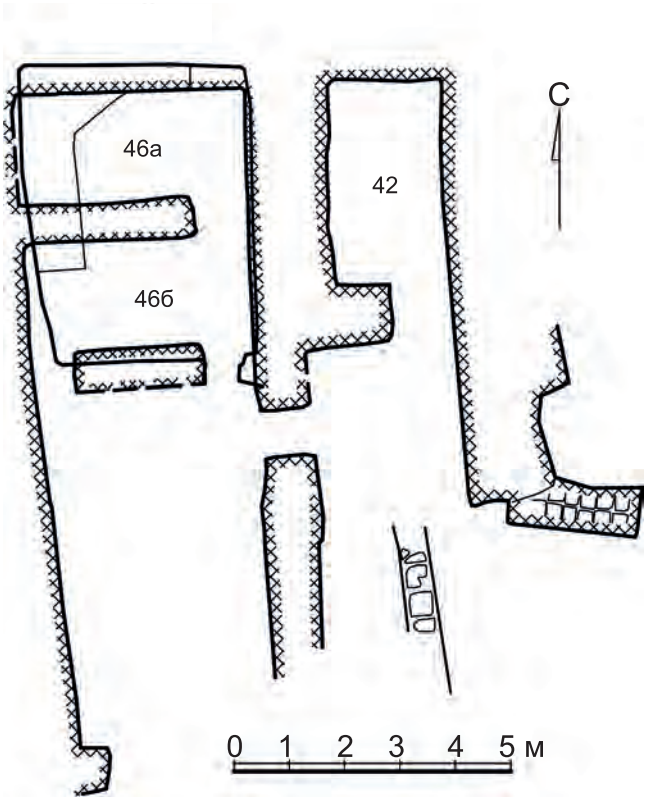


Рис. 2. Домовладение “Тишфарна”. Первый строительный период. План.

Fig. 2. The house of “Tishfarn” The first construction period. Plan view

В статье 1979 г. А.М. Беленицкий, Б.И. Маршак и В.И. Распопова высказывают мнение, что градообразующим слоем населения Пенджикента была городская знать. Основное членение населения не совпадало с членением на феодалов и торгово-ремесленные слои. Эти выводы были сделаны на основании анализа размеров и планировки жилищ и характера живописи. На основании документов с горы Муг авторы предлагают видеть городскую общину (*n’β*) Пенджикента в двух аспектах: членящуюся на три социальных слоя – знать, купцы, работники; представляющую собой совокупность групп агнатов, каждая из которых именовалась тоже словом *n’β* (Беленицкий и др., 1979). Г.Л. Семенов более решительно называет это “соседской общиной” (2002. С. 33).

В статье 1981 г. эти же авторы пишут, что в городе господство знати осуществлялось не в форме неприкрытого господства и подчинения, а в форме товарно-денежных отношений. Об этом можно судить по отсутствию контраста между домами различных слоев общества: в Пенджикенте можно проследить градацию от грандиозных дворцов до домов людей среднего достатка, в которых тоже была живопись (Беленицкий и др., 1981. С. 101, 102). Анализ сюжетов живописи в различных домах показывает, что и родственные связи не влияли на выбор места жительства отдельной семьи (Беленицкий и др., 1981. С. 107).

Каких бы взглядов ни придерживались исследователи, но картина социальной структуры города, которую они рисуют, в основном статична. На изменениях в социальном составе города внимание не акцентируют, хотя в планировке города и домостроительстве прослеживают некоторое развитие. Однако социальная структура города вряд ли была статичной, особенно на фоне политического кризиса, вызванного арабским завоеванием Средней Азии, которое в свою очередь совпадает с основным хронологическим срезом Пенджикента. Поэтому особенный интерес представляет “домовладение Тишфарна”, исследованное в 2009–2014 гг., которое расположено в южной части объекта XXVI-C.

Домовладение на протяжении всего периода существования меняло свои функции, что ярко иллюстрирует смену деятельности и статус владельцев домовладения: аристократ (?) – торговец – ремесленник – земледелец (?). Такая яркая картина, возможно, обусловлена тем, что домовладение расположено рядом с площадью и отражает не столько внутреннюю семейную жизнь владельцев дома, сколько их внешние взаимодействия. Помимо своей интересной истории домовладение на определенном строительном этапе представляет еще один образец редкой общественной постройки и редкое в Пенджикенте помещение хлева. Название “домовладение Тишфарна” условно, дано по надписи на камне “Тишфарн, сын Вухушванде”, найденном в 2009 г. (Лурье и др., 2010. С. 40, 41). Период обживания комплекса рассматриваемых помещений соответствует основному хронологическому срезу Пенджикента – с середины VII в. по приблизительно 770-е годы.

Под руководством Б.И. Маршака в 1993 г. объект XXVI-C начал раскапывать И.К. Малкиель, а с юга раскопки вел и до сих пор ведет Ш.Ф. Курбонов (объект XXVI). Перед начальниками объектов была тогда поставлена задача изучения городской застройки между

крепостными стенами шахристана (о стенах см. Беленицкий, Распопова, 1971. С. 15, 16; Беленицкий и др., 1979. С. 25; 1981. С. 94) и уличной сети в северо-восточной части городища.

С 1993 по 2004 г. И.К. Малкиель исследовал около 40 помещений и улицу (пом. 9, 7, 12 и 33 – в разных частях объекта). Помимо подробных описаний каждого помещения он вычленял отдельные домовладения и дома и выделял строительные периоды в истории домов в этой части городища. В целом строительных периодов четыре: нижний – какие-то постройки VII в., второй – постройки конца VII – начала VIII в., третий – 740-е годы, четвертый – 760–770-е годы (Маршак, Распопова, 2000. С. 36, 37; 2002. С. 39; 2003. С. 14; 2005. С. 29, 30). Последний период – это, как правило, уже обживание развалин (Маршак, Распопова, 2003. С. 14; 2005. С. 29, 30), хотя в некоторых частях объекта, например в доме, состоящем из помещений 20–23, “обживание развалин” падает на 750-е годы (Маршак, Распопова, 1999. С. 37). Максимальные наслоения улицы характерны как раз для третьего периода. К 760-м годам верхние слои улиц достигали уровня второго этажа ранних построек (Маршак, Распопова, 2002. С. 40).

Периодизация И.К. Малкиеля совпадает с периодизацией, выявленной еще О.Г. Большаковым при раскопках аристократического квартала на объекте III в 1952–1956 гг. (Большаков, 1964. С. 114–120). Его выводы о периодизации подтверждены раскопками Е.В. Зеймаля (1964. С. 257–259). Аналогичную хронологическую картину рисует и В.И. Распопова (1990. С. 18–21, 172, 173).

В 2009 г. начальником Пенджикентской экспедиции стал П.Б. Лурье, который решил продолжить раскопки квартала, начатые еще при Б.И. Маршаке. Тем более что помещения, которые исследовались, по мнению И.К. Малкиеля, должны были принадлежать новому домовладению, отделенному от последнего раскопанного домовладения (пом. 11, 11а, 35-40) стеной.

При работе использовалась методика раскопок и тщательного наблюдения за перестройками помещений, разработанная нашими предшественниками (Большаков, 1964. С. 91; Беленицкий и др., 1981. С. 95–97; Распопова, 1990. С. 14–18). Ниже представлены общие описания строительных периодов комплекса помещений. Под “строительными периодами” понимается возведение новых помещений и перестройка стен. Поднятие полов, расширение суф внутри помещения и т.п. – это “период обживания”.

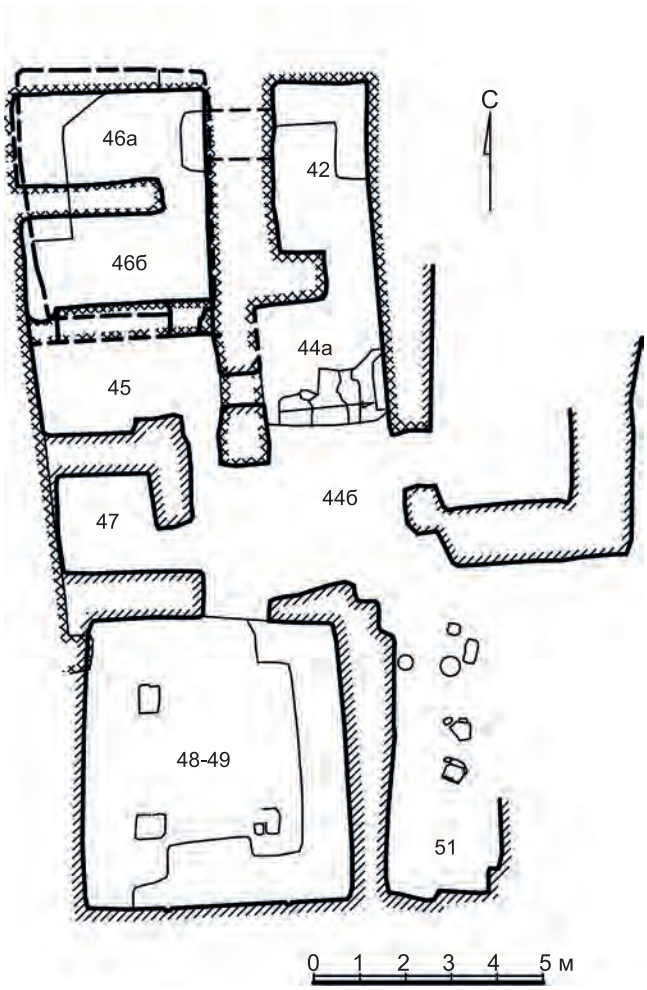


Рис. 3. Второй строительный период. План.
Fig. 3. The second construction period. Plan view

Для наглядности также представлены четыре плана, соответствующие каждому строительному периоду.

Конструкции раннего *первого строительного периода* созданы до рубежа VII–VIII в. (рис. 2). Этот период в строительстве можно выделить по тому, как формировалось домовладение – именно к помещениям этого строительного периода пристраивают помещения следующего. Датировать ранний период можно на основании монет в заполнении комплекса помещений – Вархуман середины VII в. и Уккурт Чамук второй половины VII в. Монеты более раннего времени не найдены. Помимо этого, в

помещении 43 в материк были вкопаны два сосуда, один из которых – широкогорлый сосуд со сливом на плечике и полосой ангоба. Характерный венчик этого сосуда Б.И. Маршак относит к комплексу V (VI в.), но указывает, что он часто встречается и в комплексе VI, который он датирует 620–660-ми годами (Маршак, 2012. С. 179–181, 303. Ил. 68, *8*).

К числу ранних конструкций относятся очень качественно построенные стены помещений первого этажа 46а-б; восточная, северная и западная стены помещения второго этажа 46; западная стена помещений 45 (?), 47, кусочек западной стены в северо-западном углу помещения 48-49; нижняя часть первого этажа помещения 42; конструкции на материке в помещении 44б, конструкция с жженым кирпичом и остатки стен в помещении 43.

Помещения 46а-б, 46 и нижняя часть помещения 42, видимо, относились к одному дому. Возможно, что западная стена помещения 36 – самая ранняя – является продолжением стены между помещениями 42 и 46а-б (Маршак, Распопова, 2004. С. 27; Смирнова и др., 2012. С. 109. Ил. 30). И самая ранняя часть домовладения – это часть аристократического (?) дома, из которого выделено домовладение, состоящее из помещений 10, 9, 7, 12, 35–37. Насколько связаны с ними остальные конструкции этого периода, проследить не удалось.

Второй строительный период начинается, вероятно, на рубеже VII–VIII вв. и, судя по монетам, помещения активно обживают в 10-е годы VIII в., когда часть домовладения отводят под торговые площади и в связи с этим достраивают и перестраивают помещения (рис. 3).

В рамках линии западной стены и линии стен между помещениями 46 и 42, построены помещения 45, 47. К ним пристроено помещение 48-49. И в свою очередь к нему с востока пристроено помещение 51, расположенное уже на площади. Также на выровненной над разрушенными конструкциями площадке, соответствующей нижним полам помещений 45, 47, 48-49, поставлена конструкция нижней части южной стены будущего помещения 43 (Смирнова и др., 2012. С. 19). А по второму этажу помещения 42, вероятно, именно в этот период пробили проход на второй этаж в помещение 46 (Макеев, 2011. С. 23).

Следует отметить, что помещения, построенные в этот период, очень некачественные. Сохранность стен плохая. Своды помещения 45 почти без карниза и кривые (Смирнова и др., 2013. С. 18). Квадратная суфа у восточной стены помещения 46, перед проходом в помещение 42, по второму этажу сделана кое-как (Смирнова и др., 2012. С. 24). Южная стена помещения 47 сделана из плохой пахсы и кирпича (Смирнова и др., 2013. С. 17). На стыке южной стены помещения 47 с западной стеной – дыра. Помещение 51 сложено чуть ли не из битого кирпича. Эта некачественность строительства особенно хорошо видна на фоне более ранних помещений 46.

На нижних полах помещений 47, 45, 42, 44б, 48-49 найдены монеты Бильге – рубеж VII–VIII вв., Тукаспадака – рубеж VII–VIII в., “Пенджикентской царицы” – первая четверть VIII в., Тархуна – первая четверть VIII в., Гурака без отверстия – первая четверть VIII в. и, вероятно, в переотложенном виде найдены монеты Вархумана – середина VII в., Уккурт Чамук – вторая половина VII в.

В пределах этого строительного периода в некоторых помещениях произошли небольшие ремонты. В помещениях 47 (Смирнова и др., 2013. С. 17) и 48-49 сделали новые полы, выровняв их по уровню с новым полом в вестибюле-помещении 44б.

В помещении 45 заложили западный проход на север (в помещение 46б) и стали держать скот (там найдены два небольших черепа и копыто мелких животных) (Смирнова и др., 2013. С. 19). Когда заложили проход, возможно, в помещении 46б частично разобрали свод и сделали деревянные конструкции, следы дерева от которых зафиксированы в 2011 г. (Смирнова и др., 2012. Ил. 44). В тот сезон эти пятна остались для нас непонятными, но в контексте всего комплекса помещений могут получить именно такое объяснение. Иначе в помещения 46а-б было бы не попасть, а следы использования помещения 46б, когда проход был заложен, есть – в заложенный западный проход между помещениями 45-46б насыпали гальку и на нее поставили хум, разбитые черепки которого найдены в 2012 г. (Смирнова и др., 2013. С. 20, 21).

В помещении 42 изменена форма суфы и сделан подъем к лестнице в помещении 44а (Смирнова и др., 2012. С. 20. Ил. 40, 41). В помещении 44а заложили проход в помещение 45 (Смирнова и др., 2013. С. 19) и построили лестницу на второй этаж.

Общая высота, на которую наращивали полы за время бытования помещений второго строительного периода, составляет от 20 до 40 см. Всего высота полов до третьего уровня пола помещения 44б (вестибюля), когда было построено помещение 43 третьего строительного периода и положен брус порога при входе в вестибюль, составила – 0.9 м (Аминов и др., 2014. С. 174. Ил. 69).

Самым значимым событием *третьего строительного периода* стало возведение помещения 43 и, соответственно, перестройка помещения 42 (рис. 4).

Монетные находки, найденные на четвертом конструктивном полу помещения 43, датируют этот период временем после 730–740 гг. – Тургар II тип и его же бухархудатская драхма. Монеты Бильге, Гурака без отверстия, бухархудатская “мугская” драхма – начала VIII в., царя Мастич Унаш – VII–VIII вв. – уже переотложены.

Однако не найдены монеты 730–740-х годов в помещениях 47 и 48-49. Так же в них нет уровней полов, связывающих эти помещения с вестибюлем и, соответственно, с другими помещениями третьего строительного периода. В заполнении, а не на полах этих помещений, есть находки (металлические предметы), которые связаны, вероятно, с функцией помещения 43 по одному из уровней полов (о функциях помещений далее) (Аминов и др., 2014. С. 182, 183. Ил. 83, 84). Помещение 47, судя по горелым прослойкам в археологическом разрезе, использовали спорадически (Смирнова и др., 2012. С. 127. Ил. 59). По-видимому, к 730–740-м годам эти помещения, а также помещение 51 лежали в руинах, хотя и ограничивали комплекс с юга.

В соседнем домовладении (пом. 11, 11а, 35-40) второй и третий периоды разделяют следы пожара, а непрерывное обживание было только в помещении 38 (Маршак, Распопова, 2005. С. 29, 30). Невозможно сказать, был ли полный или частичный перерыв в обживании помещений “домовладения Тишфарна”. Об этом мы могли бы судить по первому этажу помещения 42, который бытовал на протяжении трех строительных периодов, но следы этого скрыты перестройкой третьего строительного периода.

Стена между помещениями 42 и 43 либо разрушилась, либо была разрушена (Смирнова и др., 2013. С.16). В помещении 42 поверхность

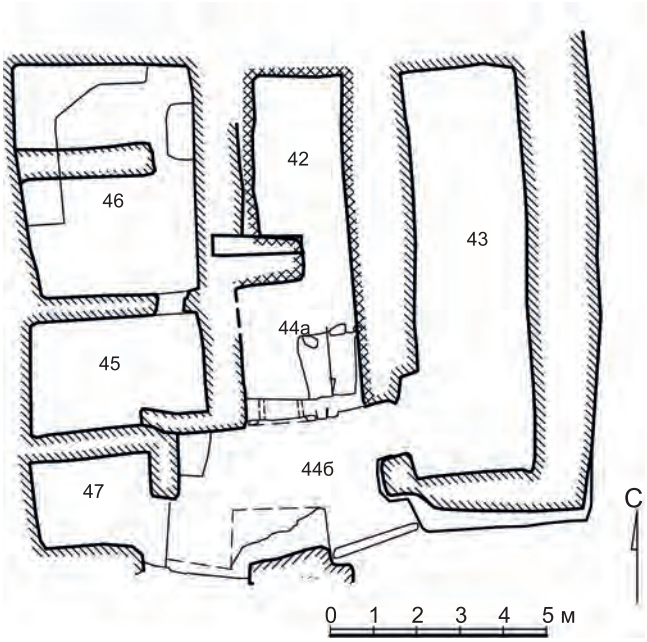


Рис. 4. Третий строительный период. План.

Fig. 4. The third construction period. Plan view

пола выровняли по уровню разрушения стены. Со стороны помещения 43 все неровности поверхности забросали глиной, отдельными кирпичами и выложили площадку кирпичами. Затем снова забросали битым кирпичом и сверху поставили северную и восточную стены и надстроили южную и западную стены помещения 43 (Макеев, 2011. С.18; Смирнова и др., 2012. С. 19, 20). Следует отметить высокое качество строительства и очень хорошую сохранность помещения, по сравнению с помещениями второго строительного периода, хотя в нем и не было прекрасной штукатурки суф и стен, как в помещениях 46а-б.

В этот период жители использовали только что построенное помещение 43 по третьему сверху полу, перестроенное помещение 42 по первому этажу. Проход из помещения 42 в помещение 46 по второму этажу был заложен (Макеев, 2011. С.23). Возможно потому, что перекрытия помещения 46б и часть перекрытий помещения 46а уже могли обвалиться, хотя по второму этажу из помещения 45 на север, видимо, в этот период пробили проход (Смирнова и др., 2012. С. 26). Помещение 45 скорее всего использовали по второму этажу, а первый этаж по уровню третьего его пола служил низенькой кладовкой (Смирнова и др.,

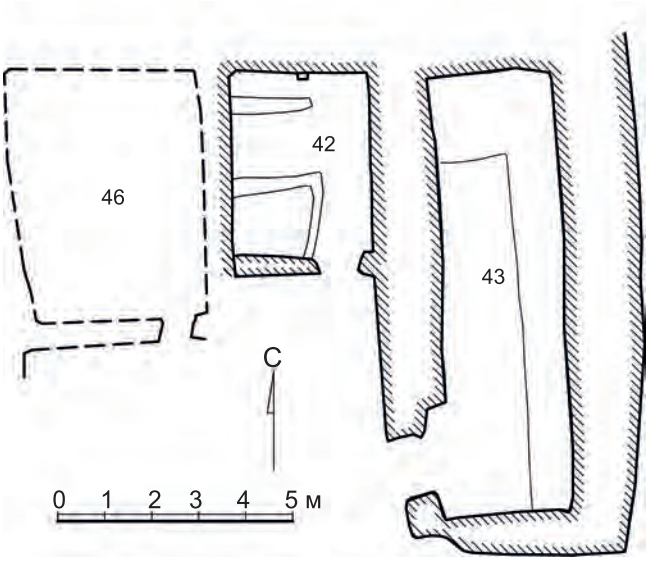


Рис. 5. Четвертый строительный период. План.
Fig. 5. The fourth construction period. Plan view

2013. С. 19), если не был заложен в более раннее время (монетных находок нет). В помещении 44б сделали новый уровень пола, соответствующий конструктивному полу помещения 43 (Макеев, 2011. С. 20, 25). В помещении 44а засыпали кирпичную лестницу, сделав пол, соответствующий уровню пола помещения 42 этого периода, а между помещениями 44а и 44б, для подъема на второй этаж, поставили деревянную лестницу (Макеев, 2011. С. 20, 21).

Монеты 730–740-х годов маркируют и создание второго пола в помещении 43. С этим полом связаны вторые полы помещения 44а и 44б. В других помещениях, возможно, бытовавших в этот период (второй этаж помещения 45; возможно, заново построенное над провалившимся сводом первого этажа помещения 42 хранилище для зерна; полуразрушенное (?) помещение 46) монеты этого периода не найдены.

Последний (четвертый) строительный этап трудно называть строительным. Это, скорее, последний период обживания (рис. 5). В датировке его можно ориентироваться на монеты 760-х годов, найденные на верхнем полу в помещении 43 – восемь фельсов Аш'аса, фельс Да'уда б.Гураза (?) – 760-е годы. Один фельс Аш'аса найден в помойных слоях помещения 46.

В этот период помещения 44а и 44б превратились в одно, ограниченное лишь с севера и запада. Над руинами помещений 51, 48-49 пролег уже не один слой улицы, плавно скатывающихся к центру площади. На западной стороне, видимо, все еще торчали руины помещений 47 и 45.

Из помещений продолжает обживаться помещение 43 по верхнему полу. Над помещением 42 строят новые помещения-хранилища, стены которых конструируют уже безотносительно стен первого этажа (Макеев, 2011. С. 22, 23). А помещение 46 активно используют для сброса мусора (Смирнова и др., 2012. С. 24, 125. Ил. 57), так же как и помещение 10, расположенное к северу от помещения 43 (Маршак, Распопова, 2004. С. 20).

Функциональное назначение помещений. Методике выявления функционального назначения отдельного помещения посвящена глава книги В.И. Распоповой "Жилища Пенджикента" (1990). Один из признаков, разделяющих торговое и жилое помещение, по мнению В.И. Распоповой, – наличие или отсутствие монет на полах (1990. С. 15, 16). А.М. Беленицкий отмечал у "базарчиков" и лавок – на объектах XVII, XVI, XIII, XX – малую толщину стен, малые размеры помещения, отсутствие следов второго этажа, связь с улицами или площадью (Беленицкий, 1965. С. 184, 194; 1967. С. 14). Г.Л. Семенов для хронологически чуть более поздних лавок Пайкенда также отмечал связь их с перекрестками, тонкие стены, наличие столбов и навесов, их изолированность от жилых помещений (Семенов, 2005. С. 303, 304).

Я обращаю внимание на признаки лавок, так как некоторые помещения в нашем комплексе можно интерпретировать как лавки.

По **верхнему строительному периоду** (760-е годы) мы имеем дело с жилищно-хозяйственным комплексом, состоявшим из жилого помещения (пом. 43), и небольшого помещения (пом. 42), по двум уровням полов которого расчищены ящики для хранения зерна (рис. 5). В помещении 43 был найден кетмень (Лурье и др., 2010. С. 32).

По **третьему строительному периоду** (740–750-е годы), вероятно, основным источником дохода для хозяев комплекса помещений служило производство железных изделий. Мастерская, видимо, располагалась в помещении 43. Здесь найдены заготовки железных изделий. Множество предметов – в заполнении уже разрушенных к тому времени помещений 48-49 и 51. Остальные постройки комплекса по этому периоду были жилыми и хозяйственными.

По **второму строительному периоду** (10–20-е годы VIII в.) наблюдается очень интересная картина. В этот период комплекс помещений состоит из лавок (пом. 47 и 51), признаки которых перечислены выше, жилых и хозяйственных помещений (пом. 46а, б, 43, 42), редкого для Пенджикента помещения для содержания животных (Беленицкий, 1965. С.181; Распопова, 1990. С. 160) (первый этаж пом. 45) и парадного зала (пом. 48-49) (рис. 3).

Сперва, после перестройки второго периода, парадных залов было два (второй этаж – пом. 46 и 48-49), но затем, когда проход из помещения 45 в помещение 46б заложили, в бывший парадный зал, ближе к северной стене – пробили проход со второго этажа помещения 42 и, вероятно, разобрали перекрытия в помещении 46б. В результате остался один парадный зал.

Парадный зал характерен для богатых пенджикентских домов. Он может располагаться на первом этаже или на втором, но, как правило, с ним связана группа парадных комнат (Воронина, 1964. С. 58, 59; Распопова, 1990. С. 148). Тип квадратного четырехстолбного зала широко распространен в Средней Азии, и В.Л. Воронина называет его прототипом “мехмон-хона” таджикского и узбекского народного жилища (1964. С. 61–64). В рассматриваемом случае парадный зал не сопровождается комплексом других парадных помещений (например, парадным коридором), а расположен рядом с лавками и напротив хлева.

Отличительная особенность комплекса помещений – это то, что одна из лавок выстроена не с внешней стороны жилого дома, а внутри него. В нее можно попасть только через вестибюль, так же как и в хлев, и в парадный зал, что отличает эти лавки от других. Еще одна особенность – качество строительства. Как отмечалось выше, оно очень низкое.

Обращает также на себя внимание скорость нарастания полов в помещениях. Она разная. Так, в помещениях 46а и 46б с момента постройки так и остался один слой пола. На 0.2 м поднялся уровень пола помещения 47, 48-49 за предполагаемый десяток лет его бытования. В помещении 45 (хлев) за счет органики полы поднялись от 0.2 до 0.6 м. Разная скорость нарастания полов в помещениях жилых и в помещениях, которых считаются лавками, вероятно, означает, что в некоторых из них полы сбивало большое количество народа. Судя по этим признакам, в первой четверти VIII в. некоторые наши помещения были рассчитаны на поток широкой публики.

Вероятно, можно предположить, что исследованный комплекс помещений, судя по качеству строительства, планировке помещения 48-49 как парадного зала, расположению рядом лавки и хлева, близостью с площадью, скорее всего, ближе к определению “чай-хона”. Для гостевого дома (*мехмон-хона*) общины ему не хватает парадности и качества строительства других социальных зданий, найденных в городе.

Комплекс связан с площадью. А по третьему строительному периоду здание также было рассчитано на взаимодействие с публикой – производство железных предметов и торговля – мастерские в городе располагались там же, где и лавки (Беленицкий, Распопова, 1971. С. 26). Это косвенно подтверждает понимание комплекса по второму строительному периоду как общественного или публичного здания.

До настоящего времени в Пенджикенте найдено и описано только три комплекса помещений, которым приписывают общественную функцию, – на объектах III, VI и IX (Воронина, 1957). Сходства в их планировке немного, но, тем не менее, все они парадно оформлены, хотя их планировка не как у парадного зала, и у всех у них отдельный вход. Одно из таких зданий (объект III) выходило на площадь. В общественном здании объекта III большое значение отводилось огню и совместной трапезе. В общественном здании объекта VI, по-видимому, играли в кости – там найдены бараньи астрагалы, и сюжет росписи на стене тоже посвящен игре (Воронина, 1957. С. 93). В.Л. Воронина в работе об общественных зданиях в Пенджикенте приводит множество аргументов для подтверждения общественной функции исследуемых ею объектов и информацию о строительстве общественных зданий как действии, подтверждающем социальный статус заказчика строительства. Они могли быть мужскими “домами огня”, мехмон-хона или даже чай-хона. Помимо трех этих зданий в Пенджикенте раскопаны лавки, мастерские и помещения, которые также несут на себе некоторую публичную нагрузку.

По **первому строительному периоду** (вторая половина VII – рубеж VII–VIII в.) нет достаточно сведений, чтобы судить о размерах, планировке и функции помещений. Можно лишь сказать, что в помещении 46 на втором этаже был парадный зал, а на первом – два сводчатых, возможно, хозяйственных помещения.

В целом, “домовладение Тишфарна” повторяет строительную историю всего квартала и города, которая была изложена в начале работы. Однако, благодаря своему расположению на площади, в истории этого домовладения отразились не просто этапы жизни отдельной (семейной?) группы людей, но и динамика социального статуса владельцев комплекса помещений. В середине–второй половине VII в. внутри городских стен строится большой аристократический (?) дом. На рубеже VII–VIII вв. в поисках новых источников дохода вычленяется часть большого дома и пристраивается общественное здание с лавками и хлевом. В 20-х годах “домовладение Тишфарна” приходит в упадок, как весь квартал и город в целом. В 730–740-е годы в рассматриваемом комплексе помещений и во всем квартале происходят перестройки и начинается новый период обживания. Владельцы создают ремесленную мастерскую по производству металла. После 740-х годов город опять приходит в упадок. В 760-е годы на месте “домовладения” сохраняются кое-какие постройки, как и в других частях квартала, хотя значительные площади уже заняты помойными и уличными слоями. Владельцы дома, состоящего из остатков старого помещения и помещения, пристроенного уже поверх разрушенных конструкций, по-видимому, занимаются земледелием.

Возможно, что в первом строительном периоде – большой аристократический (?) дом – здание существовало в относительно неизменном виде около 40 или меньше лет. Во всех последующих периодах здание без перестроек стояло не более 20 лет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аминов Ф.Ш., Пулотов А.Г., Рахматуллоев И.Р. Отчет о раскопках на объекте XVI-С в 2013 г. // Материалы Пенджикентской археол. экспедиции. Вып. XVII. СПб.: ГЭ, 2014. С. 17–22.

Бартольд В.В. История Туркестана // Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. М.: Наука, 1963. С. 109–168.

Бартольд В.В. Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии // Бартольд В.В. Сочинения. Т. II, ч 2. М.: Наука, 1964. С. 322–332.

Беленицкий А.М. Древний Пенджикент (основные итоги раскопок 1954–1957 гг.) // СА. 1959. № 1. С. 195–217.

Беленицкий А.М. Из итогов последних лет раскопок древнего Пенджикента // СА. 1965. № 3. С. 178–197.

Беленицкий А.М. Древний Пенджикент – раннефеодальный город Средней Азии: докл. на соиск. ... д-ра ист. наук. Л., 1967. 31 с.

Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И. Социальная структура населения древнего Пенджикента // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М.: Наука, 1979. С. 19–26.

Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И. Согдийский город в начале средних веков (итоги и методы исследования древнего Пенджикента) // СА. 1981. № 2. С. 94–110.

Беленицкий А.М., Распопова В.И. Древний Пенджикент. Душанбе: Ирфон, 1971. 32 с.

Большаков О.Г. Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III: комплексы I и II, раскопки 1952–1956 гг. // Труды Таджикской археол. экспедиции Т. 4: 1954–1959 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1964 (МИА; № 124). С. 88–120.

Воронина В.Л. К вопросу о типе общественных сооружений раннесредневекового города Средней Азии // СА. 1957. № 4. С. 83–93.

Воронина В.Л. Раннесредневековый город Средней Азии // СА. 1959. № 1. С. 84–104.

Воронина В.Л. Архитектура древнего Пенджикента // Труды Таджикской археологической экспедиции Т. 4: 1954–1959 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1964 (МИА; № 124). С. 51–87.

Гафуров Б.Г. История таджикского народа. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1949. 476 с.

Зеймаль Е.В. Раскопки на объекте XIV на Пенджикентском городище (1956 и 1957 гг.) // Труды Таджикской археол. экспедиции Т. 4: 1954–1959 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1964 (МИА; № 124). С. 244–264.

Лурье П.Б., Смирнова Л.О., Макеев С.Н., Малкиель И.К., Семенов Н.В. Раскопки объекта XXVI-север в 2009 г. // Материалы Пенджикентской археол. экспедиции. XII. СПб.: ГЭ, 2010. С. 26–35.

Макеев С.Н. Объект XXVI-север // Материалы Пенджикентской археол. экспедиции. XIII. СПб.: ГЭ, 2011. С. 18–26.

Маршак Б.И. Отчет о работах на объекте XII за 1955–1960 гг. // Труды Таджикской археол. экспедиции Т. 4: 1954–1959 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1964 (МИА; № 124). С. 182–243.

Маршак Б.И. Керамика Согда V–VII вв. как историко-культурный памятник. СПб.: Изд-во ГЭ, 2012. 383 с.

Маршак Б.И., Распопова В.И. Отчет о раскопках городища Древнего Пенджикента в 1998 году. СПб.: ГЭ, 1999 (Материалы Пенджикентской археол. экспедиции; I). 51, [71] с.

Маршак Б.И., Распопова В.И. Отчет о раскопках городища Древнего Пенджикента в 1999 году. СПб.: ГЭ, 2000 (Материалы Пенджикентской археол. экспедиции; II). 9 с.

Маршак Б.И., Распопова В.И. Отчет о раскопках городища Древнего Пенджикента в 2001 году. СПб.: ГЭ, 2002 (Материалы Пенджикентской археол. экспедиции; IV). 228 с.

Маршак Б.И., Распопова В.И. Отчет о раскопках городища Древнего Пенджикента в 2002 году. СПб.: ГЭ, 2003 (Материалы Пенджикентской археол. экспедиции; V). 196 с.

Маршак Б.И., Распопова В.И. Отчет о раскопках городища Древнего Пенджикента в 2003 году. СПб.: Изд-во ГЭ, 2004 (Материалы Пенджикентской археол. экспедиции; VI). 205 с.

Маршак Б.И., Распопова В.И. Отчет о раскопках городища Древнего Пенджикента в 2004 году. СПб.: Изд-во ГЭ, 2005 (Материалы Пенджикентской археол. экспедиции; VII). 87 с.

Наршахи Мухаммад. Та’рих-и Бухара. История Бухары / Пер., коммент., примеч. Ш.С. Камолиддина; археолого-топографич. коммент. Е.Г. Некрасовой. Ташкент: SMI-ASIA, 2011. 600 с.

Распопова В.И. Квартал жилищ рядовых горожан Пенджикента VII–VIII вв. // СА. 1969. № 1. С. 169–182.

Распопова В.И. Жилища Пенджикента. Л.: Наука, 1990. 204 с.

Распопова В.И. Раннесредневековый согдийский город (по материалам Пенджикента): дис. ... д-ра ист. наук в форме научного доклада. СПб., 1993. 70 с.

Семенов Г.Л. Согдийская фортификация V–VIII веков. СПб.: Изд-во ГЭ, 1996. 225 с.

Семенов Г.Л. Согдийский город V–IX вв., формирование плана: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2002. 46 с.

Семенов Г.Л. Базары Пайкенда // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура: материалы конф. СПб., 2005. С. 303–305.

Смирнова Л.О., Аминов Ф.Ш., Лурье П.Б., Макеев С.Н. Раскопки объекта XXVI-C в северо-восточной части городища Пенджикента в 2011 г. // Материалы Пенджикентской археол. экспедиции. XIV. СПб.: Изд-во ГЭ, 2012. С. 19–30.

Смирнова Л.О., Лурье П.Б., Рахматуллоев И. Раскопки объекта XXVI-C в северо-восточной части городища Пенджикента в 2012 г. // Материалы Пенджикентской археол. экспедиции, XV. СПб.: Изд-во ГЭ, 2013. С. 16–24.

Шкода В.Г. Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V–VIII вв.). СПб.: Изд-во ГЭ, 2009. 278 с.

Якубовский А.Ю. Итоги работы Согдийско-таджикской археологической экспедиции в 1946–1947 гг. // Труды Согдийско-Таджикской археол. экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР, Таджикского филиала АН СССР и Гос. Эрмитажа. Т. 1: 1946–1947 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950 (МИА; № 15). С. 13–55.

Якубовский А.Ю. Древний Пянджикент // По следам древних культур. М.: Госкультпросветиздат, 1951. С. 211–270.

THE “HOUSEHOLD OF TISHFARN” IN THE SETTLEMENT OF PENJIKENT

L.O. Smirnova

The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia

E-mail: Smirnova@hermitage.ru

The article describes the “house of Tishfarn”, which was investigated by the Penjikent expedition in 2009–2014 on object XXVI-C. Throughout the entire period of its existence, the town house changed its functions, which vividly illustrates the changes in activity and status of owners: a nobleman (?) – a merchant – a craftsman – a farmer (?). In addition to its exciting history, the house features, at a certain construction stage, one more specimen of a rare public building and also a rare case of cattle-shed in Pendjikent. The period of habitation of the premises complex in question corresponds to the main chronological section, which Penjikent provides, from the middle 7th century to around 770s. The results of the study are compared with the achievements of the archaeology of Penjikent over the past 70 years and make another contribution to the collection of materials gathered by the Penjikent expedition.

Keywords: Penjikent, town planning, social structure of a pre-Arabian town, household, public building, bazaars, cattle-shed.

REFERENCES

Aminov F.Sh., *Pulotov A.G.*, *Rakhmatulloyev I.R.*, 2014. Report on the excavations at object XVI-C in 2013. *Materialy Pendzhikentskoy arkheol. ekspeditsii* [*Materials of the Penjikent archaeological expedition*], XVII. St. Petersburg: GE, pp. 17–22. (In Russ.)

Bartol'd V.V., 1963. History of Turkestan. *Bartol'd V.V. Sochineniya* [*Works*], vol. II, part 1. Moscow: Nauka, pp. 109–168. (In Russ.)

Bartol'd V.V., 1964. A few remarks about the Aryan culture in Central Asia. *Bartol'd V.V. Sochineniya* [*Works*], vol. II, part 2. Moscow: Nauka, pp. 322–332. (In Russ.)

Belenitskiy A.M., 1959. Ancient Penjikent (main results of the excavations of 1954–1957). *Sovet. Archaeol.*, 1, pp. 195–217. (In Russ.)

Belenitskiy A.M., 1965. Some results of the excavations of the ancient Penjikent in recent years. *Sovet. Archaeol.*, 3, pp. 178–197. (In Russ.)

Belenitskiy A.M., 1967. Drevniy Pendzhikent – rannefeodal'nyy gorod Sredney Azii: doklad na soiskaniye uchenoy stepeni doktora istoricheskikh nauk [The ancient Penjikent, an early feudal town of Central Asia: a report for the Doctoral degree in History]. Leningrad. 31 p.

Belenitskiy A.M., *Marshak B.I.*, *Raspopova V.I.*, 1979. The social structure of the population of ancient Penjikent. *Tovarno-denezhnyye otnosheniya na Blizhnem i Srednem Vostoke v epokhu srednevekov'ya* [*Commodity-money relations in the Middle East during the Middle Ages*]. Moscow: Nauka, pp. 19–26. (In Russ.)

Belenitskiy A.M., *Marshak B.I.*, *Raspopova V.I.*, 1981. A Sogdian town in the early Middle Ages (results and methods of the research in ancient Penjikent). *Sovet. Archaeol.*, 2, pp. 94–110. (In Russ.)

Belenitskiy A.M., *Raspopova V.I.*, 1971. Drevniy Pendzhikent [Ancient Penjikent]. Dushanbe: Irfon. 32 p.

Bol'shakov O.G., 1964. Report on the excavations of the northeastern part of object III: complexes I and II, excavations of 1952–1956. *Trudy Tadzhikskoy arkheol. ekspeditsii* [*Transactions of the Tajikistan archaeological expedition*], 4. 1954–1959 gg. Moscow; Leningrad: Izd. AN SSSR, pp. 88–120. (MIA, № 124). (In Russ.)

Gafurov B.G., 1949. Istoriya tadzhikskogo naroda [History of the Tajik People], 1. Moscow: Gospolitizdat. 476 p.

Lur'ye P.B., *Smirnova L.O.*, *Makeyev S.N.*, *Malkiyel' I.K.*, *Semenov N.V.*, 2010. Excavations of object XXVI-north in 2009. *Materialy Pendzhikentskoy arkheol. ekspeditsii* [*Materials of the Penjikent archaeological expedition*], XII. St. Petersburg: GE, pp. 26–35. (In Russ.)

Makeyev S.N., 2011. Object XXVI-north. *Materialy Pendzhikentskoy arkheol. ekspeditsii* [*Materials of the Penjikent archaeological expedition*], XIII. St. Petersburg: GE, pp. 18–26. (In Russ.)

Marshak B.I., 1964. Report on the works on object XII in 1955–1960. *Trudy Tadzhikskoy arkheol. ekspeditsii* [*Transactions of the Tajikistan archaeological expedition*], 4 (1954–1959). Moscow; Leningrad: Izd. AN SSSR, pp. 182–243. (MIA, 124). (In Russ.)

Marshak B.I., 2012. Keramika Sogda V–VII vv. kak istoriko-kul'turnyy pamyatnik [Sogdian pottery of the 5th–7th centuries as a historical and cultural monument]. St. Petersburg: Izd. GE. 383 p.

Marshak B.I., *Raspopova V.I.*, 1999. Otchet o raskopkakh gorodishcha Drevnego Pendzhikenta v 1998 godu [Report on the excavations of the ancient settlement of Penjikent in 1998]. St. Petersburg: GE. 51, [71] p. (Materialy Pendzhikentskoy arkheol. ekspeditsii, I).

Marshak B.I., *Raspopova V.I.*, 2000. Otchet o raskopkakh gorodishcha Drevnego Pendzhikenta v 1999 godu [Report on the excavations of the ancient settlement of Penjikent in 1999]. St. Petersburg: GE. 9 p. (Materialy Pendzhikentskoy arkheol. ekspeditsii, II).

Marshak B.I., *Raspopova V.I.*, 2002. Otchet o raskopkakh gorodishcha Drevnego Pendzhikenta v 2001 godu [Report on the excavations of the ancient settlement of Penjikent in 2001]. St. Petersburg: GE. 228 p. (Materialy Pendzhikentskoy arkheologicheskoy ekspeditsii, IV).

Marshak B.I., *Raspopova V.I.*, 2003. Otchet o raskopkakh gorodishcha Drevnego Pendzhikenta v 2002 godu [Report on the excavations of the ancient settlement of Penjikent in 2002]. St. Petersburg: GE. 196 p. (Materialy Pendzhikentskoy arkheol. ekspeditsii; V).

Marshak B.I., *Raspopova V.I.*, 2004. Otchet o raskopkakh gorodishcha Drevnego Pendzhikenta v 2003 godu [Report on the excavations of the ancient settlement of Penjikent in 2003]. St. Petersburg: Izd. GE. 205 p. (Materialy Pendzhikentskoy arkheol. ekspeditsii, VI).

Marshak B.I., *Raspopova V.I.*, 2005. Otchet o raskopkakh gorodishcha Drevnego Pendzhikenta v 2004 godu [Report on the excavations of the ancient settlement of Penjikent in 2004]. St. Petersburg: Izd. GE. 87 p. (Materialy Pendzhikentskoy arkheol. ekspeditsii, VII).

Narshakhi Mukhammad, 2011. Ta'rikh-i Bukhara. Istoriya Bukhary [Ta'rih-i Bukhara. History of Bukhara]. Sh.S. Kamoliddin, E.G. Nekrasova, eds. Tashkent: SMI-ASIA. 600 p.

Raspopova V.I., 1969. The dwelling quarter of ordinary citizens of Penjikent of the 7th–8th centuries. *Sovet. Archaeol.*, 1, pp. 169–182. (In Russ.)

Raspopova V.I., 1990. Zhilishcha Pendzhikenta [Penjikent dwellings]. Leningrad: Nauka. 204 p.

Raspopova V.I., 1993. Rannesrednevekovyy sogdiyskiy gorod (po materialam Pendzhikenta): diss. ... doktora ist. nauk v forme nauchnogo doklada [An early medieval Sogdian town (based on Penjikent materials): a thesis for the Doctoral degree in History in the form of a research report]. St. Petersburg. 70 p.

Semenov G.L., 1996. Sogdiyskaya fortifikatsiya V–VIII vekov [Sogdian fortification of the 5th–8th centuries]. St. Petersburg: Izd. GE. 225 p.

Semenov G.L., 2002. Sogdiyskiy gorod V–IX vv., formirovaniye plana: avtoref. diss. ... doktora ist. nauk [Sogdian town of the 5th–9th cc., the plan formation: the Author's abstract of a thesis for the Doctoral degree in History]. St.Petersburg. 46 p.

Semenov G.L., 2005. Paykend Bazaars. *Tsentral'naya Aziya ot Akhemenidov do Timuridov: arkheologiya, istoriya, etnologiya, kul'tura: materialy konf.* [*Central Asia, from the Achaemenids to the Timurids: archaeology, history, ethnology, culture: Conf. proceed.*]. St. Petersburg, pp. 303–305. (In Russ.)

Shkoda V.G., 2009. Pendzhikentskiye khramy i problemy religii Sogda (V–VIII vv.) [Penjikent temples and the issues of the Sogdian religion (the 5th–8th centuries)]. St. Petersburg: Izd. GE. 278 p.

Smirnova L.O., *Aminov F.Sh.*, *Lur'ye P.B.*, *Makeyev S.N.*, 2012. Excavations of object XXVI-C in the northeastern part of the settlement of Penjikent in 2011. *Materialy Pendzhikentskoy arkheol. ekspeditsii* [*Materials of the Penjikent archaeological expedition*], XIV. St. Petersburg: Izd. GE, pp. 19–30. (In Russ.)

Smirnova L.O., *Lur'ye P.B.*, *Rakhmatulloyev I.*, 2013. Excavations of object XXVI-C in the northeastern part of the settlement of Penjikent in 2012. *Materialy Pendzhikentskoy arkheol. ekspeditsii* [*Materials of the Penjikent archaeological expedition*], XV. St. Petersburg: Izd. GE, pp. 16–24. (In Russ.)

Voronina V.L., 1957. To the type of public buildings of the early medieval town in Central Asia. *Sovet. Archaeol.*, 4, pp. 83–93. (In Russ.)

Voronina V.L., 1959. An early medieval town of Central Asia. *SA* [*Sov. Archaeology*], 1, pp. 84–104. (In Russ.)

Voronina V.L., 1964. The architecture of ancient Penjikent. *Trudy Tadzhikskoy arkheol. ekspeditsii* [*Transactions of the Tajikistan archaeological expedition*], 4 (1954–1959). Moscow; Leningrad: Izd. AN SSSR, pp. 51–87. (MIA, 124). (In Russ.)

Yakubovskiy A.Yu., 1950. Results of the works of the Sogdian-Tajikistan archaeological expedition in 1946–1947. *Trudy Sogdiysko-Tadzhikskoy arkheol. ekspeditsii IIMK AN SSSR, Tadzh. filiala AN SSSR i Gos. Ermitazha* [*Transactions of the Sogdian-Tajikistan archaeological expedition of the Institute for the History of Material Culture of the USSR Academy of Sciences, the Tajik Branch of the USSR Academy of Sciences and the State Hermitage*], 1 (1946–1947). Moscow; Leningrad: Izd. AN SSSR, pp. 13–55. (MIA, № 15). (In Russ.)

Yakubovskiy A.Yu., 1951. Ancient Pyanjikent. *Po sledam drevnikh kul'tur* [*In the footsteps of ancient cultures*]. Moscow: Goskul'tprosvetizdat, pp. 211–270. (In Russ.)

Zeymal' E.V., 1964. Excavations at object XIV in the fortified settlement of Penjikent fortified (1956 and 1957). *Trudy Tadzhikskoy arkheol. ekspeditsii* [*Transactions of the Tajikistan archaeological expedition*], 4 (1954–1959). Moscow; Leningrad: Izd. AN SSSR, pp. 244–264. (MIA, 124). (In Russ.)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2019, № 1, с. 146–160

ПОЛЫЕ ЗООМОРФНЫЕ ПРИВЕСКИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА

© 2019 г. Л.В. Покровская*, Е.А. Тянина**

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

**E-mail: pokrovska-ja@yandex.ru*
***E-mail: vyla@yandex.ru*

Поступила в редакцию 13.06.2017 г.
Поступила после доработки 28.12.2017 г.

В эпоху средневековья полые зооморфные привески из цветного металла были широко распространены у финно-угров, балтов и славян. Их находят на поселениях, в кладах, в курганных и грунтовых могильниках, а изучению их хронологии, типологии, семантики, техники изготовления и этнической принадлежности посвящено немало работ разных исследователей. В статье рассматриваются хронология и топография полых зооморфных амулетов в Новгороде и некоторые вопросы их семантики. В процессе исследования выявлено два периода их бытования. В слоях I периода (конец XII – первая половина XIII в.) они еще не получили широкого распространения, их появление в Новгороде связано с контактами владельцев усадеб с ближней и дальней округой и было первым проникновением традиции их использования в городской среде. Во II периоде (вторая половина XIII–XIV в.) распространение в Новгороде полых коньковых привесок свидетельствует о том, что они становятся частью женского городского убора и демонстрируют взаимосвязь городской материальной культуры с культурой Новгородской земли, а в некоторых случаях направление связей владельцев усадеб. Вхождение в городскую культуру полых шумящих коньков-амулетов во второй половине XIII–XIV в. обусловлено не только взаимодействием Новгорода с округой, но и семантикой этих амулетов, отражавшей религиозные представления новгородцев.

Ключевые слова: средневековый Новгород, археология, птицевидные амулеты, коньки-амулеты, систематизация, хронология, топография, семантика.

DOI: 10.31857/S086960630004145-8

Зооморфные привески – наиболее распространенная группа амулетов из цветного металла не только в Новгороде, но и на территории всей Древней Руси. Им посвящен ряд научных публикаций, в которых подробно рассмотрены вопросы их хронологии, типологии, семантики и этнической принадлежности (Голубева, Варенов, 1978; Голубева, 1979; Рябинин, 1981; Седова, 1981. С. 28–34; Липина, 2006, Кузнецова, 2016). Наиболее полными сводами зооморфных привесок в настоящее время являются работы Л.А. Голубевой (1976, 1979) и Е.А. Рябинина (1981).

Первая попытка систематизации зооморфных привесок по технологическому принципу (пластинчатые и полые) была предпринята Д.Н. Анучиным (1899), который выделил среди полых привесок изображения коней и уточек, но далее не детализировал типы. В.В. Седов разделил зооморфные привески на полые и плоские, но не выделял в группе полых зооморфных изделий птицевидные и коньковые (Седов, 1966. С. 246–249). Изготовление полых зооморфных привесок в технике полого литья по восковой модели с утратой формы не позволяет создавать серии стандартной продукции, что усложняет составление типологических рядов (Рындина, 1963. С. 244; Рябинин, 1981. С. 9). Наиболее подробная типология полых амулетов составлена Е.А. Рябининым (1981). Он объединяет их в VI группу и разделяет на три типа: XVIII, XIX и XX. Все исследованные новгородские полые зооморфные привески относятся по типологии Е.А. Рябинина к XX типу и отлиты по выплавляемой восковой модели (Рындина, 1963. С. 244; Коновалов и др., 2008. С. 35).

В статье сохранена типология Е.А. Рябинина, так как его исследование и в настоящее время является наиболее полным сводом

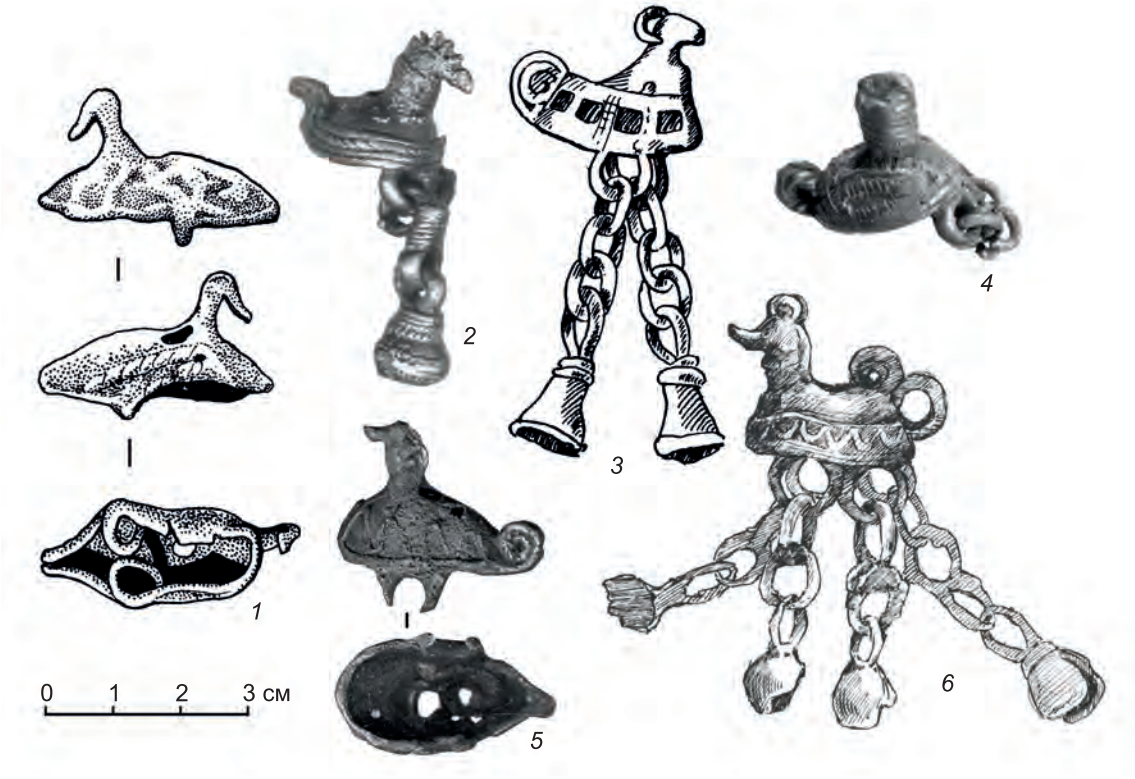


Рис. 1. Птицевидные зооморфные амулеты. *1* – тип XVIII, вар. 1, Неревский 25-25-1922; *2* – тип XVIII, вар. 6, Троицкий 12-331; *3* – тип XVIII, вар. *5*, Троицкий 9-323; *4* – тип XVIII, Троицкий 10-1781; *5* – тип XIX, Троицкий 2-1833; *6* – тип XIX, Троицкий 3-1179. Типы здесь и далее даны по: Рябинин, 1981. Цифры у названия раскопа Неревский обозначают ярус-пласт-квадрат или пласт-квадрат.

Fig. 1. Avian zoomorphic amulets

полых зооморфных амулетов, найденных на территории средневековой Руси. В новгородском археологическом материале известны все типы привесок VI группы. Полые шумящие привески XVIII, XIX типов, как и привески лапчатой формы, характерные для круга финно-угорских древностей, не получают в Новгороде широкого распространения (таблица). Единственный вариант птицевидной привески с лапчатыми подвесками[1] зафиксирован на Десятинном раскопе (http://www.archaeolog.ru/?id=235). Особенно многочисленны полые шумящие коньки-амулеты XX типа (90 экз.). Кроме свода, составленного Е.А. Рябининым (1981), подробная характеристика полых шумящих коньков-амулетов дана в статье Л.А. Голубевой и А.В. Варенова (1978). Полым конькам, найденным в Новгороде, посвящены одна из глав монографии М.В. Седовой (1981), работы Л.В. Покровской (1990, 1997, 1998, 2012).

Типологии Е.А. Рябинина, Л.А. Голубевой и А.В. Варенова, М.В. Седовой довольно близки и основываются на различиях в форме мордочки и наличии сканной или кольчатой гривы. Е.А. Рябинин выделяет их в XX тип и разделяет на восемь серий, которые включают в себя подсерии “а” и “б” (одноглавые и двуглавые), М.В. Седова предлагает шесть типов, а Л.А. Голубева и А.Б. Варенов – девять. В отличие от предыдущих типологий зооморфных привесок В.Н. Кузнецовой разработана классификация, основанная на формальных признаках (морфологических и стилистических). В ее исследовании полые зооморфные привески выделены в группу А-2.I.1 по форме звеньев подвесок (Кузнецова, 2016. С. 7, 12). Не вдаваясь в подробности достоинств и недостатков той или иной типологии, следует отметить, что постоянным и отличительным признаком остается не форма мордочки конька, его корпус (который всегда стабилен) или

[1] Еще одна птицевидная привеска с лапчатыми подвесками была найдена на Троицком XV раскопе в полевом сезоне 2017 г.

Полые зооморфные привески на раскопах Новгорода

Раскопы	Птицевидные привески (XVIII и XIX типы)	Полые шумящие коньки-амулеты (XX тип)	
		I группа	II группа
Неревский	1	28	4
Троицкий	5	12	8
Никитинский	–	7	1
Славенский (на ул. Кирова)	–	6	1
Ильинский	–	4	–
Лубяницкий	–	–	2
Буяный	–	2	2
Нутный	–	1	–
Дубошин	–	2	–
Торговый	–	1	–
Суворовский (Михайловский)	–	1	–
Борисоглебский	–	1	–
Козмодемьянский-2	–	1	–
Козмодемьянский-3		1	–
Михаило-Архангельский	1	–	–
Мост-Волхов	–	1	–
Петропавловский-2	–	1	–
Власьевский-2	–	1	–
Досланьский-1	–	1	–
Лукинский-2	–	–	1
Десятинный	1	–	–
Всего	8	71	19

форма звеньев (которые на привеске не всегда сохраняются), а грива – кольчатая или сканная (Покровская, 1998. С. 10). По этому признаку полые коньки-амулеты разделяются на две группы.

В настоящее время остаются дискуссионными вопросы, связанные с новгородским происхождением полых шумящих коньков-амулетов, возможности их изготовления в Новгороде на широкий рынок сбыта и их сакральной функции в городской среде.

Полые птицевидные амулеты (4 экз.).

XVIII тип (рис. 1, *1–4*)

Вариант 1 – 1 экз. (рис. 1, *1*). Е.А. Рябинин отмечает ограниченный ареал таких привесок – бассейн р. Оять (Рябинин, 1981. С. 36). Найденная в Новгороде привеска 1-го варианта происходит из слоя XI в. усадьбы И Неревского раскопа, расположенной на перекрестке Великой и Козмодемьянской улиц. В слоях раннего периода (вторая половина X–XI в.) на этой усадьбе зафиксирована пластинчатая прорезная привеска-уточка (тип I, вариант 1) (Покровская, 1998. С. 18, 19) приладожского происхождения (Рябинин, 1981. С. 14). Подобные привески найдены и на других неревских усадьбах (Покровская, 2010. С. 263, 264, 267, 268). Находки в Новгороде птицевидных привесок приладожского происхождения в слоях XI в. совпадают со временем их распространения в Юго-Восточном Приладожье, что свидетельствует о возможных связях владельцев усадьбы И с этим регионом. Однако, учитывая отсутствие у славянского и древнерусского населения традиции использования птицевидных амулетов, можно предположить, что в составе жителей усадьбы могли быть финно-угры.

Вариант 5 – 1 экз. (рис. 1, *3*). По мнению Е.А. Рябинина эти привески могли изготавливаться в Костромском Поволжье (1981. С. 38). Привеска этого варианта найдена на усадьбе Г Троицкого раскопа в слое начала XIII в.

Вариант 6 – 2 экз. (рис. 1, *2, 4*). У привесок этого варианта петля для привешивания шумящих подвесок помещена не по бокам, а в передней части, что указывает на их

Рис. 2. Полые шумящие коньки-амулеты Неревского раскопа (XX тип). *1–6* – I группа (со сканной гривой); *7, 8* – II группа (с кольчатой гривой). *1* – 11-16-288; *2* – 11-18-1345; *3* – 10-18-1329; *4* – 10-13-1819; *5* – 11/12-10-489; *6* – 10-18-1337; *7* – 10-12-468; *8* – 12-17-278.

Fig. 2. Hollow rattling horse-shaped amulets of the Nerevsky excavation site (type XX, after: Ryabinin, 1981)

восточно-финское происхождение (Рябинин, 1981. С. 38). Одна из привесок обломана, и ее можно отнести к варианту 6 лишь условно, по признаку размещения петли для привешивания бубенчиков в передней части. Привески рассматриваемого варианта найдены в слое XII в. на Троицком раскопе, на перекрестке Черницыной и Пробойной улиц, недалеко от усадьбы Г (рис. 1, *2*) и на усадьбе Т, ориентированной на Редятину улицу (рис.1, *4)*.

“Переходный” XIX тип – 4 экз. (рис. 1, *5, 6*). Привески этого типа более известны в литературе под названием “коньков-птиц” или “барашков”, и сочетают в себе элементы изображения коня и птицы (Рябинин, 1981. С. 38–40). Е.А. Рябинин указывает на Костромское Поволжье как на район их наибольшей концентрации, отмечая при этом их “спорадические находки на огромной территории Восточноевропейского Севера” (Рябинин, 1981. С. 38). В Новгороде они происходят из слоев XII–первой половины XIII в. с Троицкого (2 экз., усадьбы П, Ф), Михаило-Архангельского (1 экз.) и Десятинного (1 экз.) раскопов.

Л.А. Голубева объединяет привески, выделенные Е.А. Рябининым в XVIII (вариант 5) и XIX типы, в 6-й тип. Место происхождения этого типа привесок, по ее мнению, – Поволжье, где они датируются XII–XIII вв. (Голубева, 1979. С. 19). Новгородские привески вариантов 5 и 6 XVIII типа и привески XIX типа локализуются на усадьбах Людина конца (Троицкий раскоп) и синхронны находкам в районе их основного распространения (Покровская, 2007).

Полые коньковые привески (90 экз.)

XX тип (рис. 2–4). Многочисленность и широкое распространение в Новгороде этого типа коньковых привесок, находки практически на всех новгородских раскопах их обломков и деталей (рис. 5) привело к устойчивому мнению о том, что Новгород был крупнейшим центром их изготовления на широкий рынок

сбыта (Рябинин, 1981. С. 39, 42) уже в конце XII в. (Голубева, Варенов, 1978. С. 237). Выявить устойчивые серии предметов, отлитых по восковой модели, не представляется возможным. Поэтому, как было сказано выше, наиболее устойчивым признаком у полых коньков является грива.

I группа. Коньки-амулеты со сканной гривой (71 экз.). В эту группу по классификации Е.А. Рябинина входят коньки-амулеты 1-й (46 экз.), 2-й (18 экз.) и 3-й (8 экз.) серий (рис. 2, *1–6*; 3; 4). Наиболее представительные по количеству и наиболее поздние хронологически – серии 1 и 2 коньков-амулетов, которые датируются в Новгороде концом XIII – серединой XIV в. Коньки-амулеты серии 3 происходят из слоев второй половины XIII – начала XV в., за исключением экземпляра конца XII в. (усадьба Б Неревского раскопа). Кроме Новгорода концентрация коньков-амулетов этих серий прослеживается на северо-западе Новгородской земли (Голубева, Варенов, 1978. С. 233; Рябинин, 1981. С. 39–41). Большой количественный состав полых коньков I группы в Новгороде и их широкое распространение в землях, тесно связанных с ним, свидетельствуют о том, что именно они могли быть продукцией новгородского ремесленного производства.

II группа. Коньки-амулеты с кольчатой гривой (19 экз.). По классификации Е.А. Рябинина к этой группе относятся коньки 4-й (10 экз.), 5-й (3 экз.), 7-й (1 экз.) и 8-й (4 экз.) серий.

Серия 4 (рис. 3, *8, 9*; 4, *5, 6*) – наиболее представительная и наиболее поздняя серия коньков II группы. Она датируется в Новгороде концом XIII – первой половиной XIV в. Основной район распространения коньков этой серии, тот же, что и коньков I группы – северо-запад Новгородской земли (Рябинин, 1981. С. 41). Пять привесок этой серии происходит с Троицкого раскопа.

Серия 5 (рис. 3, *4, 6*) – привески найдены на Неревском раскопе (усадьба Е) в слое конца XII – начала XIII в. и на Троицком XV раскопе в слоях XIII в. Амулетов серии 5а, по сведениям Е.А. Рябинина, найдено всего два. Один – новгородский (неревский), второй, полностью ему аналогичный, происходит из грунтового могильника Котловка на правом берегу Камы (Рябинин, 1981. С. 41, 42). Вероятно, при находках идентичных привесок из двух сильно отдаленных районов, следует предполагать не прямую, а опосредованную связь через неизвестный нам источник. Еще две привески серии 5б (удвоенные амулеты) найдены в Водской земле (Рябинин, 1981. С. 41, 42*)*. Несмотря на то что у всех привесок 5-й серии есть выявленные Е.А. Рябининым общие признаки (высокая прямая шея, трубчатая голова с кольчатой гривой), следует признать ее нестандартность. Ближайшая аналогия (двуглавая) троицкому коньку первой половины XIII в. (рис. 3, *6*) происходит из Московской обл. и отнесена Е.А. Рябининым к 6-й серии (1981. Табл. XXIII, *5*), а Л.А. Голубевой и А.Б. Вареновым к V типу (1978. Рис. 1, *4*).

Серия 7 (рис. 2, *8*) – привеска происходит из слоя второй половины XIII в. Неревского раскопа (усадьба Б). Две аналогичные ей найдены в бассейне р. Кокшеньга, а еще одна – в Лоемском могильнике (Рябинин, 1981. С. 42).

Серия 8 (рис. 2, *7*) – коньки найдены на Неревском раскопе в слоях второй половины XII (усадьба Д) и начала XIV в. (усадьба В). Подобные привески распространены на территории веси и ее восточных и северных соседей (Голубева, Варенов, 1978. С. 236). Среди привесок этой серии выделяется четыре предмета, изготовленных, по мнению Е.А. Рябинина, по одному шаблону (1981. С. 42).

Следует отметить, что на большинстве раскопов находки полых коньковых привесок ограничивается 1-2 экз. (таблица). Их концентрация фиксируется на некоторых усадьбах Неревского раскопа (рис. 2): Б (7 экз.), Е (7 экз.), Д (6 экз.), И (4 экз.), В (3 экз.). На Никитинском, Славенском и Ильинском раскопах они составляют хронологически компактные группы: усадьба А Славенского раскопа (6 экз.), слои догородской застройки Никитинского раскопа (5 экз.), усадьба Б Ильинского раскопа (3 экз.). На этих же усадьбах концентрируются детали и обломки шумящих привесок (рис. 4). На усадьбах Троицкого раскопа (рис. 3) количество полых шумящих коньков-амулетов не превышает их среднего количества на усадьбах большинства новгородских раскопов. (Покровская, Тянина, 2016).

Таким образом, большинство полых зооморфных привесок появляется в Новгороде не ранее середины XII в. Исключение – приладожская полая привеска-уточка из Неревского раскопа, происходящая из слоя XI в. Ее находка в комплексе с другими предметами финно-угорского происхождения, как было сказано выше, демонстрирует специфику этой части Неревского конца, которая заключалась

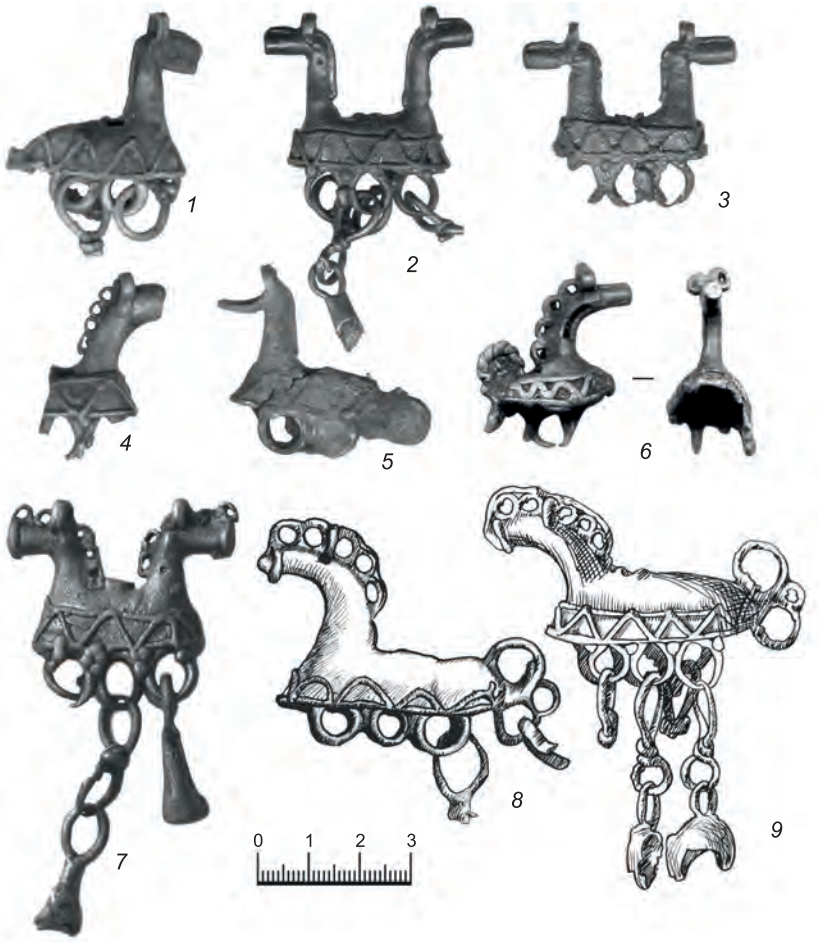


Рис. 3. Полые шумящие коньки-амулеты Троицкого раскопа (XX тип). *1–3, 5* – I группа (со сканной гривой); *4, 6–9* – II группа (с кольчатой гривой). *1* – 5-520; *2* – 8-522; *3* – 1-846; *4* – 1-1915; *5* – 1-2055; *6* – 2-1888а; *7* – 4-1270; *8* – +4-829; *9* – +3-891.

Fig. 3. Hollow rattling horse-shaped amulets of the Troitsky excavation site (type XX)

в связях ее населения с Юго-Восточным Приладожьем.

Хронологическое распределение остальных полых зооморфных амулетов позволяет выделить периоды их бытования в Новгороде:

I период (вторая половина XII – первая половина XIII в.). К этому периоду относятся все птицевидные (4 экз.), привески “переходного” XIX типа (3 экз.) и 7 экз. коньковых. Большинство полых птицевидных привесок и привесок XIX типа происходит из Троицкого раскопа (5 экз.), из усадеб, расположенных к западу от Пробойной улицы. Их распространение на усадьбах Людина конца, открытых в процессе археологических исследований на Троицком раскопе, можно считать спецификой этой части средневекового Новгорода. Все привески XVIII и XIX типов – восточно-финского происхождения, а центром их изготовления исследователи называют Поволжье (Голубева, 1979. С. 19; Рябинин, 1981. С. 38–40). При этом отмечается тенденция их распространения на северо-восток – в бассейн р. Шексна, Вологодскую и Архангельскую обл. (Голубева, 1979. С. 19). Комплекс предметов и берестяных грамот, найденных на Троицком раскопе, фиксирует стабильные связи владельцев этих усадеб с северо-востоком Новгородской земли (Янин, Зализняк, 1986. С. 18–20; Янин, 1998. С. 321–327; 2001. С. 66, 67), которые подтверждаются находками полых птицевидных привесок.

Топография полых шумящих коньков-амулетов подробно рассмотрена в статье Л.В. Покровской (2012). Амулетам Никитинского раскопа посвящена статья Л.В. Покровской и

Е.А. Тяниной (2016). Пять полых шумящих коньков I периода относятся к I группе (серии 1, 3), два – ко II группе (серия 5). Следует отметить, что в I периоде только на усадьбе Б Неревского раскопа полый конек-амулет найден в комплексе с украшениями финно-угорского происхождения (Покровская, 2012). В некоторых случаях обстоятельства находок вне усадебного комплекса не позволяют интерпретировать их раннюю дату. Например, на усадьбе Г Ильинского раскопа полый конек-амулет найден на незастроенном пространстве, недалеко от частокола, в слое конца XII – начала XIII в. (Покровская, 2012. С. 172). А ранняя дата конька, найденного на усадьбе В Троицкого раскопа, может быть связана с его случайным попаданием в слой первой половины XIII в. (Покровская, 2005).

Таким образом, полые зооморфные амулеты появляются в Новгороде в конце XII в., но еще не получают широкого распространения. Находки птицевидных амулетов локализуются в Людином конце и характеризуют связи владельцев усадеб с отдаленными областями Новгородской земли. Причины появления в Новгороде единичных экземпляров полых шумящих коньков-амулетов в I периоде не поддаются столь однозначной оценке. Кроме Новгорода коньки серий, найденных в слоях I периода, широко распространены на северо-западе Новгородской земли. Вероятно, их появление было первым проникновением традиции, возможно, с непосредственными носителями и связано с контактами владельцев усадеб с ближней и дальней округой. Поэтому вряд ли можно считать XII в. началом их изготовления в Новгороде.

II период (вторая половина XIII–XIV в.). К этому периоду относится большая часть полых коньковых привесок (84 экз.). Анализ химического состава привесок показал, что они сделаны из сплавов, характерных для Новгорода XIII–XV вв. (Коновалов и др., 2008. С. 35), что может служить аргументом в пользу того, что в Новгороде их могли начать изготавливать не ранее этого периода. Среди амулетов со сканной гривой наиболее представительной в Новгороде оказывается 1-я серия (39 экз.). В ней выделяется группа стандартных поздних привесок с наиболее схематичным изображением коня (рис. 4, *8, 9*), которые могли быть отливками с копий. Именно эти привески, возможно, представляют продукцию новгородского ремесленного производства конца XIII–XIV в. Что касается амулетов других серий, то их новгородское происхождение может быть подтверждено или опровергнуто только топографическим анализом и выявлением ремесленных мастерских, где их изготавливали.

В слоях второй половины XIII–XIV в. на **Неревском раскопе** полые шумящие коньки-амулеты происходят с тех усадеб, где прослежены представительные комплексы украшений финно-угорского происхождения. Усадьбы Д, Е, И принадлежали боярскому клану Мишиничей-Онцифоровичей (Янин, 1977. С. 172–181). Другому боярскому клану, судя по берестяным грамотам и другим находкам (в том числе деревянному цилиндру), принадлежала усадьба Б. Топографический анализ украшений финно-угорского происхождения показал, что интересы боярского рода Мишиничей-Онцифоровичей распространялись в северо-западные области Новгородской земли и за ее пределы. Это предположение подтверждается и комплексом берестяных грамот, найденных на усадьбе Е (Арциховский, Борковский, 1963. С. 104, 105). Интересы владельцев усадьбы Б простирались на северо-восток (Янин, 1982. С. 138). Находки полых коньков-амулетов органично вписываются в вещевой комплекс этих усадеб и подтверждают направления связей их владельцев (Покровская, 2012. С. 161–168). При этом следует отметить непродолжительность периода концентрации украшений финно-угорского происхождения на этих усадьбах (Покровская 2012. С. 167, 173). Появление на неревских усадьбах предметов финно-угорского происхождения и полых шумящих коньков-амулетов, в том числе, демонстрируют направление связей владельцев усадеб и общность материальной культуры Новгорода и Новгородской земли.

На **Троицком раскопе** прослеживается несколько иная картина распределения полых коньков-амулетов, чем на Неревском (Покровская, 2012. С. 168–171). Здесь во II периоде обнаруживается концентрация коньков-амулетов 4-й серии. Они найдены в слоях конца XIII – первой половины XIV в. на усадьбах М (2 экз., рис. 3, *9*), О (1 экз., рис. 3, *8*), Т (1 экз.) и на Троицком XV раскопе (1 экз., рис. 3, *4*). Усадебная застройка и характер археологического материала позволили предположить, что усадьбы, раскопанные на Троицком раскопе, принадлежали боярскому клану Мирошкиничей. В начале XIII в., в связи с разорением этого

Рис. 4. Полые шумящие коньки-амулеты других новгородских раскопов (XX тип). *1–4, 8, 9* – I группа (со сканной гривой); *5–7* – II группа (с кольчатой гривой). *1* – Ильинский 17-131; *2* – Ильинский 17-96; *3* – Кировский 25-15; *4* – Кировский 23-17; *5* – Буяный 7-13; *6* – Буяный 8-13; *7* – Лубяницкий 6-4 (с остатками кожаного шнура); *8* – Никитинский 24-94; *9* – Никитинский 22-24.

Fig. 4. Hollow rattling horse-shaped amulets from other Novgorod excavation sites (type XX)

клана, происходит перепланировка усадеб и смена населения (Хорошев, 1994. С. 65, 66). Логично предположить, что заселение пустующих городских территорий могло происходить не только за счет горожан, но и за счет сельского населения. Поэтому комплекс ювелирных украшений этих усадеб в XIII–XIV вв. отличается от комплекса украшений боярских усадеб Неревского конца этого же периода некоторой “архаичностью” и “провинциальностью” (Покровская, 2005).

На **Славенском раскопе** в слоях второй половины XIII – начала XIV в. было найдено пять полых шумящих коньков-амулетов I группы (серия 1) и один конек-амулет II группы (оплавленный). Все коньки 1-й серии составляют хронологически компактную группу 4-го строительного горизонта усадьбы А и могли быть изготовлены в ювелирной мастерской, расположенной на этой усадьбе (Покровская, 2012. С. 171, 172).

На Ильинском раскопе в слоях II периода было найдено три полых конька-амулета (1-й и 2-й серий). Несмотря на то что на усадьбах Е и Б есть следы ювелирного производства, прямых доказательств возможности изготовления полых коньков-амулетов на этих усадьбах нет (Покровская, 2012. С. 172).

На **Никитинском раскопе** найдено восемь полых шумящих коньков-амулетов. Шесть из них относятся к I группе (серии 1 и 2), два – ко II группе (4-я серия). Четыре привески датируются второй половиной XIII – началом XIV в. и относятся к "доярусному" и "доусадебному" периодам, которые предшествовали городскому освоению этой территории (Дубровин, 2010. С. 126, 127). Все полые шумящие коньки-амулеты этого периода разнотипные и найдены в разных частях раскопа. Три однотипных конька-амулета относятся уже к "усадебному" периоду и найдены на разных усадьбах в слое конца XIV в. Можно предположить, что они изготовлены одним мастером. Однако у нас недостаточно фактов для того, чтобы утверждать, что они были отлиты именно здесь.

Повсеместное распространение полых шумящих коньков-амулетов в Новгороде во II периоде свидетельствует о том, что они становятся частью женского городского убора. Их топография демонстрирует многокомпонентность новгородской материальной культуры и ее взаимосвязь с культурой Новгородской земли (Покровская, 1998. С. 29), и лишь в некоторых случаях направление связей владельцев усадеб. Вопрос о возможном производстве полых шумящих коньков-амулетов на территории Новгорода до сих пор остается не решенным. Широкое территориальное распространение односерийных амулетов на значительной территории от Прибалтики до Прикамья как будто бы указывает на их массовое изготовление на рынок в крупном ремесленном центре. Но гипотеза, что таким центром был Новгород, не подтверждается фактическим материалом. В Новгороде пока не обнаружены свидетельства массового производства полых шумящих коньков, ориентированного на широкий рынок сбыта. Единственная мастерская, где их могли изготавливать, пока зафиксирована только в Славенском конце (Славенский раскоп), но она просуществовала здесь очень короткий промежуток времени (Колчин, Рыбина, 1982. С. 191).

Следует отметить, что количественный состав, однотипность серий привесок, найденных на одной усадьбе, и даже химический состав сплава служат только косвенными признаками их возможного изготовления в Новгороде, если на усадьбе нет следов ювелирного производства. Уточнение аналогий коньков в некоторых случаях выявляет направления связей владельцев новгородских усадеб с подвластными землями, но не то, что они были изготовлены на этих усадьбах. Мы не можем также утверждать, что коньки-амулеты одной серии или даже идентичные, найденные в разных частях Новгородской земли или за ее пределами, попали туда исключительно из Новгорода. Нельзя исключать и обратную связь. В некоторых случаях контакты владельцев усадеб с теми районами, где были найдены идентичные новгородским амулеты, подтверждаются прямо или косвенно другими источниками. Изучение хронологии и топографии полых шумящих коньков-амулетов показало, что коньки I группы могли стать элементом городской культуры не ранее второй половины XIII в., т.е. изначальный импульс их распространения шел из округи в Новгород, а не наоборот. Поэтому считать все эти привески продукцией новгородского ремесленного производства нет оснований, так же как и называть их новгородскими.

Таким образом, птицевидные привески и привески "переходного" XIX типа не получают широкого распространения в городской среде, а их бытование в Новгороде ограничивается I периодом. Иная картина прослеживается в распространении коньковых привесок. Их количество резко возрастает во II периоде. Такая избирательность образов, безусловно, напрямую связана со смысловым значением образов коня и птицы. По этой причине семантика полых коньковых привесок, причины их распространения и популярности в Новгороде во II периоде становятся важными задачами в исследовании этой группы амулетов. К вопросам семантики зооморфных привесок обращались практически все авторы, занимавшиеся их изучением (Голубева, Варенов, 1978. С. 237–239; Голубева, 1979; Рябинин, 1990; Липина, 2006; Кузнецова, 2013). В этих работах отмечено этнокультурное различие культового значения основных образов. Так, культ водоплавающей птицы был характерен исключительно для финно-угорской мифологической традиции, а конь как символ солнца, известен кроме финно-угров у балтов и восточных славян (Рябинин, 1990). Именно это обусловило большее распространение коньковых амулетов в контактных зонах древнерусского и финно-угорского расселения. Топографическое распределение полых шумящих коньков в Новгороде, широкое распространение в городе тех же типов этих амулетов, что и на северо-западе Новгородской земли

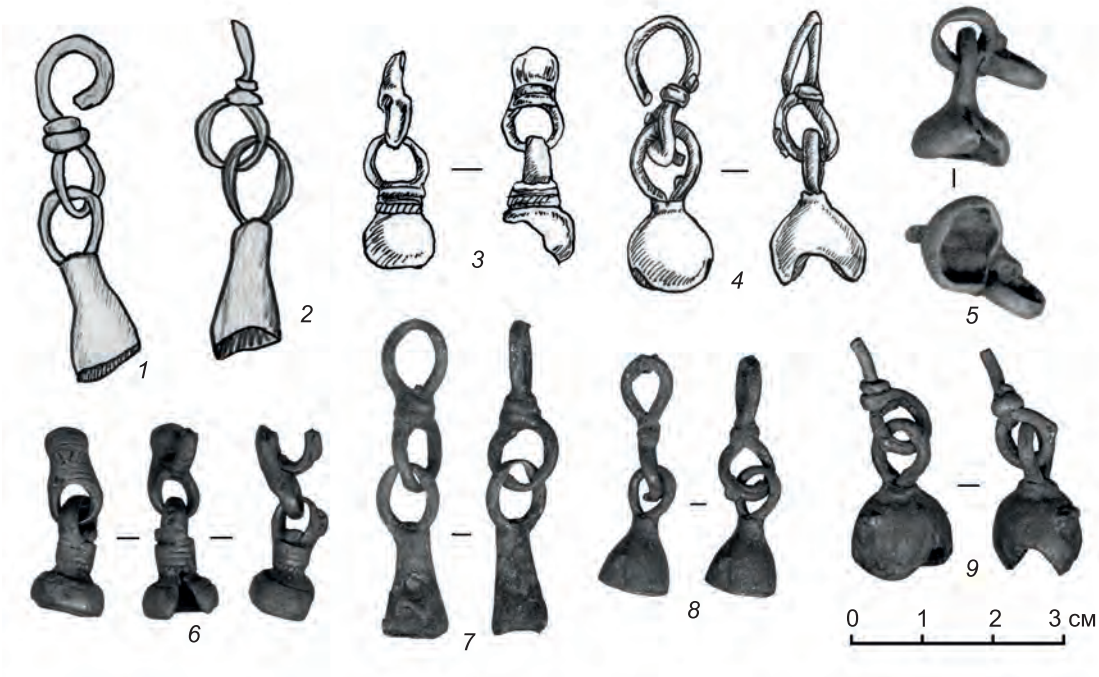


Рис. 5. Детали полых зооморфных привесок. *1* – Неревский 16-21-1189; *2* – Неревский 13-17-305; *3* – Никитинский 29-109; *4* – Никитинский 23-43; *5* – Борисоглебский 10-24; *6* – Троицкий 6-1840; *7* – Троицкий 4-1846; *8* – Троицкий 4-1841; *9* – Троицкий +3-1908.

Fig. 5. Details of hollow zoomorphic pendants

демонстрируют культурное единство Новгорода и его округи. Тем не менее, вопрос о восприятии семантических образов в городской культуре до сих пор остается дискуссионным.

В настоящее время существует устоявшееся мнение, что с течением времени полые шумящие коньки-амулеты в древнерусской среде, в том числе и в Новгороде, утрачивают свое семантическое значение (Голубева, Варенов, 1978. С. 239, Рябинин 1990. С. 185). На наш взгляд, представление о семантике полых шумящих амулетов как о некоем традиционном благожелательном образе опровергается избирательностью новгородцев, воспринявших образ коня, но отвергнувших образ птицы. Появление и распространение полых шумящих коньков-амулетов в Новгороде и Новгородской земле в XIII–XIV вв. надежнее связывать с тем, что финно-угорская традиция была переосмыслена на древнерусской почве.

Для того чтобы понять, насколько осознанным было использование коньков-амулетов в Новгороде, необходимо обратиться к мифологическим основам культа коня, которые могли обусловить их распространение и магическое применение. Как было сказано выше, конь в славянской мифологии был символом солнца и подателем всех жизненных благ. Его образ был введен в славянскую аграрно-магическую обрядность как символ добра, благоденствия и счастья (Голубева, Варенов 1978. С. 238; Рябинин 1981. С. 56; Липина, 2006). При этом полые коньки-амулеты были женскими оберегами, о чем свидетельствуют их находки исключительно в женских погребениях, причем, их положение в некоторых погребениях у тазовых костей, “у лона”, напрямую указывает на репродуцирующую магию (Голубева, Варенов, 1978. С. 238; Рябинин, 1981. С. 43). Л.А. Голубева и А.Б. Варенов упоминают о том, что они “занимали в женском уборе место, традиционное для амулетов-оберегов, призванных охранять грудь и лоно женщины и сообщать ей плодородие”, однако в результате связывают их с аграрной магией земледельцев (Голубева, Варенов, 1978. С. 238). Той же “аграрной” гипотезы придерживается и Л.И. Липина (2006). Но если сама связь солярного культа и аграрной обрядности с репродуцирующей магией очевидна, то “солярно-аграрная” гипотеза семантики коньков-амулетов содержит серьезное противоречие. Конь в аграрных обрядах являлся мужским атрибутом (Славянс-

кие древности, 1999. С. 590–593), в то время как полый шумящий конек был женским амулетом. Таким образом, напрямую связывать образ коня в полых шумящих коньках-амулетах с его солярным значением и с аграрными обрядами некорректно.

В то же время, об осознанном использовании полых коньковых привесок свидетельствуют и другие новгородские археологические находки, которые подтверждают традиционность культа коня в Новгороде. Прежде всего, это "строительные жертвы" – ритуальные захоронения конских черепов под нижними венцами построек (Седов, 1957. С. 20–27). Этот обычай в неизменном виде присутствует во всех археологических слоях с X по XIV в., что указывает на устойчивость как самого ритуала, так и его атрибутики. Другое свидетельство – находки амулетов из костей коня, которые также датируются широким хронологическим диапазоном с X по XIV в. Не исключено, что эти две традиции имеют связь, так как для амулетов могли использоваться кости именно жертвенных животных (Тянина, 2011. С. 166). Это возводит культ коня в Новгороде не столько к солярной мифологии и связанной с ней аграрной обрядности, сколько к не менее распространенному представлению о сакральной роли коня как оберега дома, связанного с верой в домового духа (Криничная, 2004. С. 96–103). Эта семантика коня имеет столь же древние корни, что и солярная мифологическая сущность этого образа, и связана с архаичным представлением о живой душе дома, которая переходит к нему от принесенной при строительстве жертвы. Именно с этими представлениями хорошо сочетается и образ коня в женском амулете, так как женщина считалась хранительницей домашнего очага и была объектом репродуцирующей магии.

Полый шумящий амулет, кроме образа коня, содержал еще два элемента. Это – идеограмма воды и шумящие подвески. Идеограмма воды на коньковых привесках (волнистый орнамент на тулове), так же как и привески в виде утиных лапок большинством исследователей связывается с "двойным образом коня-утки, или "солнечного" и "водяного" коня, которые "усиливают значение амулета, как символа плодородия" (Голубева, Варенов, 1978. С. 238). Однако существует и еще одна трактовка воды, которая связана с ее апотропеической и репродуцирующей силой как источника жизни и средства магического очищения (Славянские древности, 1995. С. 386–389).

Как было сказано выше, подвески в виде утиных лапок встречены только в двух случаях на полых птицевидных амулетах, а не на коньковых. Шумящие привески в виде бубенчиков, которые прикреплялись внизу полых коньков-амулетов, могли исполнять отгонную функцию, приписываемую ритуальному шуму и звону (Левкиевская, 2002. С. 35, 117). Еще одно магическое представление отражено в использование удвоенного образа, что в магической практике означает усиление благожелательного эффекта (Голубева, Варенов, 1978. С. 239).

Таким образом, полый шумящий конек-амулет имел сложную семантику, сочетающую в себе как благопожелательные и репродуцирующие, так и апотропейные функции. При этом славянские и финно-угорские мифологические представления дополняли друг друга. Это предопределило не только вхождение полых коньков-амулетов в многокомпонентную культуру Новгородской земли, но и распространение их в городской среде.

Нельзя не отметить, что в последнее время появилась гипотеза, в которой развитие образов зооморфных привесок трактуется не только взаимодействием древнерусской и финно-угорской культур, но и "контаминацией языческого и христианского бестиариев" (дракон, грифон) (Кузнецова, 2013. С. 53–62; 2016. С. 6). Существенным, на наш взгляд, возражением является тот факт, что стилистика изображения дракона хорошо известна в новгородском прикладном искусстве, например на костяных и бронзовых накладках (см. Седова, 1981. С. 78–80, 163–165; Древний Новгород..., 1985. № 155, 156, 157, 159, 160), и она не имеет ничего общего с традицией зооморфных изображений.

Таким образом, распространение в Новгороде полых зооморфных амулетов – еще одно свидетельство многокомпонентности его культуры, отражающей не только смешение различных традиций в городской среде, но и территориальные связи жителей усадеб. Анализ археологического материала показывает, что традиция использования полых зооморфных амулетов пришла в Новгород из Новгородской земли, поэтому вопрос о происхождении и центрах производства полых зооморфных амулетов не может быть решен на основании только новгородского материала, а

требует комплексного исследования этих находок на всей территории их бытования. Нет никаких оснований считать эту традицию новгородской и говорить о массовом производстве коньков-амулетов в Новгороде на рынок. Появление в Новгороде птицевидных привесок на раннем этапе могло быть связано с носителями финно-угорской традиции. Вхождение в городскую культуру полых шумящих коньков-амулетов во второй половине XIII–XIV в. можно объяснить не только взаимодействием Новгорода с округой, но и семантикой этих амулетов, которая отражала представления новгородцев о благопожелательной, репродуцирующей и апотропейной магии.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00372.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анучин Д.Н. О культуре костромских курганов и особенно необходимых в них украшениях и религиозных символах. М.: Тип. И.Н. Шарапова, 1899. 23 с. (Из “Материалов по археологии восточных губерний, изд. Моск. археол. об-вом”; т. 3).

Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М.: Наука, 1963. 328 с.

Голубева Л.А. Коньки-подвески междуречья Волги и Оки // СА. 1976. № 2. С. 67–82.

Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров. М.: Наука, 1979 (САИ; вып. Е1-59). 113 с.

Голубева Л.А., Варенов А.Б. Полые коньки-амулеты Древней Руси // СА. 1978. № 2. С. 228–239.

Древний Новгород прикладное искусство и археология М.: Искусство, 1985. 168 с.

Дубровин Г.Е. Никитинский раскоп в Новгороде. М.: Памятники исторической мысли, 2010. 336 с.

Колчин Б.А, Рыбина Е.А. Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник. 50 лет раскопок в Новгороде / Ред. Б.А. Колчин, В.Л. Янин. М.: Наука, 1982. С. 178–239.

Коновалов А.А., Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.: Вост. литература, 2008, 191 с.

Криничная Н.А. Русская мифология: мир образов фольклора. М.: Гаудеамус, 2004. 1006 с.

Кузнецова В.Н. Зооморфные образы в изобразительной традиции населения лесной зоны Восточной Европы в начале II тыс. н.э. // Музей. Традиции. Этничность. 2013. № 2 (4). С. 52–64.

Кузнецова В.Н. Орнитоморфные и зооморфные украшения населения лесной зоны Восточной Европы X–XIV вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016. 22 с.

Левкиевская Е.Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М.: Индрик, 2002. 334 с.

Липина Л.И. Семантика бронзовых зооморфных украшений прикамского костюма (сер. I тыс. до н.э. – нач. II тыс. н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006. 23 с.

Покровская Л.В. Полые шумящие коньки-амулеты древнего Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 3 / Ред. В.Л. Янин. Новгород: Новг. гос. объед. музей-заповедник, 1990. С. 71–73.

Покровская Л.В. Зооморфные привески древнего Новгорода (X–XIV вв.) // Труды VI Междунар. конгресса славянской археологии. Т. 3: Этногенез и этнокультурные контакты славян / Ред. В.В. Седов. М., 1997. С. 261–269.

Покровская Л.В. Украшения балтского и финно-угорского происхождения средневекового Новгорода: систематизация, хронология, топография: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 30 с.

Покровская Л.В. Комплекс ювелирных украшении усадьбы В Троицкого раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 19 / Ред. В.Л. Янин. Великий Новгород: Новгородский гос. объед. музей-заповедник, 2005. С.120–132.

Покровская Л.В. Ювелирные украшения Людина конца средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2007. Т. 3. № 48. С. 36–51.

Покровская Л.В. Привески-амулеты средневекового Новгорода (Неревский и Троицкий раскопы) // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 259–272.

Покровская Л.В. Топография полых шумящих коньков-амулетов в средневековом Новгороде // Stratum plus. 2012. № 5: Другая Русь. Чудь, меря и инии языци. С. 159–178.

Покровская Л.В., Тянина Е.А. Амулеты с усадеб Ярышевой улицы (Троицкий раскоп) // РА. 2015. № 4. С. 89–100.

Покровская Л.В., Тянина Е.А. Амулеты с Никитинского раскопа в Новгороде (систематизация, хронология и топография) // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 6. С. 779–785.

Рындина Н.В. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III: Новые методы в археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1963 (МИА; № 117). С. 200–263.

Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XVвв. Л.: Наука, 1981 (САИ; вып. EI-60). 125 с.

Рябинин Е.А. Археологический материал как источник для изучения финской религии // Финны в Европе VI–XV вв. Вып. II: Русь, финны, славяне, верования / Ред. А.Н. Кирпичников, Е.А. Рябинин. М.: ИА АН СССР, 1990. С. 181–196.

Седов В.В. К вопросу о жертвоприношениях в Древнем Новгороде // КСИИМК. 1957. Вып. 68. С. 20–30.

Седов В.В. Финно-угорские элементы в древнерусских курганах // Культура Древней Руси. М.: Наука, 1966. С. 246–251.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XVвв.). М.: Наука, 1981. 195 с.

Славянские древности. Т. I / Ред. Н.И. Толстой. М.: Международные отношения, 1995. 584 с.

Славянские древности. Т. II / Ред. Н.И. Толстой. М.: Международные отношения, 1999. 702 с.

Тянина Е.А. Амулеты средневекового Новгорода из зубов и костей животных // Археологические вести. Т. 17. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 159–168.

Хорошев А.С. Топография, стратиграфия, хронология и усадебная планировка Троицкого раскопа (усадьба А) // Новгородские археологические чтения: материалы конф., посвящ. 60-летию археол. изучения Новгорода и 90-летию со дня рожд. основателя Новгородской археол. эксп. А.В. Арциховского (Новгород, 28 сент. – 2 окт. 1992 г.) / Ред. В.Л. Янин, П.Г. Гайдуков. Новгород: Новг. гос. объед. музей-заповедник, 1994. С. 54–66.

Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. М.: Высшая школа, 1977. 241 с.

Янин В.Л. Археологический комментарий к “Русской правде” // Новгородский сборник. 50 лет раскопок в Новгороде / Ред. Б.А. Колчин, В.Л. Янин. М.: Наука, 1982. С. 138–155.

Янин В.Л. Я послал тебе бересту... М.: Языки русской культуры, 1998. 461 с.

Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород: НовГУ, 2001. 151 с.

Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М.: Наука, 1986. 311 с.

HOLLOW ZOOMORPHIC PENDANTS FROM MEDIEVAL NOVGOROD

Lyubov V. Pokrovskaya*, Elena A. Tyanina**

M.V. Lomonosov Moscow State University, Russia

**E-mail: pokrovska-ja@yandex.ru*
***E-mail: vyla@yandex.ru*

In the Middle Ages, hollow zoomorphic pendants from nonferrous metal were widely spread among the Finno-Ugrians, Balts and Slavs. They are found in settlements, hoards, in barrow and ground cemeteries. Many researchers have focused numerous papers on studying their chronology, typology, semantics, manufacturing techniques, and ethnic attribution. The article discusses the chronology and topography of hollow zoomorphic amulets in Novgorod and some issues of their semantics. The study identified two periods of their existence. In the layers of the 1st period (the late 12th–the first half of the 13th century) they were not widely spread, their appearance in Novgorod was connected with the contacts of the estate owners with the near and far districts and was the first penetration of the tradition of their use in the urban environment. In the second period (the second half of the 13th–14th century), the spread of hollow horse-shaped pendants in Novgorod indicates that they become part of women’s urban garment and demonstrate the interconnection of urban material culture with the culture of Novgorod land and, in some cases, the direction of connections of the estate owners. Introduction of hollow rattling horse-shaped amulets to the urban culture in the second half of the 13th–the 14th century was not only caused by the interaction of Novgorod with the adjacent area, but also prompted by the semantics of these amulets reflecting the religious beliefs of Novgorod dwellers.

Keywords: medieval Novgorod, archaeology, avian amulets, horse-shaped amulets, systematization, chronology, topography, semantics.

REFERENCES

Anuchin D.N., 1899. O kul'ture kostromskikh kurganov i osobenno neobkhodimykh v nikh ukrasheniyakh i religioznykh simvolakh [On the culture of the Kostroma mounds and, in particular, the decorations and cult symbols being found there]. Moscow: Tip. I.N. Sharapova. 23 p. (Materialy po arkheologii vostochnykh guberniy, izd. Mosk. arkheol. obshchestvom, 3).

Artsikhovskiy A.V., *Borkovskiy V.I.*, 1963. Novgorodskiye gramoty na bereste (iz raskopok 1956–1957 gg.) [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1956–1957)]. Moscow: Nauka. 328 p.

Drevniy Novgorod. Prikladnoye iskusstvo i arkheologiya [Ancient Novgorod. Applied art and archaeology]. Moscow: Iskusstvo, 1985. 168 p.

Dubrovin G.E., 2010. Nikitinskiy raskop v Novgorode [Nikitinsky excavation site in Novgorod]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. 336 p.

Golubeva L.A., 1976. Horse-shaped pendants from the Volga–Oka interfluve. *Sovet. Archaeol.*, 2, pp. 67–82. (In Russ.)

Golubeva L.A., 1979. Zoomorfnyye ukrasheniya finno-ugrov [Zoomorphic decoration of Finno-Ugrians]. Moscow: Nauka. 113 p. (SAI, E1-59).

Golubeva L.A., *Varenov A.B.*, 1978. Hollow horse-shaped amulets of Ancient Rus. *Sovet. Archaeol.*, 2, pp. 228–239. (In Russ.)

Khoroshev A.S., 1994. Topography, stratigraphy, chronology and estate plan of the Troitsky excavation site (estate A). *Novgorodskiye arkheologicheskiye chteniya: materialy konferentsii, posv. 60-letiyu arkheologicheskogo izucheniya Novgoroda i 90-letiyu so dnya rozhd. osnovatelya Novgorodskoy arkheol. ekspeditsii A.V. Artsikhovskogo* [*Novgorod archaeological readings: Proceed. of the Conf. dedicated to the 60th anniv. of the archaeological research of Novgorod and the 90th anniv. of the founder of the Novgorod archaeological expedition A.V. Artsikhovsky*] (*1992*). V.L. Yanin, P.G. Gaydukov, eds. Novgorod: Novgor. gos. ob"yedinennyy muzey-zapovednik, pp. 54–66. (In Russ.)

Kolchin B.A, *Rybina E.A.*, 1982. An excavation site on Kirov Street. *Novgorodskiy sbornik. 50 let raskopok v Novgorode* [*Novgorod collection. 50 years of excavations in Novgorod*]. B.A. Kolchin, V.L. Yanin, eds. Moscow: Nauka, pp. 178–239. (In Russ.)

Konovalov A.A., *Eniosova N.V.*, *Mitoyan R.A.*, *Saracheva T.G.*, 2008. *Tsvetnyye i dragotsennyye metally i ikh splavy na territorii Vostochnoy Evropy v epokhu srednevekov'ya* [*Non-ferrous and precious metals and their alloys in Eastern Europe in the Middle Ages*]. Moscow: Vost. lit., 191 p.

Krinichnaya N.A., 2004. Russkaya mifologiya: mir obrazov fol'klora [Russian mythology: the world of folklore images]. Moscow: Gaudeamus. 1006 p.

Kuznetsova V.N., 2013. Zoomorphic images in the pictorial tradition of the Eastern European forest zone inhabitants in the early 2nd millennium AD. *Muzey. Traditsii. Etnichnost'* [*Scientific Journal of the Russian Museum of Ethnography*], 2(4), pp. 52–64. (In Russ.)

Kuznetsova V.N., 2016. Ornitomorfnyye i zoomorfnyye ukrasheniya naseleniya lesnoy zony Vostochnoy Evropy X–XIV vv.: avtoref. diss. ... kand. ist. nauk [Ornitomorphic and zoomorphic adornments of the Eastern European forest zone inhabitants of the 10th – 14th centuries: Author's abstract of a thesis for the Doctoral degree in History]. St. Petersburg. 22 p.

Levkiyevskaya E.E., 2002. Slavyanskiy obereg. Semantika i struktura [Slavic amulet. Semantics and structure]. Moscow: Indrik. 334 p.

Lipina L.I., 2006. Semantika bronzovykh zoomorfnykh ukrasheniy prikamskogo kostyuma (ser. I tys. do n.e. – nach. II tys. n.e.): avtoref. diss. ... kand. ist. nauk [Semantics of bronze zoomorphic adornments of the Kama region's costume (the middle of the 1st millennium BC – the early 2nd millennium AD): Author's abstract of a thesis for the Doctoral degree in History]. Izhevsk. 23 p.

Pokrovskaya L.V., 1990. Hollow rattling horse-shaped amulets of ancient Novgorod. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya* [*Novgorod and the Novgorod land. History and archaeology*], 3. V.L. Yanin, ed. Novgorod: Novgor. gos. ob"yedinennyy muzey-zapovednik, pp. 71–73. (In Russ.)

Pokrovskaya L.V., 1997. Zoomorphic pendants of ancient Novgorod (the 10th – 14th centuries). *Trudy VI Mezhdunarodnogo kongressa slavyanskoy arkheologii [Proceed. of the VI International Congress of Slavic Archaeology], 3. Etnogenez i etnokul'turnyye kontakty slavyan* [*Ethnogenesis and ethno-cultural contacts of the Slavs*]. V.V. Sedov, ed. Moscow, pp. 261–269. (In Russ.)

Pokrovskaya L.V., 1998. Ukrasheniya baltskogo i finno-ugorskogo proiskhozhdeniya srednevekovogo Novgoroda: sistematizatsiya, khronologiya, topografiya: avtoref. diss. ... kand. ist. nauk [Ornaments of the Baltic and Finno-Ugric origin in medieval Novgorod: systematization, chronology, topography: Author's abstract of a thesis for the Doctoral degree in History]. Moscow. 30 p.

Pokrovskaya L.V., 2005. Jewelry complex of estate B of the Troitsky excavation site. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya* [*Novgorod and the Novgorod land. History and archaeology*], 19. V.L. Yanin, ed. Velikiy Novgorod: Novgor. gos. ob"yedinennyy muzey-zapovednik, pp. 120–132. (In Russ.)

Pokrovskaya L.V., 2007. Jewelry of Ludin konets of medieval Novgorod (based on materials from the Troitsky excavation site). *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* [*Bulletin of the Russian Humanitarian Research Foundation*], vol. 3, № 48, pp. 36–51. (In Russ.)

Pokrovskaya L.V., 2010. Pendants-amulets of medieval Novgorod (the Nerevsky and Troitsky excavation sites). *Slavyano-russkoye yuvelirnoye delo i ego istoki* [*Slavic-Russian jewelry and its origins*]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 259–272. (In Russ.)

Pokrovskaya L.V., 2012. Topography of hollow rattling horse-shaped amulets in medieval Novgorod. *Stratum plus*, 5, pp. 159–178.

Pokrovskaya L.V., *Tyanina E.A.*, 2015. Amulets from the Yaryshev Street manors of the Troitsky excavation site. *Ross. Archaeol.*, 4, pp. 89–100. (In Russ.)

Pokrovskaya L.V., *Tyanina E.A.*, 2016. Amulets from the Nikitinsky excavation site in Novgorod (systematization, chronology and topography). *Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya* [*Historical Journal: Research*], 6, pp. 779–785. (In Russ.)

Ryabinin E.A., 1981. Zoomorfnyye ukrasheniya Drevney Rusi X–XV vv. [Zoomorphic adornments of the Ancient Rus of the 10th–15th centuries]. Leningrad: Nauka. 125 c. (SAI, EI-60).

Ryabinin E.A., 1990. Archaeological material as a source for studying Finnish religion. *Finny v Evrope VI–XV vv.* [*Finns in Europe in the 6th–15th centuries*], *II. Rus', finny, slavyane, verovaniya* [*Russia, Finns, Slavs, beliefs*]. A.N. Kirpichnikov, E.A. Ryabinin, eds. Moscow: IA AN SSSR, pp. 181–196. (In Russ.)

Ryndina N.V., 1963. Production technology of Novgorod jewelers of the 10th–15th centuries. *Trudy Novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [*Transactions of the Novgorod archaeological expedition*], *III. Novyye metody v arkheologii* [*New methods in archaeology*]. Moscow: Izd. AN SSSR, pp. 200–263. (MIA, 117). (In Russ.)

Sedov V.V., 1957. To the issue of sacrifices in ancient Novgorod. *KSIIMK* [*Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture*], 68, pp. 20–30. (In Russ.)

Sedov V.V., 1966. Finno-Ugric elements in the mounds of Ancient Rus. *Kul'tura Drevney Rusi* [*The Culture of Ancient Rus*]. Moscow: Nauka, pp. 246–251. (In Russ.)

Sedova M.V., 1981. Yuvelirnyye izdeliya drevnego Novgoroda (X–XV vv.) [Jewelry of ancient Novgorod (the 10th–15th centuries)]. Moscow: Nauka. 195 p.

Slavyanskiye drevnosti [Slavic Antiquities], I. N.I. Tolstoy, ed. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1995. 584 p.

Slavyanskiye drevnosti [Slavic Antiquities], II. N.I. Tolstoy, ed. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1999. 702 p.

Tyanina E.A., 2011. Amulets made from animal teeth and bones in medieval Novgorod. *Arkheologicheskiye vesti* [*Archaeological News*], 17. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 159–168. (In Russ.)

Yanin V.L., 1977. Ocherki kompleksnogo istochnikovedeniya [Essays on Comprehensive Source Studies]. Moscow: Vysshaya shkola. 241 p.

Yanin V.L., 1982. Archaeological commentary on the "Russian Truth". *Novgorodskiy sbornik. 50 let raskopok v Novgorode* [*Novgorod collection. 50 years of excavations in Novgorod*]. B.A. Kolchin, V.L. Yanin, eds. Moscow: Nauka, pp. 138–155. (In Russ.)

Yanin V.L., 1998. Ya poslal tebe berestu... [I sent you a birchbark letter...]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. 461 p.

Yanin V.L., 2001. U istokov novgorodskoy gosudarstvennosti [At the origins of the Novgorod statehood]. Velikiy Novgorod: NGU. 151 p.

Yanin V.L., *Zaliznyak A.A.*, 1986. Novgorodskiye gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.) [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1977–1983)]. Moscow: Nauka. 311 p.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2019, № 1, с. 161–176

НОВЫЕ НАХОДКИ ЭНКОЛПИОНОВ XI–ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIII в. В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ

© 2019 г. О.М. Олейников

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: olejnikov1960@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.03.2018 г.

Представлены результаты исследований коллекции энколпионов XI – первой четверти XIII в., обнаруженных за последние 10 лет Новгородской археологической экспедицией ИА РАН. Коллекция включает 16 реликвариев, два из которых представляют новые варианты миниатюрных рельефных энколпионов. Дана краткая топографическая привязка всех находок, а также морфологическое описание и иконографическая характеристика. Показана динамика распространения новых находок энколпионов в новгородском культурном слое в контексте процесса становления древнерусской христианской культуры.

Ключевые слова: Новгород, культурный слой, энколпионы XI – первой четверти XIII в., чернь.

DOI: 10.31857/S086960630004146-9

С 2008 по 2017 г. Новгородской экспедицией ИА РАН были проведены археологические работы на 103 объектах, расположенных в четырех исторических концах Великого Новгорода. Общая площадь исследований составила более 11 тыс. м^2 при мощности культурного слоя от 0.35 до 6.5 м.

В ходе проведения этих работ была собрана представительная коллекция христианских древностей конца X–XVIII вв. В нее вошли более 500 находок, представляющие различные категории вещей, связанных с культовыми действиями. Основу коллекции составляют предметы личного благочестия: нательные кресты, створчатые кресты-энколпионы и иконки-подвески.

Собрание древнерусских крестов-энколпионов XI – первой четверти XIII в. включает 16 экземпляров[1]. Две находки (Влас-2/5-108[2] и Ман,9А/-7) заслуживают особого внимания. Они представляют миниатюрные рельефные энколпионы, находки которых на территории Руси очень редки (Пескова, 2005. С. 143). Оба реликвария отличаются от традиционных энколпионов способом соединения створок – проковкой (Влас-2/5-108) и с помощью штифтов (Ман, 9А/-7) и имеют неподвижное петельчатое оглавие. Створчатый крест (Влас-2/5-108), кроме того, – единственный экземпляр, который несет идентичные изображения на обеих створках и отлит из олова.

Рассредоточение энколпионов на изученной территории средневекового Новгорода крайне неравномерно. Большинство находок (14 экз.) происходит с Софийской стороны, причем, основная часть локализована на территории Людина конца. Здесь зафиксировано 12 энколпионов, 9 из которых найдены в северо-западной его части, недалеко от Рождественского Десятинного монастыря. В Неревском конце обнаружен один реликварий.

На Торговой стороне энколпионы были зарегистрированы только в Плотницком конце (2 экз.).

Степень сохранности энколпионов очень высокая: пять экземпляров имеют полную форму, у семи реликвариев отсутствует оглавие и имеются незначительные утраты шарнирных петель для соединения створок и/или оглавия. Еще четыре энколпиона представлены одной из створок различной степени сохранности. Восемь энколпионов запечатанные (в настоящее время проводится комплексное исследование их священных вложений).

[1] Энколпионам второй половины XIII–XV вв. посвящено отдельное исследование (Олейников, 2018).

[2] Шифр находки означает раскоп/номер участка-номер полевой описи.

Рис. 1. Черневый энколпион (Дес-3/1-92) середины XI в. (тип IV.6.1.) из Великого Новгорода. Свинцовая латунь.

Fig. 1. Niello enkolpion of the middle 11th century. (type IV.6.1.) from Veliky Novgorod. Lead brass

Все энколпионы новгородской коллекции выполнены в технике литья, большинство реликвариев (13 экз.) черневые. Для определения состава сплава энколпионов и черневой массы, наносившейся на створки после их отливки, были использованы современные аналитические методы, не разрушающие объект исследования: сканирующая электронная микроскопия с применением энергодисперсионного спектрометра (рентгеноспектральный микроанализ)[3] и рентгенофлуоресцентный анализ (РФА)[4].

Полученные результаты показали, что все реликварии, кроме одного (Влас-2/5-108), отлитого из олова, изготовлены из многокомпонентных сплавов на основе меди, что в целом отвечает общей картине использования цветных металлов в древней Руси (Коновалов и др., 2008. С. 21–23, 134, 148) и традиции изготовления энколпионов в целом (Пескова, 2005. С. 135). Черневая масса представляет собой сплав меди, серы, свинца и олова, что совпадает с данными РФА черни энколпионов Суздальского Ополья (Макаров, Зайцева, 2017. С. 196, 197).

Распределение новых находок энколпионов в новгородском культурном слое отражает общий процесс становления древнерусской христианской культуры. На примере энколпионов можно условно говорить о двух хронологических периодах: вторая половина XI в. – единственный энколпион, и XII – первая четверть XIII в. – максимальное количество находок.

Принадлежность энколпионов представителям феодальной элиты отмечалась исследователями неоднократно (Алексеев, 1974. С. 213; Бурганова, 1998. С. 5; Жарнов, 2000. С.183, 186; Корзухина, Пескова, 2003. С. 5, 6, 37–39; Колпакова, 2008. С. 111; Асташова и др., 2013. С. 7).

Подавляющее большинство новгородских реликвариев обнаружено на территории усадеб в комплексе со статусными находками, что также говорит о социальной привилегированности их владельцев и позволяет отнести энколпионы к элитарной категории мелкой пластики. Для Новгорода, находившегося в силу географических особенностей на перекрестке важнейших торговых путей и являвшегося крупнейшим центром международной и внутрирусской торговли, высокая социальная

[3] Локальный рентгеноспектральный микроанализ проведен в лаборатории кристаллохимии минералов ИГЕМ РАН на аналитическом сканирующем низковакуумном электронном микроскопе JSM-5610LV (JEOL, Япония), оснащённом энергодисперсионным рентгеновским спектрометром INCA Energy-450 (Великобритания, OxfordInstruments) Н.В. Трубкиным.

[4] РФА проведен в лаборатории анализа минерального вещества ИГЕМ РАН на рентгенофлуоресцентном спектрометре последовательного действия (PW 2400, PhilipsAnalitical) А.И. Якушевым.

атрибуция владельцев энколпионов вполне объяснима. Вместе с тем, массовый выпуск миниатюрных энколпионов с различными композиционно-иконографическими схемами в XII – первой половине XIII в. следует рассматривать в контексте приобщения к христианской культуре более широких кругов населения, среди которых могли быть люди разного социального статуса. Это ранее было отмечено Н.А. Макаровым (Макаров, Федорина, 2008. С. 145; Макаров, Зайцева, 2017. С. 197), и нашло подтверждение на новом археологическом материале в Новгороде.

Период второй половины XI в. маркирует единственная находка – целый запечатанный гладкий черневый энколпион (Дес-3/1-92) с иконографической схемой Распятие – Богоматерь Оранта, представляющий тип IV.6.1.[5] (рис. 1). Энколпион обнаружен в 2008 г. на раскопе Десятинный-3 в слое середины XI в., в нижней части заполнения водоотводной канавки (соор. 67), которая проходит по западному и северному краям усадьбы "Г". Усадьба примыкает к переулку, отходящему от улицы Добрыни на север (Олейников, 2011. С. 102–106).

По размерам относится к миниатюрным: 3.3 × 2.45 × 0.3 см (общая высота с оглавием 6.1 см). Оглавие выполнено в виде биконической бусины (внешний диаметр 1.2 см, ширина 0.85 см). Подобные оглавия, но декорированные косой насечкой по центральному шву, встречаются у энколпионов балканского происхождения (Асташова, Сарачева, 2010. С. 318, 319. Рис. 1, *1*). Вес 17.32 г. Внутренняя полость створки для вложения реликвий глубокая (~0.2 см).

Изготовлен из свинцовой латуни. Качество отливки хорошее, без видимых дефектов. Изображения достигались путем проработки резцом рельефных глубоких линий, отлитых в форме. Часть углублений заполнена чернью, утраты которой незначительны.

В Новгороде (и на территории Древней Руси в целом) энколпионы этого типа появляются во второй половине XI в. сразу в готовом виде, без каких-либо следов становления модели (Седова, 1981. С. 57, рис. 18, *1-2;* Дубровин, 2005. С. 100. Рис. 148). Эти изделия представляют серийную продукцию, хорошо известную на Руси. На возможное изготовление модели греческим мастером указывает выгравированная надпись MPΘV, которая хоть и является нейтральной (может быть и славянской, и греческой), но размещена в соответствии с "сирийской" традицией в самом верху створки над головой Богоматери (Корзухина, Пескова, 2003. С. 14, 236).

Аналогичные энколпионы были обнаружены на Рюриковом городище под Новгородом (Григорьева, 2015. С. 251. Рис. 2, *3, 4*; Носов и др., 2017. С. 46, ил. 9, 3, 4), в Старой Руссе (Мусин и др., 2002. С. 183, рис. 3, *4*), Пскове (Колпакова, 2008. С. 110, 111. Рис. 2, *2;* Мусин, 2009. С. 238, 239), в Суздальском Ополье (Родина, 2012. С. 82. Рис. 2, *2*; Макаров, Зайцева, 2017. С. 195. Рис. 4), в Изборске, Ярославской обл. и на территории Южной Руси (Корзухина, Пескова, 2003. С. 165–170, 237).

Новгородский энколпион (Дес-3/1-92) и реликварий из Старой Руссы являются древнейшими и лучшими по сохранности экземплярами из числа датированных энколпионов этого типа на Руси. Высокохудожественное исполнение позволяет рассматривать их как предметы, характеризующие высокий статус владельца. Потертости и частичные утраты черни свидетельствуют о ношении, однако, хорошая сохранность позволяет говорить, что время попадания энколпиона (Дес-3/1-92) в культурный слой близко ко времени его изготовления. В середине XI в., в период становления христианской культуры, еще отсутствовала прочная традиция использования христианских символов и передача их по наследству. Поэтому христианские древности, характерные для этого периода христианизации, достаточно быстро должны были выпадать из живой культуры вместе с кончиной их носителей (Мусин, 2002. С. 11).

Окончательное укрепление христианства и организация христианской церкви на Руси происходит во второй половине XI в., что подтверждается письменными источниками. Летописная статья 1037 г. сообщает, что только при Ярославе "нача вера христианска плодитися и расширяти и черноризцы почаша множитися и манастыреве починаху быти..." (ПСРЛ. Т. I., 2001. С. 151. Л. 51 об.). К этому же времени (1072 г.) относится знаковое событие – русская церковь получила своих первых русских святых в лице братьев самого князя, Бориса и Глеба, что свидетельствует о самостоятельном характере русской церковной жизни.

[5] Обозначение типов здесь и далее дается по общепринятой классификации А.А. Песковой (Корзухина, Пескова, 2003).

Период XII – начала XIII в. – расцвет в использовании древнерусских складчатых крестов, что происходит в контексте приобщения к христианству широких кругов населения (Асташова и др., 2013. С. 6). Этот период на материале новгородских энколпионов характеризуется максимальным количеством находок (13 экз.) разных типов, с различным завершением ветвей (прямоконечные, расширяющиеся, закругленные с парными выступами-“слезками”, с удлиненными выступами-“слезками” на углах, с четырьмя выступами в средокрестии) и с различными иконографическими схемами (Распятие – Богоматерь Оранта, Распятие-крест, крест-крест).

Границы бытования всех черневых и рельефно-черневых энколпионов не выходят за рамки этого периода. Характерным хронологическим признаком периода является небольшой размер энколпионов – общая высота с оглавием составляет 3–6 см. Энколпионы этого периода сильно потерты, что доказывает длительный период их бытования. Вероятно, в XII – первой половине XIII в. кресты со святым вложением приобретают статус реликвии, которая могла передаваться из поколения в поколение.

Энколпион (Тр-16/1-347), относящийся к типу IV.6.1., обнаружен в 2016 г. в Людином конце (раскоп по адресу ул. Троицкая, д.16) в слое первой половины XII в. (рис. 2, *1*).

В отличие от реликвария (Дес-3/1-92), этот энколпион выполнен в более строгой и лаконичной манере: створки безукоризненно подогнаны друг к другу (практически притерты), их торцевые части идеально ровные, углы острые. По краям идет уже не линейный бортик, а косая насечка; надписи отсутствуют. Размер створок – 3.6 × 2.65 × 0.3 см; вес 16.85 г. Оглавие отсутствует. Внутренняя поверхность створок также глубокая (~0.2 см), но сильно окислена.

Энколпион (Кон-1/5-46), найден в 2011 г. на раскопе Конюшенный-1 (Неревский конец, Софийская сторона) в слое XII в. на усадьбе “Б”, примыкающей с запада к Козмодемьянской улице.

Представлен фрагментом лицевой створки[6] с изображением Распятия (рис. 2, *2*). Основанием для отнесения его к типу IV.6.1. являются близкие к типовым размеры (~3.5 × 2.6 см), аналогичная иконография Распятия, прямоугольная расширяющаяся форма створок, косая насечка по краю створки и наличие небольшого прямоугольного выступа в нижней части лицевой створки, от которого отходит шарнирная петля.

Целый запечатанный энколпион (Дес-1/3-139) относится к типу IV.6.2 (рис. 2, *3*). Найден в 2008 г. в Людином конце на раскопе Десятинный-1 в огородном слое, который перемешал слои середины XII – начала XIII в.

По размеру (3.3 × 2.25 × 0.65 см) относится к миниатюрным (с оглавием 5.8 см). Вес 15.02 г. Поперечная ветвь практически прямоугольная, вертикальная имеет небольшое сужение к средокрестию. Ушко выполнено в виде цельнолитой многогранной бусины размером 1 × 0.8 см; внутренний диаметр отверстия – 0.6 см. Внутренние стенки имеют разную толщину, углубление створок небольшое. Изготовлен из оловянно-свинцовой бронзы. Энколпион сильно потерт, изображения прослеживаются по фрагментарно сохранившимся резным контурам и реликтам черневого рисунка. Лицевая створка несет изображение Распятия, оборотная – крест. Стертость изображений, указывающая на длительное ношение, доказывает важную роль энколпионов в древнерусской христианской культуре. Энколпионы представляли ценность прежде всего как ковчеги для священных вложений, поэтому при утрате изображений на створках или мелких поломках не утрачивали своего значения. Энколпионы со следами ремонта хорошо известны и представлены, в том числе, и в новгородской коллекции (Дес-4/5-41).

Фрагмент лицевой створки с Распятием (Дес, траншея) (рис. 2, *4*) был найден в 2010 г. также в Людином конце, в отвале траншеи при ремонте теплотрассы по ул. Десятинная, к востоку от ограды Десятинного монастыря.

Ветви створки прямоконечные, с очень небольшим расширением. Распятие однофигурное, голова Христа изображена с небольшим наклоном к правому плечу. Маленький четырехконечный крест над головой Спасителя имеет вид квадрифолия. Изображение выполнено

[6] В отечественной историографии лицевой принято обозначать створку, которая несет по одной шарнирной петле сверху и снизу (Корзухина, Пескова, 2003. С. 14). В ряде случаев по потертости изображений можно установить, какая из сторон была при ношении размещена наружу, но понятия главного и второстепенного изображений в эту терминологию не вкладываются.

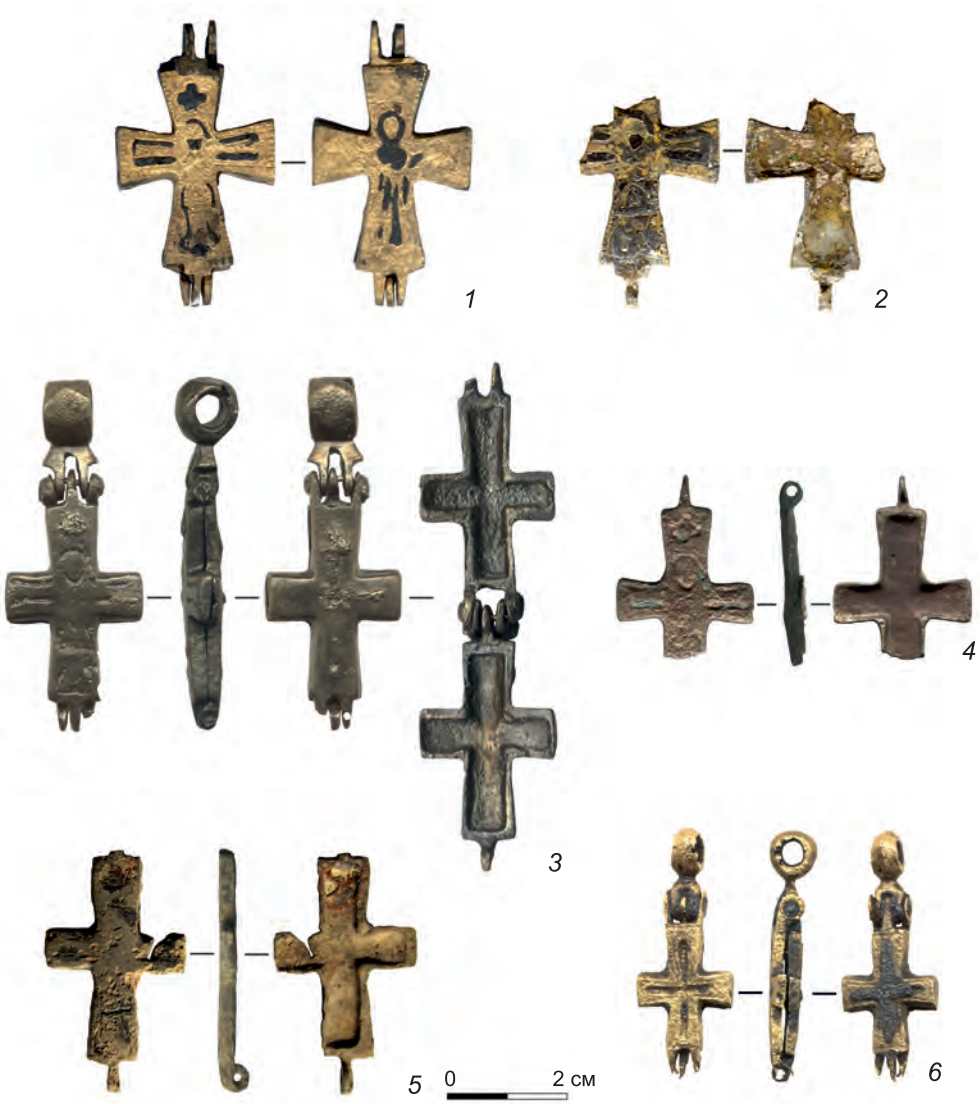


Рис. 2. Черневые энколпионы XII – первой четверти XIII в. с прямым завершением ветвей (типы IV.6.1., IV.6.2., IV.6.3.) из Великого Новгорода: *1* – Тр-16/1-347; *2* – Кон-1/5-46; *3* – Дес-1/3-139; *4* – Дес, траншея; *5* – Андр-3/3-41; *6* – Дес-3/3-48. Многокомпонентная бронза.

Fig. 2. Niello encolpions of the 12th – the first quarter of the 13th century with straight ending of the branches (types IV.6.1., IV.6.2., IV.6.3.) from Veliky Novgorod. Multicomponent bronze

глубокими линиями, в которых местами сохранились остатки черневой массы (тип IV.6.). Ширина створки 2.3 см, реконструируемая длина составляет 3.2 см. Вес фрагмента 2.81 г. Глубина внутреннего лотка немного увеличивается к средокрестию. Стенки лотка тонкие (0.1–0.2 см), сглаженные. Отлит из многокомпонентной латуни.

К черневым энколпионам (тип IV.6.) относится еще одна лицевая створка прямоугольной формы (Андр-3/3-41) (рис. 2, *5*). Обнаружена в Плотницком конце (Торговая сторона) на раскопе Андреевский-3 в слое конца XII – начала XIII в. на усадьбе, южная сторона которой примыкает к Никитиной улице.

Размер створки – 3.4 × 2.25 × 0.2 см, вес 4.17 г. Внешний диаметр ушка шарнирного крепления 0.5 см, толщина – 0.15–0.2 см. Глубина внутреннего лотка также неравномерна и увеличивается в центральной части. Толщина стенок лотка составляет 0.2–0.3 см. Отлит из оловянно-свинцовой бронзы. Створка сильно истерта и повреждена. Изображение Распятия с небольшим четырехконечным крестом над головой Христа угадывается по частично сохранившимся углубленным линиям с чернением.

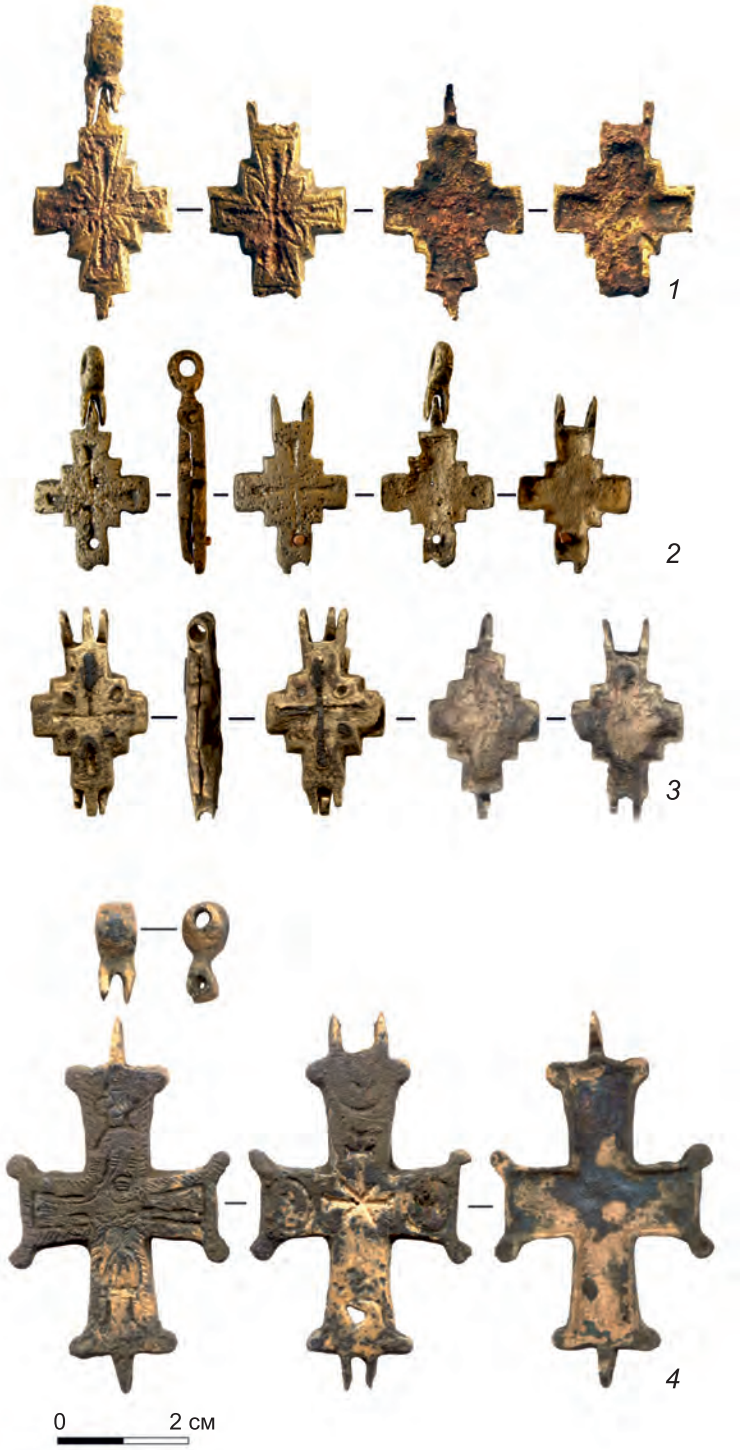


Рис. 3. Черневые энколпионы XII – первой четверти XIII в. с выступающим квадратным средокрестием (тип IV.6.4.) и с удлиненными выступами-“слезками” на углах ветвей (тип IV.5.4) из Великого Новгорода: *1* – Дес-3/3-79; *2* – Дес-4/5-41; *3* – Дес-1/2-713; *4* – Влас-2/4-103. Многокомпонентная бронза.

Fig. 3. Niello encolpions of the 12th – the first quarter of the 13th century with a prominent square central part (type IV.6.4.) and with elongated tear-shaped protrusions at the corners of the arms (type IV.5.4) from Veliky Novgorod. Multicomponent bronze

Миниатюрный целый прямоконечный энколпион (Дес-3/3-48) представляет тип IV.6.3. (рис. 2, *6*). Найден в 2008 г. в Людином конце (раскоп Десятинный-3) в перекопе XIX в. на усадьбе “А” (X–XVI в.), примыкающей к улице Добрыня и переулку, отходящему от улицы Добрыни на север.

Общий размер 4.1 × 1.55 × 0.5 см, высота створки без оглавия 2.6 см. Оглавие – в виде цельнолитой биконической бусины (внешний диаметр 0.85–0.8 см. Вес 5.66 г. Диаметр шарнирной петли 0.2–0.25 см. Изготовлен из многокомпонентной латуни. На лицевой и оборотной створках помещено изображение простого четырехконечного креста. Углубления заполнены чернью. Канавки под чернь неглубокие и неровные, при заполнении чернь выступает над плоскостью створки.

В Новгороде такие энколпионы обнаружены в слоях конца XII – 30-х годов XIII в. (Седова, 1981, С. 57. Рис. 18, *5*).

Следующие три миниатюрных прямоконечных энколпиона с декоративным оформлением в виде выступающего квадратного средокрестия (Дес-3/3-79, Дес-4/5-41, Дес-1/2-713) относятся к типу IV.6.4. (рис. 3, *1–3*). Все они происходят с Софийской стороны (Десятинные раскопы). Два энколпиона обнаружены в одном слое, но отличаются составом сплава.

Энколпион (Дес-3/3-79) обнаружен в 2008 г. на Десятинном-3 раскопе в слое первой половины XII в. на усадьбе “Г”, которая примыкает к переулку, отходящему от улицы Добрыни на север.

Общий размер (с оглавием) составляет 4.1 × 2 × 0.5 см, высота створки 2.6 см. Внешний диаметр оглавия – 0.7 см. Вес 6.53 г. Экземпляр практически целый: утрачены шарнирные петли оборотной створки и часть оглавия, которое имеет вид граненой бусины (рис. 3, *1*). На обеих сторонах помещено изображение четырехконечного креста с сиянием, выполненное углубленной линией (тип IV.6.4.). Изображение заключено в контур, повторяющий форму энколпиона и образующий в центре четырехлепестковую Х-образную розетку. Крест был украшен чернью, которая почти полностью выкрошилась.

Второй энколпион, относящийся к типу IV.6.4. (Дес-4/5-41), обнаружен в 2010 г. на Десятинном-4 раскопе в огородном слое, который перемешал слои середины XII – начала XIII в. Представляет собой упрощенный вариант изображения креста с сиянием – без контурной линии, но более четко выражены треугольные расширения на концах ветвей (рис. 3, *2*). Общий размер (с оглавием) составляет 3.05 × 1.75 × 0.45 см, высота створки 2.0 см. Вес 4.46 г. Отлит из оловянно-свинцовой бронзы. Этот энколпион сохранил следы ремонта.

Рис. 4. Рельефно-черневые энколпионы с закругленными концами XII – первой четверти XIII в. (типы III.3.2., III.3.3.) из Великого Новгорода: *1* – Досл-1/11-23; *2* – Дес-1/12-253. Многокомпонентная бронза

Fig. 4. Relief-niello encolpions with rounded ends of the 12th – the first quarter of the 13th century (types III.3.2., III.3.3.) from Veliky Novgorod. Multicomponent bronze

Нижнее шарнирное крепление было утрачено в древности, и для скрепления створок был использован бронзовый штифт диаметром 0.15 см. Внутренняя полость неглубокая, стенки тонкие, сглаженные.

Третий энколпион типа IV.6.4. (Дес-1/2-713) запечатанный, без оглавия (рис. 3, *3*). Обнаружен в 2008 г. на Десятинном-1 раскопе также в огородном слое, перемешавшем слои середины XII – начала XIII в.

В отличие от аналогичного экземпляра Дес-4/5-41, отлит из многокомпонентной бронзы, в составе которой присутствует цинк. Общий размер составляет 3.1 × 1.7 × 0.5 см, длина створки 2.2 см. Вес 5.31 г. На лицевой и оборотной створках изображен простой черневый четырехконечный крест с четырьмя овальными точками в средокрестии. Внутренняя полость неглубокая, со сглаженными тонкими стенками.

Энколпион (Влас-2/4-103), относящийся к типу IV.5.4. (рис. 3, *4*), был найден в 2011 г. в Людином конце в слое конца XII в. на усадьбе, примыкающей к улице Лукина (раскоп Власьевский-2). В Новгороде аналогичный энколпион найден на Неревском раскопе в слое 20–60 гг. XIII в. (Седова, 1981. С. 58. Рис. 17, *1, 2*). Г.Ф. Корзухина датирует

Рис. 5. Рельефные энколпионы XII – первой четверти XIII в. из Великого Новгорода: *1*, *2* – новые варианты рельефных энколпионов (тип II): *1* – Влас-2/5-108; *2* – Ман,9А/-7; *3* – энколпион Балкано-Дунайского типа (Дес-3/7-26) (*1* – олово, *2*, *3* – многокомпонентная бронза)

Fig. 5. Relief encolpions of the 12th – the first quarter of the 13th century from Veliky Novgorod (*1–2* – new variants of relief encolpions (type II); *3* – a Balkan-Danube type encolpions); *1* – tin, *2*, *3* – multicomponent bronze.

сходные энколпионы серединой – концом XII в. (Корзухина, 1958. С. 133. Табл. III, *3*).

Общий размер 5.8 × 3.3 × 0.75 см, длина створок без петель 4.3 см, толщина створок 0.3 см. Энколпион целый, с оглавием в виде граненой бусины, сильно сглаженной в результате длительного ношения. Концы ветвей расширены, с удлиненными выступами-“слезками” на углах. Края лицевой створки окаймлены косой насечкой, выполненной неровными штрихами

под разным углом. Рисунок выполнен тонкими углубленными линиями, заполненными чернью, сохранившейся только местами. На лицевой створке изображено однофигурное Распятие. Голова Христа имеет небольшой наклон к левому плечу, черты лица переданы схематично короткими параллельными линиями. Над головой небольшой крест, имеющий вид квадрифолия, в центре которого, по черни нанесены тонкими линиями две буквы монограммы Христа “ХС”. На оборотной створке изображен “крест с сиянием” и четыре круглых медальона (на завершении ветвей) с нечитаемыми надписями или изображениями.

Два реликвария имеют закругленные концы ветвей (рис. 4).

Энколпион (Досл-1/11-23) рельефно-черневый с закругленными концами и парными выступами-слезками относится к типу III.3.2. (рис. 4, *1*). Обнаружен в 2011 г. на раскопе Досланьский-1 в Неревском конце (Софийская сторона) на усадьбе “В”, в перекопе, в заполнении которого обнаружена керамика XII–XV вв. Общий размер 4.5 × 2.6 × 0.9 см. В каталоге (Корзухина, Пескова, 2003. С. 139, 140) все энколпионы указанного типа на лицевой створке несут изображение Распятия. На новгородском энколпионе наоборот – на лицевой створке помещено черневое изображение креста с сиянием (с утратами черни), а на оборотной, сильно корродированной, угадывается рельефное изображение Распятия.

Запечатанный энколпион (Дес-1/12-25) также относится к типу рельефно-черневых с закругленными концами и парными выступами-слезками, но представляет другую композиционно-иконографическую схему (тип III.3.3.) – Крест – Богоматерь (рис. 4, *2*). Найден в 2008 г. в Людином конце в слое третьей четверти XII в. на раскопе Десятинный-1 на усадьбе, примыкающей с южной стороны к улице Добрыня.

Общий размер 4.1 × 2.6 × 0.4 см, длина створки без оглавия – 3.5 см. Вес 9.92 г. На лицевой створке помещено изображение креста с сиянием, выполненное тонкими углубленными линиями. Чернение практически полностью утрачено. Оборотная створка несет рельефное изображение Богоматери. Оглавие не сохранилось, петли частично обломаны.

Следующие два энколпиона, характеризующие период XII – начала XIII в., представляют новые варианты рельефных энколпионов и заслуживают более подробного описания (рис. 5, *1, 2*).

Энколпион (Влас-2/5-108) обнаружен в 2011 г. в южной части Людина конца на Софийской стороне Великого Новгорода в слое огорода первой половины XII в. на усадьбе, примыкающей с юга к Воздвиженской улице (раскоп Власьевский-2).

Размеры креста 4.7 × 3 × 0.3 см, длина створок без оглавия 3.5 см, вес креста 8.12 г. Отлит из “чистого” олова (Sn 99.14%). Качество отливки очень невысокое, что позволяет говорить о неопытности мастера.

Этот экземпляр состоит из двух прямоугольных створок, на которых помещен один и тот же сюжет – “грубое” однофигурное изображение Распятия (рис. 5, *1*). Такой вариант оформления створок является редким, но не уникальным. Известен древнеболгарский крест-реликварий, составленный из двух створок с одинаковым изображением Богоматери Оранты (Атанасов, Йотов, 1990. Табл. VI, № 3).

Створки новгородского энколпиона соединены между собой по вертикали приемом проковки практически наглухо, шов заметен только на небольших участках. Поперечные ветви сильно сжаты. Без проведения специальных исследований понять внутреннее строение створок не представляется возможным. Ясно одно. Если и существует внутреннее углубление лотка створки, то оно должно быть очень небольшое. Оглавие представляет собой неподвижную овальную уплощенную бусину размером 5 × 6 мм, с отверстием 2 × 3 мм. Нижняя шарнирная петелька ложная; она представляет собой небольшой выступ без отверстия.

Распятый Христос изображен на фоне Крестного древа, выделенного бортиками, проходящими по внешней стороне створок. Отливка выполнена в низком рельефе: изображение Распятия не выходит за уровень бортиков створок. Такие рельефные бортики характерны для Древней Руси. На византийских энколпионах они либо отсутствуют, либо вместо бортиков у края створок проходит широкая и глубокая прямая линия, создающая рамку, не возвышающуюся над поверхностью креста (Корзухина, Пескова, 2003. С. 42, 43). Над головой Христа изображен маленький четырехконечный крест, имеющий на этой отливке размытые очертания. Трактовка изображения Распятия весьма интересна: голова Христа

изображена без наклона, а торс и плечевой отдел скрыты за мягкими складками одежд. Длинное одеяние с перекрещивающимися на груди складками напоминает не колобий Христа, а мафорий Богоматери. В научной литературе такая иконография известна как “грубое изображение Распятия” второго типа (Пескова, 2007. С. 275, 276)[7].

Прямых прототипов этой модели в византийской и древнерусской серийной металлопластике нет. В 2007 г. на Троицком XIII раскопе на усадьбе “Е” в слое первой половины XI в. (1030–1040-ых годов) была найдена деформированная створка с близким изображением Распятия. Кроме этого, на древнерусских памятниках известны миниатюрные нательные кресты, на которых одеяние Христа также очень напоминает одеяние Богоматери и, кроме того, совпадает прямая постановка головы Христа.

В качестве параллелей можно рассматривать следующие находки. Два “литых из меди” нательных креста (3.5 × 2.5 см), обнаруженных в Новгороде на Неревском и Буяном раскопах в слоях конца X в. (Седова, 1981. С. 49. Рис. 13, *2, 4*); крест, обнаруженный в 2006 г. на Рюриковом городище (Носов, 2007. С. 39. Рис. 10, 6); бронзовый крест (3.3×2.5 см) из Белоозера, относящийся к комплексу вещей, бытовавших до конца XI в. (Захаров, 2004. С. 46, 166. Рис. 263, *23*); бронзовый крест (~3 × 2.3 см), обнаруженный в Новогрудке в постройке 35, относящейся к пятому строительному периоду, датирующемуся второй половиной XII – рубежом XII–XIII вв. (интересно, что при описании этого креста указано, что на нем представлено стилизованное изображение Богородицы (Гуревич, 1981. С. 93, 117. Рис. 69, *3*)); беспаспортный крест № 68759 (3.5 × 2.5 см), хранящийся в отделе металла ГИМ (Недошивина, 1990. С. 102, 103 (№4)). Кроме этого, в качестве близкой аналогии можно отметить изображение на оборотной створке энколпиона (5.3 × 3.5 см) с дефектами отливки, обнаруженного на Троицком X раскопе в слое 60-х годов XIII в. (Корзухина, Пескова, 2003. С. 45. Табл.3, I.1/2).

Сопоставление изображения Распятия на энколпионе Власьевского раскопа с нательными крестами и крестами-реликвариями византийского круга (Атанасов, Йотов, 1990. Табл. II, IV, №8; Хрушкова, 2002. Табл. LXXX, *1*; Pitarakis, 2006. P. 231, 232. №№ 150, 155; King, 1928. P. 200. Pl. XXVIII/12; Wulff, 1909. Taf. 45, 935) обнаруживает близкое сходство с гравированными изображениями, широко распространенными в балкано-дунайских землях в X–XI вв. Это позволяет предположить, что прототипом этой модели мог служить один из этих типов энколпионов.

Находка Власьевского-2 раскопа показывает, что по сути мы имеем дело с памятником, в котором сочетается религиозное творчество восточного и западного христианства, проявившееся во взаимодействии различных иконографических и ремесленных традиций (Мусин, 2002. С. 152–170).

С большой вероятностью можно говорить, что энколпион Власьевского-2 раскопа является работой местных мастеров. Рассматривая памятники культового литья Балкано-Дунайской традиции в Новгороде, А.А. Пескова высказала предположение, что кресты с “грубым изображением Распятия” имеют общее древнерусское, а, возможно, и непосредственно новгородское происхождение и предположила, что, возможно, мастер, создавший энколпион, имел в качестве образца всего одну створку – с изображением Богоматери, и был вынужден моделировать сторону с Распятием на основе имеющейся створки (Пескова, 2007. С. 276, 277). Находка Власьевского-2 раскопа подтверждает это предположение.

Появление новой модели доказывает, что в начале XI в. балкано-дунайские образцы культового литья не только осваивались, но и творчески перерабатывались новгородцами. Единство религиозного символа – Распятия – обеспечило не просто органичное вхождение святыни в иную систему ценностей, но и его воспроизведение в местных условиях (Мусин, 2002. С. 169; Пескова, Егорьков, 2010. С. 60).

Другой энколпион (Ман,9А/-7) был обнаружен в 2017 г. в Плотницком конце на Торговой стороне в шурфе, по адресу ул. Герасименко-Маницина, 9А (рис. 5, *2*).

Размеры креста – 4.0 × 2.3 × 0.35 см, длина створок без оглавия – 3.3 см. Вес – 5.14 г. Отлит из многокомпонентного сплава на основе меди (29–38%), олова (33–38%) и свинца (24–26%) с примесью висмута (1.9–3.4%), сурьмы (2%) и серебра (0.3–0.7%). Такой состав не типичен

[7] Наиболее полный свод нательных крестов с “грубым изображением Распятия” представлен в монографиях П. Пурхонена и Й. Стаекера (*Purhonen*, 1998. P. 45–146; *Staeker*, 1999).

для древнерусских энколпионов (исследование энколпиона продолжается).

Реликварий внешне напоминает нательный крест. Шарнирные петли также отсутствуют. Оглавие представляет собой уплощенную петельку-бусину размером 0.7 × 0.65 см с внутренним овальным отверстием 0.4–0.3 см. Ветви энколпиона прямоугольные, слегка расширяющиеся. Створки соединены между собой двумя небольшими штифтами в верхней и нижней частях креста. Среди энколпионов византийского круга подобный способ крепления створок не зафиксирован. Возможно, что такие кресты изготавливались на заказ и представляют единичные экземпляры.

Использование штифтов на энколпионах известно. В качестве примера можно привести створку энколпиона (ГИМ 53142 М 6930), поступившую в Государственный Исторический музей в 1922 г. из Строгановского фонда. На внутренней поверхности створки отчетливо видно, что накладка с изображением Богоматери Одигитрии закреплена с помощью двух штифтов (Асташова и др., 2013. С. 91, 246. Рис. 31).

Энколпион (Ман,9А/-7) был обнаружен в слое со стратиграфической датировкой – вторая половина XII в. Сильная потертость ушка и практически утраченное изображение Богоматери на оборотной створке свидетельствует о длительном бытовании и способе ношения конкретного экземпляра. Несмотря на утраты, угадывается овальный лик Богородицы, фрагмент нимба и расположенный слева от штифта буквенный знак “П”.

Лицевая створка сохранилась хорошо. На ней на фоне Крестного древа, выделенного рельефным рубчатым бортиком, проходящим по внешней стороне створки, помещено рельефное изображение Распятого Христа, одетого в набедренную повязку. Голова Христа с крестчатым нимбом наклонена к правому плечу. Над головой помещены две первые буквы от сокращенной аббревиатуры “І.Н.Ц.І.”, начертанные на отливке как “ΛН”. Иконографические особенности изображения отвечают древнейшему типу Распятия – “Christus Triumphans” – Христос торжествующий. На энколпионе распятый Христос изображен стоящим на кресте без признаков страдания, прямо простирающий руки, подобно жесту благословения. Глаза широко открыты, резко подчеркнуты плечевые мышцы. Христос представляется не как человек, умирающий на кресте, а как Бог, побеждающий смерть и торжествующий над ней Своим спокойствием.

О месте изготовления этого энколпиона можно говорить пока только гипотетически. Возможно, он был отлит в Новгороде по византийскому образцу.

Рельефный энколпион (Дес-3/7-26) обнаружен в 2008 г. в Людином конце (Софийская сторона) в огородном слое, перемешавшем слои второй половины XII – начала XIII в.

Полный размер створки 7.1 × 4.3 × 0.35 см, внешний диаметр шарнирной петли 0.7 см. Отлит из сплава на основе меди. Представлен лицевой створкой с расширяющимися концами (рис. 5, *3*). В центре помещено изображение Богоматери Орнанта со святыми с условными портретными чертами. На верхнем конце – святой в рост, с копием и сферой (?), по бокам – поясные изображения святых, обращенных к Богоматери. Сопоставимые изображения можно найти в балкано-дунайских вариантах рельефных энколпионов. Например, на лицевой створке энколпиона из крепости Исакча, расположенной на правом берегу Дуная (Мэнуку-Адамештеану, Полл, С. 384, 385. Рис. 1, 6).

Анализ выборки новгородских энколпионов показывает, что большинство энколпионов вышли из стен мастерских с налаженным процессом изготовления. Для такого производства характерны экземпляры с литыми выпуклыми рельефными изображениями, а также с углубленными гравированными изображениями, заполненными чернью (Асташова и др., 2013. С. 96). Все реликварии имеют достаточно глубокие внутренние полости для вложения священных реликвий, что указывает на возможное производство энколпионов при церковном центре, святыни которого привлекали паломников (Макаров, Зайцева, 2017. С. 197).

На Руси, когда собственный фонд святых мощей еще не сложился, а мощи святых Вселенской Церкви были трудно доступны, источником культовых реликвий могли быть так называемые “вторичные реликвии”, вывозимые паломниками из Святой Земли. Такими реликвиями были “масло Животворящего древа из святых мест Христа” или святая вода. Археологические материалы не позволяют говорить о массовости древнерусского паломничества (Мусин, 2009. С. 269), но паломническая культура в Древней Руси безусловно существовала (Уханова, 2001; Пескова, 2001).

Новые находки новгородских энколпионов отражают реальные процессы христианизации и являются ценным археологическим источником в изучении процессов становления христианской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев Л.В. Мелкое художественное литье из некоторых западнорусских земель (кресты и иконки Белоруссии) // СА. 1974. № 3. С. 204–219.

Асташова Н.И., *Петрова Л.А.*, *Сарачева Т.Г.* Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея. М.: РИП-холдинг, 2013. 319 с.

Асташова Н.И., *Сарачева Т.Г.* Химико-технологическое изучение древнерусских рельефных энколпионов из археологического собрания Государственного Исторического музея // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 317–329.

Атанасов Г., *Йотов В.* Кръстове-енколпиони и медальони от ранносредновековната крепост до с. Цар Асен, Силистренско // Добруджа. Сб. 6 (1989). Варна, 1990. С. 81–97.

Бурганова М.А. Произведения древнерусской мелкой пластики XI–XX веков в собрании музея Московского государственно-промышленного университета им. С.Г. Строганова: каталог. М., 1998. 101 л., 84 л. ил.

Григорьева О.В. Кресты-реликварии из княжеской резиденции на Рюриковом городище // Археологические вести. Вып. 21. / Гл. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. С. 246–259.

Гуревич Ф.Д. Древний Новогрудок. М.: Наука, 1981. 157 с.

Дубровин Г.Е. Отчет Новгородской археологической экспедиции о работах на Никитинском раскопе в г. Новгороде Великом в 2004 г. // Архив ИА РАН. 2005. Р-1. № 32297, 32298.

Жарнов Ю.Э. Художественное медное литье из раскопок во Владимире-на-Клязьме // РА. 2000. № 1. С. 183–193.

Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с.

Колпакова Ю.В. К изучению топографии находок предметов личного благочестия в древней части Среднего города Пскова // Археология и история Пскова и псковской земли / Отв. ред. И.К. Лабутина. Псков, 2008. С. 108–124.

Коновалов А.А., *Ениосова Н.В.*, *Митоян Р.А.*, *Сарачева Т.Г.* Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.: Восточная литература, 2008. 191 с.

Корзухина Г.Ф. О памятниках “корсунского дела” на Руси // Византийский временник. Т. 14. М., 1958. С. 129–137.

Корзухина Г.Ф., *Пескова А.А.* Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 432 с.

Макаров Н.А., *Зайцева И.Е.* Кресты-энколпионы с чернью из Суздальского Ополья // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе / Отв. ред.: А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 193–197.

Макаров Н.А., *Федорина А.Н.* О находках энколпионов на суздальских селищах // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара. Вып. 2 / Отв. ред.: Н.А. Макаров, С.В. Шполянский. М.: Изд-во ИА РАН, 2008. С. 137–146.

Мусин А.Е. Христианизация новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. 272 с.

Мусин А.Е. Паломничество в Древней Руси: исторические концепции и археологические реалии // Archeologia abrahamica: Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама / Ред.-сост. Л.А. Беляев. М.: Индрик, 2009. С. 231–272.

Мусин А.Е., *Торопова Е.В.*, *Торопов С.Е.* Христианские древности Старой Руссы (вопросы топографии и археологического контекста) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 16 / Отв. ред. В.Л. Янин. Великий Новгород: ЗАО “Типография “Новгород”, 2002. С. 174–187.

Мэнуку-Адамештиану Г., *Полл И.* Кресты-энколпионы, найденные в Исакче, округ Тулча // Славянорусское ювелирное дело т его истоки: материалы междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 381–395.

Недошивина Н.Г. Об одном типе крестовидных подвесок Древней Руси // Проблемы археологии Евразии (по материалам ГИМ). М.: ГИМ, 1990 (Труды ГИМ; вып. 74). С. 102–106.

Носов Е.Н. Тридцать лет раскопок Городища: итоги и перспективы // У истоков русской государственности: к 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции: историко-археологический сборник: материалы междунар. науч. конф. (4–7 октября 2005 г., Великий Новгород) / Отв. ред. Е.Н. Носов, А.Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 23–58.

Носов Е.Н., *Плохов А.В.*, *Хвощинская Н.В.* Рюриково городище. Новые этапы исследования. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 288 с.

Олейников О.М. Предварительные итоги раскопок в северо-западной части Людина конца средневекового Новгорода в 2008 г. (Десятинные I, III, IV раскопы) // Труды II (XVIII) всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. IV (дополнительный) / Отв. ред.: А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2011. С. 102–106.

Олейников О.М. Новые находки энколпионов второй половины XII–XV вв. в Великом Новгороде // КСИА, 2018. Вып. 251. С. 278–290.

Пескова А.А. Паломнические реликвии Святой земли в древнерусском городе // Пилигримы: Историко-культурная роль паломничества: сб. науч. тр. СПб.: Изд-во ГЭ, 2001. С. 113–126.

Пескова А.А. Древнерусские энколпионы XI–XIII веков в русле византийской традиции // Ставрографический сборник. Кн. 3: Крест как личная святыня / Науч. ред. С.В. Гнутова. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2005. С. 34–183.

Пескова А.А. Памятники культового литья Балкано-Дунайской традиции в древнем Новгороде // У истоков русской государственности: к 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции: историко-археологический сборник: материалы междунар. науч. конф. (4–7 октября 2005 г., Великий Новгород) / Отв. ред. Е.Н. Носов, А.Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 268–279.

Пескова А.А., *Егорьков А.Н.* Византийский крест-реликварий на Рюриковом городище // Диалог культур и народов средневековой Европы / Отв. ред. А.Е. Мусин, Н.В. Хвощинская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 53–61.

ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001. 496 с.

Родина М.Е. Находки с селищ у с. Тарбаево близ Суздаля в собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы науч. семинара. Вып. 4 / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2012. С. 86–94.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М.: Наука, 1981. 193 с.

Уханова И.К. Паломнические реликвии XII–XIX веков из собрания Эрмитажа // Пилигримы: Историко-культурная роль паломничества: сб. науч. тр. СПб.: Изд-во ГЭ, 2001. С. 126–148.

Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). М.: Наука, 2002. 500 с.

King E.S. The date and provenance of a bronze reliquary cross in the Museo cristiano. Roma: Tipografia poliglotta Vaticana, 1928 (Atti della Pontificia Accademia romana di archeologia. Serie III. Memorie; II). 205 p.

Pitarakis B. Les croix-reliquaires pectorales byzantines en bronze. Paris: Picard, 2006 (Bibliothèque des Cahiers Archéologiques; vol. XVI). 446 p.

Purhonen P. Kristinuskon saapumisesta Suomeen. Uskontoarkeologinen tutkimus. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys, 1998. 146 s.

Staecker J. Rex regum et dominus dominorum. Die wikingerzeitlichen Kreuz – und Kruzifixanhänger als Ausdruck der Mission in Altdänemark und Schweden. Stockholm: Almquist & Wiksell International, 1999. 621 s.

Wulff O. Beschreibung der Bildwerke der christlichen Epochen. Bd. 3: Altchristliche und Mittelalterliche Byzantinische und Italienische Bildwerke. Teil 1: Altchristliche Bildwerke. Berlin: D. Reimer, 1909. 335 p.

NEW FINDS OF ENCOLPIONS OF THE 11th – THE FIRST QUARTER OF THE 13th CENTURY IN VELIKY NOVGOROD

Oleg M. Oleynikov

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

E-mail: olejnikov1960@yandex.ru

The paper presents the results of research on the enkolpion collection of the 11th – the first quarter of the 13th century discovered by the Novgorod archaeological expedition of the Institute of Archaeology RAS in the last 10 years. The collection includes 16 reliquary crosses, two of which represent new variants of small relief encolpions. A brief location survey, morphological description and iconographic characteristics of all the finds are given. The author shows the distribution dynamics of new finds of encolpions in the Novgorod cultural layer in the context of the formation of the Christian culture in Rus.

Keywords: Novgorod, cultural layer, enkolipions of the 11th – the first quarter of the 13th century, niello.

REFERENCES

Alexeyev L.V., 1974. Cast objects of portable art from some West Russian lands (crosses and icons of Belarus). *Sovet. Arkheol.*, 3, pp. 204–219. (In Russ.)

Astashova N.I., *Petrova L.A.*, *Saracheva T.G.*, 2013. Kresty-enkolpiony iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Encolpio crosses from the State Historical Museum collection]. Moscow: RIP-kholding. 319 p.

Astashova N.I., *Saracheva T.G.,* 2010. Chemical and technological study of ancient Russian relief encolpio crosses from the archaeological collection of the State Historical Museum. *Slavyano-russkoye yuvelirnoye delo i ego istoki* [*Slavic-Russian jewelry and its origins*]. St.Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 317–329. (In Russ.)

Atanasov G., *Yotov V.*, 1990. Encolpio crosses and medallions from an early medieval fortress near the settlement of Tsar Asen, Silistra. *Dobrudzha* [*Dobrudja*], 6(1989). Varna, pp. 81–97. (In Russ.)

Burganova M.A., 1998. Proizvedeniya drevnerusskoy melkoy plastiki XI–XX vekov v sobranii muzeya Moskovskogo gosudarstvenno-promyshlennogo universiteta im, pp.G. Stroganova: katalog [Portable art objects of Ancient Rus of the 11th – 20th centuries in the Museum of S.G. Stroganov Moscow State Industrial University: Catalogue]. Moscow. 101 l., 84 l. il.

Dubrovin G.E. Otchet Novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii o rabotakh na Nikitinskom raskope v g. Novgorode Velikom v 2004 g. [Report of the Novgorod archaeological expedition on the works at the Nikitinsky excavation site in Veliky Novgorod in 2004]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk* [*The Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences*], 2005, R-1, № 32297, 32298. (Unpublished)

Grigor'yeva O.V., 2015. Reliquary crosses from the princely residence on the Ryurik Gorodishche. *Arkheologicheskiye vesti* [*Archaeological News*], 21. E.N. Nosov., ed. St.Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 246–259. (In Russ.)

Gurevich F.D., 1981. Drevniy Novogrudok [Ancient Novogrudok]. Moscow: Nauka. 157 p.

Khrushkova L.G., 2002. Rannekhristianskiye pamyatniki Vostochnogo Prichernomor'ya (IV–VII veka) [Early Christian sites of the Eastern Black Sea region (the 4th – 7th centuries)]. Moscow: Nauka. 500 p.

King E.S., 1928. The date and provenance of a bronze reliquary cross in the Museo cristiano. Roma: Tipografia poliglotta Vaticana. 205 p. (Atti della Pontificia Accademia romana di archeologia. Serie III. Memorie, II).

Kolpakova Yu.V., 2008. On studying the topography of the finds of personal devotion objects in the ancient part of Pskov Middle City. *Arkheologiya i istoriya Pskova i pskovskoy zemli* [*Archaeology and history of Pskov and the Pskov land*]. I.K. Labutina, ed. Pskov, pp. 108–124. (In Russ.)

Konovalov A.A., Eniosova N.V., Mitoyan R.A., Saracheva T.G., 2008. Tsvetnyye i dragotsennyye metally i ikh splavy na territorii Vostochnoy Evropy v epokhu srednevekov'ya [Non-ferrous and precious metals and their alloys in the territory of Eastern Europe in the Middle Ages]. Moscow: Vostochnaya literatura. 191 p.

Korzukhina G.F., 1958. On the sites of the "Chersonese art works" in Rus. *Vizantiyskiy vremennik* [*Byzantine Chronicler*], 14. Moscow, pp. 129–137. (In Russ.)

Korzukhina G.F., Peskova A.A., 2003. Drevnerusskiye enkolpiony. Nagrudnyye kresty-relikvarii XI–XIII vv. [Encolpios of Ancient Rus. Pectoral reliquary crosses of the 11th – 13th centuries]. St.Petersburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye. 432 p.

Makarov N.A., Fedorina A.N., 2008. On the finds of encolpio crosses in Suzdal settlements. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: materialy nauchnogo seminara* [*Archaeology of the Vladimir-Suzdal land: Proceedings of the scientific seminar*], 2. N.A. Makarov, S.V. Shpolyanskiy, eds. Moscow: Izdatel'stvo IA RAN, pp. 137–146. (In Russ.)

Makarov N.A., Zaytseva I.E., 2017. Encolpio crosses with niello from Suzdal Opolye. *Trudy V (XXI) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"yezda v Barnaule – Belokurikhe* [*Proceedings of the 5th (XXI) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul – Belokurikha*]. A.P. Derevyanko, A.A. Tishkin, eds. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo universiteta, pp. 193–197. (In Russ.)

Menuku-Adameshtianu G., Poll I., 2010. Encolpio crosses found in Isaccea, Tulcea district. *Slavyano-russkoye yuvelirnoye delo t ego istoki: materialy mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya Gali Fedorovny Korzukhinoy* [*Slavic-Russian jewelry making and its origins: Proceedings of the international conference dedicated to the 100th anniversary of Gali F. Korzukhina*]. St.Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 381–395. (In Russ.)

Musin A.E., 2002. Khristianizatsiya novgorodskoy zemli v IX–XIV vekakh. Pogrebal'nyy obryad i khristianskiye drevnosti [Christianization of the Novgorod land in the 9th – 14th centuries. Burial

rite and Christian antiquities]. St.Petersburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye. 272 p.

Musin A.E., 2009. Pilgrimage in Ancient Rus: historical concepts and archaeological realia. *Archeologia abrahamica: Issledovaniya v oblasti arkheologii i khudozhestvennoy traditsii iudaizma, khristianstva i islama* [*Archeologia abrahamica: Studies in archaeology and the artistic tradition of Judaism, Christianity and Islam*]. L.A. Belyayev, ed. Moscow: Indrik, pp. 231–272. (In Russ.)

Musin A.E., Toropova E.V., Toropov S.E., 2002. Christian antiquities of Staraya Russa (issues of topography and archaeological context). *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya* [*Novgorod and the Novgorod land. History and archaeology*], 16. V.L. Yanin, ed. Velikiy Novgorod: Novgorod, pp. 174–187. (In Russ.)

Nedoshivina N.G., 1990. On one type of cruciform pendants of Ancient Rus. *Problemy arkheologii Evrazii* (*po materialam GIM*) [*Issues of the Archaeology of Eurasia* (*based on materials of the State Historical Museum*)]. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 102–106. (Trudy GIM, 74). (In Russ.)

Nosov E.N., 2007. Thirty years of excavation in Gorodishche: results and prospects. *U istokov russkoy gosudarstvennosti: k 30-letiyu arkheologicheskogo izucheniya Novgorodskogo Ryurikova Gorodishcha i Novgorodskoy oblastnoy arkheologicheskoy ekspeditsii: istoriko-arkheologicheskiy sbornik: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (*2005*) [*The origins of Russian statehood: to the 30th anniversary of the archaeological research on the Novgorod Ryurik Gorodishche and the Novgorod regional archaeological expedition: Collected articles on history and archaeology: Proceedings of the international scientific conference* (*2005*)]. E.N. Nosov, A.E. Musin, eds. St.Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 23–58. (In Russ.)

Nosov E.N., Plokhov A.V., Khvoshchinskaya N.V., 2017. Ryurikovo gorodishche. Novyye etapy issledovaniya [Ryurik Gorodishche. New stages of research]. St.Petersburg: Dmitriy Bulanin. 288 p.

Oleynikov O.M., 2011. Preliminary results of excavations in the northwestern part of Lyudin konets of medieval Novgorod in 2008 (Desyatinny excavation sites I, III, IV). *Trudy II* (*XVIII*) *vserossiyskogo arkheologicheskogo s"yezda v Suzdale* [*Proceedings of the 2nd* (*XVIII*) *All-Russian Archaeological Congress in Suzdal*], IV. A.P. Derevyanko, N.A. Makarov, eds. Moscow: IA RAN, pp. 102–106. (In Russ.)

Oleynikov O.M., 2018. New finds of encolpions of the second half of the 13th–15th centuries in Veliky Novgorod. *KSIA* [*Breit Communications of the Institute of Archaeology*], 251, pp. 278–290. (In Russ)

Peskova A.A., 2001. Pilgrimage relics of the Holy Land in a town in ancient Rus. *Piligrimy: Istoriko-kul'turnaya rol' palomnichestva: sbornik nauchnykh trudov* [*Pilgrims: The historical and cultural role of pilgrimage: Collected papers*]. St.Petersburg: Izdatel'stvo GE, pp. 113–126. (In Russ.)

Peskova A.A., 2005. Encolpio crosses of Ancient Rus of the 11th – 13th centuries in the framework of the Byzantine tradition. *Stavrograficheskiy sbornik* [*Staurographic collection of articles*], *3. Krest kak lichnaya svyatynya* [*Cross as a personal relic*]. S.V. Gnutova, ed. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskoy Patriarkhii, pp. 134–183. (In Russ.)

Peskova A.A., 2007. Cast cult objects of the Balkan-Danube tradition in ancient Novgorod. *U istokov russkoy gosudarstvennosti: k 30-letiyu arkheologicheskogo izucheniya Novgorodskogo Ryurikova Gorodishcha i Novgorodskoy oblastnoy arkheologicheskoy ekspeditsii: istoriko-arkheologicheskiy sbornik: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (*2005*) [*The origins of Russian statehood: to the 30th anniversary of the archaeological research on the Novgorod Ryurik Gorodishche and the Novgorod regional archaeological expedition: Collected articles on history and archaeology: Proceedings of the international scientific conference* (*2005*)]. E.N. Nosov, A.E. Musin, eds. St.Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 268–279. (In Russ.)

Peskova A.A., Egor'kov A.N., 2010. A Byzantine reliquary cross in Ryurik Gorodishche. *Dialog kul'tur i narodov srednevekovoy Evropy* [*Dialogue of cultures and peoples of medieval Europe*]. A.E. Musin, N.V. Khvoshchinskaya, eds. St.Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 53–61.

Pitarakis B., 2006. Les croix-reliquaires pectorales byzantines en bronze. Paris: Picard. 446 p. (Bibliothèque des Cahiers Archéologiques, XVI).

Polnoye sobraniye russkikh letopisey [The Complete Collection of Russian Chronicles], 1. Lavrent'yevskaya letopis' [Laurentian Chronicle]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2001. 496 p. (In Russ.)

Purhonen P., 1998. Kristinuskon saapumisesta Suomeen. Uskontoarkeologinen tutkimus. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys. 146 p.

Rodina M.E., 2012. Finds from settlements at the village of Tarbaevo near Suzdal in the collection of the Vladimir-Suzdal Museum-Preserve. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: materialy nauchnogo seminara* [*Archaeology of the Vladimir-Suzdal land: Proceedings of the scientific seminar*], 4. N.A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN; St.Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 86–94. (In Russ.)

Sedova M.V., 1981. Yuvelirnyye izdeliya drevnego Novgoroda [Objects of ancient Novgorod jewelry art]. Moscow: Nauka. 193 p.

Staecker J., 1999. Rex regum et dominus dominorum. Die wikingerzeitlichen Kreuz – und Kruzifixanhänger als Ausdruck der Mission in

Altdänemark und Schweden. Stockholm: Almquist & Wiksell International. 621 p.

Ukhanova I.K., 2001. Pilgrimage relics of the 12th – 19th centuries from the Hermitage collection. *Piligrimy: Istoriko-kul'turnaya rol' palomnichestva: sbornik nauchnykh trudov* [*Pilgrims: The historical and cultural role of pilgrimage: Collected papers*]. St.Petersburg: Izdatel'stvo GE, pp. 126–148. (In Russ.)

Wulff O., 1909. Beschreibung der Bildwerke der christlichen Epochen, 3. Altchristliche und Mittelalterliche Byzantinische und Italienische Bildwerke, 1. Altchristliche Bildwerke. Berlin: D. Reimer. 335 p.

Zakharov S.D., 2004. Drevnerusskiy gorod Beloozero [The town of Beloozero in Ancient Rus]. Moscow: Indrik. 592 p.

Zharnov Yu.E., 2000. Figurative copper-casting art according to the excavations at the "priest's estate" in Vladimir-on-Klyazma. *Ross. Arkheol.*, 1, pp. 183–193. (In Russ.)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2019, № 1, с. 177–186

ИСТОРИЯ НАУКИ

АЛЕКСЕЙ СТЕПАНОВИЧ БАШКИРОВ В ЯРОСЛАВЛЕ

© 2019 г. Е.С. Данилов

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия

E-mail: explorator@list.ru

Поступила в редакцию 16.04.2018 г.

31 июля 2018 г. исполнилось 55 лет со дня кончины Алексея Степановича Башкирова (1885–1963 гг.), историка и археолога, считающегося одним из основателей отечественной палеосейсмологии. В статье рассматривается семнадцатилетний период пребывания профессора в стенах Ярославского государственного педагогического института. Автор уделяет внимание преподавательской деятельности и публикационной активности ученого в послевоенные годы.

Ключевые слова: А.С. Башкиров, Ярославский государственный педагогический институт им. К.Д. Ушинского, антиковедение, историография.

DOI: 10.31857/S086960630004123-4

Уроженец Казанской губернии, выпускник Санкт-Петербургского университета, доктор исторических наук, профессор Алексей Степанович Башкиров (1885–1963 гг.) известен как культуролог, этнограф и искусствовед. Не менее значимой была его деятельность на поприще антиковедения (изучение антисейсмизма древней архитектуры) и археологии (принимал участие в раскопках Ольвии, Херсонеса Таврического, Патрея и других памятников). За долгие творческие годы Алексей Степанович стал заметной фигурой в университетских кругах Москвы, Самары, Саратова, Твери и Ярославля[1]. Проследим на основе архивных материалов (ГАЯО, ИА РАН) факты научно-педагогической активности профессора А.С. Башкирова в период его пребывания на Верхней Волге (1945–1962 гг.).

В 1940-е годы Ярославский государственный педагогический институт переживал известные трудности: неукомплектованность профессорско-преподавательского состава, невыполнение учебного плана, неудовлетворительное хозяйственное обслуживание, перебои в освещении и отоплении (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 799. Л. 12).

Дефицит кадров стал одним из факторов, сдерживающих развитие вуза в послевоенный период. Из 204 преподавателей, предусмотренных штатным расписанием в 1945/1946 учебном году, фактически были только 170, в том числе из предусмотренных планом 24 профессоров работали только 16, из 93 доцентов – лишь 39. Руководство института принимало энергичные меры по доукомплектованию кадров профессорско-преподавательского состава (Новиков, 1998. С. 46, 51; Еремин, Ермаков, Новиков, Талашов, 2008. С. 165).

Судя по отчетам работы института, А.С. Башкиров числился профессором на кафедре всеобщей истории ЯГПИ с осени победного 1945 г.[2] Почти сразу на окончание и защиту докторской диссертации ему были выделены ассигнования из госбюджета в размере 1500 рублей (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 819. Л. 4, 56, 121). Кроме того, он неоднократно командировался в союзные республики Закавказья для участия в археологических раскопках (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 799. Л. 69; Д. 805. Л. 89).

[1] Автор выражает признательность за помощь, оказанную в сборе материалов, аспиранту СПбГУ И.А. Барсуковой, бакалавру ЯрГУ им. П.Г. Демидова Г.П. Харитонову, научному сотруднику Отдела средневековой археологии ИА РАН В.Н. Чхаидзе. О карьере А.С. Башкирова и его связях с рядом научных учреждений СССР см.: (Пятшева, 1963; Малов, 2006. С. 7, 8, 13–15; Иванушкина, 2009; Длужневская, 2014. С. 53, 115, 120; Ткачев, 2015. С. 204, 209; Винокуров, 2016; Воробьева, 2017. С. 20–22; Корсаков, 2017. С. 46–48; Кузьминых, Белозерова, 2017. С. 196–202).

[2] Согласно отчету декана Л.М. Кантора, переговоры с А.С. Башкировым велись еще летом 1945 г. (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 799. Л. 24, 35).

Исследуя “Атисейсмизм древней архитектуры”, профессор координировал свою работу с рядом научных учреждений Москвы: ИИМК АН СССР, Академией Архитектуры СССР, Сейсмологическим институтом АН СССР (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 805. Л. 81). Тезисы и отдельные главы своей диссертации, защищенной 30 декабря 1946 г. в ЛГУ им. А.А. Жданова (Кирикова, Таубина, 1955. С. 168), а также статьи по смежным темам А.С. Башкиров опубликовал в “Ученых записках ЯГПИ” (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 817. Л. 31; Оп. 6. Д. 9. Л. 4-5, 30-31, Д. 223. Л. 95)[3].

В январе 1946 г. А.С. Башкиров стал заведующим кафедры всеобщей истории, заменив на этой должности славяноведа Дмитрия Леонидовича Похилевича. Под его руководством кафедра поставила цель связать свою работу с основным педагогическим профилем института, уделяя больше внимания разработке таких тем, как “История педагогических учений” и “История эстетического воспитания”. В рамках этих направлений А.С. Башкиров принял на себя обязательства подготовить очерк о традициях воспитания греков, начиная с архаической эпохи (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 805. Л. 81).

Заслуживает внимание программа преобразований на факультете, составленная Алексеем Степановичем к середине 1946 г. (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 805. Л. 85-87). Не все предложения нового заведующего кафедрой были приняты руководством факультета, но их список демонстрирует давно назревшие проблемы:

1. Введение латинского языка как обязательного предмета на I курсе и в первом семестре II курса;

2. Введение греческого языка, хотя бы факультативно;

3. Введение курса краеведения с археологическим и архивным практикумом для историка;

4. Уменьшить число студентов в группах на практических занятиях до 20 человек, на семинарских и на курсовых занятиях – до 15;

5. Уменьшить количество часов нагрузки для преподавательского состава;

6. Развернуть трехгодичную аспирантуру количеством до девяти аспирантов (по три на основные предметы: Древняя история, История Средних веков, Новая история);

7. Открыть заочную аспирантуру по кафедре всеобщей истории;

8. Развернуть научно-экспедиционную работу путем прикомандировки студентов к экспедициям республиканского и союзного значения; экскурсионную работу по музеям Москвы, Ленинграда, юга СССР;

9. Расширить научные командировки строготематического порядка в столицы СССР и заграницу, хотя бы в славянские страны;

10. Приглашать с докладами и лекциями на отдельные актуальные темы по всеобщей истории передовых в науке ученых;

11. Углубить профиль научных работ кафедры в соответствии с профилем института как педагогического;

12. Организовать консультативное бюро по всеобщей истории для преподавателей средней школы, а также для желающих повысить свою квалификацию научных работников;

13. Пополнить кабинет всеобщей истории учебниками, хрестоматиями, иллюстративными материалами[4];

14. Организовать издания документов малым форматом для практических и семинарских работ;

15. Кафедра считает необходимым печатать ее работы без ненужных промедлений.

Эти и другие проблемы постоянно всплывали в официальных отчетах, докладных записках и заявлениях на имя директора института Николая Григорьевича Чванкина (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп 5. Д. 817. Л. 10; Оп. 6. Д. 9. Л. 29, Д. 16. Л. 2, Д. 223. Л. 63). Особенно настойчиво профессор добивался расширения часов преподавания древних языков для студентов и аспирантов (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 9. Л. 75, 90, 91, Д. 223. Л. 9-11, 115, 121). ЯГПИ имел среди своих сотрудников двух филологов-классиков, доцента Ф.Ф. Грищенко и

[3] См. также: (Башкиров, 1945; 1947; Пичета, 1946. С. 123) “К сожалению, труды А.С. Башкирова остались малоизвестными. Количество ссылок на них в литературе историко-археологической направленности минимально” (Хапаев, 2012. С. 191).

[4] В 1956 г. кабинет всеобщей истории имел площадь 35 м^2, располагал 18 местами для занятий студентов и был оснащен инвентарем на сумму более 13 тыс. руб. (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 607. Л. 86). Но так было не всегда (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 376. Л. 27). А.С. Башкирову приходилось привозить для студентов книги из личной московской библиотеки (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 664. Л. 104).

старшего преподавателя Л.И. Тихфинского (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 223. Л. 9).

Оставаясь совместителем и имея в разные годы от 64 до 660 часов нагрузки (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 223. Л. 19, 185, Д. 260. Л. 10, Д. 357. Л. 10-13, Д. 500. Л. 35, Д. 556. Л. 10-11, Д. 607. Л. 9-10, Д. 650. Л. 13, 15, Д. 664. Л. 68), А.С. Башкиров тем не менее смог погрузиться в антиковедческую тематику. Из предметов, преподаваемых А.С. Башкировым в стенах ЯГПИ известны следующие: вторая часть курса "Истории Древнего мира" – Греция и Рим (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 9. Л. 117-118, Д. 753. Л. 82)[5]; спецкурс "Раскопки советских археологов в Закавказье" (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 75. Л. 2); спецкурс/спецсеминар "Античный мир на Юге СССР"[6]; спецкурс "Восстания рабов в Римском государстве" (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 799. Л. 64, 67), позднее переросший в спецсеминар "Революционные восстания в древнем Риме"; спецкурс "Древнейшая история Верхнего Поволжья и Окского бассейна" (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 522. Л. 83-84); спецсеминар "Архитектура Юга СССР в древности" (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 65. Л. 26); общеинститутские факультативные курсы "Культура и искусство античного мира" (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 805. Л. 88; Оп. 6. Д. 297. Л. 69), "Археология СССР" (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 75. Л. 2, Д. 577. Л. 55). Студенческие работы из числа представленных на семинарах А.С. Башкирова неоднократно печатались в "Ученых записках ЯГПИ" (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 817. Л. 16). Внедрение в учебное расписание как можно большего количества семинаров и спецкурсов, по мнению профессора, способствовало успешной сдаче экзаменов (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 817. Л. 44).

А.С. Башкиров неоднократно делал доклады на открытых заседаниях кафедры, в общеинститутском лектории; выступал для учащихся школ (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 9. Л. 31, Д. 223. Л. 97, 133, Д. 753. Л. 83, Д. 823. Л. 74), например по таким сюжетам, как "Рабочие строительные организации в древнем Риме" (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 805. Л. 80), "Славянские памятники Таманского полуострова" (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 223. Л. 37), "Достижения советской археологии за 30 лет" (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 75. Л. 1).

Среди коллег А.С. Башкирова, также временно проживающих в Ярославле[7], следует выделить еще одного антиковеда – доцента Пикуса Николая Николаевича. Он занимался проблемой социально-экономических отношений в эллинистическом Египте (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 819. Л. 4, 30, 55, 120; Оп. 6. Д. 65. Л. 26, 65, Д. 75. Л. 4, 6). Читал лекции по истории Древнего мира (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 799. Л. 12; Оп. 6. Д. 65. Л. 66, Д. 75. Л. 3, Д. 121. Л. 9, Д. 165. Л. 7, Д. 260. Л. 11-12, Д. 811. Л. 33-34), проводил на III курсе спецсеминары "История афинского полиса" (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 799. Л. 13, 64, 67; Д. 805. Л. 74) и "История Пелопонесской войны" (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 65. Л. 25, Д. 75. Л. 2), вел спецкурс "История эллинизма" (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 381. Л. 127, 166), принимал экзамены (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 799. Л. 21, 36, 63; Оп. 6. Д. 9. Л. 109), участвовал в заседаниях кафедры (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 805. Л. 77). Одновременно Н.Н. Пикус состоял в докторантуре Института истории АН (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 805. Л. 65)[8].

К преподаванию истории Древнего мира был причастен и Цебровский Константин Павлович. Именно он вел практические занятия у первокурсников (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 799. Л. 12; Д. 805. Л. 78-79; Оп. 6. Д. 165. Л. 13, Д. 223. Л. 179). Сначала заменяя старшего преподавателя А.И. Кубанову, дописывавшую под руководством С.И. Ковалева кандидатскую диссертацию про Секста Помпея (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 805. Л. 63а), а потом на постоянной основе (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 805. Л. 97; Оп. 6. Д. 133. Л. 13, Д. 165. Л. 13). К.П. Цебровский занимался историей экономического развития и системы образования Ярославской губернии (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 133. Л. 59, Д. 383. Л. 21-22, Д. 490. Л. 21, Д. 577. Л. 2).

[5] Иногда приходилось читать историю первобытного общества и Древнего Востока (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 664. Л. 103).

[6] В спецкурсе упор был сделан на культуру, а в спецсеминаре – на экономику и государственное устройство (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 309. Л. 77-78). В отчете за второй семестр 1946/47 учебного года зафиксированы также спецкурс "Античность и средневековье Юга СССР" и спецсеминар "Доистория и античность на территории СССР" (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 9. Л. 29). В протоколе кафедры от 25. XII. 1953 г. – "История античного мира Юга СССР" (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 522. Л. 42).

[7] "Периодически наезжали из Москвы" также востоковед Борис Николаевич Заходер и русист Исай Петрович Шмидт (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 799. Л. 12).

[8] В биографических заметках о Пикусе его работа в ЯГПИ не упоминается. См.: Пикус, 1967; Кузищин, 1972.

На заочном отделении в 50-е годы древнюю историю преподавала к.и.н., доцент Тихонова Ариадна Анатольевна. Выпускница истфака МГУ им. М.В. Ломоносова, она была известна как специалист по истории Персии XIX в. (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 607. Л. 16, 85, Д. 664. Л. 68, 103).

Кандидат исторических наук, доцент (и.о. профессора) В.Д. Преображенский в связи с сокращением числа штатных сотрудников в 1951/52 учебном году также привлекался к занятиям по истории Древнего мира. Валериан Дмитриевич изучал франко-русские отношения XVI–XVII вв. (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 819. Л. 4, 57, 122; Оп. 6. Д. 381. Л. 108, 119, 153).

В первые послевоенные годы на кафедре работали медиевисты А.И. Поляков (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 819. Л. 52, 117) и З.И. Рогинский (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 819. Л. 58, 123)[9], востоковед М.Д. Каневский (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 799. Л. 69), новисты Л.М. Кантор (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 819. Л. 4) и М.И. Фриман (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 805. Л. 82).

Совмещая административные обязанности и преподавательскую нагрузку, А.С. Башкиров также руководил работой кабинета всеобщей истории; участвовал в заседаниях Ученого совета института, партийных и профсоюзных собраниях; состоял в редколлегии сборника "Ученые записки"; являлся председателем Государственной экзаменационной комиссии; был пропагандистом ДОСААФ (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 805. Л. 89; Оп. 6. Д. 522. Л. 86, 88, Д. 607. Л. 95, 100, 107, Д. 664. Л. 105, 106, Д. 753. Л. 83).

В 1944 г. в ЯГПИ возобновила работу аспирантура. Наибольшее количество диссертаций было защищено аспирантами кафедры всеобщей истории (Еремин, Ермаков, Новиков, Талашов, 2008. С. 173). Руководство института высоко оценивало работу А.С. Башкирова с аспирантами (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 817. Л. 7), отзывалось о нем как о высококвалифицированном преподавателе (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 817. Л. 15). Среди ярославских учеников профессора стоит упомянуть трех историков.

И. Н. Сосновкин в студенчестве интересовался историей древнегреческой архитектуры (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 133. Л. 56). В ноябре 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию в МОПИ на тему "История патриархального рода в Западном Закавказье и Осетии" (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 223. Л. 2. Д. 381. Л. 83, 113, 120, 132. Д. 420. Л. 11, 51, 52. Д. 522. Л. 114). Какое-то время он работал секретарем кафедры всеобщей истории (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 223. Л. 10, 122).

В. И. Горемыкина участвовала в раскопках в Северо-Восточном Причерноморье и являлась заместителем А.С. Башкирова по научным вопросам. В полевых условиях Горемыкина фиксировала объекты и составляла описи находок. Под руководством профессора она написала диссертацию "Боспорское царство в I–II вв. н.э." и защитила ее в ЛГУ в сентябре 1952 г. (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 133. Л. 76. Д. 223. Л. 21, 87, 102, 121. Д. 309. Л. 32, 44, 45, 68, 91, 114, 115. Д. 381. Л. 83, 181. Д. 420. Л. 52. Д. 607. Л. 83; Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 506. Л. 1).

В аспирантуре С.И. Большакову была поставлена задача изучить "Социальную опору диктатуры Цезаря" (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 133. Л. 44, 48,49). Но он не написал диссертацию в назначенный срок (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 9. Л. 31. Д. 223. Л. 86, 177–179). Возможно, сказывались его занятость в качестве внештатного лектора обкома ВЛКСМ, участие в кружковой работе, в деятельности кафедры и увлечение раскопками (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 133. Л. 19, 75, 76; Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 249. Л. 17).

Велика была роль А.С. Башкирова как вдохновителя и организатора в проведении Таманско-Керченской археологической экспедиции. Она осуществлялась в отдельные сезоны между 1947 и 1962 гг., в июле и первой половине августа, для изучения античных культур в пределах Северо-Восточного Причерноморья, Юго-Западного Приазовья и Нижнего Прикубанья, а также истории Тмутараканского княжества. С 1948 г. экспедиция проводилась Научным объединением кафедр исторических факультетов Московского городского педагогического института им. В.П. Потемкина, Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина, ЯГПИ им. К.Д. Ушинского и Калининского ГПИ им. М.И. Калинина. Состав Научного объединения не был постоянным и периодически

[9] В.Д. Преображенский и З.И. Рогинский начали работать в ЯГПИ почти одновременно с А.С. Башкировым (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 799. Л. 71; Д. 817. Л. 4). По воспоминаниям профессора ТюмГУ Данилова Владимира Алексеевича (1929–2006 гг.), в 1947–1951 гг. учившегося в ЯГПИ, "профессора Башкиров, Преображенский, доценты Штракс, Пикус" приезжали из Москвы для чтения лекций на одну-две недели раз в месяц (Данилов, 2001. С. 204).

обновлялся. Основные стационарные работы были сосредоточены на городище Патрей, расположенном на северном берегу Таманского залива[10]. Так, согласно архивным документам, в сезоне 1950 г. от ЯГПИ кроме профессора участвовали два аспиранта и семь студентов. А.С. Башкиров составил смету расходов на сумму в 17 780 руб., намереваясь, как это было в 1949 г., взять с собой 13 студентов и нанять 10 рабочих на месте. Однако пришлось ограничиться 10 520 руб. Примечательно, что отдельным пунктом были запланированы транспортные издержки, связанные с ознакомительным объездом раскопок полисов Боспорского царства: Пантикапей, Мирмекий, Тиритака, Нимфей, Илурат, Гермонасса, Фанагория (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 223. Л. 20-24, 101)[11]. Студенты знакомились также с античными музейными коллекциями Керчи и Краснодара (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 223. Л. 100-101)[12]. После камеральной обработки найденные артефакты временно демонстрировались на витринах в кабинете всеобщей истории (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 133. Л. 66. Д. 223. Л. 88. Д. 297. Л. 35). Учащиеся могли узнать о результатах раскопок в студенческом рукописном журнале-бюллетене “Историк”, который редактировался доцентом З.И. Рогинским (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 223. Л. 102, 108). Работа экспедиции вызывала живейший интерес и освещалась в периодической печати (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 223. Л. 84).

Все участники описанной экспедиции составляли актив студенческого научного кружка по истории древнего мира (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 121. Л. 20. Д. 133. Л. 2, 64, 74. Д. 213. Л. 40. Д. 223. Л. 44, 52, 96, 102, 148, 186. Д. 522. Л. 72. Д. 607. Л. 90). Большая часть докладов, прозвучавших на этом кружке, была написана на основе материалов раскопок. По количеству вовлеченных в работу студентов кружок А.С. Башкирова опережал кружки профессора В.Д. Преображенского по истории средних веков и доцента Л.М. Кантора по истории нового времени (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 223. Л. 83). На некоторых заседаниях присутствовали до 40 человек (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 133. Л. 53, 65). Алексей Степанович вывозил кружковцев в дни каникул на экскурсии в Государственный Эрмитаж и ИИМК им. Н.Я. Марра (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 223. Л. 130).

Профессор понимал значимость воспитательной работы со студентами, считал, что преподавателям нужно посещать студенческие вечера, где молодежь предстает в другом свете (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 607. Л. 104). Ему время от времени приходилось наводить дисциплину, особенно когда в студенческой среде распространялись разные “прожекты” по перестройке советской высшей школы: о свободном посещении вуза, о своеобразном понимании дней для самостоятельной подготовки и т.п. (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 664. Л. 104, 105).

Не всегда Алексей Степанович слышал только похвалы. То вдруг появится критическая статья о его работах, и по этому поводу кафедра собирается на специальное заседание (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 223. Л. 75), то ему поставят в вину “известный либерализм” и “недостаточную требовательность” при руководстве аспирантами (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 223. Л. 87, 123), то посетуют, что он мало внимания уделяет заочному отделению (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 817. Л. 37, Д. 820. Л. 24, 85, Д. 823. Л. 17). Заметка с язвительным названием “О землетрясениях и потрясениях” из “Учительской газеты” от 8 октября 1949 г. была тщательно изучена коллегами Башкирова, так как бросала тень на редакцию “Ученых записок” двух институтов: МГПИ им. В.П. Потемкина и ЯГПИ[13]. Через две

[10] А.С. Башкиров осматривал Патрейское городище еще в 1926–1927 гг., а в 1928 г. провел на нем первые раскопки (Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 165. Л. 2; № 249. Л. 5, 7). См. также: (Батасова, 2016. С. 30–32).

[11] В экспедиционной работе 1949 г. участвовал В.С. Латышев (1919–2004 гг.) – студент исторического факультета ЯГПИ (Башкиров, 1957. С. 311). По окончании института Виктор Сергеевич был направлен в среднюю школу № 36 г. Ярославля, где и проработал 54 года. В 1962 г. при школе им был создан музей, в котором с 2012 г. хранится фотоархив В.С. Латышева: около 500 стеклянных негативов и приблизительно 40 тыс. пленочных кадров. Примерно 20 негативов передают атмосферу, царившую в экспедиции А.С. Башкирова. На одном из них запечатлен профессор в окружении 14 студентов у дромоса Царского кургана. Данные фотодокументы нуждаются в отдельном и тщательном исследовании.

[12] Находки экспедиции предназначались для постоянного хранения в Керченском государственном историко-археологическом музее им. А.С. Пушкина, куда направлялись после полной обработки (Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 249. Л. 2).

[13] Ведущий рубрики “Из последней почты” А. Петров делился выдержками из статьи «Еще раз об “Ученых записках”», вышедшей 27 сентября 1949 г. в газете МГПИ им. В.П. Потемкина “За педагогические кадры”. По мнению институтского корреспондента, в книге А.С. Башкирова “отсутствует сколько-нибудь глубокий анализ исторических социальных условий древнего мира, определивших непревзойденные

недели заведующий кафедрой всеобщей истории М.И. Фриман призвал подвергнуть “большевистской критике” недостатки кафедры в целом и “отдельных ее работников”[14]. Н.Н. Пикус высказал свои замечания к труду А.С. Башкирова “Антисейсмизм древней архитектуры. I. Восток”. Он отметил в нем ряд методологических ошибок: некоторые вопросы были освещены в отрыве от общественно-экономических условий развития общества; ссылки на положения классиков марксизма-ленинизма не раскрываются автором применительно к теме исследования; местами применяется неправильная терминология; отсутствуют сноски на определенные издания. В заключение доцент Пикус отметил, что корни ошибок профессора Башкирова находятся в его “объективистском отношении к буржуазным работам, которые он изучал некритически”, фактически Николаю Николаевичу пришлось повторить то, что он писал годом ранее для “Вестника древней истории” (Пикус, 1948)[15]. Доцент С.Б. Горелик поставил вопрос о том, имеет ли отношение рассматриваемая публикация к исторической науке. З.И. Рогинский попросил определить, на какого читателя рассчитано данное исследование, поскольку текст трудно читается и не может быть воспринят студентом-историком. Алексей Степанович обещал исправить свои ошибки в дальнейшей научной работе и при переиздании уже напечатанных материалов. Перед этим он указал на несколько положительных отзывов, полученных, в частности, от профессора С.В. Киселева и академика В.В. Струве; вспомнил, что сочинители прежних негативных рецензий тоже делали упор на методологию, но в деталях проявляли неосведомленность; подчеркнул значимость своей книги для практических целей строителей южных районов СССР. Тем не менее в решении кафедры признавалось ошибочным опубликование в “УЗ ЯГПИ” работ А.С. Башкирова (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 223. Л. 164-169). Осенью 1949 г. никто не вспомнил, что в ноябре 1948 г. те же Пикус и Фриман просили Ученый Совет ЯГПИ рассмотреть ходатайство кафедры всеобщей истории о представлении докторской диссертации Башкирова на соискание Сталинской премии. Алексей Степанович лишь тактично через свои контраргументы напомнил коллегам содержание их прежних хвалебных слов (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 133. Л. 19-20). С чем связаны были подобные нападки? Вероятно, местные партийные органы усмотрели в статье (между прочим, официального печатного издания Министерства просвещения) указание на новый виток травли Башкирова[16]. Такая мысль могла возникнуть, учитывая предыдущий арест и ссылку профессора в 30-х годах. Ведь он был окончательно реабилитирован только в 1955 г. К тому же, в конце 40-х годов в прессе активно развернулась “борьба с космополитизмом”, что тоже не добавляло здравого смысла при интерпретации тех или иных опубликованных рецензий. С другой стороны, не исключено, что само заседание кафедры, критические речи, прозвучавшие на нем, и подробный протокол заседания были лишь вынужденной формальностью, которая не отражала реальных взаимоотношений в преподавательском коллективе. По крайней мере, когда осенью 1953 г. Алексей Степанович вновь стал заведующим кафедрой всеобщей истории, он в своем вступительном слове поблагодарил М.И. Фримана за его работу и отметил его товарищеское отношение к членам кафедры (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 522. Л. 2, 28).

В 1950-е годы А.С. Башкиров заинтересовался историей первобытного общества Верхнего Поволжья и Окского бассейна (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 522. Л. 1, 28, 79). Он выступал против урезания часов по археологии,

формы архитектуры древней Греции”. За “антиисторической концепцией” профессора стоит буржуазная теория Артура Эванса, который движущей силой истории считает не борьбу классов, а землетрясения. Журналист “Учительской газеты” обвинил А.С. Башкирова в неправильном цитировании Маркса и Энгельса, а также посчитал необходимым дальнейшее обсуждение исследования Алексея Степановича в рамках кафедры истории древнего мира и Ученого Совета МГПИ им. В.П. Потемкина. “Каким образом из стен столичного вуза выходят книги, дискредитирующие его научную работу?” (Петров, 1949).

[14] Отчет преподавателя Т.П. Тимофеевой о научной командировке в Москву, поставленный в повестку того же заседания кафедры 22 октября 1949 г., явно не был тем животрепещущим вопросом, ради которого собрались 17 преподавателей и аспирантов.

[15] Кстати, 21 сентября 1949 г. Н.Н. Пикус выступал на заседании секции учителей-историков г. Ярославля с двухчасовым докладом, критикуя учебник по истории Древнего мира профессора Л.В. Мишулина (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 223. Л. 190-193). См. также: (Башкиров, 1948; 1949; Сокольский, 1949).

[16] Известна еще одна хлесткая статья, направленная против книги А.С. Башкирова об искусстве Дагестана (Тревер, 1932). 15 января 1935 г. историка арестовали, после чего он на три года был сослан в Казахстан. См.: (Формозов, 2006. С. 230–235).

подготовив сборник лекций объемом в 6 печатных листов с сотней рисунков, а также альбом наглядных пособий в 20 печатных листов (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 577. Л. 55, 57, 59, 66). В конце 1953 г. кафедра всеобщей истории включилась в проект по изучению древнейшей истории Ярославского края (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 522. Л. 30-32). Летом 1956 г. были проведены первые раскопки при участии кафедры истории СССР, Ярославского областного краеведческого музея, Угличского краеведческого музея, Ярославского областного Института усовершенствования учителей и Государственного исторического музея Москвы. ЯГПИ предоставлял отряд студентов, а дополнительные средства на рабочих и оборудование – ГИМ и ЯОКМ. Середина 50-х – это время, когда А.С. Башкиров расширял профессиональные горизонты и подводил итоги предыдущих изысканий. К 1953 г. профессор подготовил "Патрэйский сборник", куда поместил свои археологические отчеты и статью об архитектурных сооружениях данного поселения[17]. На 1956 г. им было запланировано издание четырех монографий: "Археологические исследования на Таманском полуострове в 1949–1951 гг. по раскопкам древнего городища Патрэя" (вышла годом позже), "История эллинистического жилого комплекса Патрэйского акрополя (Из истории древнего городища Патрэя III – I вв. до н.э.)", "История древних архитектурных конструкций Южного Кавказа", "История первобытного общества Верхнего Поволжья и Окского края" (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 522. Л. 30. Д. 607. Л. 100. Д. 624. Л. 83-84).

При работе над последней из перечисленных книг Алексей Степанович взаимодействовал с коллегами-краеведами. Среди них к.и.н., доцент Резвый Николай Иванович с кафедры истории СССР (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 490. Л. 21. См.: Никифоров, 2016); к.и.н. Фехнер Мария Васильевна, сотрудница ГИМа (Аграфонов, Праздников, Спиридонова, 2009. С. 123–130); к.и.н. Мейерович Михаил Германович, заместитель директора по научной работе Ярославского краеведческого музея; будущий выдающийся археолог, к.и.н. Крайнов Дмитрий Александрович[18]. М.Г. Мейерович, приглашенный в 1954 г. читать на заочном отделении "Историю средних веков" (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 664. Л. 97), впоследствии тепло вспоминал А.С. Башкирова, отзываясь о нем как об известном ученом, неплохом и мягком человеке, который хорошо ладил с окружающими (2004. С. 136, 139).

Во второй половине 1950 – начале 60-х годов А.С. Башкиров работал над богато иллюстрированными рукописями: "Строительное дело, техника и искусство архитектуры Армении и Грузии", "История архитектурных конструкций Средней Азии", систематизировал данные о жилищном комплексе Патрейского акрополя[19], а также продолжал изучать материалы далекого прошлого Верхнего Поволжья (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 664. Л. 63, 66, 72, 73, 78, 87– 89, 94, 100–103, 107, 108. Д. 705. Л. 38, 45, 57. Д. 737. Л. 45. Д. 753. Л. 83). Кафедра всеобщей истории во время летних каникул все также проводила археологические исследования на территории Ярославской области и командировала группы молодежи на Тамань. Многие выпускники факультета, бывшие участники кружка А.С. Башкирова, сами стали учителями и помогали профессору в его краеведческих изысканиях (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 664. Л. 92, 111. Д. 737. Л. 43, 46). Правда, институт с течением времени все меньше отпускал средств на подобные экспедиции (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 664. Л. 96). Зато возник отдельный межкафедральный археологический кружок со своими активистами и новыми объектами для исследований (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 705. Л. 46, 55).

Семнадцать лет своей жизни отдал Алексей Степанович Башкиров педагогическому институту Ярославля. При нем сменилось пять деканов и два ректора. Придя на исторический факультет в тяжелые послевоенные годы,

[17] В составлении "Патрэйского сборника" участвовали 12 человек с 18 докладами. В него вошли материалы и исследования, охватывающие огромный период жизни древнего города – от VI в. до н.э. до XV в. н.э. Сборник был принят к печати на 1954 г. Московским областным педагогическим институтом (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 522. Л. 12, 17,18, 20,21, 28).

[18] В 1955 г. Дмитрий Александрович был приглашен в ЯГПИ читать на заочном отделении историко-филологического факультета курс археологии (ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 6. Д. 607. Л. 99, Д. 664. Л. 97). В 1951–1988 гг. вместо исторического факультета и факультета языка и литературы в ЯГПИ функционировал историко-филологический факультет (Новиков, 1998. С. 52).

[19] Личный состав Научного объединения по изучению античного городища в начале 1960-х годов включал восемь представителей ЯГПИ (Башкиров, Мурыгина, Никонов, 1964. С. 236. Прим. 1 (поименный состав участников экспедиции), С. 237. Прим. 1 (перечень публикаций, в которых отражены результаты раскопок 1925–1928, 1947–1951 гг.).

профессор А.С. Башкиров планомерно улучшал качество образования, способствовал развитию кружковой деятельности и интереса к археологической науке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аграфонов П.Г., *Праздников В.В.*, *Спиридонова Е.В.* История ярославской археологии. М.: Квадрига, 2009. 287 с.

Батасова А.В. Анализ системы греческого расселения на Таманском полуострове в VI – первой четверти V в. до н.э. Дисс. ...канд. ист. наук. СПб., 2016. 293 с.

Башкиров А.С. Антисейсмизм древней архитектуры. I. Египет // УЗ ЯГПИ. Вып. VII (XVII). 1945. С. 1–25.

Башкиров А.С. Антисейсмизм древней архитектуры. II. Месопотамия. III. Иран // УЗ ЯГПИ. Вып. X (XX). 1947. С. 1–89.

Башкиров А.С. Антисейсмизм древней архитектуры. 3. Италия. 4. Юг СССР // Ученые записки Калининского государственного педагогического института имени М. И. Калинина. Т. 14. Вып. 1-2. 1948. 400 с.

Башкиров А.С. Антисейсмизм древней архитектуры. II. Греция // Ученые записки Московского городского педагогического института им. В.П. Потемкина. Т. 13. Вып. 1. 1949. 337 с.

Башкиров А.С. Историко-археологические изыскания на Таманском полуострове в 1949–1951 гг. (на территории древнего города Патрэя) // УЗ ЯГПИ. Вып. XXII (XXXII). 1957. С. 311–382.

Башкиров А.С., *Мурыгина Н.Ф.*, *Никонов И.Е.* Отчет о раскопках древнего города Патрея (1961–1962 гг.) // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. № 217. 1964. С. 236–249.

Винокуров Н.И. Профессор А.С. Башкиров – археолог, историк, преподаватель (штрихи биографии) // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования / В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь: Соло-Рич, 2016. С. 92–118.

Воробьева И.Г. Преподавание всеобщей истории в Твери в 1917–2017 годах // Вестник ТвГУ. Серия “История”. 2017. № 3. С. 11–28.

Данилов В.А. 45 лет в высшей школе // Европа. 2001. № 1. С. 202–212.

Длужневская Г.В. Археологические исследования в европейской части России и на Кавказе в 1859–1919 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб.: Лема, 2014. 218 с.

Еремин А.В., *Ермаков А.М.*, *Новиков М.В.*, *Талашов М.В.* История ЯГПУ за 100 лет. Ярославль: ЯГПУ, 2008. 343 с.

Иванушкина С.А. Возрождение губернского музея в 1920-е годы // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2009. № 7 (73). С. 110–114.

Кирикова Н.Н., Таубина Е.П. Диссертации, защищенные в Ленинградском ордена Ленина государственном университете имени А. А. Жданова. 1934–1954 гг. Библиографический указатель. Л.: ЛГУ, 1955. 256 с.

Корсаков С.Н. Вопросы политической истории античности в работах В.С. Тарасенко // Вестник ТвГУ. Серия “История”. 2017. № 3. С. 45–59.

Кузищин В.И. Николай Николаевич Пикус // ВДИ. 1972. № 1. С. 274–275.

Кузьминых С.В., *Белозерова И.В.* А.С. Башкиров и археология Волжской Булгарии // Археология евразийских степей. 2017. № 1. С. 196–218.

Малов Н.М. Советская археология в Саратовском государственном университете (1918–1940): организационное становление, развитие и репрессии // Археология Восточно-Европейской степи: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4 / В.А. Лопатин. Саратов: Науч. книга, 2006. С. 4–28.

Мейерович М.Г. У меня появилась мечта... Ярославль: Изд-во Александра Рутмана, 2004. 283 с.

Никифоров Ю.С. Воспоминания ярославского историка Н.И. Резвого как культурный памятник советской эпохи // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 1. С. 308–311.

Петров А. О землетрясениях и потрясениях // Учительская газета. 1949. № 79. С. 4.

Пикус Н.Н. С.А. Башкиров. Антисейсмизм древней архитектуры. I. Восток. Из истории конструкции: 1. Египет; 2. Месопотамия; 3. Иран. Ярославль, 1947 (VIII + 115 с.). // ВДИ. 1948. № 2. С. 102–104.

К 60-летию Николая Николаевича Пикуса // ВДИ. 1967. № 4. С. 208.

Пичета В.И. “Ученые записки” Ярославского государственного педагогического института. Вып. VII (XVII) // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 120–123.

Пятышева Н.В. А.С. Башкиров // Советская археология. 1963. № 3. С. 316, 317.

Сокольский Н.И. А.С. Башкиров. Антисейсмизм древней архитектуры. Т. III. Италия. Т. IV. Юг СССР. Калинин, 1948 // ВДИ. 1949. № 2. С. 169–176.

Ткачев А.Н. Археология в Кубанском педагогическом институте (1920–1930-е годы) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2015. № 3-4. С. 202–214.

Тревер К.В. Олень с тоской во взоре и меланхолическая свинья (О кн. А.С. Башкирова “Искусство Дагестана”. М., 1930) // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1932. № 1/2. С. 27–37.

Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. 2-е изд. М.: Знак, 2006. 344 с.

Хапаев В.В. Историография XIX–XX вв. об истории крымских землетрясений античного и средневекового периодов // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия “Исторические науки”. 2012. Т. 25 (64). № 1. С. 185–198.

Ярославский педагогический вестник. Научно-методический журнал. Специальный выпуск (к 90-летию ЯГПУ) / Отв. ред. М.В. Новиков. Ярославль, 1998. 250 с.

ALEXEY STEPANOVICH BASHKIROV IN YAROSLAVL

Evgeniy S. Danilov

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

E-mail: explorator@list.ru

Born in Kazan Province, graduate of the Saint Petersburg University, Doctor of History, Professor A.S. Bashkirov (1885–1963) is well-known as a culturologist, ethnographer and art historian. In addition, he made a major contribution to the study of antiquity (analysis of antiseismic designs in ancient architecture) and archaeology (participation in excavations in Olbia, Chersonesus, Patraeus and other sites). During his long creative activity he became a prominent figure in the university communities of Moscow, Samara, Saratov, Tver and Yaroslavl. The author of this arti-cle uses archive materials to specify some facts of scientific and pedagogic activity of A.S. Bash-kirov during his stay in the Upper Volga region (1945–1962).

Keywords: : A.S. Bashkirov, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, classical studies, historiography.

REFERENCES

Agrafonov P.G., *Prazdnikov V.V.*, *Spiridonova E.V.*, 2009. Istorija jaroslavskoj arheologii [History of archaeology in Yaroslavl]. Moscow: Quadriga, 287 p.

Batasova A.V., 2016. Analiz sistemy grecheskogo rasselenija na Tamanskom poluostrove v VI – pervoj chetverti V vv. do n.je. Dissertacija kandidata istoricheskih nauk [Analysis of the system of Greek settlements in the Taman Peninsula in the 6th – first quarter of 5th centuries BC. PhD thesis]. Saint-Peterburg. 293 p.

Bashkirov A.S., 1945. Anti-seismicity of ancient architecture. I. Egypt. *Uchenye zapiski Jaroslavskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [*Transactions of the Yaroslavl State Pedagogical Institute*], VII (XVII), pp. 1–25. (In Russ.)

Bashkirov A.S., 1947. Anti-seismicity of ancient architecture. II. Mesopotamia. III. Iran. *Uchenye zapiski Jaroslavskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [*Transactions of the Yaroslavl State Pedagogical Institute*], X (XX), pp. 1–89. (In Russ.)

Bashkirov A.S., 1948. Anti-seismicity of ancient architecture. 3. Italy. 4. South of the USSR. *Uchenye zapiski Kalininskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni M. I. Kalinina* [*Transactions of the Kalinin State Pedagogical University*], 14 (1-2), 400 p. (In Russ.)

Bashkirov A.S., 1949. Anti-seismicity of ancient architecture. II. Greece. *Uchenye zapiski Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo instituta imeni V. P. Potemkina* [*Transactions of the Moscow City Pedagogical Institute named after V.P. Potemkin*], 13 (1), 337 p. (In Russ.)

Bashkirov A.S., 1957. Historical and archaeological studies in the Taman Peninsula in 1949–1951 (in the territory of the ancient city of Patraeus). *Uchenye zapiski Jaroslavskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [*Transactions of the Yaroslavl State Pedagogical Institute*], XXII (XXXII), pp. 311–382. (In Russ.)

Bashkirov A.S., *Murygina N.F.*, *Nikonov I.E.*, 1964. Report about excavations of the ancient city of Patraeus. *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni V.I. Lenina* [*Transactions of the Moscow State Pedagogical Institute named after V.I. Lenin*], 217, pp. 236–249. (In Russ.)

Vinokurov N.I., 2016. Professor A.S. Bashirov – archaeologist, historian, lecturer (details of biog-

raphy). XVII Bosporskie chtenija. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ja. Issledovateli i issledovanija [17th Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus and barbarian world in Antiquity and Middle Ages. Researchers and research]. V.N. Zin'ko, E.A. Zin'ko, ed. Kerch: Solo-Rich, pp. 92–118. (In Russ.)

Vorob'eva I.G., 2017. Teaching of world history in Tver in 1917–2017. *Vestnik TvGU. Serija "Istorija"* [*Bulletin of the Tver State University*], 3, pp. 11–28. (In Russ.)

Danilov V.A., 2001. 45 years in the higher school. *Evropa* [*Europe*], 1, pp. 202–212. (In Russ.)

Dluzhnevskaja G.V., 2014. Arheologicheskie issledovanija v evropejskoj chasti Rossii i na Kavkaze v 1859–1919 gg. (po dokumentam Nauchnogo arhiva Instituta istorii material'noj kul'tury RAN) [Archeological studies in the European part of Russia and in Caucasus in 1859–1919 (based on documents from the Scientific archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences)]. Saint-Peterburg: Lema. 218 p.

Eremin A.V., *Ermakov A.M.*, *Novikov M.V.*, *Talashov M.V.*, 2008. Istorija JaGPU za 100 let [History of the Yaroslavl State Pedagogical University, 100 years]. Yaroslavl: YGPU. 343 p.

Ivanushkina S.A., 2009. Revival of the provincial museum in the 1920s. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija* [*Bulletin of the Samara University. History, pedagogics, philolog*y], 7 (73), pp. 110–114. (In Russ.)

Kirikova N.N., *Taubina E.P.*, 1955. Dissertacii, zashhishhennye v Leningradskom ordena Lenina gosudarstvennom universitete imeni A. A. Zhdanova. 1934–1954 gg. Bibliograficheskij ukazatel [Theses defended in the Leningrad University named after A.A. Zhdanov. 1934–1954. Bibliographical index]. Leningrad: LGU. 256 p.

Korsakov S.N., 2017. Questions of the political history of antiquity in the works of V.S. Tarasenko. *Vestnik TvGU. Serija "Istorija"* [*Bulletin of the Tver State University*], 3, pp. 45–59. (In Russ.)

Kuzishchin V.I., 1972. Nikolay Nikolayevich Pikus. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*], 1, pp. 274–275. (In Russ.)

Kuz'minyh S.V., *Belozerova I.V.*, 2017. A.S. Bashkirov and archaeology of Volga Bulgaria. *Arheologija evrazijskih stepej* [*Archaeology of Eurasian steppes*], 1, pp. 196–218. (In Russ.)

Malov N.M., 2006. Soviet archaeology in the Saratov State University (1918–1940): organizational formation, development and repressions. *Arheologija Vostochno-Evropejskoj stepi: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov.* [*Archaeology of East European steppes*], 4. V.A. Lopatin, ed. Saratov: Nauchnaja kniga, pp. 4–28. (In Russ.)

Mejerovich M.G., 2004. U menja pojavilas' mechta... [Now I have a dream...]. Yaroslavl: Izdatel'stvo Aleksandra Rutmana. 283 p.

Nikiforov Ju.S., 2016. Memoirs of the Yaroslavl historian N.I. Rezvy as a cultural artifact of the Soviet era. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [*Yaroslavl Pedagogical Bulletin*], 1, pp. 308–311. (In Russ.)

Novikov M.V., (ed.) 1998. Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. Nauchno-metodicheskij zhurnal. Special'nyj vypusk (k 90-letiju JaGPU) [Yaroslavl Pedagogical Bulletin. Special issue (dedicated to the 90th anniversary of the Yaroslavl State Pedagogical University]. Yaroslavl: YGPU. 250 p.

Petrov A., 1949. On earthquakes and disturbances. *Uchitel'skaja gazeta* [*Teachers' Newspaper*], 79, p. 4. (In Russ.)

Pikus N.N., 1948. S.A. Bashkirov. Anti-seismicity of ancient architecture. I. East. From the history of construction: 1. Egypt; 2. Mesopotamia; 3. Iran. Yaroslavl, 1947. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*], 2, pp. 102–104. (In Russ.)

Pikus N.N., 1967. The 60th anniversary of Nikolay Nikolayevich Pikus. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*], 4, p. 208. (In Russ.)

Picheta V.I., 1946. Transactions of the Yaroslavl State Pedagogical Institute. Vol. VII (XVII). *Voprosy istorii* [*Questions of History*], 10, pp. 120–123. (In Russ.)

Pjatysheva N.V., 1963. A.S. Bashkirov. *Sovetskaja arheologija* [*Soviet Archaeology*], 3, pp. 316–317. (In Russ.)

Sokol'skij N.I., 1949. A.S. Bashkirov. Anti-seismicity of ancient architecture. Vol. III. Italy. Vol. IV. South of the USSR. Kalinin, 1948. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*], 2, pp. 169–176. (In Russ.)

Tkachev A.N., 2015. Archaeology in the Kuban Pedagogical Institute (1920-1930s). Golos minuvshego. *Kubanskij istoricheskij zhurnal* [*Voice of the Past. Kuban Historical Journal*], 3-4, pp. 202–214. (In Russ.)

Trever K.V., 1932. A deer with longing eyes and a melancholic pig (On "The art of Dagestan" by A.S. Bashkirov). *Soobshhenija Gosudarstvennoj akademii istorii material'noj kul'tury* [*Reports of the State Academy for the History of Material Culture*], 1/2, pp. 27–37. (In Russ.)

Formozov A.A., 2006. Russkie arheologi v period totalitarizma: Istoriograficheskie ocherki [Russian archaeologists during the period of totalitarism: Historiographical essays]. Moscow: Znak. 344 p.

Hapaev V.V., 2012. Historiography of the 19–20th centuries on the history of Crimean earth-quakes in Antiquity and Middle Ages. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Serija "Istoricheskie nauki"* [*Transactions of the Tauric National University named after V.I. Vernadsky. Historical Sciences*], 25 (64) / 1, pp. 185–198. (In Russ.)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2019, № 1, с. 187–190

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

С.И. Кочкуркина. АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КАРЕЛИИ. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2017. ISBN 978-5-9274-0791-0. 280 с., 2 табл., 111 илл.

Монография известного исследователя финно-угорских древностей С.И. Кочкуркиной "Археология средневековой Карелии" подводит итог многолетним исследованиям автора в области археологии, культуры и истории народов Карелии в эпоху средневековья и их разносторонним отношениям со славянским (древнерусским) миром. В книге обобщены обширные материалы различных областей науки, касающиеся формирования карельского народа как единой этнокультурной общности.

В настоящее время, как отмечает С.И. Кочкуркина, известно два пласта средневековых древностей, относящихся к народам Карелии и их соседям: ранний, который датируется VI–IX вв., и более поздний – X–XV вв. Именно в период средневековья складывается Древнерусское государство с Новгородом как его северным центром, и именно тогда на страницах русской летописи появляются упоминания о прибалтийско-финских этнических группах, проживающих на севере и северо-западе Новгородской земли. Среди них названа и *корела*.

Отметим неординарное Введение к книге, в котором высказаны общетеоретические взгляды автора на определение понятия "этнос". С.И. Кочкуркина обобщает мнения различных исследователей по данному вопросу, суммируя признаки, выделенные в разных отраслях знаний современной науки для характеристики конкретных групп людей как этнических единиц, отличных от соседей. Автор приходит к выводу, что "не все явления, в том числе и этнос, этничность, подлежат теоретическому точному определению" (с. 9). Однако ее как археолога волнует в первую очередь вопрос, как этнические границы соотносятся с особенностями материальной культуры. По мнению С.И. Кочкуркиной, именно археология позволяет выделить четкие объединения по материальной культуре и "назвать это этнической группой", хотя "реальный тип социальных уз и характер субъективных чувств, которые такое объединение отражают, остается неизвестным" (с. 9). Поскольку археологические материалы ограничены своим достаточно узким кругом источников, то для окончательных заключений, как отмечает автор, необходимо привлекать выводы смежных гуманитарных и естественнонаучных дисциплин.

По мнению С.И. Кочкуркиной, "основой исследования являются прежде всего типология и классификация всех видов археологического материала (формальный анализ), в результате которых определяются датировка, общие и частные специфические черты круга памятников (содержательный анализ). Иными словами, типично археологическими методами попытаться выделить адаптационные элементы, элементы, приобретенные в процессе торгово-культурных контактов, и собственные традиционные особенности на конкретном историко-культурном фоне" (с. 13). Изложенный во Введении принцип был положен в основу рецензируемой работы.

В книге широко привлекается пласт финно-язычной литературы, подробно анализируется вклад финских ученых в изучение различных сторон культуры карельского народа. Поскольку, в отличие от многих европейских языков, литература на финском языке в силу его сложности мало доступна широкому кругу российских исследователей, книга С.И. Кочкуркиной приобретает особое значение, так как позволяет ознакомиться с мнениями и последними разработками финских коллег.

В монографии всесторонне анализируется этнокультурная ситуация в трех выделяемых основных регионах Карелии (Северо-Западное Приладожье – территория летописной корелы; Юго-Восточное Приладожье и Онежско-Ладожский водораздел – ареал приладожской курганной культуры; бассейн Онежского озера и Белого моря – регион промыслового освоения).

В каждом разделе работы подробно на уровне современных знаний рассматриваются вопросы истории изучения районов, с внимательным анализом вклада отдельных ученых; исходя из реальных возможностей характеризуются все имеющиеся виды источников, включая данные смежных дисциплин (антропологии, лингвистики, топонимики и др.), дополняющие сведения о происхождении и исторической судьбе народов Карельской земли; подробно рассматриваются археологические памятники каждого из регионов и их специфика; дается характеристика материальной культуры и оценивается уровень развития хозяйства.

В главах по территории летописной корелы (Северо-Западное Приладожье) и ареалу курганной культуры (Юго-Восточное Приладожье и Онежско-Ладожский водораздел) широко привлекаются данные разнообразных письменных источников (древнерусские летописи, берестяные грамоты, западноевропейские документы и пр.), что, несомненно, является одной из наиболее сильных сторон данного научного исследования. В конце каждой главы проанализирована этнокультурная ситуация в изучаемых регионах в конкретные исторические периоды.

Материалы топонимики, данные летописей и берестяных грамот четко очерчивают границы проживания карелов –

Карельский перешеек от северо-западных берегов Ладожского озера до северовосточных берегов Финского залива. Именно данному региону посвящена наиболее объемная глава монографии (с. 14–75).

В лесной зоне Восточной Европы формирование многих народов, в том числе и прибалтийско-финских, уходит корнями в I тыс. н. э. Однако как самостоятельные объединения со своими особенностями в материальной культуре они выступают только в начале II тыс. н. э. Не является исключением и древняя корела. Дело в том, что археологические памятники I тыс. н. э. часто разнородны и порой мало информативны (часто они ограничиваются наборами оружия общих североевропейских типов или отдельными случайными находками). Фактически яркая материальная культура карелов была выявлена на материалах погребальных памятников XII–XIV вв. Женский этнографический убор карелов нельзя спутать с набором украшений других финских народов (западных финнов, эстов, ливов и пр.). Типичны для древнекарельской культуры застежки-сюкерё, плоские серебряные подковообразные фибулы с гравированным орнаментом, своеобразный набор нагрудных украшений, состоящий из овальных фибул, цепедержателей и целого комплекса подвесок, характерных именно для древнекарельской культуры, а также самобытные бронзовые аппликации из мелких бронзовых спиралек на тканях и т. д. Весь этот устойчивый набор украшений создает основу для выделения карельских элементов у других народов (в частности, и в древнерусской культуре) и для идентификации вновь открытых собственно карельских памятников.

С.И. Кочкуркина, касаясь характеристики древнекарельского костюма, справедливо отмечает, что при реконструкции одежды нельзя брать материалы разных погребений для создания обобщенного образа этнографического убора определенной этнической группы (с. 59). В частности, она приводит примеры по материалам могильников Карельского перешейка XIII–XIV вв., как “у представителей одного и того же этноса по разным причинам, в том числе и по возрастному признаку, наблюдаются различия и в наборе элементов одежды, и в цвете, и в составе украшений” (с. 59, 60). С данными выводами нельзя не согласиться. Наши исследования погребений XI–XII вв. в могильнике Залахтовье на берегу Чудского озера, оставленного прибалтийско-финской группой населения, показывают, что различия в составе, наборе и количестве металлических элементов убора прежде всего связаны не столько с социальным статусом погребенного, так как это была рядовая сельская община во главе со старейшинами, а с половозрастными характеристиками. Так, наиболее роскошное убранство принадлежало женщинам среднего возраста, т.е. полноправным хозяйкам, имевшим детей.

Тем не менее, при всех различиях в деталях, всегда выделяется устойчивый набор признаков, который и составляет основу материальной культуры отдельных групп населения. И это в полной мере подтверждает слова автора рецензируемой монографии, что “этносы представляют собой устойчивые комбинации различных элементов, по совокупности которых один этнос отличается от другого. Им присущи нестираемые различия и самобытность” (с. 13). В связи со значением элементов украшений в древности нельзя не вспомнить мнение известного нашего этнографа Н.И. Гаген-Торн. Украшения древним человеком рассматривались, прежде всего, “как знаки, помогающие определить положение человека и его принадлежность к определенной родовой группе”. “Если бы украшения создавались из стремления к красоте, – подчеркивала Н.И. Гаген-Торн – то в них с самого начала допускались бы индивидуальные различия, но нам точно известно, что индивидуальные узоры – очень поздняя вещь: вначале все члены группы обязаны были носить в орнаменте знаки своей группы” (Гаген-Торн, 1960. С. 3, 4). Одним словом, украшение и узор на нем в древности воспринимался как знак, отличающий своего от чужого, и как оберег от враждебных невидимых сил. Определенная индивидуальность у корелы, как и у других этнических групп, допустима между общинами отдаленных микрорегионов, но единая основа в орнаментации все равно сохранялась.

К периоду расцвета древнекарельской культуры на территории Северо-Западного Приладожья относятся 112 археологических объектов, в том числе 19 городищ и 2 открытых поселения. Долгое время материалы поселений не привлекали должного внимания, их исследования носили спорадический характер. Среди них наиболее изученными были сама крепость Корела и Тиверский городок. В последние десятилетия именно С.И. Кочкуркиной были предприняты крупномасштабные работы по выявлению и изучению городищ и поселений: вскрыты большие площади на городищах Тиверск, Куркиёки-Лопотти, Хямеенлахти, Соскуа, Терву и Паасо; составлена карта топонимов “линнавуори” и “линнамяки”; обследованы городища-убежища. В результате был уточнен характер оборонительных сооружений, зафиксированы фундаменты жилых и производственных комплексов, сделаны наблюдения над планировкой городищ, собрана богатая коллекция находок, характеризующая материальную культуру и хозяйственную деятельность их жителей. Эти материалы легли в основу монографии (Кочкуркина, 2010). В рецензируемой книге для подтверждения общей концепции автора приведены данные по наиболее значимым памятникам.

Глава заканчивается историческим очерком о судьбе карельского народа, начиная с XII до XV в. на фоне довольно бурных исторических событий. В силу географического положения корела, заселявшая территорию Северо-Западного Приладожья, была вовлечена в военно-политические отношения между Новгородским государством и Швецией. В то же время жители Карельской земли, подвластные Новгороду, не только участвовали в борьбе со шведами, которые вытесняли их с исконных территорий, но и активно принимали участие в междоусобных конфликтах, происходящих внутри самого Древнерусского государства, о чем

свидетельствуют письменные источники. Исторически Карельская земля тесными культурными узами и экономическими интересами многие века была связана именно с Новгородом.

Одна из глав монографии посвящена проблеме формирования и развития так называемой курганной культуры Юго-Восточного Приладожья (с. 76–92). Данная тема входит в круг давних творческих интересов автора (Кочкуркина, 1973; Кочкуркина, Линевский, 1985). Об этнической принадлежности населения Юго-Восточного Приладожья, оставившего курганные могильники, уже несколько десятилетий ведутся горячие споры. В настоящее время у исследователей нет сомнения, что феномен приладожской культуры связан с прибалтийско-финским населением. Об этом свидетельствует как специфичный характер погребального обряда, так и общая финская вуаль материальной культуры. На основе языковедческих и топонимических данных еще в середине XX в. курганы Юго-Восточного Приладожья рассматривались как памятники, оставленные летописной весью. Данная точка зрения и сейчас не потеряла актуальности.

Однако в свое время В.А. Назаренко было высказано мнение, что местная финская подоснова приладожской культуры, видимо, не была однородна. Он выделил два основных культурных региона: Восточное Приладожье (к востоку от Ладожского озера) и Южное Приладожье (бассейны рек Паши, Сяси, Тихвинки). Опираясь, прежде всего, на свои полевые исследования, Назаренко полагал, что памятники в Южном Приладожье сформировались на основе наземных квадратных деревоземляных сооружений, а в Восточном Приладожье – на основе грунтовых могильников с сожжениями (1979. С. 154, 155). Могильники южного ареала В.А. Назаренко приписывает к условно названному им народу “приладожская чудь”. Курганы же восточного региона он определенно относит к “древнему финскому населению, на основе которого в XII–XIV вв. сложилась карельская народность и, в частности, одна из ее диалектных групп и ныне живущие здесь карелы-ливвики” (Назаренко, 1979. С. 156). Особое место в его построениях занимают памятники верховьев и среднего течения р. Ояти, а также в бассейне р. Капши, которые он рассматривает как периферийный ареал белозерских курганов (Назаренко, 1979. С.156). Несмотря на то что точка зрения Назаренко получила объективную критику (Кочкуркина, Линевский, 1985. С. 172–176), в последней своей статье он продолжает развивать высказанные им ранее взгляды (2017. С. 275–288).

С.И. Кочкуркина, опираясь на всесторонний анализ археологического материала и сопутствующие источники, подводит итог дискуссии и высказывает мнение о специфике отдельных групп погребальных памятников, которые можно связать с определенными этническими образованиями. Признавая, что основная масса курганных древностей оставлена прибалтийско-финским населением, она пытается разрешить вопрос на уровне конкретизации отдельных территориальных этнических групп.

По мнению автора, курганы на р. Ояти можно считать весскими. Этому не противоречат и данные лингво-топонимических изысканий. С предками карелов-ливвиков Кочкуркина связывает курганы Олонецкого перешейка и некоторые памятники на р. Ояти. Вопрос о формировании и развитии культур карелов-ливвиков и карелов-людиков еще требует дополнительного изучения. На основе топонимических наложений карельских и вепсских названий на территории Онежско-Ладожского перешейка можно предполагать, что, когда вепсы в своем освоении региона достигли р. Шуи, они преградили движение карелов, и “к востоку от вепсского пути сформировалась людиковская территория с более сильным вепсским компонентом, нежели на западе, ливвиковском ареале” (с. 75).

В главе, посвященной археологическим материалам бассейна Онежского озера и Белого моря в X – XI вв. (с. 93–98), С.И. Кочкуркина показывает, что эти территории были промысловой зоной для прибалтийско-финского населения, этнографические черты которого весьма расплывчаты. С уверенностью можно только говорить о наличии здесь древнесаамского следа.

Заключение представляет собой широкий экскурс в историю Карелии от эпохи раннего Средневековья до Нового времени (с. 99–105). Подчеркивается, что комплексное исследование всех возможных видов источников позволяет сформулировать важные выводы относительно этнокультурной истории народов Карелии, проследить особенности хозяйственной деятельности древних карелов и их культурные контакты в течение несколько столетий. Особое внимание С.И. Кочкуркиной уделено результатам историко-археологического изучения Олонецкой крепости, центра русской государственности XVII в.

Работа сопровождается объемными Приложениями. В первом Приложении рассматривается техника изготовления и химический состав металла украшений из памятников Юго-Восточного Приладожья и бассейна Онежского озера (с. 117–138). Работа была проведена на кафедре археологии исторического факультета МГУ Н.В. Ениосовой с помощью неразрушающего рентгенофлюоресцентного метода. Для исследования было отобрано 26 находок и взято 46 проб. Интересны выводы, касающиеся изделий скандинавского происхождения. Среди исследованных фибул единственным качественным изделием, отлитым по восковой модели, была овальная фибула из погребения Шангеничи-лес-7, остальные фибулы являются продуктом массового производства, выполненными в технике копирования готовых изделий в глиняных формах. Однако, как полагает Н.В. Ениосова, на территории Приладожья копированные изделия нельзя считать продуктом местных мастеров, так как такой способ тиражирования вещей был широко распространен и в самой Скандинавии (с. 133). Поступление скандинавских украшений в Приладожье проходило,

очевидно, в основном через Ладогу, являющуюся главным торгово-ремесленным центром в данном регионе. Сейчас нам хорошо известно, что украшения североевропейского облика изготавливали на территории Восточной Европы. Это доказывают находки, сделанные в Гнёздово и на Рюриковом городище. Судя по находке клада инструментов ювелира и формочек для отливки слитков, в Ладоге также имелись свои ювелиры, которые могли делать подобные украшения. И, если ладожские мастерские обслуживали потребности ближайшего к ним местного населения, тогда понятно, почему в Приладожских курганах X – начала XI в. наблюдается определенная концентрация скандинавских украшений. Нельзя также забывать, что важным центром в Приладожье было Городище на р. Сяси, где также были встречены следы производственной деятельности.

Во втором Приложении, подготовленном В.И. Завьяловым в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН, публикуются анализы археометаллографического исследования 19 ножей X–XII вв. из памятников бассейна Онежского озера (с. 139–145).

Третье Приложение содержит каталог погребальных памятников и случайных находок Карельского перешейка, исследованных финскими учеными, где учтено 121 местонахождение (с. 146–174), а четвертое – каталог из 187 пунктов всех известных памятников Карелии эпохи средневековья VI в., X – начала XI вв. Материалы раскопок и разведок довольно емко и конкретно описаны, в конце каталогов приложены ссылки на соответствующую литературу.

Таким образом, в каталогах исчерпывающе собраны сведения о всех археологических памятниках и случайных находках за более чем столетнее исследование Карельского перешейка. По сути, С.И. Кочкуркиной изданы первоначальные археологические источники, которые имеют ценность для всех исследователей, занимающихся финно-угорской археологией.

В трех последующих Приложениях собраны воедино отрывки текстов из письменных источников, касающиеся истории древних карелов, куда вошли сведения из древнерусских летописей, берестяных грамот и других русских документов, а также из западноевропейских рукописей. Кроме литературы к основному тексту и Приложениям С.И. Кочкуркина дала список своих трудов. Рукопись сопровождается разнообразным иллюстративным материалом, прекрасно дополняющим текст работы.

В заключение хочу отметить, что данная работа С.И. Кочкуркиной весьма актуальна. Она объединяет и синтезирует широкий круг источников по истории древних народов Карельского перешейка. Несомненно, исследование будет востребовано широким кругом специалистов как по истории финно-угорских народов, так и по истории Древней Руси и сопредельных государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гаген-Торн Н. Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу). Чебоксары. 1960.

Кочкуркина С.И. Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л., 1973.

Кочкуркина С.И. Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск. 2010.

Кочкуркина С. И., Линевский А. М. Курганы летописной веси. Петрозаводск. 1985.

Назаренко В.А. Об этнической принадлежности Приладожских курганов // Финно-угры и славяне. Доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 15–17 ноября 1976 г. Л., 1979.

Назаренко В.А. Приладожская курганная культура, колбяги и все – все – все // Ex Ungue Leonem. Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна. СПб., 2017.

ИИМК РАН, Санкт-Петербург *Хвощинская Н.В.*

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2019, № 1, с. 191–192

ХРОНИКА

К ЮБИЛЕЮ АКАДЕМИКА В.Л. ЯНИНА

Валентину Лаврентьевичу Янину, выдающемуся ученому современной России, исполнилось 90 лет. С его именем связаны наиболее яркие открытия в области средневековой археологии и истории, сделанные во второй половине XX – начале XXI в. Многолетний заведующий кафедрой археологии МГУ и руководитель Новгородской археологической экспедиции, академик РАН В.Л. Янин широко известен как глубокий исследователь русской истории и культуры. Его научное наследие огромно и многогранно. Он автор более 1000 научных работ, в том числе 30 монографий. Труды Валентина Лаврентьевича изменили ранее утвердившиеся представления о многих ключевых явлениях ранней русской истории, раскрыли роль средневекового Новгорода как основного центра кристаллизации русской государственности на Севере. В.Л. Янин – создатель научной школы в русской средневековой археологии и ряде вспомогательных исторических дисциплин. Среди его учеников несколько десятков кандидатов и докторов исторических наук.

Валентин Лаврентьевич Янин родился 6 февраля 1929 г. в Вятке (ныне Киров). В 1946–1951 – он студент, в 1951–1954 гг. – аспирант исторического факультета МГУ. С 1954 г. и до настоящего времени работает на историческом факультете МГУ, где с 1978 по 2015 г. возглавлял кафедру археологии.

Летом 1947 г., после окончания первого курса исторического факультета МГУ, В.Л. Янин впервые принял участие в раскопках Новгорода, и именно эта первая экспедиция способствовала выбору его жизненного пути. На глазах В.Л. Янина и при его участии происходило становление Новгородской экспедиции как крупного творческого коллектива, а в 1951 г. он стал свидетелем находки первой берестяной грамоты. В 1962 г. А.В. Арциховский сделал его своим преемником в качестве руководителя Новгородской экспедиции.

Аспирантская работа, написанная В.Л. Яниным под руководством А.В. Арциховского, продолжила его историко-нумизматическое исследование, начатое в студенческие годы. В 1954 г. этот труд был защищен в качестве кандидатской диссертации, изданной вскоре отдельной книгой (“Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период”. М.: Изд-во МГУ, 1956), до сих пор не утратившей своего значения.

Успехи новгородской археологии 1950-х годов поставили перед Яниным, принимавшим деятельное участие в работе Новгородской экспедиции, задачу найти свою большую тему в изучении этого средневекового города. Такой темой стала история государственных институтов Новгородского государства. Изучению средневекового Новгорода и берестяных грамот посвящено большинство его монографий, изданных на протяжении полувека – от исследования “Новгородские посадники” (М.: Изд-во МГУ, 1962; 2-е изд., перераб. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2003), защищенного в 1963 г. в качестве докторской диссертации, до “Очерков истории средневекового Новгорода” (М.: Языки славянских культур, 2008; 2-е изд., перераб. и доп. М.: Русскій миръ, 2013) – книги, в которой ученый впервые суммировал итоги исследования отдельных “звеньев” новгородской истории и представил в сжатом виде ее движение от призвания Рюрика до присоединения Новгорода к Москве при Иване III.

Выбирая подходы к разработке социальнополитической истории Новгорода, Валентин Лаврентьевич пришел к убеждению, что современное исследование может быть продуктивным лишь при параллельном изучении разных категорий исторических источников: летописных текстов, берестяных грамот, нумизматических и сфрагистических коллекций, историко-топографических и археологических материалов, характеризующих усадебную и кончанскую структуру средневекового города.

В учебном пособии “Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород” (М.: Высш. школа, 1977) В.Л. Янин продемонстрировал методическую проблему

комплексного исследования разнообразных источников и использования достижений специальных исторических дисциплин на конкретных примерах истории средневекового Новгорода. Научное творчество Валентина Лаврентьевича 1970 – 1990-х годов тесно связано с развитием методов комплексного источниковедения и постепенным освоением новых категорий источников, иногда далеких от археологических материалов, происходящих из новгородских раскопов: "Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I–III" (М.: Наука, 1970; М.: Интрада, 1998), "Новгородская феодальная вотчина" (М.: Наука, 1981), "Некрополь Новгородского Софийского собора" (М.: Наука, 1988), "Новгородские акты XII–XV вв.: хронологический комментарий" (М.: Наука, 1991), "Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV вв." (М.: Изд-во МГУ, 1998), "Планы Новгорода Великого XVII–XVIII вв." (М.: Наука, 1999).

Научная деятельность В.Л. Янина неотделима от его многолетней работы в качестве руководителя Новгородской экспедиции. Все успехи и открытия новгородской полевой археологии стали фактами его личной биографии. В течение многих десятилетий он определяет общую программу полевых изысканий, им же осмыслены их главные результаты. Выдающиеся события в истории новгородских раскопок 1970–2000-х годов: открытие усадьбы священника и иконописца Олисея Гречина, обнаружение комплекса берестяных грамот, связанных с посадником Мирошкой Нездиничем, находка печати Ярослава Владимировича Мудрого, выявление усадебного комплекса, связанного с совершением судебных разбирательств на Троицком раскопе, открытие комплекса деревянных замков от мешков для сбора дани, находка знаменитого "Новгородского кодекса" начала XI в. – определили тематику многих исследований Валентина Лаврентьевича. В их числе – монографии, базирующиеся на материалах, полученных на Троицком раскопе: "Усадьба новгородского художника XII в." (в соавторстве с Б.А. Колчиным и А.С. Хорошевым; М.: Наука, 1981) и "У истоков новгородской государственности" (Великий Новгород: НовГУ, 2001).

Дарование В.Л. Янина особенно полно раскрылось при изучении новгородских берестяных грамот. Цикл его работ об этом новом виде письменных источников – большой, разноплановый и постоянно пополняемый. В 12-томной серии "Новгородские грамоты на бересте" (М., 1953–2015) перу Валентина Лаврентьевича (в соавторстве с А.В. Арциховским, А.А. Зализняком и А.А. Гиппиусом) принадлежат 6 книг, посвященных раскопкам 1962–1976, 1977–1983, 1984–1989, 1990–1996, 1997–2000 и 2001–2015 гг.

Велика роль В.Л. Янина в деле популяризации исторических и археологических знаний. Десятки его работ опубликованы в различных газетах и журналах. Наиболее ярко эта грань его таланта проявилась в книгах "Берестяная почта столетий" (М., 1979) и "Я послал тебе бересту...", которая выдержала три издания в России (М., 1965; 1975; 1998), опубликована в переводах в Венгрии (1980), Японии (2001) и Чехии (2007).

Научная, педагогическая и общественная деятельность В.Л. Янина получила высокую оценку в научных и правительственных кругах. В 1966 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР, в 1990 г. – действительным членом АН СССР, в 1991 г. – членом Президиума Академии наук. В.Л. Янин – лауреат премии им. М.В. Ломоносова (1966), Государственных премий (1970, 1996), Ленинской премии (1984), Демидовской премии (1993), премии "Триумф" (2002), международной премии Андрея Первозванного "За Веру и Верность" (2008), литературной премии Александра Солженицына (2010). Он удостоен золотой медали РАН им. С.М. Соловьева (1999) и Большой золотой медали им. М.В. Ломоносова РАН (2000). Ученый имеет правительственные награды: орден Дружбы народов (1975), орден Трудового Красного Знамени (1980, медаль "Ветеран труда" (1984), орден Ленина (1990). Валентин Лаврентьевич – почетный гражданин города Новгорода (1983).

Труды академика В.Л. Янина навсегда вошли в классику российской историографии, а сам он является одним из творцов отечественной исторической науки второй половины XX – начала XXI в. Редколлегия журнала "Российская археология" желает Валентину Лаврентьевичу здоровья и благополучия.

Основная литература о В.Л. Янине:

Валентин Лаврентьевич Янин: Биобиблиографический указатель. Новгород, 1997; Валентин Лаврентьевич Янин. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2014. (Материалы к биобиблиографии ученых. Ист. науки; вып. 37.); Янин Валентин Лаврентьевич // БРЭ. Т. 35. М., 2017. С. 712.

Редколлегия

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал **“Российская археология”** публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, критические статьи и рецензии на новые публикации по археологии.

Все материалы, представленные для опубликования в журнале, должны **в обязательном порядке** сопровождаться подписанным авторами **“Договором о передаче авторского права”**.

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии со следующими правилами, принятыми в журнале:

1. Все рукописи предоставляются в **двух** экземплярах, распечатанных через **1,5 интервала** (шрифт Times New Roman – для основного текста, кегль 14, Symbol – для греческих букв, MathematicalPi2 – для рукописных и готических символов) на лазерном или струйном принтере на белой бумаге (формат 290x210) с одной стороны листа **с обязательным приложением электронной версии**.

2. К рукописям (по разделам “Статьи”, “Публикации”, “Дискуссии” и “История науки”) должны быть приложены краткое **резюме** (**на русском и английском** – не менее 1 стр.), **ключевые слова** (**термины** – на русском и английском языках).

3. Все нестандартные буквенные и иные обозначения в тексте рукописи должны быть четко и разборчиво вписаны от руки.

4. На отдельной странице приводятся **подробные сведения об авторах** (с обязательным указанием почтового и электронного адресов, контактного телефона).

5. Общий объем рукописи (включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и резюме) **не должен превышать 40 тыс. знаков** (с пробелами) и содержать **не более 8 иллюстраций** (можно цветные). Для раздела “Заметки” объем рукописи не должен превышать 15 тыс. знаков.

6. Начало рукописи оформляется по следующему образцу:

ПРИРОДНАЯ СРЕДА ВЕРХОВЬЕВ ХАБУРА

Ш.Н. Амиров

Институт археологии РАН, Москва (мэйл каждого автора)

Резюме.....

Ключевые слова: .....

7. Рисунки и чертежи представляются в двух экземплярах, выполненные тушью или отпечатанные на лазерном принтере, а фотографии – на глянцевой бумаге. Не принимаются ксерокопии архивных документов, особенно плохой сохранности (чертежи и пр.), только фотографии. Иллюстрации нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Подписи к иллюстрациям даются на отдельной странице на русском (и желательно на английском) языке.

8. Постраничные примечания даются через два интервала внизу соответствующей страницы со сплошной нумерацией для всей рукописи (1, 2, 3, ...).

9. Ссылки на литературу и источники даются в круглых скобках: фамилия автора (без инициалов, кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год, страница, рисунок и т.п.

10. Список литературы и источников дается общий в алфавитном порядке на отдельной странице и состоит из двух частей: первая – работы на кириллице, вторая – на латинице. Работы одного автора

располагаются в хронологическом порядке. При наличии публикаций одного года к ним проставляются литеры а, б, в..., включая первое упоминание.

11. К Списку литературы должен быть приложен Список сокращений на отдельной странице.

12. Источником библиографического описания является титульный лист издания. Год издания в монографиях и сборниках ставится после города издания, в конце сноски. При ссылках на периодические издания необходимо указать том, №, выпуск, включая иностранные издания. Например:

монография: Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.

статьи: Амиров Ш.Н. Природная среда верховьев Хабура // РА. 2000. №3.

источники: Псковские летописи. Т.1. М.;Л., 1941.

архивные материалы: Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г.// Архив ИА РАН. 1977. Р-1. №6695.

13. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

14. На статьях, присланных с доработки, необходимо сделать соответствующую пометку.

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.

Статьи, оформленные с нарушением данных правил, редакцией не рассматриваются.